

**История Русской Церкви
(Синодальный период)
протоиерей Владислав Цыпин**

Глава I. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ ПЕТРА I

1. Период местоблюстительства

Патриарх *Адриан* скончался в 1700 году. Россия переживала тогда переломные исторические события, в ходе которых складывался новый облик государства: реформировалось войско, строился флот, на западноевропейский лад перекраивались культура и быт высшего слоя русского общества; на отвоеванном у шведов балтийском побережье в считанные годы была выстроена новая столица Российской империи – Санкт-Петербург.

Среди преобразований *Петра Великого* особенно важной по своим последствиям была церковная реформа, ибо главная черта Петербургского периода – абсолютизм государственной власти, существенно отличавшийся от старомосковского самодержавия с его традиционным обычным правом и, главное, неподчиненной светскому государю высшей церковной властью. Попытки московских государей узурпировать власть над Церковью являлись нарушением нормы, а нормой в отношениях между церковной и государственной властью до Петра оставалась симфония, унаследованная у Византии. Властной рукой Петра Православная Церковь была отодвинута от главного русла национальной жизни. Начиная с Петра I светское правительство стало смотреть на Церковь не как на высочайшую святыню народа, а как на одну из опор государственного аппарата, будто бы нуждающуюся в опеке и надзоре. Для этого правительству понадобилось сломать старый строй церковного управления, сочетавший в себе соборное начало и первосвятительское возглавление, а на его месте учредить новую – синодальную систему.

Творец этой реформы Петр I получил старомосковское воспитание, которое однако не чуждо было западных влияний. Учился он, как и его сверстники, по Псалтири и Священным книгам, Часослову, но уже в детстве пристрастился к иллюстрированным книгам иностранной печати, а потом его на многие годы увлекли потешные военные игры с полками иноземного строя; в юности он завел знакомство в вызывавшей ужас и отвращение у ревнителей старины Немецкой слободе, где проживали иностранцы. На душу будущего царя неизгладимое впечатление произвел дикий стрелецкий бунт 1682 года, когда на глазах у юного наследника растерзали его дядей Алексея и Ивана Нарышкиных. С этих пор всякая старина в сознании Петра отождествлялась с неукротимым и темным фанатизмом.

Петру чужда стала любовь русских людей старинного склада к земным поклонам и долгим молитвам, к возжиганию свечей перед иконами, к колокольному звону. Царь не придавал важного значения постам и даже, к ужасу людей строгих правил, позволял себе шутовские забавы, которые воспринимались ими как кощунство. Его воспитатель – дядька *Никита Зотов*, возведенный в шутовский сан «князя-папы», на потеху государю в пьяной пирушке раздавал бражникам «благословения» двумя накрест сложенными чубуками. У ревнителей старины вызывало недоумение и пристрастие царя к табаку, которое патриарх *Адриан* связывал со склонностью к западному инославию: «Многие от пипок табачных и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков обьюродели».

Петра подозревали в неправославии, иные даже в безбожии. Но атеистом он не был. Вера его была твердой и по-своему сильной. Выражалась она в том, что в воскресные и праздничные дни он неопустительно молился за литургией, часто становился на клирос и читал Апостол; всякое свое дело, всякий военный поход он начинал с молитвы и ниспослании Божия благословения, а всякий успех и всякую победу сопровождал благодарственным молебном. О его живой вере в промысл Божий свидетельствуют часто повторяющиеся им слова: «Кто забывает Бога и не исполняет заповедей Его, тот сколько бы ни трудился, не сделает многого, ибо не осенен благословением свыше».

О вольнодумцах Петр I говорил со свойственной ему грубоватой крепостью выражений: «Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен». Характерна одна из его бесед с историком Татищевым, который, увлекшись в Европе крайним рационализмом, позволил себе однажды в присутствии царя издеваться и насмехаться над Библией и церковными установлениями. Ударив вольнодумца за эти речи своей знаменитой дубинкой, царь поучал его: «Не соблазняй верующих чистых душ, не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству – не на тот конец старался я тебя выучить, чтобы ты был врагом общества и Церкви».

Но искренность христианской веры Петра не мешала ему на все смотреть глазами государственного человека, под углом зрения государственной пользы. А его политические и правовые воззрения складывались под влиянием западных протестантских учений о примате государства во всех сферах народной жизни, из чего выводилась и ложная доктрина о главенстве монарха над Церковью. Однако он не спешил в осуществлении своего замысла поставить Церковь на место одного из подвластных ему ведомств, а действовал осторожно и расчетливо. Да и сам замысел не сразу обрел характер до конца продуманного плана. План складывался постепенно – и переходный период, который поначалу мыслился как время межпатриаршества, затянулся на двадцать лет.

Весть о кончине патриарха Адриана застала Петра в действующей армии под Нарвой. Из Москвы к нему летели курьерские донесения. Первое предложение об учреждении межпатриаршего «соборика» поступило от боярина Тихона Стрешнева, в прошлом врага и гонителя патриарха Никона. Алексей Курбатов, ведавший казной, советовал царю: «О избрании же, государь, патриарха мною, достоин до времени обождать, да во всем всего сам твое самодержавие изволиши усмотреть... Из архиереев, государь, для временного в духовных управлениях, ежели тебе, государю, угоден, мнится многим добр быти Холмогорский».

Предложение «обождать с избранием патриарха» совпало с намерением самого царя. Но для временного возглавления Церкви он избрал не Холмогорского архиепископа Афанасия, как советовал Курбатов и как того ожидали в Москве, а одного из самых молодых архиереев – митрополита Стефана Яворского, ученого монаха из Киева.

Дело было, конечно, не в том, что великорусская иерархия оскудела талантами. Правда, некоторые из архиереев-великоруссов, напуганные петровскими новшествами, потеряли чувство духовного равновесия. Подобно старообрядцам, они видели в царе-реформаторе еретика и даже антихриста. В 1700 году к уголовному суду был привлечен Тамбовский епископ Игнатий, который поощрял Григория Талицкого, читавшего ему свои тетрадки, в которых он доказывал, что Петр – антихрист. Преосвященный, слушая эти бредни, плакал от умиления и приговаривал: «Павловы твои уста». Но среди великорусской иерархии были, конечно, и люди другого склада, умные, дальновидные, с широким кругозором.

Таким был упомянутый в донесении Курбатова Холмогорский архиепископ Афанасий. В своей епархии ему часто приходилось видаться с иностранцами, и он, к удовольствию царя, умел обходиться с ними приветливо. Это был тот самый Афанасий, которого во время стрелецкого бунта на глазах юного Петра в Грановитой палате избивал раскольник протопоп *Никита Пустосвят*. Еще при жизни первосвятителя Адриана Петр высказывал свое желание иметь его преемником престарелого патриарха.

Другим незаурядным архипастырем был митрополит Новгородский Иов, постриженник Троице-Сергиева монастыря, покровитель просвещения в греко-славянском духе, деловитый благотворитель, который в своей епархии устраивал школы, странноприимные дома, больницы. Митрополит Иов доброхотно жертвовал епархиальные средства на строительство флота и войну с турками.

Наконец, подлинным светилом в сонме архиереев сиял епископ *Митрофан Воронежский* (1623–1703). До 40 лет он служил приходским священником, потом, овдовев, принял постриг в Золотниковской пустыне. В 1682 году его хиротонисали во епископа и назначили на вновь открытую Воронежскую кафедру. В ту пору это был дикий край, которого едва коснулось христианское просвещение. За время святительского служения епископа Митрофана в епархии построено было 47 новых храмов, основано два монастыря. Дом святителя служил приютом для странников и лечебницей для болящих. Замечательную черту в житии святого составляет его духовная дружба со святителем Питиримом, епископом Тамбовским.

Петр I близко познакомился со святителем Митрофаном во время строения кораблей на Воронежской верфи. Святитель видел в этом предприятии богоугодное дело. Войну с турками, угнетавшими православных братьев, для которых предназначались корабли, он считал священной войной Креста с полумесяцем, благословлял на нее царя и с радостью жертвовал сбережения епархиального дома «на ратных».

Но чуждый человекоугодия и искательства, святой Митрофан был непоколебим и бесстрашен, когда дело касалось веры. Его огорчала приверженность Петра к иноземным, «еретическим» обычаям. Однажды царь пригласил святого Митрофана на обед в свой воронежский домик-дворец, перед входом в который стояли статуэтки полунагих богинь.

Возмутившись этим нечестием, святитель отказался войти в дом. «Лучше умереть, – сказал он, – чем присутствием своим или боязливым молчанием одобрять язычество. Неприлично государю православному ставить болваны языческие». Уверенный в том, что за этот дерзкий поступок царь прикажет казнить его, он, вернувшись к себе, велел звонить во все городские колокола. И когда Петр, удивленный звоном, спросил, что это значит, ему объяснили: владыка готовится к смерти. Преисполнившись уважения к исповеднической ревности архиерея, Петр велел убрать статуи.

Перед кончиной святитель Митрофан принял великую схиму с именем Макария, кончина его последовала 23 ноября 1703 года. В погребении святого архипастыря участвовал Петр, который сам нес его гроб до могилы и сказал после погребения: «Не осталось у меня другого такого святого старца».

Сохранилось завещание святителя Митрофана, в котором есть замечательное поучение: «Для всякого человека таково правило мужей мудрых: употреби труд, храни мерность – богат будеши; воздержно пей, мало яждь – здрав будеши; твори благо, бегай зла – спасен будеши».

Но несмотря на все уважение, с которым относился царь к таким достойным иерархам, как святители Митрофан, Иов, Афанасий или митрополит Казанский Тихон, его смущало недоверие всех их, даже архиепископа Афанасия, к западноевропейской учености, к инославной культуре. А главное, опасался Петр, эти архиереи могут воспротивиться его замыслу подчинить Церковь государственной власти. Поэтому всем им предпочтен был выходец из Малороссии митрополит Рязанский Стефан.

Митрополит *Стефан (Яворский)* родился в семье православного галицкого шляхтича в 1658 году. Образование получил в Киево-Могилянской Академии и в иезуитских коллегиях во Львове, Люблине, Вильне и Познани. Учение в католических школах предполагало для православного принятия униатства. Это была унижительная, но обычная тогда в западной Руси «кража науки». Вернувшись в Киев, будущий иерарх отрекся от притворного униатства и принял монашеский постриг. Его назначили профессором Академии, где он выделялся среди коллег даром проповедничества. Он умел соединить в своих проповедях и «предиках» изощренные приемы киевско-польской риторики с неподдельной искренностью религиозного чувства, воодушевлением и сердечностью.

В 1700 году митрополит Киевский Варлаам (Ясинский) послал архимандрита Стефана в Москву для рукоположения в сан викарного епископа. Но в Москве ставленнику случилось в присутствии царя тому же произнести «предику» при погребении боярина А.С. Шеина. Слово это привело Петра в восторг. Он увидел в ораторе человека европейской культуры, как ему казалось, превосходившего своей ученостью московских «начетчиков». Петр распорядился поставить его на древнюю митрополичью кафедру в Рязань. А менее чем через год после этого возвышения Собор иерархов, по указанию Петра, назначил митрополита Стефана «экзархом, блюстителем и администратором Патриаршего Стола».

«Экзарх и блюститель», мечтавший об архиерействе у себя на родине, принял свое назначение со скорбью. К тому же в Москве его встретили недружелюбно и даже враждебно, считали чужаком, обзывали «обливанцем, поляком, латынником». Возвышение митрополита Стефана встревожило и Православный Восток. Строгий ревнитель Православия патриарх Иерусалимский Досифей в 1702 году писал Петру, умоляя его не назначать на архиерейские кафедры «ни черкас, ни греков», а только православных москвичей, «аще и не мудрии суть», «чтобы и в Патриархи не попал ни грек, ни иные какие породы человек, сиречь от Малыя и Белья России, которые вскормились и учатся в странах и школах латинских и полонских». А еще через год патриарх Досифей прислал послание самому митрополиту Стефану, в котором сурово предупреждал его, что на Востоке не потерпят, чтобы он стал патриархом. Скоро однако выяснилось, что Петр ошибся в выборе местоблюстителя. Вероятно, тогда ему слишком упрощенно представлялся характер западного образования, и он не предполагал, что «западник и латынник» может оказаться более крутым противником церковной реформы на протестантский лад, чем великорусские архиереи. Митрополит Стефан, воспитанный в католических школах, был горячим поборником высокого авторитета Церкви и ее независимости от государства.

Как и великорусские архиереи, он мечтал об избрании патриарха. И ревнители старины в Москве вскоре поняли, что в лице столь нежеланного для них чужака они обрели если и не единомышленника, то союзника, и человека неуступчивого, твердого, мужественного. Вместе с ними местоблюститель не одобрял второго брака царя, заключенного при жизни насильственно

постриженной царицы *Евдокии Лопухиной*. С негодованием узнал он об отмене постов в войсках, на что царь, в обход предстоятеля Русской Церкви, заручился разрешительной грамотой от Константинопольского патриарха. В своих проповедях митрополит Стефан стал открыто обличать не хранящих постов, обижающих Церковь и оставляющих своих жен, прозрачно намекая на личность самого царя.

Особую остроту отношения между монархом и местоблюстителем приобрели после дела Тверитинова. Московский лекарь Дмитрий Тверитинов, учившийся в Немецкой слободе, собрал кружок вольнодумцев, увлеченных протестантским учением. Его сторонники отвергали почитание святых угодников, мощей, икон, отвергали авторитет иерархии, не признавали таинств и предания святых отцов. В то же время в тверитиновском кружке, по богословскому невежеству, отвергали и краеугольный камень протестантизма – учение о спасении единой только верой. Повторяя древних стригольников, Тверитинов думал, что человек спасается не верой, а своими делами и заслугами, без посредничества Церкви. «Я сам себе Церковь», – говорил ересиарх. Самым рьяным из еретиков оказался родственник Тверитинова цирюльник Фома Иванов.

В 1713 году существование ереси обнаружилось: первым обличен был в неправославии ученик Московской Славяно-греко-латинской Академии Максимов. Митрополит Стефан немедленно организовал расследование, которое велось гласно и было известно в Москве. Петр, опасаясь, что этот шумный процесс повредит столь любезным его душе немцам, распорядился перевести розыск из Москвы в Петербург в новоучрежденный тогда Сенат. В Сенате дело закончилось быстро и легко для подсудимых. От них потребовали отречение от ереси и препроводили их обратно в Москву. Местоблюстителю было приказано присоединить раскаявшихся к Церкви. Митрополит Стефан, подозревая вероотступников в лицемерии, велел разослать их по монастырям для проверки искренности их покаяния. Тогда-то и обнаружилась обоснованность его недоверия к столь легко избавившимся наказания еретикам. Заключенный в Чудовом монастыре Фома Иванов, одержимый неистовством, бросился с косарем на резной образ святителя Алексия и изрубил его. После этого злодеяния митрополит Стефан созвал освященный Собор для суда над преступниками. Новоявленные иконоборцы были преданы анафеме, а Фому, как злостного и нераскаявшегося еретика, сожгли на костре. Гнев Петра, узнавшего об исходе нового розыска, был страшен. Он подозревал местоблюстителя в том, что своим суровым судом над вероотступниками, впадшими в ересь под влиянием Немецкой слободы, он подстрекает москвичей на погром иностранцев. Петр приказал объявить местоблюстителю выговор через Сенат.

Все недовольные царем-реформатором с надеждой смотрели на царевича Алексея, который сочувствовал настроениям ревнителей старины. С большой теплотой относился к царевичу и митрополит Стефан. В слове, произнесенном в 1712 году на день ангела наследника, он не без вызова его отцу назвал именинника «единой надеждой России». Недвусмысленно намекая на царя, проповедник продолжал: «Море свирепое, море – человеке законопреступный, – почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берег есть закон Божий, берег есть – во еже не прелюбы сотворити, не вожделети жены ближнего, не оставляти жены своея; берег есть во еже хранити благочестие, посты, а наипаче четьредесятницу». А через шесть лет открылось два страшных дела: в заговоре против царя обвинялись вначале царевич, а потом и его мать Евдокия. К этим делам оказались причастными и духовные лица. Духовник царевича протопоп Иаков Игнатов, когда Алексей каялся ему в желании смерти отцу, успокоил исповедника словами: «Мы все желаем ему смерти». К делу были привлечены духовник царицы Феодор Пустынный, Ростовский епископ Досифей, юродивый Михаил Босой, а также митрополиты: Киевский – Иосаф (Кроковский) и Крутицкий – Игнатий (Смола), которые состояли в переписке с наследником. На следствии епископ Досифей говорил, оправдываясь: «Только я один попался... Посмотрите, и у всех что на уме. Извольте пустить уши и в народ, что в народе говорят».

Розыск закончился казнями. Сенат приговорил к смерти царевича Алексея, казнили епископа Досифея, протопопов Иакова Игнатова и Феодора Пустынного. Митрополит Иоасаф скоропостижно скончался до окончания расследования на пути из Киева. Митрополита Игнатия пощадили по старости и уволили на покой. Против местоблюстителя улики не оказалось. Но Петр подозревал его в сочувствии заговорщикам. В конце розыска у Петра окончательно созрел план: во-первых, провести церковную реформу и упразднить патриаршество, а во-вторых, отодвинуть митрополита Стефана от кормила церковного управления.

§ 2. Учреждение Святейшего Синода

После неудачи с митрополитом Стефаном Петр I лучше разобрался в настроениях киевского ученого монашества. Подыскивая исполнителей задуманной реформы, он выбирал теперь из этой среды людей особого духа – противников латинского, «папезского» направления, от которых он мог ожидать сочувствия своим видам. В Новгороде Петр обратил внимание на выходца из Малороссии архимандрита Хутынского монастыря Феодосия (Яновского), который бежал туда из Москвы во время «гонения на черкас» при патриархе Адриане. Митрополит Иов, собиравший вокруг себя ученых мужей, приютил беглеца, приблизил его к себе и сделал одним из главных своих помощников. Феодосий был сыном шляхтича и отличался высокоумием, заносчивостью. Петра он обворожил аристократическими манерами и искусством светского разговора. В 1712 году Петр назначил его архимандритом новосозданного Александро-Невского монастыря и правителем церковных дел Петербургской области, а в 1721 году, через пять лет после кончины митрополита Иова, он в сане архиепископа был поставлен на Новгородскую кафедру. Из нового архиерея, однако, не вышло серьезного церковного деятеля. Это был человек не особенно ученый, маскировавший пробелы в образовании блеском светского красноречия. В среде духовенства и народа возникали соблазны от его скорее магнатского, чем архиерейского образа жизни, от его корыстолюбия. Петру стало ясно, что особую ставку на этого тщеславного честолюбца делать нельзя.

Другой киевлянин – Феофан (Прокопович) – покориł сердце Петра. Сын киевского купца, в крещении он был наречен Елеазаром. С успехом закончив Киево-Могилянскую Академию, Елеазар обучался во Львове, Кракове и в Римской коллегии св. Афанасия. В Риме он стал базилианским монахом Елисеєм. Вернувшись на родину, он отрекся от униатства и был пострижен в Киево-братском монастыре с именем Самуила. Его назначили профессором Академии, и вскоре в награду за успехи в преподавании удостоили имени его покойного дяди Феофана – ректора Могилянской Академии. Из Рима Прокопович вынес отвращение к иезуитам, к школьной схоластике и ко всей атмосфере католицизма. В своих богословских лекциях он пользовался не католическими, как это принято было в Киеве до него, а протестантскими изложениями догматики.

В день Полтавского сражения Феофан поздравлял царя с победой. Слово, произнесенное им за богослужением на поле битвы, потрясло Петра. Оратор использовал день победы 27 июня, на который приходится память преподобного Самсона, чтобы сравнить Петра с библейским Самсоном, разодравшим льва (герб Швеции складывается из трех львиных фигур). С тех пор Петр не мог забыть Феофана. Отправляясь в Прутский поход, он взял его с собой и поставил во главе войскового духовенства. А по окончании похода Феофан был назначен ректором Киевской Академии. В 1716 году его вызвали «на чреду» в Петербург, и там он произносил проповеди, которые посвящал не столько богословским и церковным темам, сколько прославлению военных побед, государственных свершений и преобразовательных планов Петра. Феофан стал одним из кандидатов на архиерейскую кафедру. Но у ревнителей православия его богословские воззрения вызывали серьезные опасения. Хорошо знавшие его по Киеву ректор Московской академии архимандрит Феофилакт Лопатинский и префект архимандрит Гедеон Вишневский ещё в 1712 году отважились подать государю открытое обвинение Феофана в протестантизме, который они обнаружили в его киевских лекциях. После вызова архимандрита Феофана в Петербург его обличители не замедлили послать на него новый донос, направив его Петру через местоблюстителя, который присовокупил к докладу московских профессоров своё мнение, что Феофана никак нельзя ставить во епископа. Но Феофан сумел так ловко оправдаться в возведенных на него обвинениях, что митрополиту Стефану пришлось просить у него извинения.

В 1718 году Феофана хиротонисали во епископа Псковского с тем, однако, чтобы резиденцией его был Петербург. В отличие от своего менее удачливого соперника в борьбе за близость к царю, Феодосия, епископ Феофан был образованным ученым, богословом, писателем, человеком ясного и сильного ума. Ему удалось стать советником и незаменимым помощником Петра I не только в церковных, но и в государственных делах. Он служил Петру неиссякаемым источником самых разнородных знаний, его живой «академией и мозгом». Именно Феофан стал главным исполнителем задуманной Петром церковной реформы, и ему она больше чем кому бы то ни было, обязана своим протестантским оттенком. Многие в поступках и воззрениях этого

иерарха подтверждало правоту выдвинутых против него обвинений в неправославии. На своих противников, ревнителей Православия Феофан с церковного амвона возводил обвинение в затаенной вражде на монарха: «Суть нецыи... или тайным бесом льстимии или меланхолией помрачаеми, которые такового некоего в мысли своей имеют уroda, что все им грешно и скверно мнится быти, что-либо увидят чудно, весело, велико и славно... И сии наипаче славы безчестити не трепещут и всякую власть мирскую не точию не за дело Божие имеют, но в мерзость вменяют».

В написанном по поручению: Петра сочинении «Правда воли монаршей» епископ Феофан, повторяя Гоббса, формулирует абсолютистскую теорию государственного права: «Могуществу монарха основание есть... что народ правительской воли совлекся» и передал эту волю монарху. «Сюда надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемена обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пированиях, свадьбах, погребениях и прочая и прочая».

В «Розыске о понтифексах», играя этимологией слов, Феофан ставит вопрос: «Христианские государи могут ли нарецисся епископы, архиереи?» – и без смущения отвечает, что могут; более того, государи – это «епископы епископов» для своих подданных.

В 1718 году митрополит Стефан подал прошение отпустить его из Петербурга в Москву, откуда удобнее управлять Московской и Рязанской епархиями. Царь наложил на прошение резолюцию с рядом укоризненных замечаний, а в конце добавил: «А для лучшего впредь управления мнится быть Духовной коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно». Епископу Феофану Петр поручил составить проект учреждения Духовной коллегии. К февралю 1720 года проект под названием «*Духовный регламент*» был готов. Царь просмотрел «Регламент» и внес в него исправления. «Регламент» разделен на три части:

- 1) описание и вины синодального управления;
- 2) дела, ему подлежащие;
- 3) самих управителей должность и сила.

О «Регламенте» метко было сказано, что «это рассуждение, а не уложение». Это скорее объяснительная записка к закону, нежели самый закон. Он весь пропитан желчью, напоен страстью политической борьбы со стариной. В нем больше злых обличений и сатиры, чем прямых положительных постановлений. «Регламентом» провозглашалось учреждение Духовной коллегии вместо единоличной власти патриарха. Основания для такой реформы приводились разные: коллегия может скорее и беспристрастней решать дела, она якобы имеет более авторитета, чем патриарх. Но не скрывается в «Регламенте» и главный резон упразднения патриаршества – коллегия не опасна для власти монарха: «Простой народ не ведает како разнствует власть духовная от самодержавной, но великого высочайшего пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или и больший его и что духовный чин есть другое и лучшее государство». И вот, чтобы унижить в глазах народа духовную власть, в Регламенте провозглашается: «коллегиум правительское под державным монархом есть и от монарха уставлено». Монарх же с помощью соблазнительной игры слов вместо обычного наименования «помазанника» именуется в «Регламенте» «Христом Господним».

Документ представлен был на обсуждение в Сенат и только потом предложен вниманию освященного Собора из оказавшихся в Петербурге – шести архиереям и трем архимандритам. Под давлением светской власти духовные сановники подписались, что все «учинено изрядно». Чтобы придать «Регламенту» больший авторитет, решено было отправить архимандрита Антония и подполковника Давыдова во все концы России для сбора подписей от архиереев и «степенных монастырей архимандритов и игуменов». На случай отказа в подписи в указе Сената без обиняков, с откровенной грубостью, предписывалось: «А буде кто подписыватца не станет, и у того взять за рукою, какой ради причины оной не подписываетца, чтоб о том показал имянно». За семь месяцев гонцы объездили всю Россию и собрали под «Регламентом» полноту подписей.

25 января 1721 года император издал манифест об установлении «*Духовной коллегии, то есть Духовного соборного правительства*». А на другой день Сенат передал на высочайшее утверждение штаты создававшейся коллегии: президент из митрополитов, два вице-президента из архиепископов, четыре советника из архимандритов, четыре ассессора из протопопов и один из «греческих черных священников». Предлагался и личный состав коллегии во главе с президентом – митрополитом Стефаном и вице-президентами – архиепископами Феодосием

Новгородским и Феофаном Псковским. Царь наложил резолюцию: «Сих призвав в Сенат, объявить». Для членов коллегии составлен был текст присяги: «Исповедую же с клятвою крайнего судию Духовной сей коллегии быти самого Всероссийского монарха государя нашего всемилостивейшего». Эта противоканоническая присяга, оскорблявшая архиерейскую совесть, просуществовала почти 200 лет, до 1901 года.

14 февраля после молебна в Троицком соборе состоялось открытие новой коллегии. И сразу встал недоуменный вопрос: как совершать молитвенное возгласение нового церковного правительства. Латинское слово «коллегиум» в сочетании со «святейшим» звучало несообразно. Предлагались разные варианты: «собрание», «собор», и наконец остановились на приемлемом для православного уха греческом слове «синод» – *Святейший Правительствующий Синод*. Наименование «коллегия», предложенное архиепископом Феофаном, отпало и по административным соображениям. Коллегии были подчинены Сенату. Для высшей церковной власти в православном государстве статус коллегии был явно неприличен. А Святейший Правительствующий Синод уже самим названием ставился наравне с Правительствующим Сенатом.

Через полтора года указом императора была учреждена должность *обер-прокурора Святейшего Синода*, на которую назначался «из офицеров добрый человек». Обер-прокурору надлежало быть в Синоде «оком государя и стряпчим по делам государственным». На него возлагался контроль и надзор над деятельностью Синода, но отнюдь не возглавление его. В самый день открытия Синода встал вопрос о возношении имен Восточных патриархов за богослужением. Решен он был не сразу. Архиепископ Феофан высказался против такого возношения. Ему нужно было, чтобы из народной памяти исчез сам титул патриарха, а аргументы его сводились к соблазнительной софистике: он ссылаясь на то обстоятельство, что в актах любого государя имена союзных ему монархов не фигурируют, будто политический союз подобен единству Тела Христова. Мнение составителя «Регламента» восторжествовало: имена патриархов исчезли из богослужений в русских храмах. Исключение допускалось лишь в тех случаях, когда первоприсутствующий член Синода совершал Литургию в домово-синодальной церкви.

Президент Синода митрополит Стефан, не присутствовавший на заседаниях при обсуждении этого вопроса, подал свое мнение письменно: «Мне видится, что в ектениях и возношениях церковных явственно можно обоя вместити. Например, так: о Святейших Православных Патриархах и о Святейшем Правительствующем Синоде. Какой в этом грех? Какой убыток славы и чести Святейшему Российскому Синоду? Кое безумие и непристойность? Паче же Богу приятно и народу весьма угодно было бы».

По настоянию преосвященного Феофана мнение это было отвергнуто Синодом как раз из-за того, что оно «народу весьма угодно было бы». Более того, Синод принял составленное Феофаном постановление. «Те вопросы-ответы (то есть замечания митрополита Стефана) яко неважные и некрепкие, паче же бесполезные, но весьма противные и мир церковный терзающие и государственной тишины вредительные... держать в Синоде под опасным хранением, дабы не тоchio в публику, но и в показание не произошли».

Отодвинутый и почти устраненный от управления президент Синода практически не оказывал уже никакого влияния на ход синодальных дел, где всем распоряжался любимец императора Феофан. В 1722 году митрополит Стефан скончался. После его смерти должность президента была упразднена.

В сентябре 1721 года Петр I обратился к Константинопольскому патриарху с посланием, в котором просил его о том, чтобы он «учреждение Духовного Синода за благо признать изволил». Ответ из Константинополя получен был через два года. Вселенский патриарх признал Святейший Синод своим «во Христе братом», имеющим власть «творити и совершати елико четыре Апостольские святейшие патриаршие престолы». Аналогичные грамоты получены были и от других патриархов. Новоучрежденный Синод получил права высшей законодательной, судебной и административной власти в Церкви, но эту власть он мог осуществлять лишь с согласия государя. Все постановления Синода вплоть до 1917 года выходили под штемпелем «По указу его императорского величества». Поскольку резиденцией Синода был Петербург, в Москве учредили синодальную контору. Как правопреемник патриархов, Синод являлся епархиальной властью для бывшей патриаршей области; органами этой власти были: в Москве –

дикастерия, преобразованная в 1723 году из патриаршего Духовного приказа, а в Петербурге – тиунская Контора под начальством духовного тиуна.

При открытии Святейшего Синода в России было **18** епархий и **два** викариатства. После упразднения патриаршества архиереи надолго перестали жаловать титулами митрополитов. Полномочия епархиальных властей распространялись на все церковные учреждения, за исключением ставропигиальных монастырей и придворного духовенства, поставленного под непосредственное начальство царского духовника. В военное время и армейское духовенство поступало под управление полевого обер-священника (согласно воинскому уставу 1716 года), а военно-морское – под управление обер-иеромонаха (по морскому уставу 1720 года). В 1722 году издано было «Прибавление к Регламенту», в котором содержались правила, относящиеся к белому духовенству и монашеству. Этим «прибавлением вводились штаты для причтов: на 100–150 дворов полагался причт из одного священника и двух-трех церковнослужителей, на 200–250 – двойные штаты, на 250–300 – тройные.

Учреждением Святейшего Синода открывалась новая эпоха в истории Русской Церкви. В результате реформы Церковь утратила былую независимость от светской власти. Грубым нарушением 34 правила святых апостолов явилось упразднение первосвященительского сана, замена его «безглавым» Синодом. В петровской реформе коренятся причины многих недугов, омрачавших церковную жизнь двух протекших столетий. Синодальная реформа, принятая духовенством и народом ради послушания, смущала церковную совесть духовно чутких иерархов и клириков, монахов и мирян.

Несомненна каноническая дефективность учрежденной при Петре системы управления, но смиренно принятая иерархией и народом, признанная Восточными патриархами, новая церковная власть стала законным церковным правительством.

Синодальный период явился эпохой небывалого внешнего роста Русской Православной Церкви. При Петре I население России составляло около 20 миллионов человек, из них – 15 миллионов православных. В конце синодальной эпохи, по переписи 1915 года, население империи достигло 180 миллионов, а Русская Православная Церковь насчитывала уже 115 миллионов чад. Столь стремительный рост Церкви явился, конечно, плодом самоотверженного подвижничества русских миссионеров, горевших апостольским духом. Но он был также прямым следствием расширения пределов России, следствием роста её могущества, а ведь ради укрепления и возвышения мощи Отечества и были задуманы Петром его государственные реформы.

В Синодальный период происходит подъем образования в России; уже в XVIII столетии духовные школы укрепились и сеть их покрыла всю страну; а в XIX веке совершился настоящий расцвет отечественного богословия.

Наконец, в эту эпоху на Руси явлен был великий сонм подвижников благочестия, не только уже удостоившихся церковного прославления, но и еще не прославленных. Как одного из самых великих угодников Божиих чтит Церковь преподобного Серафима Саровского. Его подвиги, его духоносная святость – это самое твердое и надежное свидетельство о том, что и в синодальную эпоху Русская Церковь не оскудела благодатными дарами Святого Духа.

О церковной реформе Петра высказывались разноречивые суждения. Самая глубокая оценка её принадлежит митрополиту Московскому Филарету: по его словам, «Духовную коллегию, которую у протестанта перенял Петр... провидение Божие и церковный дух обратили в Святейший Синод».

§ 3. Миссионерство в эпоху Петра I

Знаменательным явлением церковной жизни петровской эпохи было обращение ко Христу многих тысяч язычников и магометан. Как и в предшествующие столетия, христианское просвещение совершалось в России без насилия и принуждения. Выражая дух исконно русского правосознания, Петр I писал в указе 1702 года: «Совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому на его ответственность пеших о спасении души своей». Правительство однако не избегало поощрительных мер по отношению к обращенным инородцам. Крещенных крепостных отписывали от их некрещенных помещиков. С 1720 года всем новообращенным представлялась трехлетняя льгота от податей и рекрутства. В Казанской епархии, где значительную часть населения составляли магометане и язычники, миссионерство заметно оживилось при митрополите Тихоне (1701–1724 гг.). Его деятельными помощниками были ключарь кафедрального собора священник Феодор и Раифский иеромонах Алексей. Среди язычников – мордвы, черемисов (марийцев), чувашей – миссия имела немалый успех, но магометане оказались гораздо упорней. Митрополит Тихон первым в России открыл школу для крещенных инородцев. Когда из-за недостатка средств эту школу пришлось закрыть, святитель продолжал обучать новокрещенных детей в духовном училище при епархиальном доме.

В Нижнем Поволжье Слово Божие проповедовалось буддистам-калмыкам. Уже в 1700 году на реке Терешке выросло целое поселение крещенных калмыков. Калмыцкий хан Аюка разорил это селение, и тогда правительство стало отсылать крещенных калмыков на жительство в Киев и Чугуев, приписывая их там к казакам. После смерти Аюки святое крещение принял его внук Тайшин, кочевавший со своей ордой близ Астрахани. Восприемником Тайшина был царь, и в крещении хана нарекли Петром. Проповедь Евангелия сибирским инородцам связана с именами двух великих подвижников Тобольских святителей *Филофея (Лещинского)* и *Иоанна (Максимовича)*.

Митрополит Филофей родился в 1650 году в Малороссии в дворянской семье. Образование получил в Могилянской Академии, потом священствовал, а овдовев, принял постриг в Киево-Печерской Лавре. В обители он исполнял должность эконома. Потом назначили его наместником приписанного к Лавре Брянского Свенского монастыря. В 1702 году архимандрита Филофея возвели в сан митрополита Тобольского на место не выехавшего в Сибирь по болезни святого Димитрия.

Из Тобольска святитель писал Петру I «Пришед в Сибирские страны, в церквах Божиих обрел великое нестроение... А чинится то за великою простотою (священников) и нищетой». Архиерейский дом стоял в развалинах, церквей не хватало; некоторые поселения находились в сотнях верст от приходского храма. Духовенство было сплошь малограмотное. За время пребывания на кафедре митрополита Филофея в епархии построено было 288 церквей. Для подготовки священников устраивались школы, где обучались дети «духовного звания», и содержались они на средства архиерейского дома. Святитель добился от властей выдачи жалования городским священникам, а сельских священнослужителей, по его ходатайствам, стали наделять землей. В 1708 году митрополит Филофей тяжело занемог и принял схиму с именем Фёдора в Тюменском Троицком монастыре. Он мечтал вернуться в родную Киевскую Лавру и умереть там. Но Бог судил иначе. Когда он неожиданно для себя поправился, губернатор Сибири князь Гагарин предложил ему отправиться миссионером к осякам и вогулам (хантам и манси). И святитель увидел в этом желание воли Божией. Он взял с собой гребцов, переводчиков, казаков для охраны и отправился на малом судне вниз по Иртышу и по Оби в селения осяков.

Осяки были кочевниками, занимались звероловством и рыбной ловлей. Они поклонялись идолам, обожествляли не только духов, но и вредивших им зверей. Остановливаясь в осяцких юртах, святитель объяснил язычникам бессилие их идолов, проповедовал им истинного Бога. И многие идолопоклонники, пораженные силой проповеди, сжигали свои кумирни и принимали крещение. Успеху проповеди содействовали чудеса. Однажды крестили немощную девочку, которую для погружения в реку несли на руках, но, выйдя из воды, она сама пошла домой, и с этих пор даже тяжелая работа, была ей по силам. Не один раз отправлялся святитель в миссионерские путешествия по сибирским рекам. Он побывал и в алатырских юртах, и в Пельми, где сам крестил 400 вогулов, и в Березове, и на Конде, и среди чулымских татар. Уже

глубоким старцем великий миссионер побывал в далеком Иркутске и за Байкалом, плавал по рекам Ангаре, Тунгуске и Кеше.

В этих путешествиях не раз его жизнь подвергалась опасности. В Буренинских юртах в него стрелял остяцкий старшина. Но пуля, пронзив одежду подвижника, не повредила ему. Старшину схватили и привезли в Тобольск, а там митрополит взял его к себе домой, простил и научил его истине христианской веры, и язычник принял святое крещение.

В 1715 году, по кончине святого Иоанна, митрополит Филофей снова занял Тобольскую кафедру и оставался на ней до 1720 года. За время своих миссионерских подвигов он крестил около сорока тысяч остяков, вогул, татар и тунгусов (эвенков). С заботой и любовью он опекал новокрещенных, оберегал их от произвола мирских начальников. Священников митрополит обязал не менее трех раз в году объезжать селения новокрещенных. Способных мальчиков из крещенных инородцев он отправлял на обучение в монастыри и в архиерейский дом, где их готовили к священству.

После ухода на покой во второй раз, схимитрополит Филофей-Феодор поселился опять в Тюменском Троицком монастыре. В зимнее время он учил русской грамоте инородческих детей. Преставился он 31 мая 1727 года в своей обители. Тело его погребли у входа в монастырь.

С 1711 по 1715 годы Тобольскую кафедру занимал святой *Иоанн (Максимович)*. Родился он в 1651 году в Нежине. У его отца, малороссийского дворянина Максима Васильевича, было семеро сыновей. Образование будущий святитель получил в Могиланской Академии, после окончания которой его оставили преподавателем латинского языка. В 30 лет он принял постриг в Лавре и проходил послушание проповедника и эконома. В 1685 году братией Лавры он был отправлен посольством в Москву просить у царя Федора войско для защиты Лавры от турок. В Москве патриарх Иоаким поставил Иоанна наместником Брянского Свенского монастыря, который был приписан к Лавре. Через 10 лет архиепископ Черниговский святой Феодосий вызвал к себе Свенского наместника и поручил ему управление Черниговским Елецким монастырем – он наметил его в преемники себе по кафедре.

Святой Иоанн благоговейно читл своего наставника и архипастыря, а после его кончины верил в силу его молитв пред Богом. Когда после смерти святого Феодосия он тяжело заболел, и все уже ожидали его скорой смерти, он позвал на помощь почившего святителя, и тот явился ему и сказал: «Не скорби, брат, Господь услышал молитвы твои, и ты будешь здрав. Вставай с одра и готовься служить Божественную Литургию. Это тебе знамение». После видения святой Иоанн сказал, что будет служить Литургию. Слова его сочли бредом умирающего, но больной встал с одра и служил. После этого исцеления в Чернигове началось почитание святителя Феодосия как угодника Божия.

После блаженной кончины святителя Феодосия святой Иоанн был избран его преемником по кафедре и 10 января 1697 года в Москве в Успенском соборе патриарх Адриан хиротонисал его во епископа Черниговского. Настоятелем Елецкого монастыря святой Иоанн оставил вместо себя святого *Димитрия* (впоследствии митрополита Ростовского). Удивительна эта не только духовная, но и биографическая, житийная связь четырёх святителей – святых Феодосия, Иоанна, Димитрия и митрополита Филофея. Управляя Черниговской кафедрой, святитель Иоанн основал в Чернигове коллегию, подобную Киевской Академии, открыл типографию.

Когда митрополит Филофей по болезни ушел на покой, на Тобольскую кафедру назначили святителя Иоанна. Назначение это состоялось по проискам князя Меньшикова, который был оскорблен тем, что святитель отказался освящать церковь в его имени в день, назначенный управляющим, сказав, что выбирать день освящения – это дело его, архиерея, а не князя.

Узнав о своем переводе из родного Чернигова в далекий холодный Тобольск, святой сказал: «Да, далеко мне ехать, но он будет еще далее меня». И предсказание это сбылось. Князь Меньшиков окончил жизнь в ссылке, в Березове, на тысячу верст севернее Тобольска.

Митрополит Иоанн прибыл на свою новую кафедру в августе 1711 года. Около четырех лет пробыл он в Тобольске. И за это время много сделал для распространения христианства в Сибири: проповедовал язычникам Евангелие, строил церкви, заботился о созданной его предшественником школе при архиерейском доме, выписал для нее ученых монахов из Киева и Чернигова, отдавал этой школе свои личные средства. По словам местного «летописца», он был «тих, скромн, благорассудлив, о бедных сострадателен, милостив». Святой Иоанн никогда не оставался праздным: читал, писал, учил, а больше всего молился – на долгие часы запирался в своей келии для коленопреклоненной молитвы. Втайне творил добро нуждающимся. Деньги

беднякам посылал через доверенных лиц, и часто, переодетый, сам осторожно подходил к их окнам, стучал и говорил: «Приимите во имя Иисуса Христа!» – и быстро уходил, стараясь остаться неузнанным. Он посылал деньги в богадельни, посещал тюрьмы, принося заключенным гостинцы.

За несколько дней до своей кончины святитель стал готовиться к ней. 10 июня 1715 года он в последний раз служил Литургию, а после службы устроил в своих покоях обед для городского духовенства и нищих. Нищим сам прислуживал за столом. После трапезы простился со всеми и заперся в келии. Когда на следующий день митрополит не ответил очередному звонарю, постучавшему за благословением ударить в колокола, в архиерейском доме собралось городское духовенство, приехал губернатор, и дверь взломали. Святителя нашли бездыханным, стоявшим на коленях в молитвенном положении. В этот день митрополит Филофей, миссионерствовавший в Кондинском крае, сказал своим спутникам: «Брат наш Иоанн успе. Прейдем отсюда!» – и поспешно возвратился в Тобольск. Святитель Иоанн был замечательным духовным писателем. Главный его труд – «*Илиотропион*» (с греческого – «подсолнечник») посвящен тому, как должен человек сообразовывать свою волю с Божией волей. Этот труд написан на латинском языке, как писали тогда большей частью ученые киевские монахи. В 1714 году святитель издал этот труд в переводе на славяно-русский язык. Перу святого Иоанна принадлежат также «Царский путь Креста», «Нравоучительное зеркало» и другие творения. В Сибири память святителя благоговейно чтится с первых лет после его преставления.

В начале XVIII века предпринимались меры по христианизации Восточной Сибири и Дальнего Востока. Для этого в 1707 году была открыта Иркутская кафедра – на правах викарной кафедры Тобольской митрополии. Но еще раньше, в 1705 году, митрополит Филофей послал на Камчатку для проповеди Евангелия туземцам архимандрита Мартиниана. После 13 лет миссионерских трудов отец Мартиниан мученически скончался. Он был убит во время восстания инородцев против пришлых людей и останки его бросили в реку.

В 1711 году на Камчатке принял монашество *Иван Козыревский*, в прошлом разбойник, а потом отважный мореплаватель, присоединивший к русским владениям Курильские острова. В иночестве он носил имя *Игнатия*. Отец Игнатий основал первую обитель на Камчатке, близ Ключевской сопки. Там он выстроил приют для калек и престарелых камчадалов, занимался огородничеством сам и обучал этому туземцев. В 1732 году иеромонаха Игнатия вызвали в Москву и по постановлению Тайной канцелярии лишили сана и монашества, а осиротевшая обитель в том же году была сожжена во время одного из камчатских бунтов.

Своеобразной ветвью миссионерства была миссия среди старообрядцев. С особым успехом на этом поприще потрудились епископ Нижегородский *Питирим*. В прошлом он сам был раскольник, поэтому очень хорошо знал нравы и привычки, надежды и страхи старообрядцев. Он ходил по старообрядческим скитам, вступал в беседы с раскольниками, увещевал их, обращался к ним с посланиями. К заблуждавшимся он относился с сердечной теплотой, с мудрым пониманием, с ревностью об их спасении. Труды его увенчались успехом. К концу его жизни (1730) в Нижегородской епархии осталось только две тысячи старообрядцев, а в 1715 году, когда он занял кафедру, их числилось там до 40 тысяч. Епископ Питирим написал «Пращицу» – ответы на недоуменные вопросы раскольников о вере. Эти ответы настолько были основательны, убедительны, мудры, что многие из закоренелых старообрядцев, даже из предводителей раскола, прочитав «Пращицу», оставляли раскол и присоединялись к Православной Церкви.

§ 4. Духовное просвещение

Одной из главных забот Петра I было насаждение в России европейского просвещения. Много усилий потратил он на заведение школ, которые готовили знающих людей для армии и флота, для горного дела и строительства крепостей. Но светские училища и по числу учащихся и по уровню образования решительно уступали ранее устроенным духовным школам. На государственную службу поступали многие выпускники духовных школ. Поэтому правительство не хотело оставить без внимания и эту ветвь народного образования. Духовная школа подвергалась основательной перестройке – происходила ее латинизация.

Школа старого, греко-славянского типа, доживала последние дни, хотя именно в это время в Новгороде устроено было превосходное греческое училище. В 1706 году митрополит Иов вызвал к себе братьев иеромонахов *Софрония* и *Иоанникия Лихудов* и с их помощью открыл при архиерейском доме две школы: низшую – славянскую и высшую – греческую. Планы ученых греков были обширные: они собирались открыть в Новгороде типографию и подготовить новый, исправленный перевод Библии на славянский язык. Но этим планам не суждено было сбыться. Уже через год иеромонаха Софрония перевели в Москву в греческую школу при типографии, а иеромонах Иоанникий к тому времени был в преклонных годах. В 1716 году митрополит Иов скончался, через год умер и вернувшийся после кончины своего покровителя в Москву иеромонах Иоанникий. Созданная ими школа просуществовала ещё 10 лет. В Москве греческое образование сохранялось лишь в типографской школе иеромонаха Софрония Лихуда, пока её не соединили с Академией. Сама же Спасская академия уже в 1700 году была преобразована по киевскому образцу.

Архиереи из киевских ученых монахов открывали латинские училища и в провинции. В 1700 году святым Иоанном (Максимовичем) открыта была школа в Чернигове, в 1702 году – святителем Димитрием в Ростове, в 1703 году – митрополитом Филофеем в Тобольске. Но священнослужители – великороссы не хотели отдавать в эти училища своих чад. Чтобы содействовать делу духовного образования, Петр I издал указ, по которому дети духовенства, не обучавшиеся в школах, не допускались к церковным должностям. Без аттестатов «поповичей» запрещено было принимать и в «чины гражданской службы», кроме «солдатского чина». Пока число регулярных духовных училищ было невелико, в качестве временной меры при архиерейских домах и больших монастырях велено было устраивать начальные «цифирные» школы, куда принимались дети из всех сословий, а все дети духовных лиц обязаны были проходить эти школы под угрозой принудительной солдатчины.

«Духовный регламент» провозгласил обязательность обучения для детей священнослужителей и причетников. Необученные недоросли подлежали исключению из духовного сословия. «Регламент» поучал: «Когда нет света учения, нельзя быть доброму Церкви поведению, и нельзя не быть нестроению, и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам, и пребезумным ересям». Согласно «Регламенту», духовные училища содержались на средства архиерейских домов и сборов с монастырских земель.

В латинские училища принимались уже грамотные мальчики, получившие начальное образование у себя дома или в цифирных школах. Курс обучения разделялся на 8 классов, с преподаванием в первом классе – латинской грамматики, географии и истории, во втором – арифметики и геометрии, в третьем – логики с диалектикой, в четвертом – риторики и пиитики, в пятом – физики и метафизики, в шестом – политики, в седьмом и восьмом – богословия. Языки – латинский, греческий, еврейский, церковнославянский – должны были изучаться во всех классах. А на деле преподавался один только латинский язык, который и стал языком обучения. В новооткрытых школах ученики отвыкали от славянского языка, даже Священное Писание они изучали по Вульгате.

Для воспитанников вводились строгие правила жизни. Общежития при училищах назывались «семинариями»; впоследствии этим словом стали называть и самые духовные школы. Свидания с родными дозволялись семинаристам крайне редко. Школа была закрытой, подобно военным «корпусам». «Таковое младых человек житие, – сказано в «Регламенте», – кажется быть стужительное и заключению пленническому подобное: но кто обвыкнет так жити, хотя чрез един год, тому весьма сладко будет». Ректор, префект, надзиратели и учителя обязаны были жить вместе с воспитанниками.

Во исполнение проекта, изложенного в «Регламенте», духовные училища семинарского типа стали открываться в разных городах России. В Санкт-Петербурге в 1721 году открыты были сразу две школы: одна – в Александро-Невском монастыре архиепископом *Феодосием*, другая – на Карповке архиепископом *Феофаном*. В том же году открылась семинария в Нижнем Новгороде, в 1722 году – в Харькове и Твери, в 1723 году – в Казани, Вятке, Холмогорах, Коломне, в 1724 году – в Рязани и Вологде, в 1725 году – в Пскове.

Но дети духовенства по-прежнему неохотно шли в семинарии. В школах не хватало учителей, не хватало книг, из-за недостатка средств жизнь семинаристов оказалась на самом деле крайне «стужительной» и часто полуголодной. И всё же главной причиной недоверия к латинским семинариям и страха перед ними была их оторванность от церковной жизни. Великорусское духовенство смотрело на латинскую школу как на чуждую «латино-польскую колонию» в родной земле. Многих смущало и то обстоятельство, что почти все учителя были «черкасами» – выходцами из Малороссии и Польши. К тому же эти учителя порой смотрели на своих питомцев высокомерно, смеялись над ними и презирали их.

Детей часто свозили в школы под стражей, чтобы они не разбежались по дороге. Некоторые убежали; беглецов укрывали родители, которым новые школы казались хуже острога. Иные из догадливых «дезертиров» науки прикидывались юродивыми. В предвидении этих уловок «Регламент» требовал, чтобы неспособных учеников испытывали в семинарии целый год, «не притворяют ли они себе тупости», как другие «притворяют себе телесную немощь от солдатства», и только по годичным испытаниям исключались те, кто окажутся «детьми непобедимой злобы». Но несмотря на все полицейские строгости, несмотря на то, что беглецов ловили и возвращали в семинарию в кандалах, в списках учащихся против многих фамилий значилось «*semper fugitiosus*» (постоянно в бегах). Лишь немногие из воспитанников дотягивали до последних богословских классов. Большинство же уходило либо на приходы, либо на светскую службу, не пройдя и половины семинарского курса. И часто выпускники духовных школ, ученые «латынники», оказывались хуже подготовленными к пастырскому служению, чем «псалтирники», обученные при родном храме по церковным книгам.

В петровскую эпоху в руках ученых киевских монахов оказалась не только духовная школа, но и богословская наука. Одним из самых замечательных сочинений этой эпохи явился «*Камень веры*» митрополита Стефана (Яворского), направленный против протестантских доктрин и, косвенным образом, против замыслов захваченных протестантским духом реформаторов Русской Церкви. В полемике с враждебной Православию реформацией митрополит Стефан часто повторяет аргументы католических богословов. Как и все почти выученники Киевской школы, в своих догматических воззрениях он близок к Фоме Аквинату и Беллармину.

Но ввиду нависшей тогда над Русской Церковью опасности протестантской реформы, «Камень веры» высоко ценили и православные люди, те, кто совершенно чужд был латинского, «падежеского» направления. *Посошков*, природный великоросс и даже ревнитель петровских реформ государственной жизни, но встревоженный «люторским безумным мудрованием», писал: «Ради утверждения в вере и ради охранения от люторския и кальвинския и от прочих иконоборцев напечатать книг колико надлежит «Камень веры» и книг по пяти-шести в школу отослать, и чтобы тот многоценный Камень желающие пресвитерства затвердили его на память». По словам протоиерея Георгия Флоровского, «Стефан, богословствуя от Беллармина, тем самым в действительности оберегал Русскую Церковь от вводимой в нее Реформации».

Противником католического богословия был архиепископ *Феофан (Прокопович)*. Современники не без основания подозревали его в протестантском уклоне. В его академических лекциях Писанию отдается решительное предпочтение перед Священным Преданием. В богословской системе Феофана нет места мистическому учению о Церкви.

Лютеранский характер носит и его истолкование учения о спасении. В трактате «Об иге неудобноносимом» (1712 г.) он проводит мысль об оправдании верою без дел закона, «не имеющих совершительной силы». Оправдание – это действие благодати Божией, которым кающийся и уверовавший грешник объявляется правым; и ему не вменяются уже его грехи, а вменяются правда и верность Христова.

Столь откровенное повторение лжеучения Лютера вызвало большую тревогу у ревнителей Православия. Полемизируя с Феофаном, архиепископ *Феофилакт (Лопатинский)* написал сочинение «*Об иге Господнем благом*».

В богословской мысли России начала XVIII века сложилось два направления. Несмотря на то, что в церковно-административной области Феофан сумел захватить ключевые позиции, в богословской науке и в духовной школе на первых порах возобладало направление митрополита Стефана. Лекции, прочитанные Феофаном в Киевской Академии, изданы были при Екатерине II.

Самым великим творением русской духовной литературы петровской эпохи явились *«Четьи-Минеи»* святителя *Димитрия*, митрополита *Ростовского*. Святитель Димитрий, в миру *Даниил Саввич Туптало*, родился в 1651 году в местечке Макарове под Киевом в семье благочестивого сотника. Образование получил в Киево-Могилянской Академии. Учителем и наставником Даниила был выдающийся проповедник и полемист архимандрит Иоанникий (Голятовский). В 12 лет юноша принял постриг под именем Димитрия. Своей кротостью, смирением, молитвенностью он изумлял собратий. В 1675 году архиепископ Черниговский Лазарь (Баранович) вызвал юного подвижника из Киевского Кириллова монастыря в Чернигов, рукоположил в иеромонаха и назначил проповедником. Святой Димитрий проповедовал в монастырских и приходских краях Малороссии, Белоруссии, Литвы.

В 1684 году Киево-Печерский архимандрит Варлаам (Ясинский), зная о высокой духовности Димитрия, о его образованности и несравненном даре слова, вызвал его к себе и предложил составить жития святых на весь год. Совершая этот труд ради послушания, ученый монах собрал многочисленные книги, из Москвы ему доставили *«Великие Четьи Минеи»* митрополита Макария. Святой Димитрий использовал также южнорусские и южнославянские жития святых, прологи, труды греческих агиографов и издания Болландистов – *Acta Sanctorum*, *«Церковную историю»* кардинала Барония. Труд над составлением новых Четьих Миней требовал сверхчеловеческого напряжения сил, без Божией помощи совершить его было невозможно. По словам автора, душа его при писании Миней наполнилась образами святых, которые укрепляли его дух и тело и вселяли в него веру в успех предприятия. В 1689 году в Киево-Печерской типографии вышел первый из четырех томов Четьих Миней: за сентябрь, октябрь и ноябрь. В 1693 году закончена была вторая четверть, в 1700 году отпечатана третья; и лишь к концу своей жизни, в 1705 году, святитель завершил свое великое творение. Четьи-Минеи святителя Димитрия стали самой читаемой книгой в России. Едва ли какая еще книга, кроме Евангелия, оказала столь благотворное воздействие на духовную жизнь русского народа, на формирование его религиозных и нравственных идеалов, его представлений о том, чего искать в жизни и как жить. Жития святых изложены в Минеях изумительным языком – ярким, живым, одухотворенным. Это творение написано на века. Современники называли книгу святителя Димитрия боговдохновенной.

Работая над Четьими Минеями, святой подвижник одновременно настоятельствова в монастырях Западной Руси. В 1701 году Петр I вызвал архимандрита Димитрия в Москву. В Успенском соборе Кремля состоялась его хиротония в митрополита Тобольского, но из-за телесных немощей святитель не смог выехать в Сибирь и вскоре получил новое назначение – на древнюю Ростовскую кафедру. В Ростове святитель создал духовную школу, в которую открыл доступ детям из всех сословий. Обучение в школе строилось по латинскому, киевскому образцу. Но в отношениях между воспитанниками и учителями не было бездушного формализма и казенщины; они согревались взаимной заботой, доброжелательством, христианской любовью. Ученики много гуляли, катались в лодках по озеру Неро; по праздникам произносили *«предики»*, ставили на сцене пьесы на темы библейской и христианской истории, которые писал для них сам святитель. Святой Димитрий часто посещал классы, в долгие зимние вечера толковал особенно даровитым воспитанникам Ветхий Завет, а летом – Новый. Он исповедовал и причащал учеников, дарил им деньги, угощал их в архиерейском доме и у себя на даче за городом. Для развлечения семинаристов заведена была по образцу латинских коллегий игра: лучший ученик именовался *«императором»*, и его с церемониями усаживали за особое место. Рядом с *«императором»* сидел второй ученик – *«сенатор»*. Вся обстановка в семинарии, скорее семейная, чем официальная, скрашивала жизнь оторванных от родного дома школяров.

Много сил потратил святитель на противодействие распространенному в Ростовской епархии расколу. Против старообрядчества направлено его обширное полемическое сочинение *«Розыск о брынской вере»*, в котором вскрывается главный корень раскола – недостаток любви. В Ростове святой Димитрий трудился над еще одним сочинением, которое скромно названо им *«Келейным летописцем»*. *«Летописец»* представляет собой комментированную библейскую историю, доведенную до борьбы Иакова с ангелом.

Еще в юности святитель прославился как проповедник. В Ростове его проповеднический дар раскрылся с особой силой. Проповедовал он почти за каждой службой. Его проповеди носили характер отеческой беседы с родными и дорогими ему чадами. Задушевный тон, жизненность тематики, простота и естественность слога сочетались в этих проповедях с образностью и духовностью. Проповеди святителя не лишены обличительного пафоса. В одной из них он смело говорит о царящей в мире социальной неправде, и для обличения её находит сильные слова:

«Егда богатый яст, убогих труды яст. А егда пьет, кровь людскую пьет, слезами людскими упивается». Не страшился святитель и давать уроки самодержцу: «Смертей ты быти памятствуи о царю, а не в веки живуща. Днесь всем страшен, а утро мертва ты кто убоишься? Днесь неприступен еси, а утро лежащ во гробе ногами всех попираем будешь». Скорбя о мирских неправдах, святой Димитрий писал своему другу митрополиту Стефану: «Толико беззаконий, толико обид, толико притеснений вопиют на небо и возбуждают гнев и отмщение Божие».

Хрупкий телосложением, болезненный от юности, святитель тяжело переносил непривычный ему суровый северный климат. Предвидя скорую смерть, он умножил молитвенные и аскетические подвиги: часами лежал неподвижно, распростерши руки крестом, а в загородном уединении для изнурения плоти на длительное время обнажал тело для укусов комаров и мошек. Подлинно евангельским смирением дышит составленное им завещание: «От юности и до приближения моего ко гробу не стяжевал имения, кроме книг святых. Не собирал во архиерействе сый келейных приходов, яже не многи бяху. Но ово на мои потребности та иждивах, ово же на нужды нуждных... Если никто не восхощет меня тако нища обычному предати погребению, то пусть бросят в убогий дом. Если же по обычаю будут погребать, пусть схоронят в углу церкви святого Иакова в монастыре, идеж место назнаменован... Изволяй же безденежно помянути грешную мою душу в молитвах своих Бога ради, таковый сам да помяновен будет во Царствии Небесном...»

За несколько часов до смерти святитель писал своему другу монаху: «До чего не примусь, все из рук падает. Дни мои стали темны. Очи мало видят». Вечером накануне кончины святитель позвал к себе певчих. Сидя у горячей печки, он слушал пение составленной им кантаты «Иисусе мой Прелюбезный, надежду мою в Боге полагаю». Потом, отпустив всех, оставил при себе любимого певчего, переписчика своих сочинений. Ему он стал рассказывать о своем детстве и юности, о родной Украине, о Печерской Лавре, о всей своей многотрудной жизни. Благословив мальчика на прощание, святитель поклонился ему до земли и поблагодарил за помощь в переписывании. Мальчик ушел, обливаясь слезами. Наутро святого Димитрия нашли в келии бездыханным. Он почил, стоя на коленях, в молитве, 28 октября 1709 года. По завещанию, в гроб вместо стружек положили черновики рукописей покойного. Около месяца останки святого не предавали земле в ожидании митрополита Стефана. Друзья дали друг другу слово, что тот из них, кто переживет другого, погребет умершего первым.

§ 5. Монастыри и монашество

Со времени Крещения Руси очагами духовной жизни русского народа были монастыри. Православный народ верит, что молитвами спасающихся в них подвижников стоит Русская земля. Петр I с его узко утилитарным отношением к Церкви, с его жадным стремлением из всего извлекать государственную пользу – эту главную для России «пользу» монастырей просмотрел. Он настойчиво требовал от монастырей иных, более зримых «польз» и «прибылей» и этими своими требованиями расстраивал монастырскую жизнь. Монахов царь считал людьми, «чуждые труды посядающими»; он стремился оттеснить монашество на задворки национальной жизни, сократить число обителей и их насельников. Еще при предшественниках Петра предпринимались меры по изъятию в государственную казну части монастырских имений. Петр продолжил эту политику, но проводил ее более жестко и круто. Чтобы удобно было извлекать доходы из «туне гибельных», как он говорил, монастырских вотчин в казну, в 1701 году был восстановлен Монастырский приказ. «Сидеть на Патриаршем дворе в палатах и писать Монастырским приказом» велено было боярину Мусину-Пушкину. Этот приказ и ведал всеми патриаршими, архиерейскими, монастырскими и церковными вотчинами. Лишь малая часть доходов от церковных земель шла на содержание архиерейских домов, монастырей и приходов. Все остальное поступало в казну. Монастырский приказ назначал настоятелей, влиял на поставление архиереев, распоряжался патриаршей типографией, тем самым существенно ограничивая духовную власть местоблюстителя патриаршего престола.

Один за другим стали выходить указы, которыми предписывалось без промедления составить опись монастырских владений и точно определить число монашествующих. В каждом монастыре дозволялось оставить столько монахов, сколько требовалось для совершения богослужения и управления имениями. Так впервые на Руси начали вводиться монастырские штаты. Насельников, не принявших пострига, выдворяли из обителей. Постриг новых монахов разрешался лишь на убылые места и не иначе, как после трехлетнего искуса. В 1721 году монастырям было запрещено вести летописание. В 1722 году издано было составленное архиепископом Феофаном и одобренное царем «Прибавление к Духовному регламенту». В «Прибавлении» запрещалось постригать мужчин, не достигших 30 лет, а для пострига женщин определен был возраст от 50 до 60 лет. Исключения допускались лишь с разрешения Святейшего Синода. Военнослужащим и чиновникам поступление в монастыри запрещалось вовсе. Не разрешалось принимать в обители и лиц, имевших несовершеннолетних детей или обремененных долгами. Крепостные могли поступать в монастыри только с разрешения своих помещиков. Неграмотные принимались в монастыри с ведома царя или Синода. «Прибавлением» возбранялось основание новых обителей без дозволения Синода, а строительство скитов запрещалось окончательно. Маленькие пустыни подлежали либо упразднению, либо соединению с другими монастырями. Многие монастыри закрывались тогда и от недостатка средств. В 1723 году вышел указ все убылые места в монастырях замещать исключительно отставными военными, но из-за нелепости своей этот указ вскоре был отменен.

Мысли Петра о монашестве с особенной характерностью выражены в составленном им вместе с Феофаном «Объявлении, когда и какой ради вины начался чин монашеский и каковой образ жития монахов древних и како нынешних исправить, хотя по некоему древним подобию надлежит». Как и «Духовный регламент», этот документ, изданный в 1724 году, полон самых хлестких и развязных обвинений, передержек и прямой клеветы.

На монастыри «Объявлением» возлагалась повинность общественного благотворительства: «еже служить прямым нищим, престарелым и младенцам». При монастырях велено было открывать богадельни, лазареты, приюты для душевнобольных преступников, для искалеченных солдат, воспитательные дома для подкидышей. Когда по обителям разослали инвалидов, часто вместе с их семьями, селившимися в монастырских слободах, в монастырях открылись свары, бесчинства, драки. Больных, увечных, сумасшедших часто нечем было кормить. Чтобы разместить их, многих монахов бесцеремонно изгоняли из обителей. Монастырские вотчины поэтому оставались без надзора, так что Монастырский приказ скоро вынужден был из хозийственных соображений вернуть изгнанных иноков обратно в монастыри.

Государственная власть не оставила вниманием и внутренний строй монастырской жизни. «Прибавление» требовало во всех обителях вводить общежительный устав. Инокам

запрещалось составлять завещания: все, что оставалось от почившего брата, переходило во владение монастыря или Синода. Строго-настроено запрещен был переход из одной обители в другую. Настоятелям вменялось в неукоснительную обязанность вести учет братии. Беглых иноков по задержании заковывали в кандалы. Родственников и знакомых насельников не дозволялось впускать в келии. Сами монахи могли посещать своих родных только четыре раза в год; а монахини не имели и этой возможности – только в случае тяжелой болезни или смерти родных они могли выходить из обители, и непременно в сопровождении пожилых инокинь.

Чтобы лишить монахов возможности составлять подметные письма, жалобы и челобитные, им воспрещалось держать в келиях писчую бумагу, чернила и перья. В случае нужды они могли писать в покоях настоятеля под его присмотром. Настоятелей обязывали давать присягу не держать в монастырях «затворников и ханжей» и не «распложать суеверий».

Лишь ученые монахи пользовались благоволением царя. Большею частью это были выходцы из Киевской Академии. Они-то и становились кандидатами на замещение высших церковных должностей, в том числе и архиерейских кафедр. Ученым монахам полагалась иная, лучшая, чем простым братьям, еда и одежда. С немалой щедростью им выдавалось денежное содержание. Рассадником ученого монашества в Великороссии должен был, по замыслу Петра, стать основанный в 1712 году в Петербурге Александриевский монастырь. Но ученое монашество поставлено было при Петре в крайне суровые условия, оно подвергалось жестким стеснениям, почти гонениям.

Для аскетических подвигов, столь мало ценимых царем-реформатором, вроде бы не оставалось места. Но и в эту эпоху, охваченную горячкой преобразований, в эпоху бесцеремонного натиска на Церковь и развала монастырей, русские обители не оскудели иноками высокого молитвенного духа. Одни из них остались сокрытыми от мира, подвиги других были явлены людям и сохранились в церковной памяти.

В суровое петровское время подвизались первоначальник Саровской пустыни иеросхимонах Иоанн и основатель Белобережского монастыря схимонах Симеон. А на далеком Севере, в древней Соловецкой обители, спасался муж святой жизни иеросхимонах *Иисус*. Он родился в 1635 году и в миру носил имя Иоанн. Многие годы служил приходским священником в Москве. Своей молитвенностью, чистотою жизни, своим даром рассуждения отец Иоанн привлекал в свой храм многих богомольцев. За советом и поучением к нему приходили люди со всей Москвы. Молва о его подвижнической жизни дошла до Петра, и царь определил его священником в одну из придворных церквей, и вскоре назначил своим духовником.

Свое новое высокое и влиятельное положение отец Иоанн употребил на то, чтобы заступаться за нищих и сирот, за обиженных и несправедливо осужденных. Особенно полюбил он посещать тюрьмы и богадельни. Содержавшихся в них узников и убогих утешал дарами и беседами. Духовничество в царской семье не мешало ревностному пастырю принимать еще больше людей, чем он это делал прежде. В беседах с посетителями он проводил дни и ночи, а прощался со всеми со скорбью, в которой потом угадали предчувствие близкой беды. Беда разразилась над ним в 1701 году. Духовник царя был оговорен Талицким, осужденным за составление сочинений, в которых Петр именовался антихристом. Несмотря на очевидную невинность своего духовника, царь распорядился отослать его «с Москвы на Холмогоры для пострижения и неисходного пребывания в Соловецком монастыре».

Архиепископ Холмогорский Афанасий принял узника ласково и любовно, дал ему несколько дней отдохнуть в архиерейском доме, а потом отправил его на Соловецкий остров. Соловецкий архимандрит Фирс постриг отца Иоанна и нарек его Иовом. Ему назначили послушание в братской поварне. Семидесятилетний старец рубил дрова, носил их на плечах по крутым лестницам и целые ночи проводил в молитве. Братию он изумлял смирением и покорностью всем, строгостью своего постничества: он не вкушал ничего, кроме воды и хлеба. За это его прозвали Иовом Постником. Узнав о его великих подвигах, настоятель снял с него все послушания и предоставил ему отдельную келию, где бы он мог заниматься рукоделием, читать Священное Писание и творить Иисусову молитву. До Петра I дошел слух о святой жизни его бывшего духовника. К тому времени Петр узнал о непричастности старца Иова к делу Талицкого и стал звать его обратно к себе. Но старец не захотел возвращаться в мир: ему предстоял новый подвиг – скитское житие.

Он переселился в скит на Анзерском острове, основанный преподобным Елеазаром. Братские келии стояли в этом скиту на версту одна от другой. Отшельники собирались вместе по

субботним дням в храме, а в воскресенье после Литургии опять расходились по своим уединенным келиям. Старец Иов считал себя последним послушником в скиту, однако братия избрали его своим настоятелем. Но и в настоятельстве он целыми днями трудился, а ночами молился, стоя на коленях. Подражая преподобным Феодосию и Сергию, он обходил келии иноков, чтобы стуком напомнить о молитве тем, кто сходил для разговоров. Заботясь о больных скитниках, он перевязывал их раны, мазал освященным маслом и тем исцелял их. На службу старец всегда приходил первым, а в уме и сердце непрестанно держал Иисусову молитву.

В 1710 году старец Иов принял великую схиму с именем Иисуса в память о пророке Иисусе Навине. Однажды иеросхимонах Иисус остался на ночь у подножия горы с остроконечной вершиной. В тонком сне подвижнику явилась Пресвятая Богородица с преподобным Елеазаром, который на этом месте начинал свои подвиги. Богородица сказала старцу: «Сия гора отныне нарицается второю Голгофою. На ней будет Церковь во имя распятия Сына Моего и Бога, устроится скит и наречется Распятским». Это видение отец Иисус поведал своему духовному брату Паисию, который описал его, вырезав письмена на деревянном кресте.

Иеросхимонах Иисус испросил у Холмогорского архиерея благословение построить скит с церковью на Голгофской горе. В скиту собралось около 20 братьев. Настоятель скита по-прежнему сам рубил дрова, сам носил воду на высокую гору, сам готовил тесто в пекарне. Своими подвигами старец стяжал благодатные дары. Одного из скитских отшельников волновали плотские страсти, и он просил помощи у настоятеля. Старец в ответ на эту просьбу прикоснулся к телу его жезлом, и страсти навсегда погасли в иноке. Господь открыл угоднику время его кончины. Простившись с братьями, великий праведник тихо отошел в иной мир. Это произошло 6 марта 1726 году. В минуту его преставления келию озарил необыкновенный свет. Тело подвижника погребли в храме на вершине Голгофы.

§ 6. Религиозно-нравственное состояние народа и церковная жизнь

В петровскую эпоху начинается роковой для судеб государства религиозно-нравственный раскол между высшим слоем общества и простым народом, который традиционно хранил верность заветам своих предков. Народный быт и народная набожность, религиозно-нравственные идеалы народа остались почти незатронутыми петровской ломкой России, но стиль жизни, нравы и взгляды дворянской верхушки, поступившей в ученичество к иностранцам, стремительно менялись.

«Немецкий» костюм, «ассамблеи», бритье и курение табака явились только внешним выражением глубокого и опасного духовного сдвига. «Перемена обычаев» влекла за собой катастрофическое падение нравов, презрение к родной старине, к народному благочестию, которое стало восприниматься при «просвещенном» дворе как проявление невежества и дикости, а за всем этим следовала если и не прямая измена вере отцов, то равнодушие к ней.

В России впервые появились тогда вольнодумцы. В своих забавах вельможные «афеисты» порой не останавливались и перед кощунственными выходками. Князь Хованский в одном из своих поместий устроил пир, сам напился до бесчувствия, а гости ради потехи обрядили его как мертвеца, уложили в гроб, отнесли в церковь и совершили над мертвецки пьяным князем богохульное «отпевание». Наутро причетники обнаружили в храме пред алтарем гроб, в котором лежал не проспавшийся после пьянки живой человек. Мало того, после своей грязной пирушки бражники дерзнули осквернить церковные сосуды. Бесследно для них это не прошло. Суд приговорил кощунников к смертной казни, но царь смягчил приговор, заменив казнь жестоким телесным наказанием, которое и было совершено в его присутствии.

Но столь строго власть поступала лишь в случаях возмутительных кощунств. Несоблюдение постов, небрежное посещение храма и даже совершенное пренебрежение к богослужению и церковным обрядам многим обходились вполне безнаказанно, несмотря на то, что время от времени издавались суровые указы, требовавшие от православных неопустительно ходить в храмы в воскресные и праздничные дни, под угрозой записи в двойной оклад наравне с раскольниками. Характерен для петровской эпохи составленный в грубой полицейской форме указ, требовавший от молившихся вести себя в храме чинно, за богослужением не разговаривать, не ходить по храму, не прикладываться к иконам и мощам, не подавать просьб властям; за нарушение благочиния устанавливался штраф, который велено было взимать прямо в храмах, для чего на видных местах в церквях помещались штрафные ящики.

Главный упор в петровских указах по ведомству православного исповедания делался на борьбу с невежеством и суевериями. Петр считал, что «народ не знает ни веры, ни любви, а о надежде и не слыхивал, и всю надежду полагает на пение, пост, поклоны, свечи и ладан». По выражению «Духовного регламента», простой народ не в состоянии «рассуждать между десным и шуиим». Большой отдел «Регламента» посвящен распоряжениям о повышении уровня церковного проповедничества и об издании для народа катехизических книг. По указу Святейшего Синода 1722 года во всех храмах велено было вместо уставных поучений читать сочинение архиепископа Феофана под названием «Букварь, или Первое учение отроков», в котором обличались ханжество, суеверия и особое прилежание народа к соблюдению «церковной внешности» без понимания внутреннего смысла обрядов.

В ту пору одно за другим издавались распоряжения с петровско-феофановской «просветительской» направленностью, вроде указов о «всеу жегомых» церковных свечах или о «неупотреблении Святых Тайн за лекарство аптекарское». Выходили и такие распоряжения, которые грубо оскорбляли народное благочестие, указы против сооружения часовен, против обычая носить иконы по домам, против богатых риз, дорогих колоколов, драгоценных сосудов. Большой соблазн в народе вызывала настоящая одержимость царя разоблачением народных суеверий, под которыми порой подразумевались старинные благочестивые обряды. За разглашение ложных слухов о чудесах, видениях и пророчествах он назначил тяжкую кару – вырезание ноздрей и ссылку на галеры. Хуже того, духовникам велено было доносить властям, если кто на исповеди сознается в разглашении ложных слухов о чудесах. И светские и духовные власти обязаны были преследовать народных «пророков», юродивых, кликуш. Кликуш и бесноватых приказано было пытаться, пока не сознаются в притворстве. Колдунов подвергали

смертной казни. «Просветительское направление» в указах Петра сочеталось с самым дремучим варварством.

«Просветительским» духом и неуважением к религиозным чувствам народа проникнуты и указы о богослужении. «Духовный Регламент» возлагал на Синод обязанность рассмотреть службы, молебны, акафисты; «непристойные» запретить и принять меры, чтобы «пристойные» службы не вводились без нужды. Жития святых велено было пересмотреть на тот предмет, нет ли среди них ложных историй. Исправления проводились неразборчиво, бесцеремонно, на скорую руку. Из богослужебных чинопоследований при Петре пересмотрены были «Чин присоединения раскольников» (1717–1720 годы) и «Чин избрания и рукоположения архиерейского» (1725 год). Вся обстановка петровской эпохи не благоприятствовала прославлению новых угодников Божиих. Синоду прямо предписывались в этом деле крайняя осторожность и недоверие; подозрение в ложности разглашаемых чудес равнялось подозрению в совершении тяжкого уголовного преступления. Новый праздник, установленный 30 августа 1724 году, связан не с канонизацией новоявленного святого, а с перенесением мощей издавна чтимого угодника святого благоверного князя Александра Невского из Владимира в Петербург. Церковным торжеством стало и празднование годовщины победы русского оружия в Полтавской битве. Архимандритом Феофилактом (Лопатинским) была написана служба на день памяти этого события, отмечаемого Русской Православной Церковью 9 июня.

Правительство не оставило без внимания и такую важную принадлежность богослужения как святые иконы. Для надзора над иконописью в 1707 году Петр I учредил в Москве «полату изуграфств» и во главе ее поставил знаменитого зодчего *Ивана Зарудного*. В петровскую эпоху влияние европейской живописи на русское иконописание стало чрезвычайно интенсивным. Художникам-иностранцам поручали расписывать храмы в столицах, у них вынуждены были учиться и перенимать опыт и их приёмы русские мастера иконных дел. Заимствование чужого стиля влекло за собой разрыв византийско-русской иконописной традиции, но в провинции еще сохранялись местные школы икононого письма.

Подобно иконописи, церковное зодчество тоже переживало сложный процесс разрыва художественной традиции, который отражал общую метаморфозу всей русской культуры. Уже в конце XVII века в русском храмостроительстве, особенно в декоре церквей, широко применялись западноевропейские архитектурные формы. Прекрасным художественным символом петровской эпохи явилась церковь Знамения Богородицы, воздвигнутая в Дубровицах под Москвой. Храм заложен в 1690 году, а освящение его состоялось в 1704 году. Имя зодчего точно неизвестно, хотя некоторые источники называют архитектора *Тессинга*. Основание храма представляет в плане крест с закругленными концами. Над основанием высится устремленный вверх восьмигранный столп, увенчанный короной с крестом. Храм снизу доверху покрыт тонкой белокаменной резьбой, с мотивами растительного орнамента. Эта великолепная резьба выполнена в традициях русского декоративного искусства, но в убранстве храма, как и в его архитектуре, есть и черты западного барокко.

Западные влияния больше всего проявились в скульптурном оформлении церкви. Перед входом в храм поставлены статуи вселенских учителей святых *Григория Богослова* и *Иоанна Златоуста*. Над сводом западного выступа помещено скульптурное изображение святителя *Василия Великого*, снаружи, в углах цокольной части фигуры четырех евангелистов. В интерьере стены покрыты рельефными изображениями: Несение Креста, Распятие, Положение во гроб, Воскресение Христово.

Еще один шедевр храмостроительства петровской эпохи церковь архангела Гавриила в Москве, сооруженная в 1704–1707 годах и названная в народе «Меньшиковой башней». В начале храм был увенчан невиданным в России шпилем, который вскоре сгорел. Согласно народному преданию, этот шпиль своим происхождением обязан горделивому замыслу заказчика выстроить храм выше кремлевской колокольни *Ивана Великого*.

Церковь архангела Гавриила построил великий зодчий *Иван Зарудный*. Ее план выдержан в старой национальной традиции, но башнеобразное построение объема выполнено в стиле европейского маньеризма. Поставленные друг на друга восьмигранники мало похожи на традиционные русские восьмерики. Ордерные элементы убранства храма характерны для западной архитектуры эпохи, начавшейся с ренессанса. Несмотря на свою необычную высоту, храм выглядит легким, изящным. Великолепны белокаменные резные рельефы декоративной отделки храма, выполненной по рисункам *Зарудного*.

Архитектурные особенности церкви архангела Гавриила оказали влияние на постройку еще одного замечательного сооружения, воздвигнутого в Петербурге и ставшего символом новой столицы, собора святых апостолов Петра и Павла. В 1703 году на территории Санкт-Петербургской крепости заложен был деревянный храм во имя первоверховных апостолов. В 1712 году на месте деревянной церкви началось воздвижение каменного собора по проекту *Доменико Трезини*. Строительство храма продолжалось 21 год. Собор строг и прост в своей архитектуре, что вполне соответствовало вкусам заказчика Петра Великого. Над прямоугольным в плане храме возвышается невысокий купол и стройная колокольня с устремленным ввысь золоченным шпилем, господствующим над Петербургом. Шпиль венчает флюгер в виде ангела с крестом. Петропавловский шпиль возвышается над землей на высоте 122 метра. Внутреннее убранство храма выполнено московскими мастерами по рисункам Ивана Зарудного. Со времен Петра I Петропавловский собор служил усыпальницей русских государей и лиц императорской фамилии.

Глава II. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XVIII ВЕКЕ

1. Русская Православная Церковь в 1725–1741 годы

После смерти Петра I на императорский престол вступила его вдова *Екатерина* (1725–1727), совершенно неподготовленная к управлению великой державой. Указом Сената в 1726 году учрежден *Верховный Тайный Совет*, в руках которого и сосредотачивалась вся полнота правительственной власти. В результате этой административной реформы Синод оказался зависимым не прямо от миропомазанного монарха, как это было установлено при Петре, а от коллегии, лишенной всякой сакральности, к тому же не вполне православной по вероисповеданию своих членов, ибо в Тайный Совет наряду с русскими вельможами входил лютеранин барон *Остерман*. Пониженный на лестнице высших государственных учреждений, Синод изменил и свое наименование – вместо Правительствующего стал называться *Духовным*.

Манифестом 1726 года Синод был разделен на **два департамента**. Первому департаменту повелевалось *«состоять в 6 персонах архиереев»*. Все они были равны между собой: отменялись прежние звания вице-президентов, советников, ассессоров. На первый департамент возлагалось «управление всякими духовными делами Всероссийской Церкви». Второй департамент составлен был из шести светских чиновников и предназначался для управления церковными вотчинами. Так под вывеской «второго департамента» вновь восстанавливался упраздненный после учреждения Синода Монастырский приказ.

Новым царствованием в истории России открывалась эпоха временщиков, внезапного возвышения одних и стремительного падения других. Страшное падение выпало и на долю первого вице-президента Синода архиепископа Новгородского Феодосия. После смерти Петра он осмелился открыто заговорить об унижении Церкви светской властью, о бесправии архиереев, о тайном разорении монастырских вотчин и расстройстве монастырей. Покойного царя он по жестокости сравнивал с Иваном Грозным, с пренебрежением высказывался о новой императрице, а против всесильного временщика Меншикова позволял и оскорбительные выпады. Неосторожность переоценившего свои силы иерарха дала сильное оружие против него его главному сопернику архиепископу Феофану, обвинившему его в государственной измене.

В апреле 1725 года архиепископ Феодосий был арестован и подвергнут розыску. В ходе расследования обнаружилось, что своих слуг он обязал присягой на верность себе, вроде государственной присяги. Суд приговорил его к лишению сана, и под именем чернеца Федоса некогда всесильный церковный сановник был заточен в тюрьму Корельского монастыря на далеком севере, где через пять месяцев страданий скончался.

Вместо него Новгородскую кафедру занял сам Феофан, ставший первым членом Синода. Но вторым членом Синода стал давний обличитель Феофана архиепископ Феофилакт (Лопатинский), а третьим членом – Ростовский митрополит Георгий (Дашков), выходец из старинной боярской семьи, сильный связями в родоовитом дворянстве.

После смерти Екатерины I престол перешел к *Петру II*, сыну царевича *Алексея*. В царствование этого отрока государственная власть оставалась в руках временщиков-верховников, самым влиятельным из которых вначале был *Александр Меншиков*, а после его падения и ссылки в Сибирь – князя *Долгорукие*. При правлении Долгоруких стали открыто проявляться стремления к реставрации допетровских порядков. В связи с этим в Синоде усиливается позиция великорусской «партии». Митрополит Георгий настоял на вводе в Синод уволенного еще при Петре I престарелого опального архиерея митрополита Игнатия (Смолы) и архимандрита Льва (Юрлова), возведенного вслед за этим на Воронежскую кафедру. Архиепископ Феофилакт держался в стороне от сторонников митрополита Георгия, но как и архиереи-великороссы, он был убежденным противником церковно-политической линии Феофана, который остался единственным в Синоде ревнителем петровских идей. В церковных кругах открыто стали вести разговоры о восстановлении патриаршества. Над головой Феофана, больше всех потрудившегося над упразднением патриаршества, к тому же причастного к трагедии отца императора – царевича Алексея, собиралась гроза.

Но в ночь на 19 января 1730 года скончался пятнадцатилетний император, последний из русских царей, которого погребли в Москве, в Архангельском соборе Кремля. Верховный Тайный Совет призвал на престол старейшую в роде Романовых племянницу Петра I *Анну Иоанновну*, вдову Курляндского герцога. С ее воцарением «верховники» связывали надежды на то, чтобы «впредь самодержавию не быть». К Анне Иоанновне в Митаву вместе с приглашением на

престол высланы были и так называемые «пункты», подписав которые, она в сущности ограничивала самодержавную власть подобием аристократической конституции. Приверженцы петровских реформ встревожились. Одновременно с официальным посольством от «верховников» в Митаву направились и негласные, тайные посланцы от графа Головкина и архиепископа Феофана. Феофан, рискуя головой, включился в авантюру по срыву «затейки» «верховников». В Митаве Анна подписала «пункты», но в Москве, на собрании московского и провинциального дворянства, с подозрением относившегося к «затейке» «верховников», порвала бумагу с этими «пунктами». Архиепископ Феофан торжествовал победу. «Верховники» пали. Подорваны были и позиции опиравшихся на них сторонников восстановления патриаршества. Стала проводиться политика возвращения к заветам Петра. На деле часто в карикатурном виде восстанавливались худшие стороны петровской политики. В области церковного управления проводником этой линии стал Феофан.

Императрица Анна в домашнем быту была по-старинному благочестива. Но, по словам современников, обрядовое благочестие царицы не смягчило ее черствого сердца. А хуже всего было то, что, совершенно неспособная к государственным делам, самодержица передоверила управление Россией своему любимцу *Бирону*, который был хорошим знатоком лошадей, но в России не понимал и к русскому народу относился с презрением, и к *кабинету министров*, заменившему прежний Верховный Тайный Совет. В Кабинете большинство составляли немцы. Во главе его стоял «честный немец» Остерман, фанатичный приверженец петровских реформ, понятых им узколобо, в полицейско-абсолютистском смысле. «Честный» Остерман и бесчестный Бирон, гонитель и ненавистник Православия, развязали в стране настоящий террор, который проводился под знаменем восстановления петровских начал правления. Всесильным орудием Кабинета была канцелярия тайных розыскных дел во главе с генералом Ушаковым, в которой допрашивали и пытали людей. Тысячи невинных жертв были брошены в тюрьмы по подозрению в недовольстве правительством. Сборы недоимок с помещиков и крестьян, производившиеся военными командами, по описанию современников, были подобны «нашествиям иноплемных». Это была эпоха лютого насилия над Россией, которая получила в истории название бироновщины. Жертвой бироновщины пали лучшие русские люди, десятки тысяч невинных людей были умерщвлены, заточены или сосланы в остроги Сибири.

Умирая под топорами палачей, многие из них явили себя истинными христианами. Князь Иван Долгорукий, когда палач четвертовал его, отрубая одну за другой руки и ноги, в смертных муках проговорил: «Благодарю Тебя, Господи, яко сподобил мя еси познать Тебя, Владыко». К клике иностранцев, терзавших православный русский народ, примкнул и архиепископ Феофан, специальностью которого стало ведение «архиерейских процессов». Первым из иерархов был осужден архиепископ Воронежский Лев (Юрлов). Его обвинили в том, что на следующий день после получения известия об избрании на престол Анны, совпавший с празднованием Недели Православия, он не отслужил торжественного молебна, а за богослужением велел возносить имя бабки умершего царя, великой княгини Евдокии, без упоминания ее монашеского имени Елены. Дело это рассматривалось в Синоде. Архиепископа Льва поддержали митрополиты Георгий и Игнатий. Но Феофан постарался придать всему делу характер государственной измены, и пользуясь поддержкой кабинета, заставил Синод лишить обвиняемого священного и монашеского сана и предать его гражданскому суду. В постановлении Синода сказано: «А какого он, Лев – епископ телесного наказания и истязания достоин, о том суду духовному определять не надлежит». Архиепископа Льва расстригли и под именем Лаврентия сослали в Крестный монастырь на Белом море. В месте с ним по этапу отправлен был приказ: держать его там «за караулом, в келье неисходно, никого к нему не пускать, чернил и бумаги не давать и в церковь ходить под караулом».

Но Феофану было мало одной жертвы. Он готовил обвинительный материал против покровителей заключенного архиерея – митрополитов Игнатия и Георгия. Главной уликой против них была попытка замять дело архиепископа Льва. Митрополит Георгий в ходе расследования, не дожидаясь его конца, попросился на покой, но и этот шаг не спас его от расправы. 28 декабря 1730 года он был лишен архиерейского сана и простым монахом отправлен в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Митрополита Игнатия после лишения священного сана сослали в Свяжский Богородицкий монастырь.

Архиерейские процессы шли своим чередом. Ссылаясь на неопределенность известий из столиц, молебен о воцарении Анны отказался служить Киевский архиепископ Варлаам

(Вонатович). Феофан назначил розыск. По заключению следственной комиссии Синод лишил преосвященного Варлаама сана и выслал его простым монахом в Кирилло-Белозерский монастырь.

Осужденным архиереям не давали покоя и в местах заточения. За ними денно и нощно велась слежка. Феофан считал всего безопасней для себя сжить их со света. В 1731 году заведено было следствие о дружеском отношении митрополита Казанского Сильвестра к сосланному в Свияжский монастырь митрополиту Игнатию. Подслушаны были слова, сказанные в сердцах преосвященным Игнатием митрополиту Сильвестру об императрице: «Вот де лишили меня сана напрасно, а ей ли, бабе, архиерея судить». Взяли бумаги митрополита Сильвестра, и среди них обнаружили его заметки о неправославии Феофана, критические суждения, о петровских указах, о монастырских имениях. Тайная канцелярия приговорила перевести митрополита Игнатия в Никольско-Корельский монастырь в Архангельске, а митрополит Сильвестр, по постановлению Синода, был уволен на покой в Александро-Невский монастырь без права архиерейского служения, потом его лишили сана и заточили в Выборгскую крепость.

В Сибирь отправили и епископа Платона (Малиновского). Многие из архиереев уволены были со своих кафедр. Лишили кафедр архиереев: Досифея Курского, Илариона Черниговского, Варлаама Псковского.

Но главной заботой Феофана было устранение его давнего противника и обличителя архиепископа Феофилакта (Лопатинского). Святитель Феофилакт был родом из Малороссии, образование получил в Киеве, в 1704 года переехал в Москву, вскоре назначен был ректором Московской Академии. В свое время вместе с префектом Академии архимандритом Гедеоном (Вишневским) он обличал всесильного любимца Петра и ставленника на архиерейскую кафедру Феофана в неправославии.

В 1728 году, когда позиция Феофана пошатнулась, архиепископ Феофилакт решил опубликовать труд своего учителя митрополита Стефана «Камень веры», обличавший протестантские лжеучения, в склонности к которым сильно подозревали всегда Феофана. Вокруг книги вспыхнула богословская полемика. В Лейпциге появилась резко критическая рецензия на нее, подписанная именем вскоре скончавшегося немецкого богослова Буддея, но, по мнению современников, составленная самим Феофаном. Архиепископ Феофилакт выступил с «Ответом» на эту критику в защиту труда своего учителя. Он пытался переиздать книгу, но шел уже 1731 год – в стране свирепствовала бироновщина, и попытка напечатать книгу, направленную против протестантизма – вероисповедания большей части правителей России, была затеей неосуществимой и крайне опасной. Феофан не преминул воспользоваться этим шагом своего прямодушного и бесстрашного противника. Он прямо обратился в тайную канцелярию, доказывая там, что поступок архиепископа Феофилакта «вреден» государству.

Начались исповеднические страдания святителя. Его исключили из Синода и удалили в Тверь. По требованию Бирона запрещен был «Камень веры», а Феофан тем временем анонимно пустил в обращение свой «Молоток на Камень веры», в котором развязно глумился над личностью стойкого борца за Православие митрополита Стефана. Чтобы добиться ареста святителя Феофилакта, Феофан внушил немецкому правительству России, что существует «злодейская фракция» к которой он причислял всех ревнителей Православия и что «фракцию» эту для блага государства надо непременно открыть и истребить. Начались новые аресты. Схватили иеромонаха Иосифа (Решилова), архимандрита Иосифа (Маевского), архимандрита Маркелла (Радыщевского), грека Евфимия Колетти, которые хорошо знали архиепископа Феофилакта. Их обвинили в измене, пытали, добивались признания, а главное, требовали показаний против святителя Феофилакта. О том, как велись допросы в застенках, можно судить по такой записи, сделанной в тайной канцелярии: «Маевский поднят на дыбу и вожжен по спицам 3–4 часа. А с подъема на дыбу и с вожения по спицам говорил то же, как выше показано, и в том утвердился. И по прошествии трех-четырех часов усмотрено по состоянию его, Маевского, что в себе слаб и более по спицам не вожжен и с дыбы спущен».

В 1735 году взяли архиепископа Феофилакта. Его отвезли в канцелярию Бирона, где предъявили обвинение в оскорблении величества. Но обвиняемый твердо заявил, что ничего не замышлял против императрицы. Ему с угрозами велели присягнуть в этом. И он со словами: «Совесть меня ни в чем не зазирает», – исполнил затребованное от него. После допроса у Бирона один из судей святителя Новоспасский архимандрит Иларион, возвращаясь домой, был внезапно разбит параличом и мертвым вывалился из коляски, причем даже слуги его не

заметили этого, а хватились о нем только дома, и вернувшись, нашли его бездыханным на дороге. В канцелярии Бирона стали пытаться исповедника. Его били батогами, поднимали на дыбы. Три года тянулось следствие. Доведя узника до полумертвого состояния, его объявили лишенным сана и монашества и заключили в Петропавловскую крепость. Освобожден он был уже после смерти императрицы Анны. Едва живого страдальца привезли в его дом в Петербурге. Возле его постели собрались члены Синода и объявили ему о возвращении сана. Блаженная кончина исповедника последовала 6 мая 1741 года. Между тем, в самый разгар его исповеднических страданий, в 1736 году умер его главный мучитель архиепископ Феофан. В предсмертные минуты он, вероятно, сознавая глубину своего нравственного падения, вздыхал: «О главо, главо! Разуму упившись, куда ся преклонишь?»

В 1740 году, после смерти Анны Российский престол перешел к ее внучатому племяннику младенцу *Иоанну Антоновичу*. Правителем-регентом стал Бирон. В правящей клике начались раздоры. Генерал *Миних* арестовал Бирона. Мрачная эпоха оскорбительной для православного русского народа тирании иноземцев подходила к концу. Начались амнистии осужденных. Вскоре, в 1741 году произошел новый переворот. Царственного младенца заключили в казематы Шлиссельбурга. Зачинщики заговора гвардейские офицеры возвели на престол дочь Петра *Елизавету*.

§ 2. Русская Православная Церковь в 1741–1762 годы

Воцарение Елизаветы Петровны в русском народе встречено было с надеждами на перемены к лучшему. Православное духовенство переживало это событие как освобождение от кошмара бироновщины. Проповедники с церковных кафедр прославляли новую царицу как спасительницу России от иноземного ига, как новую Эсфирь и Юдифь. Ректор Московской Академии архимандрит Кирилл (Флоринский), вспоминая о только что пережитом Россией ужасе, восклицал: «Доселе дремахом, а ныне увидехом, что Остерман и Миних с своим сонмищем влезли в Россию яко эмиссары дьявольские».

А Новгородский архиепископ Амвросий (Юшкевич) с кафедры провозглашал: «Преславная победительница избавила Россию от врагов внутренних и сокровенных. Такие-то все были враги наши, которые под видом будто верности Отечество наше разоряли, и смотри, какую дьявол дал им придумать хитрость! Во-первых, на благочестие и веру нашу Православную наступали. Но таким образом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительное христианству суеверие искореняют. О, коль многое множество под таким притвором людей духовных, а наипаче ученых истребили, монахов расстригли и перемучили! Спросите, за что? Больше ответа не услышишь, кроме всего: суевер, ханжа, лицемер... под образом будто хранения чести и здоровья и интереса государства о коль бесчисленное множество, коль многие тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных, невинных, весьма любящих в Тайную похищали, в смрадных узилищах и темницах заключали, голодом морили, пытали, мучали, кровь невинную проливали».

Святитель *Димитрий (Сеченов)*, впоследствии митрополит Новгородский, на Благовещение в 1742 году в присутствии императрицы дал такую характеристику пережитой поре: «Противницы наши... как прибрали все Отечество наше в руки, коликий яд злобы на верных чад российских отрыгнули, коликое гонение на Церковь Христову и на благочестивую веру воздвигли! Их была година и область темная; что хотели, то и делали! Во-первых, пытались благочестие отнять, без которого бы мы были горше турков, жидов и арапов... А наипаче коликое гонение на самых благочестия защитителей, на самых священных Тайн служителей! Чин духовный – архиереев, священников, монахов – мучили, казнили, расстригали... Монахов, священников, людей благочестивых в дальние Сибирские города, в Охотск, Камчатку, в Оренбург отвозят. И тем так устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповедники слова Божия молчали и уст не смели о благочестии отверсти»...

В характере новой императрицы многое внушало радужные надежды. Любовь к роскоши и удовольствиям не заглушала в ней искреннего и горячего благочестия. Набожность Елизаветы отчасти объясняется теми обстоятельствами, в которых протекала ее юность. При императрице Анне она была оттеснена от двора и вела полузатворническую жизнь. В молодости она часто приезжала в Александровскую слободу, где в женском монастыре спасалась ее тетка. Она любила ходить на богомолье по монастырям, особенно в Троице-Сергиеву Лавру. Строго постилась. В отличие от своего отца, Елизавета окружала себя «Божиими людьми» – странниками и юродивыми. При этом по характеру своему она была веселой, общительной и доброй. Лишенная всякого политического честолюбия, она вступила в негласный, но законный брак с простым певчим из казаков Алексеем Разумовским, который был воспитан в духовной среде и к духовенству всегда относился с большим почтением.

В канун переворота Елизавета долго молилась перед образом Божией Матери и дала обет: если она воцарится, никого не казнить смертью. Дала она и такой обет: по исходе каждого часа и днем и ночью молиться образу Спасителя, висевшему в изголовье ее кровати. И царица исполнила оба эти обета.

По характеру своему она была, как пишут современники, очень русской, и, несмотря на господствовавшие при дворе французские моды, совершенно похожей на боярынь допетровской эпохи. После десятилетнего засилья немцев при дворе стали видны почти одни только русские люди. Став императрицей, Елизавета много жертвовала на монастыри, особенно на Троице-Сергиеву Лавру. Для ее благочестия характерна такая черта: на доклад Сената о допущении евреев на ярмарки в Россию для подъема русской торговли она наложила резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли».

С воцарения Елизаветы сразу же началось возвращение из тюремных уз и ссылок неправомерно осужденных страдальцев. На волю вышел митрополит Игнатий (Смола), скончавшийся вскоре после освобождения. Святителю Льву (Юрлову) после освобождения было возвращено архиерейское достоинство, скончался он в 1755 году на покое в Московском Знаменском монастыре. Из сибирской ссылки вернулся святитель-исповедник Платон (Малиновский), которому тоже был возвращен епископский сан. Скончался он в 1754 году в сане архиепископа Московского.

Для предотвращения незаконных расправ над священнослужителями в 1742 году вышел указ, по которому первоначальный суд над духовными лицами даже по политическим обвинениям передавался Святейшему Синоду. С упразднением кабинета министров возвышено было значение Святейшего Синода. Он переходил в непосредственное подчинение верховной власти и, наряду с Сенатом, вновь становился высшей административной инстанцией в государстве.

С началом перемен к лучшему в положении Церкви члены Синода архиепископ Новгородский Амвросий и митрополит Ростовский *Арсений (Мацеевич)* подали доклад, в котором писали, что если государыне не угодно будет восстановить Патриаршество, то по крайней мере, необходимо восстановить должность Президента Синода; предлагалось также упразднить должность обер-прокурора и Коллегию экономии. Но Елизавета не согласилась пойти на эту реформу, ибо, несмотря на свою любовь к Церкви, она твердо придерживалась тех основ государственного строя, которые были заложены ее отцом: все законы Петра она объявила своими законами, а в предложенных мерах она узрела противоречие этим законам. Императрица согласилась лишь на подчинение Коллегии экономии Синоду – при Анне II апартамент, переименованный в Коллегию экономии, был передан в ведение Сената.

Митрополит Арсений вскоре после этого был выведен из состава Синода. Включенный в Синод по представлению архиепископа Амвросия, этот мужественный архиерей отказался присягать по установленной форме, заявив, что текст присяги, составленный Феофаном, унижителен и кощунствен, что неприлично именовать крайним судьей монарха. В этом он находил «недостойное ласкательство во унижение или отвержение истинного Крайнего Судии – Самого Христа». Взамен этого святитель предлагал такую формулу: «Исповедаю же с клятвою Крайнего Судию и Законоположителя духовного сего церковного правительства быти Самого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, полномочного Главу Церкви и Великого Архиерея и Царя, надо всеми владычествующего и всем имущего посудити – живым и мертвым». В конце царствования Елизаветы первоприсутствующим в Синоде был архиепископ Новгородский Димитрий (Сеченов). В Синод входили также архиепископ Санкт-Петербургский Вениамин (Григорович), епископ Псковский Гедеон (Криновский), архиепископ Крутицкий Амвросий (Зертис-Каменский), преосвященные Палладий Рязанский, Порфирий Коломенский и архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Лаврентий.

До 1753 года обер-прокурором Синода служил князь *Я.П. Шаховской*, честный служака, ревнитель государственного интереса. Он оставил после себя «Записки», которые содержат много любопытных сведений о деятельности Синода. Князь Шаховской был человеком, не чуждым Церкви, но, увлекаясь буквой закона, он постоянно вступал в распри с членами Синода, сталкиваясь с ними из-за мелких финансовых вопросов. Обер-прокурор, блюдя интересы государственной казны, протестовал то против увеличения жалования синодальным архиереям, то против перерасхода средств, поступавших от монастырских вотчин. Но позиции обер-прокурора в ту эпоху были еще весьма шаткими, и Синоду, опираясь на личные контакты его членов с императрицей, на поддержку духовника Елизаветы протоиерея Феодора (Дубянского) и благоволившего к духовенству графа Разумовского, часто удавалось с успехом противодействовать административному рвению обер-прокурора.

В области епархиального управления в 1744 году произошла важная перемена: вместо архиерейских приказов в великорусских епархиях по образцу южнорусских вводилась коллегиальная форма управления в виде консисторий. Князь Шаховской тщетно домогался, чтобы секретари консисторий были подчинены не правящему архиерею, а непосредственно обер-прокурору.

В царствование Елизаветы значительно увеличилось число епархий. При открытии Синода существовало **18** епархий, а к 1753 году их было уже **30**. В 28 из них насчитывалось до 18 000

приходов. В 1742 году бывшая Патриаршая область была разделена на Московскую и Петербургскую епархии.

Важные перемены происходили и в составе епископата. Отпала нужда искать ставленников на высшие церковные должности исключительно среди выпускников Киевской Академии. Набирали силу новые духовные школы, открытые в обеих столицах и в некоторых провинциальных городах. В 1754 году Елизавета подписала указ, чтобы Синод представлял на должности архиереев и архимандритов не одних малороссиян, но и из природных великороссиян. И среди иерархов вскоре добрую половину стали составлять великороссы. Они оказались более уживчивыми и покладистыми в отношениях с государственной властью, чем воспитанные в иной обстановке ученые киевские монахи, которые проявляли больше твердости и упрямства, меньше гибкости в отстаивании прав и привилегий Церкви. Среди архиереев елизаветинской эпохи были и истинные подвижники.

Иерархом высокой святости был епископ Белгородский *Иоасаф (Горленко)*. Святой Иоасаф родился на Рождество Богородицы в 1705 году в Прилуках в дворянской семье. При крещении он получил имя Иоаким. В 1712 году, когда мальчику исполнилось 7 лет, его отдали в Киевскую Академию. В девятнадцатилетнем возрасте, в тайне от родителей, он поступил послушником в Межигорский монастырь и через год принял постриг в рясофор с именем Иларион. Эту весть родители приняли с грустью, ибо в сыне хотели видеть своего главного наследника, но, люди благочестивые, они простили его и послали сыну родительское благословение.

О первой поре своего монашеского подвижничества святитель писал во время предсмертной болезни своей сестре: «Сестрица, излишняя ревность в начале не даёт мне ныне веку дожить». В 1727 году инок Иларион был пострижен в мантию и получил новое имя – Иоасаф. Киевский архиепископ Варлаам (Вонатович) рукоположил его в иеродиакона, а его преемник Рафаил (Заборовский) назначил святого Иоасафа экзаменатором при архиерейском доме. В 1734 году он был рукоположен в сан иеромонаха и через три года поставлен настоятелем Свято – Преображенского Межигорского монастыря.

Впоследствии святой Иоасаф был назначен наместником Троице-Сергиевой Лавры. Три года стоял он во главе братии этой древней обители. За время своего настоятельства он много трудов положил на восстановление монастырских строений, разрушенных от большого пожара.

В 1748 году в Петропавловском соборе Петербурга состоялась хиротония святителя Иоасафа во епископа Белгородского. Вверенная его окормлению епархия была обширна: в её состав входили современные Курская и Харьковская епархии, в ней числилось 1060 церквей. Значительная часть духовенства была малограмотна. И новопоставленный архиерей без устали трудился над тем, чтобы поднять уровень образования клириков.

Объезжая епархию, Иоасаф экзаменовал священников: невежественных посылал доучиваться в Белгород, а вовсе безнадёжных отрешал от служения. Святитель строго наблюдал за тем, чтобы запасные Святые дары хранились с надлежащим благоговением. Однажды он остановился в доме священника, который был в отъезде. Оставшись один, святитель почувствовал необычный ужас. Он не мог уснуть. Рассматривая вещи, находившиеся в комнате, он нашел на полке бумагу, в которой были завернуты Святые Дары. Их присутствие в недолжном месте и смущало чуткую душу святого. Бережно положив Дары на стол, святой Иоасаф до утрени молился перед ними. Когда хозяин вернулся домой, святитель немедленно лишил его священного сана.

С подчиненным ему духовенством святитель Иоасаф был и требователен, и милостив. Он умел защитить клириков от произвола сильных мирских начальников. Был он щедрым благотворителем. Все доходы кафедры раздавал бедным. Нищие всегда имели к нему свободный доступ. Перед праздниками он через келейника посылал нуждавшимся деньги и платье. Келейник, сложив все у окна или на пороге, должен был постучать в стену, чтобы обратить внимание хозяина, и побыстрее уйти, оставаясь неузнанным. Когда келейник болел, святитель сам в одежде простолюдина ходил по городским улицам, разнося тайную милостыню.

Святитель Иоасаф был человеком болезненным и предчувствовал, что умрет рано. Он непрестанно памятовал о смерти и денно и ночью готовился к ней. По исходе всякого часа святитель творил составленную им молитву, которая и поныне называется молитвой святого Иоасафа Белгородского: «Буди благословен день и час, вонь же Господь мой Иисус Христос мене ради родился, распятие претерпе и смертью пострада. О, Господи Иисусе Христе Сыне

Божий, в час смерти моя прими дух раба Твоего в странствии суща, молитвами Пречистой Твоей Матери и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки веков. Аминь!»

В последний год своей жизни, в мае, святитель, отправляясь на родину, простился с паствой и сказал, что уже не вернется на кафедру. Он велел к осени устроить склеп для него в Троицком соборе. Возвращаясь из Прилук в Белгород, он опасно заболел в пути и через два месяца, 10 декабря 1754 года, скончался в селе Грайвороне. Когда родные святого, извещенные о его кончине, пришли с печальной вестью к его престарелому отцу, тот, прежде чем они заговорили, сказал: «Знаю, что вы пришли ко мне с известием о смерти сына моего Иоасафа. Но я это узнал прежде вас. 10 декабря вечером мне был голос: сын твой, святитель, скончался».

Денег после святого осталось 70 копеек медью, и консистория запрашивала Синод о средствах на погребение архиерея. До половины февраля тело почившего оставалось непогребённым в ожидании Переяславского епископа Иоанна (Козловича), задержанного разливом. И за этот срок оно не было тронуто тлением. Погребли святителя в построенной по его воле гробнице в Троицком соборе. Через два года после его кончины несколько причетников, уверенные в праведности усопшего, тайком открыли гроб. Несмотря на сырость склепа, мощи святого, его одежда и самый гроб обретенны были без всяких признаков тления. Слух об обретении мощей быстро распространился по России. К могиле святого стали собираться больные, и по молитвам к праведнику происходили многие исцеления.

В 1761 году скончалась императрица Елизавета. Престол перешел её племяннику – сыну Шлезвиг-Голштинского герцога *Карлу-Петру-Ульриху*, вызванному тёткой из Германии, присоединённому к Православной Церкви и переименованному в *Петра III Феодоровича*. Но преобразовать наследника Российского престола в русского человека не удалось. В душе он оставался немцем и лютеранином. Православие, русский народ он не только не понимал, но и не любил. К тому же, достигнув зрелых лет, он оставался ребячлив и странен. Царственная тётка часто с горечью говорила о нём: «*Племянник мой урод...*», «*проклятый племянник*».

Воцарение этого «окраденного умом» любителя игр в оловянные солдатки не сулило Православной Церкви ничего доброго. Сразу по воцарении Пётр III заявил о своём намерении сократить число икон в православных церквях. Тогда же в беседе с Новгородским архиепископом Димитрием (Сеченовым) он выразил желание, чтобы русское духовенство брило бороды и одевалось в короткое платье, как одеваются немецкие пасторы. В своём дворце новоявленный император собирался построить лютеранскую молельню под тем предлогом, что она нужна для дворцовой прислуги, исповедовавшей протестантизм. Но архиепископ Димитрий заявил на это ему, что «русское духовенство скорее даст себя вовсе истребить, чем станет равнодушно и в молчании смотреть на такие нововведения». По свидетельству современников, за богослужением в придворной церкви Петр III обыкновенно, ко всеобщему соблазну, свободно разгулировал, вступал в беседы с иностранцами. О Православии он всегда высказывался с пренебрежением и даже презрительно.

По подсказке окружавших престол временщиков Воронцовых и Шуваловых в 1762 году Петр III издал указ о полной секуляризации церковных недвижимостей с передачей ведавшей ими Коллегии экономии Сенату. Духовенство было потрясено этой мерой. Архиепископ Московский Тимофей (Щербацкий) писал своему другу митрополиту Арсению (Мацеевичу): «Всех нас печальная сия тронула перемена, которая жизнь нашу ведет к воздыханиям и болезням... До сего дожили мы по заслугам нашим». И митрополит Арсений подал протест против этого мероприятия, составленный в настолько сильных выражениях, что схиеромонах Лука, доставивший бумагу во дворец, после прочтения ее императором «от страха лишился ума».

Через три месяца после издания указа о секуляризации церковных земель Петр III был свергнут с престола и вскоре «скоропостижно скончался». Российской самодержицей провозгласили зачинщицу заговора вдову царя *Екатерину II*.

§ 3. Русская Православная Церковь в 1762–1801 годы

В манифесте Екатерины II от 28 июля 1762 года, который был составлен архиепископом Димитрием (Сеченовым), устранение Петра III объяснялось, прежде всего, тем, что в его правление нависла угроза над Православной Церковью. «Всем прямым сынам Отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству начиналась самым делом, а именно: закон наш православный греческий первее всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так что Церковь наша Греческая крайне уже подвержена, оставалась последней своей опасности переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона».

Екатерина любила выставить себя верной дочерью Церкви, защитницей Православия. На деле, однако, императрица, по рождению лютеранка, с легкостью, но едва ли по внутреннему убеждению перешедшая в православие, была человеком не религиозным. Она придерживалась деистических воззрений, распространенных в Европе в век Просвещения. Екатерина состояла в переписке с Вольтером, Дидро, Даламбером. Но крайних взглядов, до которых доходили эти философы, она, во всяком случае на словах, не разделяла. Атеисту Дидро она писала: «Радуюсь, что принадлежу к числу безумцев, которые верят в Бога».

И все же современник Екатерины историк князь М.М. Щербатов позволил себе усомниться в этом. Он писал: «Имеет ли она веру к Закону Божию? Ибо, если бы сие имела, то бы самый Закон Божий мог исправить ее сердце и наставить стопы ее на путь истины. Но нет! Упоена бессмысленным чтением новых писателей. Закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает».

В основе ее воззрений на отношения между Церковью и государством лежала острая неприязнь к католической доктрине «двух мечей», ко всякому клерикализму, в котором она, совершенно напрасно, подозревала православное духовенство. Религиозный фанатизм, который она находила в любом проявлении религиозной ревности, пугал и отталкивал ее. Екатерина придерживалась принципов широкой веротерпимости, доходившей до полного индифферентизма. Как государственного деятеля ее хорошо характеризует одно замечание, сделанное ею до восшествия на престол: «Уважать веру, но никак не давать ей влиять на государственные дела».

Искусный и тонкий политик, она не сразу обнаружила своих намерений по отношению к Церкви. Через две недели по ее воцарении Сенат издал постановление о возвращении епархиальным домам, монастырям и церковным причтам принадлежавших им ранее земельных владений. Но радость духовенства по этому поводу оказалась преждевременной. Прошло еще три недели, и вышел манифест, в котором объявлялось намерение правительства заново рассмотреть вопрос о церковных вотчинах: «Не имеем мы намерения и желания присвоить себе церковные имения, только имеем данную нам от Бога власть предписывать законы о лучшем оных употреблении на славу Божию и пользу Отечества. И для того под покровительством Божиим намерены мы в совершенство привести учреждение всего духовного штата, сходственно с узаконениями церковными, которым следовал и вселюбезнейший дед наш государь император Петр Великий, учредя на то особливую из духовных и светских персон под собственным нашим ведением комиссию».

В Комиссию вошли президент Синода преосвященный Дмитрий (Сеченов), возведенный в сан митрополита, архиепископ Санкт-Петербургский Гавриил (Кременецкий), епископ Переяславский Сильвестр, а также обер-прокурор князь А. Козловский, князь А.Б. Куракин, князь С. Гагарин, граф И.И. Воронцов, и Г. Теплов. Результатом работ этой комиссии явился знаменитый Церковный Указ о церковных владениях, изданный 26 февраля 1764 года, которым проводилась последняя черта под многовековым спором о монастырских вотчинах.

Указ окончательно упразднил церковное землевладение в России. Все церковные имения передавались Коллегии экономии, и церковные учреждения совершенно устранялись от управления ими. Часть средств, поступавших от секуляризованных имений, после ряда сокращений всего лишь 1/7, Коллегия экономии должна была выдавать на содержание епархиальных кафедр, монастырей и приходских причтов. Остальное шло на государственные нужды. Епархии разделялись на три класса, и содержание их назначалось в зависимости от

класса. Для монастырей вводились так называемые «штаты». Большая часть обителей оказалась за рамками штатов, и, как правило, такие монастыри упразднялись.

Указ о секуляризации церковных владений явился страшным ударом по монастырям и монашеству. Изъятие церковных имений в казну проводилось под предлогом лучшего устройства церковных дел и государственной пользы. На деле же эта реформа не только влекла за собой разорение церковной жизни, она не принесла большей выгоды государственной казне, ибо значительная часть секуляризованных имений роздана была фаворитам императрицы. Ревностные архиереи, монахи и клирики, благочестивые миряне с сердечной болью переживали страшное разорение монастырей. Но мало кто решился на открытое возражение.

Резкий протест выразил митрополит Ростовский *Арсений (Мацеевич)*. Родился он в 1697 году на Волыни в семье священника шляхетского рода. Образование получил во Львове и в Киевской Академии. Рукоположенный после пострига в сан иеромонаха, он был назначен экзаменатором ставленников при Московской синодальной канцелярии.

Единомышленник святителей Стефана (Яворского) и архиепископа Феофилакта (Лопатинского), он защищал православную веру от западного религиозного влияния. Возражая на «Молоток» Феофана, он давал апологетическую биографию своего учителя митрополита Стефана. С горечью обращался он в «Возражении» к Феофану; «Ты, не наша веры и Церкви человек, сделался Церкви нашей указчик или уставщик». Утешение он находил, однако в том, что «хотя и Синод вместо Патриарха у нас имеется, однако тебе, врагу и сопернику Церкви нашей, выторжка не обретаётся, понеже по твоему хотению не сделалось, дабы, как ваш регент, так и пасторы ваши в Синоде присутствовали. Но как прежде Патриарх Российский, так и ныне Синод в той же Церкви Божиею милостию состоит, в которой четверо престольные Патриархи православно-восточные начальствуют».

В 1734 году иеромонах Арсений отправился духовником с морской экспедицией на Камчатку. После этого он несколько лет служил экзаменатором ставленников в Петербурге. В 1741 году совершенно неожиданно его хиротонисали в митрополита Тобольского. Присягая возведенному на престол младенцу Иоанну VI, святитель отказался давать присягу его матери-регентше, которая оставалась лютеранкой. Новый переворот спас бесстрашного архиерея от расправы. Митрополит Арсений был переведен на древнюю Ростовскую кафедру, он участвовал в коронации Елизаветы и был введен в Синод, но в связи с отказом от присяги по установленной при Петре форме его отослали из Петербурга на кафедру в Ростов.

Опекая семинарию, устроенную в Ростове при святителе Димитрии, митрополит показал себя противником царившей в семинариях латинской схоластики. Он писал: «Школы при архиереях не иные нужны, только русские; понеже в церквах у нас не по латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, и служба Божия совершается по-русски».

Когда в начале царствования Екатерины II поднят был вопрос о церковных землях, митрополит Арсений встревожился о судьбе Церкви. В самый разгар работы комиссия по церковным владениям, в 1763 году, в Неделю Православия, он велел в чине анафематизмов расширить клятву на отнимающих у Церкви «села и винограды». Один за другим стал он подавать протесты в Синод. «Горе нам, бедным архиереям, – писал он тогда, – яко не от поганных, но от своих мнящихся быти овец правоверных толикое мучительство претерпеваем».

Святитель страшился за судьбу монастырей, опасался их совершенного исчезновения в России. Если дела и далее пойдут в том же духе, то, – предрекал он, – «такое нашему государству приходить будет не токмо со всеми академиями, но и с чинами или на раскольничье, или на лютеранское или кальвинское или на атеистское государство».

Протесты встревоженного архипастыря доведены были до сведения императрицы. Екатерина вознегодовала и возненавидела «мятежного» архиерея, называла его «лицемером, пронырливым и властолюбивым бешеным вралём»; и, наконец, велела его судить Синоду. Суд над митрополитом Арсением состоялся 14 апреля 1763 года в Москве. Синод приговорил его к лишению архиерейского сана. Главным судьей был давний недоброжелатель подсудимого Новгородский митрополит Димитрий.

В Кремлевских Патриарших Крестовых палатах при стечении большой толпы народа, заполонившей Синодальный двор, состоялось снятие сана с осужденного. Народ пришел не из одного любопытства, но и от сострадания к гонимому святителю. Когда с осужденного срывали святительское облачение, он предсказал совершавшим над ним эту позорную церемонию плачевный конец. Митрополиту Димитрию он сказал, что тот задохнется собственным языком.

Крутицкому архиепископу Амвросию (Зертис-Каменскому), своему прежнему другу, он предсказал смерть от руки мясника: «Тебя, яко вола, убьют», а епископу Псковскому Гедeonу (Криновскому) предрек: «Ты не увидишь своей епархии». Так все и исполнилось впоследствии: митрополит Димитрий умер в 1767 году от опухоли языка, архиепископ Амвросий был убит в 1771 году в Москве во время холерного бунта, а епископ Гедeon, вскоре после суда удаленный в свою епархию, умер по дороге, не доехав до Пскова. 4 июня в Кремле рухнула церковь Трех Святителей Московских, смежная с Крестовой палатой, в которой судили опального архиерея.

Между тем, лишенный сана исповедник, в одеянии простого монаха, был под караулом отведен на Север, в Николо-Корельский монастырь, в тот самый, где в заточении скончался архиепископ Феодосий (Яновский), переименованный в Федоса.

Ненависть царицы к исповеднику не угасла даже после расправы над ним. В 1767 году, когда стало известно, что митрополит Арсений не переменял своих взглядов и считал себя незаконно осужденным, Екатерина потребовала предать его новому суду. На этот раз страдальца лишили монашества и заточили в Ревельскую крепость в крохотную камеру под именем «преступника Андрея Вралья». Коменданту крепости Тизенгаузену Екатерина писала: «У вас в крепкой клетке есть важная птичка. Береги, чтоб не улетела». Офицерам и солдатам запрещено было вступать в разговор с заключенным. По некоторым сведениям, узнику затыкали рот.

28 февраля 1772 года муки узника закончились – великий страдалец за Церковь отошел на суд Нелицеприятного Судии. Священник, напутствовавший его перед смертью, в страхе вышел из каземата со словами: «Вы мне говорили, что надо исповедовать и приобщать преступника, а предо мной стоит на коленях архипастырь». На стене его тюрьмы остались слова, которые узник начертал углем: «Благо, яко смирил мя еси». Несмотря на все старания правительства изгладить имя исповедника из народной памяти, православный народ тайно чтит страдальца за Церковь. Поместный Собор 1917–1918 гг. отменил несправедливый приговор Синода о митрополите Арсении и посмертно возвратил ему архиерейское достоинство.

Страшная участь этого ревнителя произвела жуткое впечатление на иерархию и позволила правительству без всякого риска провести секуляризацию церковных земель в великорусских епархиях. В 1786 году такого же рода реформа была проведена в Малороссии, а через два года – в Слободской Украине. Деятельным помощником правительства в проведении секуляризации на юге России был Киевский митрополит Самуил (Миславский).

После секуляризации церковных земель и расправы над митрополитом Арсением правительство стало относиться к Церкви с бесцеремонностью, которая заставляла вспомнить о временах бироновщины. Обер-прокурором в Синод назначен был *И.И. Мелиссино*, который не скрывал своих деистских воззрений. В 1767 году, когда подавались всякого рода законодательные проекты в Комиссию по Новому уложению, Мелиссино представил на рассмотрение Синода проект, в котором, помимо введения неограниченной веротерпимости, предлагал ослабить и сократить посты, отменить вечерни и всенощные, а вместо них ввести краткие молитвы с поучениями народу, прекратить содержание монахов, епископов и белого духовенства из казны, епископам позволить «с законными женами сожитие иметь», отменить «поминовение усопших» и даже воспретить причастие младенцев в возрасте до 10 лет. Нелепость этого проекта потрясла членов Синода, и они попросту отказались принимать этот враждебный Православию документ на рассмотрение.

В 1768 году Мелиссино был уволен с поста обер-прокурора. Его заменил *П.П. Чебышев*, невежественный солдафон в чине бригадира, который, понаслышке узнав о «современных идеях», открыто щеголял атеизмом, и в присутствии членов Синода не сдерживался от употребления «гнилых слов». Чебышев всячески препятствовал изданию апологетических сочинений, направленных против деизма и неверия. По подозрению духовенства в «фанатизме» из ведения Синода изъяты были все дела о нарушении благочиния, о богохульстве, о колдовстве и суевериях. Мнения членов Синода часто не принимались во внимание при решении важных для Церкви вопросов.

Большим авторитетом зато пользовался духовник Екатерины протоиерей Иоанн Памфилов. По существу это был один из временщиков. Своё влияние он часто использовал для заступничества за белое духовенство против архиереев и монашествующих, которых сильно недолюбливал. Духовник царицы первым из протоиереев был награжден митрой, что воспринято было иерархией как унижение архиерейского сана.

В царствование Екатерины II окончательно рушится прежняя монополия малороссийского монашества на занятие архиерейских кафедр. События церковной жизни убедили правительство в том, что малороссы проявляют больше упорства, меньше гибкости и уступчивости. Епископы из великороссов ближе к сердцу принимали государственные интересы России, они проявляли больше терпения и смирения в отношениях с правительством и потому не вызывали у власти особых опасений. А главное, с расцветом Московской Академии, с подъемом уровня образования в семинариях отпала нужда в подборе ставленников на архиерейство исключительно из числа киевских «академиков».

Уже при Елизавете на первенствующее место в российской иерархии выдвинулся архиепископ Новгородский Димитрий (Сеченов), который сразу по воцарении Екатерины возведен был в сан митрополита. Впоследствии виднейшими иерархами стали митрополит *Гавриил (Петров)*, митрополит *Платон (Левшин)*, архиепископ *Иннокентий (Нечаев)*, архиепископ *Амвросий (Подобедов)*.

За время царствования Екатерины II в связи с расширением пределов империи и приведением епархиального деления в соответствие с административным делением страны по губерниям число епархий Русской Церкви увеличилось до 36. Значительно выросло за эти годы и православное население России.

Французская революция, начавшаяся в 1789 году и приведшая к казни королевской четы, заставила императрицу заново продумать вопрос о влиянии просветительских, деистских и вольтерианских идей, которыми охотно кокетничала она до тех пор, на общественную и политическую жизнь. Напуганная грозными европейскими событиями, Екатерина приняла решение: «Закроем высокоумные наши книги и примемся за букварь». Последовал ряд действенных мер против масонства, против всех вообще тайных обществ, против бесконтрольного ввоза книг из Франции. Но одними запретами и ограничилась реакция правительства на противохристианский дух новейшей европейской философии, который до революции почти насаждался в высшем обществе, а теперь был признан опасным и подрывным. Более глубоких перемен не последовало. В душе Екатерина по-прежнему оставалась далекой от православия.

В 1796 году Екатерина II скончалась. Престол перешел к ее сыну *Павлу Петровичу*, которого до тех пор тщательно устранили от всякого участия в государственных делах. Отчуждение от двора внушило Павлу острую неприязнь ко всем начинаниям своей матери, к самому духу, царившему при дворе. В противоположность вольтерьянской атмосфере Екатерининского двора, Павел взращивал в себе религиозные и почти клерикальные настроения.

За короткое время своего царствования он сделал много доброго для Церкви: освободил духовных лиц от телесного наказания, увеличил штатные оклады духовенству, принял меры по обеспечению вдов и сирот духовного звания, повысил ассигнования на духовные школы. Но всячески жалую духовенство, Павел прибегал к странным и неуместным мерам: он стал награждать духовных лиц светскими орденами, лентами, аксельбантами. Сохранился портрет Псковского епископа Ириней с аксельбантами. Митрополит *Платон (Левшин)*, законоучитель царя в его отроческие годы, узнав о намерении Павла наградить его орденом, просил воздержаться от этой милости и дать ему умереть архиереем, а не кавалером.

Человек неуравновешенный, вспыльчивый, почти душевнобольной, Павел изливал на духовных лиц не одни только милости, но часто и ничем не вызванный гнев, подвергал их несправедливой опале, при нем пострадал митрополит Петербургский *Гавриил (Петров)*, которого он невзлюбил за одно то уже, что к его уму и такту с уважением относилась Екатерина II.

Император России создавал себя вождем европейской реакции, воевавшей против революции. Поэтому он считал своим долгом всячески поддерживать папу, иезуитов, Мальтийский орден. В них он видел опору в борьбе с крамолой. «Романтическая» церковность Павла носила черты, чуждые православному духу. Он первым из русских самодержавцев дерзнул официально назвать себя главой Церкви. Во внутренней политике Павел проявлял подчеркнутый антиаристократизм, стремился стать «народным царем», что ставило его в весьма натянутые отношения с придворными кругами. Неожиданная переориентация внешней политики, угрожавшая британским интересам, стоила Павлу жизни. 11 марта 1801 года совершился очередной государственный переворот, инспирированный английским посольством. Император Павел был убит заговорщиками.

§ 4. Русская Православная Церковь в Польше

В Белоруссии и на правобережной Украине православный русский народ, оставшийся под польским гнетом, терпел в XVIII веке неслыханные страдания. Чрезвычайно влиятельное в Польше католическое духовенство, фанатично враждебное православной вере, подталкивало правительство на ужесточение притеснительных мер против Православной Церкви и православных подданных. В 1717 году запрещено было строить новые православные храмы и чинить ветхие. В 1736 году по требованию католических епископов издан был универсал, по которому для рукоположения православного священника требовалось соизволение короля.

Ксендзы подстрекали католическую шляхту и чернь на преследование православных. Православную веру поносили и оскорбляли, называли её «собачьей», «холопской», клеймили как арианскую ересь. Для оскорбления религиозных чувств православных их храмы продавали арендаторам-евреям, которые взимали плату за то, чтобы открыть храм для богослужения, и при этом хулили Христа и христианство. За недоимки арендаторы закрывали храмы, предавали священников суду, выгоняли их из домов и даже добивались их казни. Украина и Белоруссия официально именовались в католических церковных инстанциях *partes infidelium* (страны неверных). Туда направлены были толпы миссионеров–иезуитов и базилиан, которые мечом и огнем загоняли православных в унию.

Православных священников били плетью, сажали в тюрьмы, морили голодом, травили собаками, отрубали им саблями пальцы, ломали руки и ноги. На монастыри нападали толпы бесноватой черни, грабили и сжигали святые обители, монахов мучили и убивали. Архиепископ Георгий (Конисский) так описывал жизнь православных в Польше: «Духовные и сильные мирскою властью гоняли православный народ, как овец, в костел или униатский храм. Во время самого чтения Евангелия входил в храм приказчик, бил народ плетью и гнал его, как скот из хлева... Детей били розгами пред глазами матерей, матерей – пред глазами детей... На моих глазах несколько раз секли девицу сперва розгами, потом шиповником, чтобы отреклась от веры и – не отреклась. Женщину с грудным младенцем полгода держали в тюрьме, младенца она лишилась там же, а муж бит и замучен особо; ей самой жгли пальцы, чтоб отреклась нашей веры, и – не отреклась. Другая закована была в кузницу (железный ошейник) и удушена».

С 1707 по 1728 годы Могилевскую кафедру занимал епископ Сильвестр (князь Четвертинский), который много потерпел от врагов Православия. Самая жизнь его постоянно находилась в опасности.

Великим страдальцем и борцом за Православие был архиепископ Георгий (Конисский). Он был подданным России, родился в 1717 году в Нежине в дворянской семье. Учился в Киевской Академии и принял там монашеский постриг. В 1751 году он был назначен ректором Академии, а через 4 года состоялась его хиротония во епископа Могилевского. Это была тогда единственная православная епархия на территории Речи Посполитой. Святитель Георгий страдал от изуверского фанатизма католиков еще больше своих предшественников – епископов Сильвестра, Арсения, Иосифа и Иеронима.

В 1759 году в Орше банда вооруженных пистолетами и саблями головорезов напала на него во время богослужения в храме. Чтобы спасти жизнь архипастыря, его вывезли тайком из города в телеге, прикрытой навозом. В 1761 году в Могилеве подстрекаемая доминиканским миссионером толпа студентов-иезуитов напала на архиерейский дом и семинарию, разломала ворота, побила и поломала все, что попадало под руки. Разъяренные изуверы избили и покалечили монахов, семинаристов, служителей.

Архипастыря укрыли в сырых подвалах архиерейского дома. В своих гонениях на Православие костел и католическая шляхта зашли слишком далеко, и Господь остановил их. Православные подданные Речи Посполитой видели в России свою естественную покровительницу и защитницу. В Петербург, ко двору и в Синод, сотнями шли из Польши жалобы и просьбы о заступничестве. В 1762 году присутствовавший на коронации Екатерины II епископ Георгий в речи перед императрицей поведал о скорбях своей гонимой паствы и умолял Екатерину заступиться за православных. Правительство России наконец склонилось к мысли о необходимости защитить русское население Польши.

В 1765 году на польский престол вззошел король *Станислав-Август*, который искал дружбы с Россией и пользовался покровительством Екатерины. С речью перед королем выступил

епископ Георгий. «Одна только вера, – сказал он, – ставится нам в преступление... Наши храмы, где прославляется Христос, затворены, а жидовские синагоги открыты... За то, что страшимся бесстыдно поступать против совести, присуждают нас в темницы, на раны, на меч, на огонь». Речь архиепископа была переведена на все европейские языки и привлекла внимание Запада к страданиям православных, тем более что в Польше дискриминации подвергались и немногочисленные протестанты. Король обещал заступиться за православных и протестантов. Но из-за сопротивления костела, магнатов и шляхты ничего не было сделано для улучшения их участи. Последовали энергичные ноты от государств Российского, Английского, Прусского, Шведского и Датского. Сейм, на который король не смог оказать влияния, отверг требования держав. И Россия направила свои войска в Польшу. Только тогда сейм смирился.

В 1767 году были отменены все законы, направленные против православных и протестантов. Но католическая церковь оставалась в Польше государственной религией.

Униатские клирики, и даже архиереи, вступили в переговоры с епископом Георгием о возвращении в православие. Некоторые приходы поголовно выходили из унии и возвращались в лоно Матери-Церкви. Православный архиепископ просил Екатерину II потребовать от Польши свободы и безопасности для желавших перейти из унии в православие. Но удерживаемая сложными политическими расчетами, императрица отказалась выполнить эту просьбу. Между тем католическая шляхта, недовольная уступчивостью короля, открыла конфедерацию в городе Баре, которая подняла восстание против короля в защиту привилегий католического населения. Король обратился с просьбой о помощи к русскому правительству. Восставшие конфедераты развязали террор против православных на Украине. Убивали женщин, детей, стариков, мучили священников и монахов. Ответом на резню конфедератов явилось крестьянское восстание гайдамаков, которые сурово расправились в Умани со своими притеснителями. Екатерина II увидела в восстании гайдамаков не столько дружественное России православное национальное движение, сколько крестьянский бунт, и распорядилась подавить восстание.

Одновременно фельдмаршалу Румянцеву приказано было, действуя вместе с королевскими войсками, разгромить конфедератов. Вожаки конфедератов Красницкий и Потоцкий обратились за помощью к Франции и Турецкой Порте. Турция объявила войну России и потерпела поражение. В этих обстоятельствах прусское правительство предложило разделить территорию Польши. В 1772 году произошел **первый раздел**. Россия получила восточную часть Белоруссии с Могилевом и Витебском. На отошедшей к России территории униаты массами возвращались сами в Православие. В самой Польше в 1770–1780 годы 800 униатских приходов вернулось в лоно Святой Церкви. На русской земле, оставшейся в пределах Речи Посполитой, учреждена была православная Переяславская епархия.

Но притеснения православных в Польше не прекращались. В 1789 году епископ Переяславский Виктор, утвержденный королем, был схвачен, закован в кандалы и силой доставлен в Варшаву. Многие из священников вынуждены были бежать в Россию.

В начале 90-х годов в Польше начались новые междоусобные смуты. Образовалась антирусская Торговицкая конфедерация. В ответ на это Екатерина II опять послала войска в Польшу, а с запада двинулась прусская армия. Гродненский сейм 3 июля 1793 года принял требования России и Пруссии: состоялся **второй раздел** Речи Посполитой, по которому к России отошли исконно русские земли – Минская область, половина Волыни, Подол. Тогда же была учреждена отдельная Минская епархия.

Прошло полгода – и в Польше вспыхнул новый мятеж. Ночью в Великий Четверг 1794 года заговорщики напали на русский гарнизон в Варшаве. Под ножами тайных убийц пало более 2000 русских солдат. Восстание было подавлено войсками А.В. Суворова. Вслед за взятием Варшавы в 1795 году последовал **третий и последний раздел** Польши. К России отошла Литва с городом Вильно, Гродненская область и Курляндия. Ни пяди исконно польских земель не досталось России – вместе с Русской Галицией они были присоединены к Австрии и Пруссии. Задуманная в Риме насильническая и авантюристическая уния, поставившая в положение париев едва ли не половину населения Речи Посполитой, обернулась для Польши потерей национального суверенитета. Цепляясь за остатки великодержавных претензий, польские шовинисты погубили свое государство.

На территориях, отошедших к России, продолжалось массовое возвращение униатов к прародительской вере. К 1795 году 2300 униатских приходов с более чем миллионом прихожан воссоединились с Православной Церковью. Всего за годы правления Екатерины II примерно два

миллиона униатов вернулись в Православие. Возвращение униатов всегда и везде проходило добровольно и мирно. Архиепископ Георгий (Конисский) скончался в 1795 году. Господь судил ему увидеть благодатные плоды его архипастырских трудов и исповеднических подвигов. Кровавые скорби православных в землях, возвращенных Россией, прекратились. Но еще целый миллион униатов оставался в нашей стране, а за ее пределами, в отошедшей к Австрии Галиции, католическое и польское меньшинство продолжало господствовать над удерживаемым в унии русским народом и над немногочисленным православным населением, сохранившим, несмотря на вековые религиозные гонения, веру отцов.

§ 5. Приходское духовенство

В петровскую эпоху русское духовенство стало постепенно замыкаться в особое сословие, которое в законодательных актах именовалось обыкновенно «духовным чином». Сословность духовенства порождена была сословностью всего государственного и общественного строя России, сложившегося в эту эпоху, с характерными для него барьерами между отдельными состояниями, дворянством, городским гражданством, крестьянством.

Образование духовного сословия сопровождалось падением значения выборного начала при замещении церковных мест. В великорусских епархиях уже в начале XVIII века сложился такой порядок, что кандидатами при выборах значились, как правило, выходцы из духовного чина. Причем выборный обряд постепенно вылился в чистую формальность. Прихожане, плохо знавшие кандидатов, с равнодушием относились к исходу выборов. Указом Синода 1739 года выборы сведены были к свидетельству прихожан о добропорядочности ставленника, судьба же ставленника вполне решалась волей архиерея. В конце XVIII века от былых выборов остался лишь обязательный отзыв «лучших прихожан» о кандидате. Отзыв этот подлежал усмотрению епископа и вполне мог игнорироваться. Протесты на пренебрежение отзывами «лучших прихожан» поступали крайне редко и чаще всего не имели последствий. Несколько иначе обстояло дело с приходскими выборами в южнорусских епархиях. В начале XVIII века церковные места там делились на патронатские, в которых выбор самого ставленника зависел от воли вотчинника, и вольные. На выборы священника в вольном приходе собирався большой съезд, в котором участвовали не одни прихожане, но и «люди околичные» – клирики и миряне из соседних приходов. Претендентами на место выступали не только поповичи, но и выходцы из крестьян, казаков, мещан, получившие образование в Киевской Академии, Харьковском коллегиуме или Переяславской семинарии. Как кандидаты являлись на выборы и так называемые «дикие попы» – рукоположенные в Молдавии, Турции или бежавшие из Польши страдальцы за православную веру.

Открывал собрание священник, присланный архиереем. Он обращался к прихожанам с вопросом: «Кого велите, панове-громада?» Начинались шумные дебаты. Выборщики кричали и спорили, составляли «партии». Избранный громадой ставленник провозглашался «паном-отцом», делалась складчина для его снаряжения к архиерею, и пана-отца отправляли «промоваться на попа» к епископу.

Но в середине XVIII века и в Малороссии архиереи стали пренебрегать выборами при замещении церковных мест; к концу столетия значение выборов и там практически упразднилось.

Важным фактором в вытеснении приходских выборов из жизни Церкви явился подъем школьного духовного образования, в связи с чем повысилось значение образовательного ценза для ставленников. В Московской епархии при Екатерине II утвердилась практика предоставлять священнические места «богословам» (выпускникам последнего, богословского, класса семинарии), а диаконские – «философам». Епархиальные консистории повсеместно стали сообщать списки приходских вакансий в семинарии. Между тем дети клириков составляли подавляющее большинство среди учащихся сословных школ в Великороссии. Сами школы приобретали здесь сословный характер, закрывались для выходцев из дворян и податных состояний. Киевская академия и малороссийские семинарии вплоть до екатерининской эпохи сохраняли всесословный характер, но в конце столетия и они замкнулись в школы для детей духовного чина. Еще одним обстоятельством, содействовавшим превращению духовенства в особое сословие, явилась весьма распространенная, хотя и негласная, практика передачи церковных мест по наследству. Дом и усадьба священника, как правило, находились в его частной собственности. Поэтому сын, получив надлежащее образование, оказывался гораздо более приемлемым кандидатом на замещение отцовского места, чем чужой человек, которому, чтобы получить место, пришлось бы выкупать дом и усадьбу. Если же после смерти священника его сыновья были уже устроены, но оставались вдова или дочь на выданье, то они-то и становились наследницами отцовской недвижимости. И соискатель священнического места, женись на дочери и беря на себя обязательство содержать вдову-мать, становился вполне подходящим претендентом на место своего покойного тестя. Из наследственного права на дом и усадьбу выросла наследственность самих священнических, диаконских и причетнических мест. Причем чаще всего наследство закреплялось не за сыновьями, а за дочерьми-невестами. Такого

рода наследственность поддерживалась епархиальными архиереями, которые почитали своей обязанностью заботиться об устройении материального благополучия семейств духовного чина.

Уродливым порождением негласного наследственного права на церковные места стала продажа этих мест. Когда в семье покойного священника диакона не было ни наследника, ни невесты-наследницы, то семья продавала дом ставленнику, а вместе с домом продавалось и место, то есть за дом сильно переплачивали. Проданными часто объявлялись дома ещё при жизни священнослужителей, если они были безродными, а по старости уже не могли служить и стремились устроиться «на покой». Духовные власти пытались препятствовать такого рода «продажам», особенно когда покупатель оказывался человеком без достаточного образовательного ценза или лицом, по иным причинам мало способным для служения Церкви. Тем не менее вполне пресечь эту практику не удалось до конца XVIII века. Резкое обличение продажи церковных мест содержится в указе Синода, изданном в 1763 году. В указе бичуется «вредное для ученых и бесчестное для церквей обыкновение, что под претекстом дворов и самые священно-церковнослужительские места, в противоположность священных правил, продаются. А вместо того, чтобы сие бесчинство отвратить, не посвящен бывает никто, пока требуемой за место суммы не заплатит... Обучающиеся же в академиях и семинариях, кои такого капитала у себя не имеют, хотя они по наукам и состоянию своему против означенных капиталистов гораздо достойнее, принуждены бывают или священства, или лучших мест в противность Духовного Регламента и уставов вовсе лишаться, а... заступают они самые последние места, или же на покупку оных задолжаются неоплатными долгами». Указ однако, «помышляя о сиротах и вдовах», не запрещал продажи дворов, требовал только, чтобы цена за двор была умеренной и выплата рассрочивалась на 30-летний срок. Упразднение выборов при назначении на приход, сословный характер Духовной школы и обязательность школьного аттестата для кандидатов священства, а также наследственность церковных мест окончательно замкнули духовенство в особое сословие. Но замкнутый для вступления в него, духовный чин не мог удержать в себе всех, кто принадлежал к нему по рождению. В семьях священников и причетников рождалось слишком много сыновей, чтобы каждый из них мог надеяться получить церковное место. Поэтому на протяжении XVIII века правительство не раз проводило так называемые «разборы» духовного чина, в результате которых множество лиц переводилось из духовного сословия в податное состояние или рекрутировалось в армию. Первые «разборы» были проведены еще при Петре I. Особой свирепостью отличались разборы в десятилетие бироновщины, они проходили в обстановке тяжких подозрений всего духовного сословия в государственной измене. В 1736 году, например, вышел указ, в котором губернаторам, воеводам и архиереям предписывалось «разобрать поповичей» и «взять в солдаты немедленно». Велено было набрать по духовному ведомству до 7000 рекрутов и для этого забрать всех сыновей клириков от 15 до 40 лет не состоявших на действительной церковной службе.

Разбор 1743 года, начатый в связи с генеральной переписью населения, проводился мягче и человечней, чем это делалось в правление Анны. В инструкции для разбора вместо огульного перевода всех избыточных поповичей и детей дьяков в податное состояние или солдатов указывались разные выходы. «Кто куда пожелает, в посад и ремесленные люди, на фабрики и заводы, или на пашенные земли... А которые пожелают на военную службу... тех всех отсылать для определения в полки... А которые в военную службу не годны, из тех здоровых определять на казенные заводы, а престарелых и увечных – в богадельни, дабы никого из шатающихся не было». В среднерусских епархиях отчислявшимся из духовного чина дозволялся выход в однодворцы, а в Малороссии и казачьих землях при Елизавете разборы духовенства не проводилось вовсе. При Екатерине II разборы коснулись не только членов семей клириков, но и самих священнослужителей. В 1778 году были утверждены новые штаты церковных мест. Этими штатами на 150 дворов прихожан полагался 1 священник, на 250–300 дворов – 2 священника. Лишние священники удалялись за штат. Во многих епархиях образовалось скопление безместного духовенства.

В одной только Москве насчитывалось более 250 безместных священников, многие из которых пошли в «крестцовые попы». Архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский) сурово отзывался о поведении крестцового духовенства: «В Москве праздных священников и прочего церковного причта людей премногое число шатается. Они к крайнему соблазну, стоя на Спасском крестце для найму к служению по церквам, великие делают безобразия, производят между собою торг... «Московская консистория, прибегая к помощи полиции, силою выдворяла

«крестцовых попов» из столицы. Совершенно «вывести» «крестцовых попов» в Москве удалось лишь митрополиту Платону.

Между тем, при избытке духовенства в центре России, в восточных епархиях, особенно в Астраханской, Тобольской и Иркутской, была большая нужда в священниках, диаконах и причетниках. Многие приходы десятками лет оставались не занятыми.

«Изъятие излишков» духовенства делалось не только через перевод в податные сословия или запись в солдаты. Для грамотных и способных был открыт выход на чиновничью службу и в ученые специалисты, в которых в XVIII веке государство испытывало великую нужду. Лучших учеников забирали из семинарий в Академию наук, в Московский университет, в Сухаревскую математическую школу, в Медико-хирургическую академию. Ни одно другое сословие не дало столько умов и талантов, столько создателей отечественной науки и творцов русской культуры, сколько выделил их из себя духовный чин. И, несмотря на это, русское духовенство не истощилось талантами.

Сословные права «духовного чина» были определены не четко. В Древней Руси по своей подсудности одному только священноначалию духовенство было привилегированным сословием, но по обязанности нести всякого рода повинности оно не отделялось от податных сословий. При Петре I от подушного оклада были освобождены священнослужители, их дети и церковнослужители. Дети же церковнослужителей остались в окладе. Кроме того, на духовенство возлагались и другие повинности – пожарные, постоянные, подводные, караульные.

В Комиссию по новому уложению при Екатерине II подан был проект причислить духовенство к мещанству; и лишь благодаря вмешательству митрополита Гавриила духовенство было избавлено от этого унижения. И все же вплоть до указа императора Павла, изданного в 1796 году, священнослужители не были, подобно дворянам, свободны от телесных наказаний по суду.

Содержание приходских причтов в XVIII веке, как и в древности, в основном лежало на попечении приходов. При Петре I благосостояние духовенства резко ухудшилось: на половину сокращена была царская руга ружным церквам, причтам запрещены были праздничные славения по приходам, кроме Рождественского праздника, и хождение по домам с иконами. Увеличились старые поборы с духовенства и появились новые – на школы, на богадельни, на драгунских лошадей; с причетников взималось по 1 рублю в год за освобождение от военной службы. При Елизавете ружным церквам возвратили полную ругу, духовенство было освобождено от некоторых повинностей – постоянной, подводной, караульной.

При Екатерине II проведена была секуляризация монастырских земель и введены штаты. Но только кафедральные соборы и 105 приходских церквей на всю Россию были включены в штаты, что давало им право получать часть доходов от секуляризованных земель. Правда, приходы стали тогда наделяться незаселенной землей, по 33 десятины на причт, которая должна была обрабатываться руками самих клириков или сдаваться в аренду.

В 1765 году под предлогом противодействия мнимому корыстолюбию духовенства императрица распорядилась ввести обязательные таксы за требы, причем крайне низкие: 3 копейки за крещение, 10 копеек за венчание и погребение. В целом, белое духовенство в XVIII веке жило трудно и бедно. Люди подневольные, поставленные в весьма суровые житейские условия, православные священнослужители тем не менее оставались единственными духовными наставниками народа, которому они несли свет истины, любви и веры.

§ 6. Миссионерство

В послепетровскую эпоху продолжалось расширение пределов Российской империи. В состав государства входили новые земли на Западе, Востоке и Юге. В христианском просвещении инородцев, принимавших русское подданство, правительство видело самый надежный путь закрепления их верности России, поэтому миссионерское дело, совершавшееся Церковью по заповеди Христа, встречало поддержку со стороны государства. Но в миссионерской политике правительства происходили колебания. При Елизавете церковная миссия получала самое широкое содействие от властей. Помимо старых, петровских льгот, вводились новые: новокрещенным стали выдавать денежные и вещевые подарки, лежавшие на них подати и повинности, в том числе рекрутская, перекладывались на их некрещенных соплеменников. Государство прощало обращенным в христианство преступления, совершенные ими до крещения.

Правительство Екатерины II ослабило поддержку православной миссии. В 1773 году вышел указ Святейшему Синоду, в котором высокопарными словами провозглашались принципы неограниченной веротерпимости: «Как Всевышний Бог терпит на земле все веры, то и ее величество из тех же правил» (удивительное уподобление, вполне в духе «просвещенного абсолютизма»), «сходясь Его святой воле, в сем поступать изволит, желал только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царили».

На деле такой подход привел к отмене почти всех поощрительных мер к крещению иноверцев. Осталась только введенная еще при Петре I трехлетняя льгота от податей и рекрутской повинности. При Екатерине мullahам и ламам назначали содержание из государственной казны, которое подчас превышало средства, выделенные на содержание православного духовенства. Магометане получили полную свободу строить мечети и религиозные школы, и правительство помогало им в этом. В Оренбургском крае, где местные киргизы (ныне казахи) еще пребывали в полуязычестве, светская власть подчеркивала миссионерские усилия мусульманского духовенства.

Как и в эпоху Петра, до самого конца XVIII века основные усилия миссии направлены были на христианскую проповедь среди народов Поволжья, живших в самом центре православной России, но, по большей части, еще остававшихся в исламе или язычестве. В 1731 году для Казанской и Нижегородской епархий в Свияжске учреждена комиссия новокрещенских дел, во главе которой был поставлен архимандрит Алексей Раифский, давно уже подвизавшийся в этом крае на миссионерском поприще. В Свияжском Богородицком монастыре он открыл школу для новокрещенных детей из чувашей.

В 1738 году на Казанскую кафедру был назначен архиепископ Лука (Конашевич), который проявил особую ревность в миссионерском служении. Архипастырь не останавливался и перед мерами, которые раздражали мусульман. Он насильно забирал детей инородцев в христианские школы, устраивал крестные ходы в татарских слободах Казани, в селе Болгары распорядился разрушить руины древних мечетей, которые почитались у магометан за святыни. В 1740 году комиссия новокрещенских дел была преобразована в новокрещенскую контору. Округ ее был расширен включением в него Астраханской и Воронежской епархий. Начальником конторы назначили архимандрита Димитрия (Сеченова), впоследствии видного иерарха. Правительство оказывало миссионерской деятельности конторы широкую помощь – и денежными средствами, и введением льгот для новокрещенных. Миссионеры крестили иноверцев десятками тысяч. Причем, в отличие от методов архиепископа Луки, миссионеры новокрещенской конторы избегали принудительных, насильственных мер, зато щедро одаривали принимавших православие. Они обучали их основам веры, изъясняли им церковные таинства и обряды, открывали школы для подростков из новообращенных. Всего при Елизавете в Поволжье крещено было до 430000 человек – чувашей, черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов). Мордва крещена была вся. Но вот из татар-магометан в христианство обратилось лишь около 8 тысяч человек.

Миссионеры не всегда успевали обучить новокрещенных истинам христианской веры. Школ для них открывалось мало. Порой из-за неосторожных и неуклюжих действий властей, оказывавших полицейскую помощь миссионерам, среди язычников кое-где вспыхивали волнения. В 1745 году взбунтовалась терюшевская мордва, возбужденная разорением языческого кладбища в селе Сарляях.

В царствование Екатерины II миссионерская деятельность в Поволжье резко пошла на убыль. В 1764 году Свияжская контора была упразднена, миссия приостановилась и скоро значительная часть черемисов отпала от Церкви и возвратилась к идолопоклонству. Воспользовавшись екатерининской политикой широкой веротерпимости, татарские муллы и муфтии буквально засыпали правительство жалобами на мнимый фанатизм православного духовенства и добились успеха. В 1773 году вышел указ, которым архиереи устранились от всяких дел об инородцах; в 1789 году к инородцам запрещено было отправлять проповедников без предварительного сношения архиереев с губернаторами, а в 1799 году в миссионерских епархиях упразднена была сама должность проповедника.

В Нижнем Поволжье русские миссионеры проповедовали Евангелие калмыкам. В 1725 году к калмыкам-ламаистам была также отправлена особая миссия во главе с иеромонахом Никодимом (Ленкевичем), которой за 10 лет удалось крестить до 1700 калмыков. По мысли отца Никодима, крещеным калмыкам были отведены земли к северу от Самары, и там основан город Ставрополь (ныне Тольятти). В Ставрополе поселилась вдова хана Тайшина Анна и вся ее орда. В 1740 году в этом городе была устроена русско-калмыцкая школа, появились первые переводы Нового Завета и церковных молитв на калмыцкий язык.

В Тобольской епархии, где в начале века подвизались святители *Иоанн (Максимович)* и *Филофей (Лещинский)*, новое оживление христианской проповеди среди инородцев совпало с царствованием Елизаветы. В 1749 году на Тобольскую кафедру был назначен опытный миссионер Сильвестр (Гловацкий), возглавлявший прежде Свияжскую новокрещенскую контору. В течение 6 лет он управлял епархией. Успехи христианской миссии в годы его святительского служения вызвали раздражение у мусульманского духовенства Сибири, которое в конце концов добилося его удаления из Тобольска.

В 1758 году на Тобольскую кафедру был назначен преосвященный *Павел (Конюскевич)*. Он родился в 1705 году в галицком городе Самборе, в семье православного мещанина. Образование получил в Киевской Академии, где обратил на себя внимание смирением и кротостью нрава, которые соединялись у него с непреклонной твердостью характера и блестящими успехами в науках. По окончании курса его оставили в Академии преподавателем пиитики. В 28-летнем возрасте молодой профессор принял монашеский постриг. Вскоре его вызвали в Москву и назначили проповедником в Славяно-греко-латинскую Академию. Потом в течение 15 лет он был архимандритом Юрьевского монастыря в Новгороде.

Рукоположенный в сан митрополита Тобольского, преосвященный Павел (Конюскевич) немедленно выехал в Сибирь. Много внимания уделял он Духовной школе. До него в Тобольской семинарии не было последнего богословского класса. Чтобы открыть этот класс, митрополит вызвал из Киева трех ученых монахов. Он строил и освящал церкви в городах и селах своей огромной епархии, открыл несколько новых монастырей. С подчиненным ему духовенством архипастырь обходился строго и требовательно, к нерадивым клирикам относился круто, часто назначал провинившихся на черные работы, но к нуждавшимся священникам и причетникам, к вдовам и сиротам духовного сословия был сострадателен и милостив.

В своей наполовину инородческой епархии, где к тому же среди русских людей много было старообрядцев, особую заботу проявлял он о миссионерстве. Святитель посылал миссионеров и в языческие селения, и к мусульманам, и к старообрядцам. Весть о секуляризации церковных земель встревожила деятельного архипастыря. Он опасался, что предстоявшее ограбление Церкви приведет к закрытию монастырей, служивших очагами миссионерства в Сибири.

Вслед за страдальцем митрополитом Арсением (Мацеевичем) Тобольский святитель подал в Синод записку, в которой откровенно и резко изложил свое мнение. Синод, по повелению Екатерины II, открыл дело. В 1767 году митрополит Павел был вызван в Москву на заседание Святейшего Синода. Но он отказался оставить свою кафедру и выехал лишь после самых настоятельных требований из Петербурга.

Приехав в Москву, митрополит Павел подал в Синод прошение об увольнении его на покой в Киево-Печерскую Лавру. Желая угодить императрице, Синод приговорил исповедника к лишению сана, но Екатерина II не утвердила приговор Синода. Выехав на покой в родную Лавру, святитель предан суровым аскетическим подвигам. 4 ноября 1770 года опальный архипастырь отошел ко Господу и был погребен в склепе под великой лаврской церковью Успения Пресвятой Богородицы.

Прошло больше полувека. Киевский митрополит *Евгений (Болховитинов)* устраивал новый архиерейский склеп в Лавре, и для этого гроба переносились во вновь устроенные могилы. Когда обнаружили гроб неизвестного архиерея, о нем доложили митрополиту, и спросили его, прикажет ли он переносить и этот гроб. Митрополит ответил, что прежде нужно осмотреть гроб. А в следующую ночь преосвященному Евгению во сне привиделась буря. Дом его колебался – и он проснулся. И тут он услышал, что кто-то идет по архиерейским покоем твердым и мерным шагом. Двери спальни отворились, и в темноте вошел неизвестный муж в излучавшем сиянии архиерейском облачении. Приблизившись к митрополиту, он сурово проговорил: «Чи даси нам почиваты, чи ни? Не даси нам почиваты, не дам тебе и я никола почиваты». Утром митрополит велел открыть крышку неизвестного гроба. Пред ним в митре и облачении покоился нетронутый тлением архиерей, в котором он сразу узнал мужа, навестившего его ночью. Вскоре разыскали, что это останки митрополита Тобольского Павла.

В Восточной Сибири в XVIII веке подвизались прославленные Церковью святители-миссионеры. В 1727 году на Иркутскую кафедру назначили святителя *Иннокентия*. Родился он около 1680 году на Черниговщине в дворянской семье Кульчицких, учился в Киевской Академии. В возрасте 30 лет принял постриг и нес послушание в Московской Академии, исполняя там обязанности профессора и префекта, а потом в Александро-Невской Лавре в должности обер-иеромонаха флота и наместника Лавры. В 1721 году святитель Иннокентий был хиротонисан во епископа Переяславского, и его назначили главой Пекинской Духовной миссии. Китайское правительство, придравшись к неудачному выражению в верительной грамоте, составленной в Сенате, отказалось выдать разрешение на въезд в Китай «великому господину». Несколько лет святитель провел в Селенгинском монастыре у китайской границы и наконец был назначен на кафедру в Иркутск.

По недосмотру Сената святитель до самой своей кончины не получал жалования, и тем не менее ему в этом полудиком крае удалось открыть две школы: русскую и миссионерскую-монгольскую. Для устройства церковной жизни в Восточной Сибири святитель Иннокентий строил церкви, часто проповедовал, рассказывал о житие святых, рассылал по епархиям окружные послания, отправлял миссионеров к бурятам и якутам.

В трудах и молитвах святой архипастырь стяжал дар прозорливости. В 1728 году в Прибайкалье свирепствовала засуха, угрожавшая голодом. По благословению святителя, после каждой литургии в храмах епархии совершались молебны о прекращении засухи. Моления, – сказал святитель, – должны окончиться в Ильин день. И когда настал этот день, в Иркутске разразилась буря с прошедшим дождем. Люди были спасены от голода. Преставился святитель Иннокентий 27 ноября 1731 года.

Его преемником на Иркутской кафедре был епископ Иннокентий (Нерунович) (†1741 г.) при котором, кроме бурят, крещено было также много тунгузов (эвенков) и якутов.

В 1753 году, после нескольких лет вдовства Иркутская кафедра обрела нового архипастыря – подвижника высокой духовной жизни святителя *Софрония*. Святой Софроний (в миру Стефан Кристалевский) родился в 1707 году под Черниговом, образование получил в Киевской Академии. Приняв монашеский постриг и удостоившись сана иеромонаха, святой Софроний проходил послушание в разных монастырях Киевской епархии, потом – в Александро-Невской Лавре. С 1746 по 1753 годы он был наместником Лавры. Перед отъездом в Сибирь святитель испросил благословение на свое служение у Киево-Печерских чудотворцев. По приезде в Иркутск он помолился на могиле святителя Иннокентия. Много трудов понадобилось святому Софронию для устройства монастырской жизни в епархии. В сан архимандрита Вознесенского монастыря он возвел своего давнего друга и сподвижника иеромонаха Синесия, который 33 года до самой кончины нес это послушание. Монастырь стал при нем очагом духовной жизни и миссионерства в Восточной Сибири.

Много внимания святитель Софроний уделял благоговейному совершению Богослужений, и сам служил всегда с молитвенным трепетом. Одной из главных забот святителя Софрония была проповедь Евангелия язычникам. Он посылал проповедников в инородческие селения, сам часто служил в храмах, где прихожанами были крещенные туземцы, заботился об устройстве быта инородцев, новокрещенным отводил для поселения монастырские земли, чтобы приучить их к оседлости.

Не пренебрегал святитель и своей внутренней духовной жизнью. Его келейник писал о нем: «Пищу употреблял самую простую и в малом количестве, служил весьма часто, ночи проводил в

молитве, спал на полу, овечий ли мех, оленья или медвежья кожа и малая простая подушка – вот и вся его постель для непродолжительного сна». Последние дни своей земной жизни святитель Софроний провел в непрестанной молитве. Скончался он 30 марта 1771 года.

В 1743 году Святейший Синод отправил Духовную миссию на Камчатку во главе с архимандритом Иоасафом (Хотунцезским). Миссия обнаружила на Камчатке три церкви с одним священником и около 6000 православных христиан, оставшихся после первых проповедников слова Божия на этой земле. Труды миссии были чрезвычайно успешны. В 1751 году архимандрит Иоасаф сообщал Синоду, что на Камчатке крещены все и крестить более некого. Было построено несколько церквей и часовен, открыто 4 школы, в которых в 1748 году обучалось до 200 учеников – по тем временам это удивительно много. Но в 1761 году Камчатская миссия была закрыта, и в правление Екатерины миссионерство на Камчатке стало приходить в упадок. Многие из туземцев, крещенных, но не утвержденных в вере, отпадали от Церкви и снова шли к шаманам и заклинателям.

Наряду с заботами о просвещении инородцев Православная Церковь не оставляла желания возратить в свое лоно отпавших от нее в старообрядческий раскол. Архиепископ Тверской *Феофилакт (Лопатинский)* составил «Увещание православным против лжеучителей», в котором содержались умные, веские, основательные возражения на «Поморские ответы» раскольников братьев Денисовых. Текстом этого увещания с успехом пользовались православные миссионеры в полемике с раскольниками. В 1737 году пространное обличение на старообрядцев составил Василий Федоров, присоединившийся к Православной Церкви из раскола. В 1766 году с увещанием к старообрядцам, составленным в снисходительном и любящем тоне, обратился иеромонах Платон (Левшин). Это увещание возымело успех. В старообрядческих общинах углубилось сознание ненормальности их положения, усилилась тяга к соединению с Православной Церковью. И вот в 1778 году появились первые единоверческие приходы на Ингуле в Нижнем Поволжье, в Старедубье, и на юге России. В них поставленные православными епископами священники совершали службу по старым книгам дониконовской печати. В 1800 году были утверждены составленные митрополитом Платоном «Правила единоверия».

§ 7. Духовное просвещение

XVIII век называют веком *«просвещенного абсолютизма»*. Преемники Петра I продолжали его политику развития просвещения. Не обойдена была внимание императорства и духовная школа, которая до самого конца столетия оставалась стержнем народного образования в России.

Архиепископ Феофан (Прокопович), влияние которого в Синоде в правление Анны было почти неограниченным, не жалел усилий, чтобы как можно скорее осуществить программу перестройки духовного образования, намеченную в «Регламенте». В 1730-е годы в Духовных школах был введен более полный латинский курс по образцу Киевской Академии. Школы, сумевшие внедрить такой курс, получали название Семинарий, а оставшиеся с одним только славяно-русским обучением стали считаться низшими училищами.

К концу 30-х годов в России насчитывалось 17 семинарий, в царствование Елизаветы число их выросло до 26. И обучалось в них уже около 6000 учащихся. Но полный курс, кроме двух академий, введен лишь в 8 семинариях: первой высший богословский класс открыла Харьковская Семинария, которую называли еще и коллегией, вслед за ней – Невская в Петербурге, Троицкая в Сергиевой Лавре, Казанская, Новгородская, Псковская, Тверская и Смоленская. В Тобольской, Рязанской и Нижегородской семинариях выпускники завершали обучение философским классом, в остальных – риторическим. Из неполных семинарий лучших учеников направляли доучиваться в академии и полные семинарии.

Главным недостатком семинарского образования оставался его схоластический, формальный характер, оторванность от приходской жизни, от храма. Преподавание велось на латинском языке. Много сил ученики тратили на заучивание латинских вокабул и штудирование латинской грамматики, от которой было мало проку выпускнику, когда он выходил на поприще пастырского служения. И все же эти бесконечные зубрежки не пропадали даром, они развивали и память, и устные, и умственные способности учеников, изучение латинской словесности расширяло их кругозор, основательное знание латинского языка открывало доступ к европейской богословской и светской науке.

Школьная дисциплина была весьма суровой. За провинности семинаристов секли розгами. И даже наставники не свободны были от телесных наказаний. Средства семинариям отпускались скудно и нерегулярно. Ректору часто не на что было починить полуразвалившиеся классы, общежития были тесными и холодными, не хватало дров для их отопления. Иногда из-за недостатка средств школы закрывались на неопределенный срок. Учителям выдавались нищенские жалования, а семинаристы, своекоштные и даже казеннокоштные, добывали себе пропитание уроками, перепиской бумаг, а то и подаяниями. В Киеве студенты зарабатывали гроши распеванием псалмов и кантов, произнесением «предиков» и декламацией виршей, разыгрыванием комедий.

В правление Екатерины II в школьном деле происходили важные перемены. В Семинариях было поколеблено господство латинского языка: больше внимания стали уделять преподаванию греческого, древнееврейского и новых языков. Расширился круг общеобразовательных дисциплин, вышедший за пределы классических тривиума и квадравиума: в учебные планы стали включать географию, историю, физику. Во всех семинариях были открыты высшие философский и богословский классы.

До середины XVIII века богословие и философия преподавались в семинариях киевскими учителями, и в традициях Киевской Академии. Богословие изучали по конспектам Иоасафа (Кроковского), в которых сказывалось влияние Фомы Аквината и Беллармина. Философия преподавалась по польским учебникам, где все строилось на системе Аристотеля. Во второй половине века в преподавании философии произошел поворот от Аристотеля к новейшим немецким мыслителям Лейбницу и Вольфу. В богословских курсах католические влияния сменились засилием новой протестантствующей схоластики. Образцом для преподавателей стали служить киевские лекции Феофана (Прокоповича). В семинариях пользовались также компиляциями и конспектами, составленными по системам Буддея, Гергарда и других протестантских теологов. Георгий (Конисский) и Гавриил (Петров), впоследствии видные архипастыри, читали богословие в строго православном духе, но их лекции не были напечатаны и на первых порах не оказали заметного влияния на семинарское преподавание.

Для подготовки широко образованных учителей архиереи посылали семинаристов слушать лекции в открывшемся в 1755 году Московском университете. В 1788 году митрополит Гавриил преобразовал Невскую семинарию в Главную семинарию, которая стала готовить преподавателей для других Духовных школ. В Московской Академии и Троицкой Семинарии благодаря участию митрополита Платона уровень образования поднят был выше уровня Киевской Академии.

С усилением влияния ученых монахов великорусского происхождения было связано смягчение нравов в семинариях, новые ректоры и наставники стали поговаривать об отмене телесных наказаний. Во всяком случае применялись они реже прежнего. Улучшилось обеспечение семинарий. В 1784 году были введены новые и постоянные оклады для семинарий, хотя они по-прежнему оставались недостаточными. Ректорский оклад составлял тогда 300 рублей в год, учительские – от 30 до 150 рублей, а на содержание студентов Академии полагалось от 7 до 15 рублей.

Существенным недостатком духовного образования было отсутствие общей системы, единого руководства. Каждая семинария зависела исключительно от своего епархиального архиерея. Академии отличались от семинарий не столько учебными программами, сколько уровнем образования. Так же, как и семинарии, они включали все классы, начиная с низших.

Академии и семинарии были не только школами, в которых готовили пастырей, но и очагами богословской науки. Важнейшей богословской работой XVIII века явилось исправление и новое издание славянской Библии, которое было исполнено научными силами Духовных школ. До середины столетия в употреблении было московское издание 1663 года, перепечатанное с Острожской Библии и ставшее большой редкостью. Мысль о переиздании новой исправленной славянской Библии принадлежала митрополиту Новгородскому Иову, который сам собирался приняться за этот великий труд.

В 1712 году Петр I поручил исправление Библии Ректору Московской Академии архимандриту *Феофилакту (Лопатинскому)* и иеромонаху *Софронию (Лихуду)* вместе со справщиками Печатного двора. Общее наблюдение за исправлением было возложено на митрополита Стефана. В основу своей работы справщики положили текст LXX – Септуагинты, но они пользовались и другими греческими переводами, а также Вульгатой и Мазоретской редакцией. К 1720 году работа была закончена, но печатание исправленного текста задержалось надолго.

В 1735 году Синод постановил перенести печатание Библии из Москвы в Петербург, под смотрение архиепископа Феофана. Одновременно велено было заново пересмотреть труд прежних справщиков. В Петербурге исправлением славянской Библии занимался архимандрит Стефан (Калиновский), но с возведением его в сан епископа Псковского редакторская работа опять застопорилась.

В 1741 году Синод распорядился снова перенести печатание Библии в Москву. В Москве за исправление текста принялись префект Академии архимандрит Кирилл (Флоринский) и архимандрит Фаддей (Кокуйлович). К 1743 году труд их был завершен и Синод приступил к рассмотрению исправленного текста, но и само рассмотрение оказалось весьма сложным и кропотливым делом. Была образована особая комиссия, в которую включили иеромонаха Иакова (Блонницкого) и вызванных из Киева учеников великолепного знатока еврейского языка и священной филологии Симона (Тодорского) – иеромонахов Варлаама (Лящевского) и Гедеона (Слонимского). В рассмотрении текста Библии комиссия ближе всего сошлась с трудами первых справщиков во главе с архимандритом Феофилактом (Лопатинским). Книги Товит и Иудифь были заново переведены с греческого языка. Третью книгу Ездры исправили по Вульгате. Все исправления старого славянского текста были изложены в особой рукописной книге, а краткий обзор этих исправлений поместили в предисловии к Библии. В 1751 году исправленная славянская Библия была напечатана. В 1756, 1757 и 1759 годах последовали переиздания. В истории это издание получило название *Елизаветинской Библии*.

В 1720–1730 годы богословская мысль в России была сосредоточена на полемике вокруг «Камня веры» митрополита Стефана. Почитателю и ревностному защитнику богословских взглядов Местоблюстителю архиепископу Феофилакту (Лопатинскому) в этой полемике противостоял протестантствующий теолог архиепископ Феофан. Спор закончился для святителя Феофилакты тюремными узами. Его противник восторжествовал в борьбе за церковную власть,

стал одним из всесильных временщиков и подручным Бирона. Но в Духовной школе, несмотря на эту его победу, вплоть до середины века преобладало направление оппонентов Феофана.

Перелом произошел во второй половине века, когда богословская система Феофана стала вытеснять влияние латинизированной школы. К последователям Феофана принадлежали ректор Московской Академии архимандрит Феофилакт (Горский), впоследствии епископ Коломенский, митрополит Киевский Самуил (Миславский). По Феофану составлен был вышедший в 1802 году на латинском языке «Компендий богословия» ректора Киевской Академии Ириней (Фальковского), который современники считали лучшим руководством по богословию.

В экзегетике незаурядным явлением стали толкования на отдельные библейские книги митрополита Гавриила (Петрова). По своему времени замечательным справочником была «Симфония» на Священное Писание, составленная иеродиаконами Германом и Модестом (1773 г.). Классическим руководством по пастырскому богословию стала «Книга о должностях пресвитеров приходских», написанная епископом Смоленским Парфением и архиепископом Георгием (Конисским) и изданная впервые в 1776 году. По этой «книге» готовили себя к пастырскому служению воспитанники духовных школ не только XVIII, но и XIX века. Архиепископ Георгий (Конисский) был также известным ученым в области церковной истории. Он великолепно знал церковную и гражданскую историю родного ему западно-русского края. В конце века появились первые исторические труды Евгения (Болховитинова), ставшего впоследствии митрополитом Киевским.

Совершенно особое место в духовной литературе эпохи занимали творения святителя Тихона Задонского, который в век засилия инославных влияний, в век школьного богословия, с характерной для него искусственной книжной схоластикой, был верным выразителем святоотеческой традиции опытного и живого аскетического богословия.

Среди деятелей церковного просвещения одной из самых ярких личностей в екатерининскую пору был митрополит Московский Платон (Левшин). Родился он в 1737 году в семье дьячка из подмосковного села. Блестяще окончив Московскую Академию в 1758 году, он стал учителем риторики в Троицкой Академии. После принятия пострига и рукоположения в сан иеромонаха был назначен ректором Семинарии. О годах, проведенных в стенах древней Лавры, митрополит Платон вспоминал как о лучшей поре своей жизни.

Его связывала здесь тесная дружба со столь непохожим на него по складу ума и характера наместником Лавры архимандритом Гавриилом (Петровым), впоследствии, как и он, удостоившимся сана митрополита. Отец Гавриил был молчалив, сдержан, задумчив, суров к себе и требователен к другим, а его друг отличался живым, впечатлительным характером, общительностью и остроумием.

Редкий проповеднический дар молодого монаха сделал его имя известным всей Москве. Когда Троице-Сергиеву Лавру посетила Екатерина II, с приветствием к ней обратился ректор Семинарии. Его слово поразило императрицу высоким ораторским искусством. Екатерина спросила проповедника, зачем он пошел в монахи. «По особой любви к просвещению», – ответил Платон. «Но разве нельзя в мире пеших о просвещении своем?» – удивилась Екатерина. «Можно, но не столь удобно, имея жену, детей и окруженному суетою мирскою».

Ответ понравился царице, и она пригласила отца Платона в Петербург, назначив его законоучителем наследника и придворным проповедником. В 1766 году архимандрит Платон был назначен наместником Троице-Сергиевой Лавры, а еще через два года возведен в сан епископа и введен в состав Синода. В 1775 году преосвященный Платон переведен с Тверской на Московскую кафедру, а в 1787 году возведен в сан митрополита.

Произносимые им проповеди и речи производили одинаково сильное впечатление и на благочестивых простолюдинов, и на светское общество, и на ученых. На благодарственном молебне в Петропавловском соборе по случаю победы под Чесмой архипастырь произнес слово, в конце которого сошел с солеи, подошел к гробнице Петра Великого и обратился к нему с патетическим призывом: «Встань теперь, великий монарх, Отечества нашего отец». Впечатление, произведенное этим словом и, особенно, эффектным ораторским приемом, было настолько живым и сильным, что насмешливый граф К.Г. Разумовский с юмором шепнул своему соседу: «Чого вин его кличе? Як встане, то всих нас достане!» Это слово по приказанию Екатерины было переведено на иностранные языки и сделало имя преосвященного Платона известным в Европе.

Святителю нередко приходилось встречаться с приезжавшими в Петербург европейскими знаменитостями. И беседуя с ними, он проявлял великолепную эрудицию и редкое остроумие.

Знаменита его беседа с энциклопедистом Дидро. Известный атеист сказал собеседнику:

- Знаете ли, отец святой, философ Дидро говорит, что нет Бога.
- Это ещё и прежде него сказано, – спокойно заметил митрополит.
- Когда и кем? – изумился французский гость.
- Давид сказал: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог. А вы то же говорите устами».

Остроумный и мудрый ответ святителя привел в замешательство философа, и тот, как говорят, обнял архипастыря.

Жизнь вблизи двора не погасила искреннего и сердечного благочестия митрополита Платона. Он свято хранил иноческие обеты и был покровителем монашества. Мудрый архипастырь много трудов положил на устройство православных монастырей в своей епархии. Им был основан Лаврский скит в Вифании. Покровительствуя монашеству, святитель вынужден бывал часто сталкиваться с чрезвычайно влиятельным духовником Екатерины и недругом монахов протоиереем Иоанном Памфиловым, тем самым вызывая раздражение и недовольство императрицы. Не трепетал он и перед скорым на гнев и опалу императором Павлом. При коронации Павла митрополит остановил царя, хотевшего войти в алтарь со шпагой на боку словами: «Здесь приносится бескровная Жертва. Отыми, благочестивый государь, меч от бедра твоего». И царь послушался иерарха, который некогда был его законоучителем. Последние годы жизни престарелый архипастырь провел в родной Вифанской обители. На его долю выпало пережить 1812 год в конце которого, дождавшись изгнания французов из Москвы, он мирно скончался.

Митрополита Платона недаром называли «Петром Могилой Московской Академии». При нем Спасская Академия и Троицкая Семинария переживали подлинный расцвет. Его содействием под Москвой была устроена еще одна – *Вифанская Семинария*. Святитель много заботился о том, чтобы поднять культурный уровень духовенства. Он хотел, чтобы духовный чин в России стоял на вершине европейской культуры.

Митрополит Платон занял прочное место и в истории русской богословской науки. Среди многих его сочинений особенно значительны «Сокращенная христианская богословия», изданная в 1765 году, три Катехизиса – для детей, для народа и для священнослужителей, а также «Краткая российская церковная история» (1805 г.). В богословских воззрениях митрополита Платона историки обнаруживали характерный для его эпохи перевес нравственно-практического учения над догматикой – так называемый «моралистический уклон». Его Катехизисы упрекали в расплывчатости догматических, и особенно, эклезисологических определений, связанной с влиянием лютеранского пиетизма. Упреки эти справедливы. Но сердечность богословской мысли митрополита Платона, его искреннее благочестие, его стремление сблизить богословие с жизнью, наконец, естественный и выразительный язык его сочинений делают их замечательными памятниками отечественной духовной литературы.

§ 8. Монастыри и монашество

В первое кратковременное царствование после Петра Великого в положении русских монастырей не произошло заметных перемен. При Петре II, когда в церковных кругах оживились надежды на реставрацию допетровских порядков, изданы были указы, которыми смягчались прежние крутые меры. В «малобратственных» монастырях, оскудевших до такой степени, что часто в них некому было служить, разрешалось увеличить число братии. Некоторые вконец разорившиеся и заброшенные при Петре I обители были открыты заново.

Но эпоха бироновщины подвергла монастыри небывало тяжким испытаниям. Указом 1734 года за постриг монаха в обход закона, а по закону разрешалось постригать только вдовых священников, на епархиального архиерея налагался штраф в 500 рублей (по тем временам совершенно разорительная сумма), настоятель монастыря, в котором состоялся недозволенный постриг, осуждался на пожизненную ссылку, а сам новопостриженный иннок лишался монашеского звания и подвергался телесному наказанию. На настоятелей возлагалась обязанность доносить в Синод о малейших проступках насельников. Виновных монахов либо отдавали в солдаты, либо ссылали в сибирские рудники. Игумены и игуменьи то и дело вызывались в Петербург и там подвергались допросам в Тайной канцелярии. Тайная канцелярия проводила разборы монахов. Иноки, подозревавшиеся в политической неблагонадежности, а заподозрить можно было тогда кого угодно и по какому угодно поводу, изгонялись из обителей и ссылались на каторжные работы.

В результате этих гонений число монашествующих сократилось почти вдвое: в 1724 году в монастырях насчитывалось 25207 монахов и монахинь, а в конце эпохи бироновщины в них осталось лишь 14282 насельника. В 1740 году, после смерти царицы Анны, Синод докладывал регентше, что одни монастыри стоят совсем пустые, а в других остались только дряхлые старики и некому совершать богослужение, что множество настоятелей взято под стражу и управление монастырское в плачевном состоянии, что вся жизнь монастырей в крайнем расстройстве.

И только в царствование Елизаветы с монастырей снята была правительственная опала. Прекратились разборы монахов. Возобновились постриги юных иноков. В 1749 году вышел указ, по которому семинаристам постриг разрешался с 17 лет, а в 1761 году было дозволено свободно постригать выходцев из всех сословий. Монастырям возвратили их вотчины. На средства казны восстановили две древние северные обители, пришедшие при Анне в полный упадок – Валаамскую и Коневскую. Троице-Сергиев монастырь, который пользовался особым почитанием царицы, в 1744 году был возведен на степень лавры. Елизавета дарила лавре щедрые пожертвования. Денежная помощь из средств государственной казны оказывалась и другим монастырям.

Чрезвычайно важным рубежом в истории монастырей явилась секуляризация церковных вотчин, проведенная в 1764 году. Передача земельных владений Церкви в государственную казну лишила монастыри главного материального источника существования. Государство, правда, брало на себя обязательство содержать монастыри из части доходов, которые поступали от секуляризованной земли. Были составлены монастырские штаты, по которым все монастыри разделялись на три класса, и содержание каждому назначалось в зависимости от класса, к которому он причислялся.

К первому классу были отнесены две Лавры: Троице-Сергиева и Александро-Невская, 15 мужских и 4 женских монастыря, ко второму – 41 мужской и 18 женских обителей, к третьему – 100 мужских и 45 женских монастырей. Таким образом, в штаты вошло 225 монастырей – менее четверти всех обителей, находившихся в великорусских епархиях, где проводилась секуляризация. Из монастырей, оставшееся за рамками штатов, более 500 было упразднено, приблизительно 150 обителей не закрывались, но должны были существовать на приношения верующего народа и за счет маленьких участков ненаселенной земли, которая обрабатывалась руками самих иноков.

В 1780 году такая же реформа была проведена в юго-западных епархиях. Закрылось еще более 40 монастырей.

Число монашествующих сократилось с 12 до 5 тысяч. Закрылись древние и прославленные обители – Нило-Сорская пустынь и Спасо-Каменный монастырь – на севере; Киево-Братский, Межигорский, Дивногогорский и Святогорский монастыри – на юге. Закрытые монастыри

обращались в казармы, госпитали и даже в дома сумасшедших. Дом сумасшедших был устроен в помещениях Максаковского монастыря в Черниговщине. В Симоновом монастыре целый год располагались казармы.

Суммы, выдававшиеся штатным монастырям из казны, были крайне скудными. Их едва хватало на содержание братии. Монастырские храмы, братские келии, хозяйственные постройки из года в год ветшали и разрушались, а настоятели не решались доносить об этом Синоду из-за опасений, что монастырь в этом случае будет и вовсе упразднен.

При императоре Павле содержание штатных монастырей было удвоено, но и денежный курс к тому времени упал в два раза в сравнении с 1764 годом, когда вводились монастырские штаты. Из государственной казны стали тогда выдавать содержание и заштатным монастырям – по 300 рублей в год. Монастырям было дозволено увеличить принадлежавшие им незаселенные земельные участки, отведенные под огороды, покосы и выгоны.

Секуляризация церковных имений и введение монастырских штатов, повлекшие за собой упразднение многих древних обителей, вызвало неоднозначную реакцию со стороны иерархии. Одни архиереи, вроде страдальца за Церковь митрополита Арсения или Тобольского митрополита Павла открыто протестовали против ограбления монастырей, другие возмущались втайне и только в доверительных беседах с единомышленниками давали волю своему негодованию. Некоторые же архиереи, особенно из числа великороссов, вместо тщетных сокрушений о понесенных Церковью утратах, обдумывали пути устройства монастырской жизни в новых условиях. В оскудении монастырей «селами и виноградами», в их обнищании они открывали новые возможности для возрождения в них подлинно аскетического духа.

Великим поборником аскетического возрождения был митрополит Новгородский и Петербургский *Гавриил (Петров)*. Он родился в Москве в 1730 году, в семье синодального иподиакона и образование получил в Московской Академии, по окончании которой был назначен справщиком синодальной типографии. Это был молчаливый, задумчивый человек, внимавший своей внутренней жизни. Чуждый искательства и честолюбия, он тем не менее довольно быстро поднимался по служебной лестнице. В 1758 году его перевели учителем в Троицкую Семинарию, а там настоятель Лавры архимандрит Гедеон (Криновский) убедил его благочестивого и смиренного преподавателя принять иноческий постриг. После пострига и рукоположения в священный сан иеромонах Гавриил был назначен ректором семинарии, а еще через месяц он стал наместником Лавры. Вскоре его перевели в Москву с назначением ректором родной ему академии. В 1763 году состоялась его хиротония в епископа Тверского, а через 7 лет он был переведен на столичную Петербургскую кафедру и назначен членом Синода. В 1783 году святитель Гавриил возведен в сан митрополита Новгородского и Петербургского.

Главной заботой архипастыря было возрождение духовной жизни в монастырях, разоренных разборами и реформами. Сам человек аскетического настроения, он поддерживал духовное общение со многими подвижниками благочестия из иноческой братии. Ближайшим помощником ему в управлении многочисленными обителями его епархии был его келейник архимандрит Феофан Новоезерский, старец, опытный в духовной жизни.

Митрополит Гавриил находил бесполезным, что настоятелями монастырей обыкновенно назначали ученых монахов, не прошедших настоящей школы духовного делания и рассматривавших порой свое настоятельское служение как ступеньку к занятию архиерейской кафедры. Это были люди крепкой веры, талантливые проповедники, прекрасные администраторы, но не особенно удачные учителя духовной жизни. Святитель Гавриил, вопреки почти всеобщей практике и расходясь в этом со своим другом митрополитом Платоном, старался назначать настоятелями сильных духом подвижников из обителей со строгим уставом. Таких духовно опытных старцев подбирали и представляли ему его келейник. Особое внимание святитель уделял Валаамскому монастырю. По совету отца Феофана для возрождения в нем аскетического подвижничества он вызвал из Саровской пустыни старца Назария. Саровский настоятель отец Пахомий, дорожа опытным подвижником, не желал отпускать его от себя. В письме митрополиту он отозвался о нем как о человеке малоумном. На это святитель ответил: «У меня много своих умников. Пришлите мне вашего глупца». Старцу Назарию обязан Валаамский монастырь новым расцветом в нем духовной жизни.

В монастырях своей епархии митрополит Гавриил старался ввести общежительный устав. Общежительные уставы были учреждены в Валаамском, Коневском, Иверском, Тихвинском, Новоезерском, Саввино-Вишерском монастыре и в других обителях Севера. Святитель сам

составил текст общежительского устава, взяв за образец Афонский устав. Он содействовал введению и укоренению в монастырях старчества. Монастыри он щедро одаривал духовной литературой – особенно аскетическими творениями святых отцов. Митрополит Гавриил состоял в переписке со старцем Паисием (Величковским) и много способствовал ему в печатании его перевода «Добротолюбия».

Известен он и как духовный писатель, его перу принадлежит фундаментальный труд «*О служении и чиноположении Православной греко-российской Церкви*». Он составил «*Доследование о посещении болящих*». Писал он глубокомысленные толкования на Священное Писание.

Покровитель монашества, ревнитель аскетической жизни, святитель сам был суровым аскетом и молитвенником. Он целые ночи проводил в молитве, стоя на коленях и в слезах. Стол его был крайне скуден. Кусок белого хлеба, горшочек пшенной каши с черносливом и щи из капусты, которые варили ему сразу на несколько дней, составляли его обычную пищу. Почти все свое содержание он раздавал бедным, и его келейник отец Феофан должен был следить за тем, чтобы у архипастыря оставалось хоть что-нибудь для себя. Несмотря на крайнюю занятость в Синоде и по делам епархии, святитель ежедневно совершал Богослужение. Близкие ему люди замечали в нем дар прозорливости. Однажды при посвящении ставленника он, пред Великим входом, снял с его головы покров и не стал рукополагать его. А вскоре открылось, что этот человек был виновен в тяжком преступлении.

Первенствующий член Синода митрополит Гавриил был близок к высшим правительственным сферам, и несмотря на то, что атмосфера, царившая при дворе, была ему совершенно чужда, он сумел избежать столкновений с правительством в царствование Екатерины. Но при своенравном и взбалмошном Павле он впал в немилость. В 1799 году митрополита Гавриила пригласили в Гатчину на придворный спектакль, который давали по случаю свадеб великих княжон. Святитель счел неприличным для себя присутствовать на балете и уехал после торжеств до начала спектакля. Император рассердился – и вскоре вышел указ о разделении Новгородской и Петербургской епархии на две отдельные епархии. Митрополит Гавриил был назначен на Новгородскую кафедру.

В Новгород он выехал больным, разбитым. Поселился там в низких и тесных келиях близ храма святителя Николая и стал готовиться к смерти. Чувствуя близость кончины, он усилил свои аскетические подвиги. Святитель мирно отошел ко Господу 26 января 1801 года. Погребли его в Новгородском Софийском соборе, в приделе Иоанна Крестителя.

§ 9. Подвижники иноческого благочестия

Православные обители и в XVIII веке, в эпоху разорения монастырской жизни, не оскудели подвижниками благочестия, которые молитвами, «пением, бдением и пощением» стяжали благодатные дары Духа Святого. Своим смиренным житием они опровергали хулу на монашество, столь часто раздававшуюся тогда в правительственных и придворных кругах.

Мужем святой жизни был иеромонах *Феодор (Ушаков)*, иннок редкой духовной крепости и мудрости. Родился он в 1718 году в семье помещика Ярославской губернии. В юности служил в Петербурге в гвардейском Преображенском полку. А там среди веселой и беспечной жизни на его глазах произошел знаменательный случай. В разгар дружеской пирушки один из его товарищей упал замертво. Печальное происшествие открыло глаза юному гвардейцу на непрочность земного счастья, мир утратил для него свое обаяние, и юноша духовно прозрел и переродился. В 22-летнем возрасте он в нищенской одежде тайно ушел из столицы и поселился в заброшенной келье на Северной Двине. Начальство, преследуя селившихся в северных лесах старообрядцев, притесняло заодно и православных иноков, спасавшихся там в уединенных скитах. Юный отшельник вынужден был покинуть свою хижину и отправиться на юг. Он пришел в Площанскую пустынь, расположенную в Орловской епархии. Настоятель пустыни поселил его в лесной келии. Вскоре его, как человека беспаспортного, схватила сыскная команда, очищавшая леса от подозрительных людей. Пустынножитель открыл на допросе своё имя и происхождение, и был отправлен в Петербург.

С ним захотела побеседовать царица Елизавета. «Зачем ты тайно ушел из моего полка?» – спросила она. – «Для спасения души», – смиренно ответил беглец. Императрица простила его и пожаловала его званием сержанта, но иннок попросил дать ему умереть монахом. Елизавета велела ему поступить в Александро-Невскую Лавру.

В 1747 году Иван Ушаков принял постриг с именем Феодора. В Лавре он вел строгую, постническую жизнь. Слава о его подвигах и смиренномудрии разнеслась по столице; к нему стали приходить люди всякого звания за советом и наставлением. Обращались к нему и его бывшие сослуживцы – гвардейцы. У монахов Лавры стечение народа к их молодому собрату вызывало зависть. Скорбя об ожесточении братии, смиренный иннок просил перевести его в Саровскую пустынь.

Вместе с ним из Петербурга уехали многие его духовные ученики и ученицы. На пути в Саров, в городе Арзамасе, отец Феодор устроил своих учениц в Алексеевском женском монастыре. Два года он пребывал в Саровской обители, а затем перешел в соседнюю Санаксарскую пустынь. Эта пустынь находилась в упадке и разорении. Келии разваливались. Отец Феодор возобновил и починил их. В 1762 году он, несмотря на свои отговоры, по настоянию епископа был рукоположен в сан иеромонаха и назначен настоятелем пустыни.

Настоятелем он был твердым и строгим, в наставлениях нарочитое имел искусство, в рассуждениях был остр и пространен. Много трудов он положил на введение в обители уставного Богослужения. На службы в обители отводилось: в будние дни до 9 часов, а в воскресные и полиелейные – до 10 и 12. Настоятель строго требовал внятного чтения во время Богослужения. Он говорил: «Если, по слову апостола, в воинских полках труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению. Так и мы скоротечением будем только воздух церковный наполнять, а силы внутреннего смысла читаемого не поймем. Души наши останутся голодными духовно, без назидания. Не чтение слова Божия, а внутренняя сила и дух оного, понимаемые нами, служат нам ко спасению».

Иеромонах Феодор ввел в пустыни старчество, предполагавшее полное откровение помыслов иноками настоятелю. Всякий монах, когда его смущали и тревожили помыслы, мог прийти к нему в любое время дня и ночи; старец выслушивал инока, часами беседовал с ним, и когда отпускал его от себя, тот чувствовал на душе свободу и тишину.

Жизнь в обители была крайне суровой. Вкушать пищу дозволялось только за трапезой. В свою келию можно было брать только квас. Пирогов и белого хлеба не давали и на Пасху.

На монастырские послушания – на покос, на рыбную ловлю выходила вся братия во главе с настоятелем. Келейник митрополита Гавриила Феофан Новоезерский, в юности подвизавшийся в Санаксаре, так описывал жизнь в этой пустыни: «Обитель забором огорожена, церковь маленькая, волоковые окошки, внутри и стены не отесаны, и свеч-то не было, с лучиной читали в

церкви. И платье-то какое носили: балахоны! Ноги обертывали онучами из самой грубой пеньки... Огня в келье никогда не было».

В 1764 году, с введением монастырских штатов, Санаксарская пустынь подлежала упразднению, но по просьбе настоятеля обитель была сохранена. В конце жизненного пути на долю старца выпали неповинные страдания и гонения. Однажды он в присутственном месте укорил Темниковского воеводу Неелова, который сам пожелал раньше поступить под его духовное руководство, а потом стал пренебрегать своего духовника советами, в жестоких притеснениях граждан. Неелов подал жалобу на своего духовного отца. И Синод перевел старца в Соловецкий монастырь.

Северный климат оказался тяжелым для него, он постоянно болел. Девять лет провел старец на Соловках, и возвращен был оттуда в Санаксар по ходатайству отца Феофана Новоезерского. Но и в Санаксаре его притесняли. Только за неделю до кончины старцу Феодору позволили самому посетить Арзамасскую Алексеевскую общину, в которой спасались его духовные дочери, приехавшие с ним из Петербурга. Преставился многострадальный старец 19 февраля 1791 года.

Расцвет аскетического подвижничества в русских монастырях в конце XVIII века связан с возрождением старчества. В этом благодатном делании особенно потрудился возобновитель традиций древнего иночества великий старец схиархимандрит *Паисий* (в миру *Петр Величковский*). Родился он в семье полтавского протоиерея в 1732 году. Его отец скончался в молодые годы, оставив детей сиротами. В тринадцатилетнем возрасте мальчика отдали в Киевскую Братскую школу. Мать хотела, чтобы сын стал приходским священником, но у мальчика рано пробудилось стремление к иноческому житию. Чтение аскетических книг укрепило его в намерении принять постриг. Однажды ночью Петр тайком убежал из Киева и остановился в Любечском монастыре, куда ему советовал поступить его духовник Печерский иеросхимонах Пахомий. Несколько месяцев провел он послушником в Любече, а потом перешел за границу России и поселился в молдавском монастыре святителя Николая на реке Тясмине, где в 19 лет был пострижен в рясофор с именем Платон.

Но и из этой обители ему пришлось уйти, когда начались гонения со стороны униатов. Монастырские церкви были закрыты, а монахи изгнаны. Инок Платон вернулся в Киев и поступил в Лавру под руководство своего прежнего духовника иеросхимонаха Пахомия. Он нес послушание в лаврской типографии, занимался гравированием икон на меди. Но его не оставляла давняя мечта о пустынножительстве.

И вот однажды вместе с двумя другими монахами инок Платон отправился на юг, в надежде дойти до Святой Горы. Путь на Афон лежал через Молдавию, где отшельники задержались в скиту святителя Николая вблизи Трейслина, и только через три года Платон, по благословению настоятеля, отправился дальше – на Святую Гору. На Афоне он получил уединенную келию вблизи Лавры преподобного Афанасия. В ней он совершал подвиг безмолвия и непрестанного творения Иисусовой молитвы.

Когда из Молдавии на Афон прибыл его бывший старец иеромонах Василий, он по настоятельной просьбе своего ученика постриг его в мантию с именем Паисий и дал ему совет – переселиться в общежительный монастырь, ибо пустынножество хорошо для опытных монахов, искушенных в духовной брани.

В 1758 году отец Паисий был рукоположен в сан иеромонаха. Вокруг него стали собираться ученики – в основном это были молодые иноки из Молдавии, Валахии и славянских стран. От протоса Святой Горы отец Паисий получил для собравшейся вокруг него братии полуразрушенный Ильинский скит вблизи монастыря Пантократор. Но из-за зависти монахов-греков и притеснения турецких властей старец вместе со своими учениками вынужден был уйти с Афона.

Он поселился в приютившей его Молдавии, в Драгомирском монастыре; в Драгомирне он ввел Афонский устав. Но совершенно новым в жизни монахов было чтение в трапезной святоотеческих аскетических творений. В своей обители иеромонах Паисий ввел за правило откровение иноками своих помыслов настоятелю. Так в Драгомирском монастыре умножился старческий дар подвижника.

В 1774 году, когда часть Молдавии с Драгомирной отошли к Австрии, старец Паисий решил вместе с братией перебраться в Секульский монастырь, а через 4 года, по воле государя, его ученикам был отведен также и Нямецкий монастырь близ Секуля. Ученики старца разделились

на две монастырские общины, но обе оставались под его духовным руководством. Слава о мудрости настоятеля разнеслась по всей Молдавии и достигла России. К опытному старцу отовсюду стекались монахи, искавшие подвижнического жития под старческим руководством. Перед кончиной старца в Секульском монастыре подвизалось более ста монахов, а в Нямецком – около 400.

Кроме управления монастырями старец Паисий в течение последних 20 лет своей жизни деятельно занимался литературными трудами, которые обессмертили его имя. В долгие осенние и зимние ночи он, обложившись книгами, переводил с греческого языка на славянский творения святых отцов. Старец перевел творения святых преподобных отцов Исаака Сирина, Максима Исповедника, Феодора Студита, аввы Варсанофия и, наконец, составил аскетический сборник «Добротолюбие», основой для которого послужила греческая «Филокалия» святого Никодима Святгорца. «Добротолюбие» старца Паисия было напечатано в 1793 году благодаря содействию митрополита Гавриила (Петрова). До появления русского текста «Добротолюбия» в переводе епископа Феофана Затворника в течение целого века славянское «Добротолюбие» Паисия (Величковского) было самой читаемой книгой у православных монахов, искавших духовного совершенства. В 1790 году русские войска вошли в Молдавию и взяли Яссы. Тогда архиепископ Екатеринославский Амвросий возвел старца Паисия в сан архимандрита. Скончался великий старец через 4 года после этого, в 1794 году, в возрасте 72 лет.

После него остались ученики, которые, возвращаясь в Россию, разносили весть о «благочестивом и чудном отце Паисие» и по его заветам взращивали в русских монастырях старчество. К числу особенно усердно потрудившихся на поприще старческого руководства учеников великого молдавского подвижника принадлежат архимандрит Феодосий (Маслов) (1720–1802), насадивший старчество в Молчанской Софрониевой пустыни, старец Клеопа Валаамский (1817), архимандрит Феофан Новоезерский, иеромонах Афанасий Захаров (1823).

К сонму избранников Божиих, стяжавших благодатные дары иноческими подвигами, принадлежали и некоторые из монахов, удостоившихся архиерейского сана. Великим иноком-аскетом был святитель Тихон Задонский (в миру Тимофей Соколов). Родился он в 1724 году в Новгородской епархии в семье бедного сельского дьячка. Его отец умер рано, и на долю мальчика выпало сиротство. Ради куска черного хлеба он нанимался в поденщики к богатым крестьянам-огородникам. Однажды мать едва не отдала его на воспитание соседу-ямщику, и только старший брат-причетник отговорил ее от этого шага. Когда Тимофею исполнилось 13 лет, он определил его на свои последние гроши в Новгородское Духовное училище. В училище и затем в семинарии Тимофей был одним из самых нищих студентов. Ему и там приходилось наниматься к огородникам копать грядки и часто лишать себя полпорции казенного хлеба, чтобы, продав её, купить на вырученные копейки свечку для занятий. Бурсаки смеялись над его истоптанными лаптями, словно прообразуя своими шутками будущее прославление смиренного однокашника, они, бывало, размахивали этими лаптями перед его лицом и, потешаясь над ним, припевали: «Величаем тя!»

По окончании семинарии в 1754 году, Тимофей Соколов был оставлен преподавателем, а через 4 года принял постриг с именем Тихон и в том же году был назначен префектом семинарии. Потом его возвели в сан архимандрита и назначили ректором Тверской Семинарии. Архимандрит Тихон никогда не забывал своей нищей молодости и оставался человеком простым, доступным, сострадательным к бедным простолюдинам, благотворителем нищих, голодных, бездомных.

В 1761 году святой Тихон был хиротонисан в епископа Кексгольмского, викария Новгородской епархии. Его избрание совершено было чрез видимое проявление Промысла Божия. В Петербурге его имя только для формы внесено было в список кандидатов в Новгородские викарии. Но при избрании, совершенном на Пасху по жребию, трижды вынималось имя святителя Тихона. И в тот же день Тверской архиерей Афанасий, словно по ошибке, помянул имя Тихона на Херувимской песни как епископа.

После двух лет служения в Новгороде святитель был переведен на Воронежскую кафедру. В Воронеже его первой заботой было заведение училищ для детей из бедных духовных семей. Местную славяно-латинскую школу он преобразовал в семинарию и сам подготовил для нее учебные программы. Много потрудился святитель над тем, чтобы поднять духовно-нравственный и образовательный уровень подчиненного ему духовенства. Он требовал от клириков ежедневно читать Новый Завет. Святитель Тихон был совершенно чужд вельможного духа, которого изрядно

набрались многие из архиереев в его время. Со всеми он был прост и любобен. При нем в епархии совершенно прекратились прежние суровые и унижительные наказания над провинившимися духовными лицами.

Духовному окормлению святителя достался обширный край с буйным казацким населением. Епископу приходилось защищать духовенство от произвола самоуправных казачьих старшин, от притеснения своевольных и невежественных чиновников. В народе сохранились языческие обряды, ежегодно устраивались праздники в честь Ярилы, но святитель Тихон своими проповедями, взывавшими к христианской совести полуверной паствы, сумел искоренить и эти суеверия.

Неутомимые труды по управлению епархией расстроили здоровье святителя и в 1767 году он вынужден был уйти на покой – сначала в Толшевский монастырь, а через два года перешел в Задонский Богородицкий монастырь. В обители святой Тихон уединился для сугубых монашеских подвигов. Спал он на соломе, покрытой овчинным тулупом, всю свою архиерейскую пенсию раздавал нищим. Несмотря на слабость и болезни, он помногу занимался тяжелыми черными работами. Вкушая самую скудную пищу, святой с сокрушением попрекал себя ленью, тем, что даром ест хлеб. Почти ежедневно он молился в храме, сам пел и читал на клиросе, но со временем, по смирению, совсем оставил участие в совершении служб, и только молился в алтаре.

Многие из монахов, в изумлении от простоты его жизни, насмехались над ним. Об этих насмешках святой говорил со смирением; «Я достоин того за грехи мои». Однажды юродивый барин Каменев ударил святителя по щеке, сказав ему с укором: «Не высокоумь», – и святитель, упав в ноги обидчику, просил у него прощения. В келии инок-святитель непрестанно предавался молитве и чтению Священного Писания, творений святых отцов и житийных книг. Псалтирь он знал наизусть.

Много времени он отводил литературным трудам и благодаря им стал великим учителем христианской жизни. Самые замечательные его творения – *«Сокровище духовное, от мира собираемое»* и *«Об истинном христианстве»*. В этих книгах святитель, в отличие от многих современных ему духовных писателей, чуждается диалектической игры богословскими понятиями. Для него самое важное – выяснить ту или иную богословскую мысль по рассуждению Православной Церкви, опираясь на духовный опыт святых, изложить эту мысль так просто и ясно, чтобы она стала руководством для христианской жизни. Заботясь о религиозном образовании народа, святитель едва ли не первым в XVIII веке пришел к мысли о переводе Библии на общепонятный русский язык. В последние годы своего земного жития святитель Тихон усилил аскетические и молитвенные подвиги. Не раз его видели в духовном восхищении, с просветленным лицом. За три года до кончины он каждый день в молитве просил Господа: «Скажи мне кончину мою». И однажды на заре он услышал: «В день недельный». Вскоре после этого ему было сонное видение. Он видел чудный луч, и на луче сияющие палаты. Он хотел войти в эти палаты, но ему сказали: «Чрез три года можешь войти, но теперь потрудись». После видения святой заперся в келии и принимал только самых близких ему. К своей смерти он приготовил гроб и часто приходил ко гробу сокрушенно плакать о грехах. Незадолго до преставления святитель в тонком сне увидел, как священник выносит из алтаря в царские врата Младенца под покрывалом. Он поцеловал Младенца в правую щеку, а Тот ударил, его в левую. Наутро святой почувствовал онемение левой ноги и трясение левой руки. Скончался святитель Тихон в день недельный, в воскресенье, 13 августа 1783 года.

§ 10. Религиозно-нравственное состояние народа

Петровские реформы повлекли за собой раскол нации на высшее общество и простой народ. В народе – а в культурно-бытовом смысле слова к нему принадлежали не только крестьяне, но и городские сословия и даже часть провинциального и сельского дворянства – хранились старые, допетровские обычаи и нравы.

Крепкую приверженность старине простой народ засвидетельствовал и своим отвращением к курению табака, насаждавшемуся Петром, и тем, что он не захотел, подражая высшему классу, перерядиться в «немецкое платье», и даже тем, что не принял введенного Петром как повинность для дворян, чиновников и солдат бородбрития. Простые люди строго соблюдали посты, в воскресные и праздничные дни спешили в храмы на Богослужение, благоговели перед святынями, чтити монахов, с уважением относились к странникам и юродивым, к бездомным и нищим.

В привязанности к православной старине, которую обличители народа заклеили как обрядоверие, проявилось не одно только обрядовое благочестие народа, но и его верность христианским религиозно-нравственным идеалам, его послушание Церкви. Свое христианское воспитание простой народ получал исключительно в храме, и единственными его наставниками были пастыри. До середины XVIII века в России вовсе не было школ для крестьянских детей, а первые попытки ввести начальное образование для простолюдинов, предпринятые при Екатерине II, остались только любительской затеей, из которой не вышло толка. Школьная выучка, которая при Петре стала повинностью для детей из дворян и духовного чина, носила утилитарный характер. Она состояла в узко практической подготовке к тому или иному роду службы. В духовных школах давалось духовное образование «в надежду священства», а в навигационных, артиллерийских школах, где готовили офицеров и моряков, преподавались математика, физика, баллистика, в них обходились вовсе без Закона Божия, который считался «поповской наукой».

Правда, в 1743 году вышло распоряжение о том, чтобы родители под угрозой штрафа обучали детей катехизису и чтобы при определении на службу молодые люди проходили испытание по катехизису. Но сами не учившиеся Закону Божию родители редко бывали в состоянии дать своим детям религиозное образование. При Екатерине II правительством была осознана необходимость не только профессиональной выучки, но и широкого общего образования. В связи с этим среди прочих предметов в светских школах стали вводить и Закон Божий, но в обществе уже укоренилось отношение к нему как к «поповской науке», будто бы не нужной будущему чиновнику или офицеру. К тому же в уставах новых светских школ, которые составлялись в духе модных просвещенческих, антиклерикальных идей, законоучителям не рекомендовалось много распространяться о чудесах, о Страшном суде, о вечных муках, а вместо этого внушать школьникам верноподданнические чувства, правила естественной морали и естественной религии и воспитывать их в духе веротерпимости. Неудивительно, что при столь грубом небрежении к религиозному образованию высшее общество, подвергшееся после петровских реформ интенсивному воздействию инославного Запада, не сумело сохранить преданности вере отцов. Европейская культура на первых порах усваивалась крайне поверхностно. Заимствовались западные костюмы и моды, перенимались, часто в карикатурном виде, манеры и правила этикета, до серьезного усвоения европейской науки и философии дело дошло не скоро.

Поэтому в первой половине века вольнодумство не представляло собой целостной системы взглядов, а выражалось в основном в нравственной распущенности. Пастырям Церкви нелегко было тогда воздействовать на выбившихся из колеи придворных дам и господ. Доморожденные «вольнодумцы», подверженные нравственной и духовной порче, пастырским обличениям противопоставляли свою приверженность к реформам, проводившимся правительством, а свой заурядный разврат оправдывали «служением духу просвещенного века». В эпоху бироновщины на особенно смелые обличения пастырей придворные и чиновные «вольнодумцы» отвечали застенками Тайной канцелярии.

Во второй половине столетия верхушка дворянства стала ближе знакомиться с европейской, особенно французской культурой. При дворе все стали говорить по-французски. Состоятельные помещики отдавали детей на воспитание гувернерам-иностранцам, которые внушали своим

подопечным презрение к родному языку, к простому народу, к православной вере, над которой глумились как над достоянием невежественной черни. Для завершения «образования» отпрыски знатных фамилий ехали за границу, и непременно в Париж, где получали возможность на месте познакомиться с плодами, а часто и с самими деятелями боготворившегося ими «просвещения».

Среди «властителей дум» в ту пору особенной славой пользовался рационалист и скептик Вольтер, перед которым его почитатели, словно новоявленные идолопоклонники, преклонялись как перед кумиром. Знакомство с Вольтером знатные русские путешественники почитали за высокую честь для себя. Сочинения этого писателя, по свидетельству иностранцев, образованные русские «носили в карманах, словно молитвенники или катехизис». Увлечение Вольтером и энциклопедистами прививало полуобразованному русскому дворянству скептическое пренебрежение к религии. Кошунственные выходки в этом кругу считались проявлением образованности, а набожность и верность христианскому долгу хулилась как ханжество и суеверие. С углублением теоретического вольнодумства ниже падала общественная нравственность. Большинство светской черни не доросло до серьезного и систематического усвоения европейской литературы, науки, философии, которая не сводилась к одному только деизму, скептицизму и атеизму. Оно быстро и ловко схватывало крайности отрицательного направления, а еще быстрее и охотнее усваивало циничные практические выводы из этих крайностей: «яждь, пей и веселись».

Целые состояния проматывались на безумную роскошь, умножились разводы, в семьях царил жестокий эгоизм: сын не считал своим долгом уважать отца, ибо, говорили наши доморожденные «естественные моралисты», «все животные не имеют такого правила, и щенок не уважает того пса, который некогда был его отцом». Супружеская верность бывала предметом самых грубых насмешек, над ней потешались как над нелепым проявлением отсталости и невежества.

А пастырские обличения против затопившего общество разврата по-прежнему встречались обществом в штыки. Обличителю, правда, уже не грозил застенок Тайной канцелярии, но и слушать его никто не хотел. Проповедников христианской нравственности клеймили как суеверов и мракобесов. Вольтерьянские настроения в дворянском обществе встречали полное сочувствие и одобрение со стороны правительства. В печати запрещалась всякая полемика против вольнодумства. Знаменитому писателю и апологету Фонвизину не удалось напечатать перевода книги Клерка о бытии Божиим, потому что этому изданию воспротивился обер-прокурор Синода Чебышев, который послужил потом драматургу прототипом для его «бригадира».

Но и среди европейски-образованных дворян встречались люди, в которых «естественная мораль просвещенного» века вызывала тошноту. В последние десятилетия XVIII столетия общество стало ощущать религиозный голод. Но люди, воспитанные иноземными гувернерами, получившие образование из французских книг, настолько безнадежно оторвались от родного народа и от отеческой веры, что в поисках духовности обращались не к святым отцам, а к западным богословским и религиозно-философским книгам в надежде обрести истину либо в католической церкви, либо в расплодившихся в России в конце 70-х годов масонских ложах.

Первые русские люди, вроде Елагинской, были окружены деистами и вольнодумцами, проповедавших «естественную мораль», но вскоре московская ложа розенкрейцеров стала очагом мистических увлечений и оккультной практики. Видными масонами в Москве были профессор химии *Шварц*, журналист и издатель *Новиков*, в Петербурге – *И.В. Лопухин*, *Херасков*. Масоны вели идейную борьбу на два фронта против «лжемудрознаний Вольтеровской шайки» и против Православной Церкви, хотя борьба с Православием велась тонко и скрыто, и несомненно, многими из мало «посвященных» членов лож и не создавалась как борьба.

Внешнего благочестия масоны не нарушали. Многие из них охотно «исполняли» церковные обряды и «должности», иные даже настаивали на неприкосновенности чинов и обрядов церковных, «наипаче религии греческой». Православное Богослужение они ценили за его символическое богатство, но из литургических символов особенно дорожили теми, которые напоминали им о дохристианской древности.

В своем учении масонство возрождало оккультные доктрины неоплатоников и иудействующего гностицизма. «Церкви внешней» и всему «историческому христианству» в ложах противопоставляли «внутреннюю Церковь», которая отождествлялась ими с их «орденом». А в этом «ордене» были свои обряды и тайны, была своя лестница «священных» степеней и ритуал посвящения в них, была своя железная дисциплина, которой могла бы позавидовать любая

политическая организация. Поэтому масонские ложи оказались удобным орудием в руках тайных сил, враждебных христианской государственности, причем, при самой искренней благонамеренности многих из тех, кого вовлекли в ложи соблазном эзотерической духовности.

Грозные события во Франции встревожили двор Екатерины. Императрица испугалась, что поощрение безрелигиозного вольнодумства может обернуться для нее эшафотом. Срочно стали приниматься крутые меры против распространения либеральных идей, а заодно и против масонских лож. Правительство усилило цензуру, запретило бесконтрольный ввоз в страну французских книг, распорядилось закрыть вольные типографии. В 1791 году запрещены были масонские ложи, «мистические» книги велено было сжечь. «Типографическая компания», выросшая из масонского «Дружеского ученого общества», была закрыта. В 1792 году книгоиздателя Новикова заключили в Шлиссельбургскую крепость.

Но после смерти Екатерины масонство, пользуясь расположением императора Павла, быстро подняло голову, ибо запреты лож не уничтожили их, а только заставили «вольных каменщиков» притихнуть и на время уйти в подполье, что не представляло никакого труда для тайной организации с широкими заграничными связями. Павел приблизил ко двору видного масона Лопухина. В «вольные каменщики» записалось тогда множество лиц, занимавших высокое положение в правительстве, в армии, при дворе.

Духовное возвращение в Церковь для образованного русского дворянина XVIII века, заблудившегося на западных путях, было едва достижимым делом. И счастливых примеров оказалось не так уж много. Но в эту эпоху и в дворянском обществе оставались еще люди, сумевшие не заразиться духовной порчей. Среди них были и настоящие праведники и праведницы.

Имя одной из них – *Ксения Григорьевна Петрова*. Она была женой полковника и придворного певчего. В 26 лет Ксения погребла скоропостижно скончавшегося мужа. Потрясенная утратой нежно любимого человека, она ясно осознала тщету земного счастья и приняла на себя подвиг юродства во Христе.

Все имение она раздала нищим. Сама же оделась в платье покойного мужа и назвала себя его именем – *Андреем Федоровичем*. Когда это одеяние изнашивалось и истлело, блаженная Ксения стала носить только рубашку, кофту и платок, а на ногах – разорванные башмаки без чулок, и никакого теплого платья, даже в самые лютые зимние холода. Жила она в Петербургской стороне, где ютился бедный люд; да и там не имела постоянного пристанища, а ходила из дома в дом. По вечерам блаженная Ксения уходила за город в поле и молилась там до рассвета. Когда на Смоленском кладбище строилась церковь, блаженная Ксения целыми ночами трудилась на стройке, таская кирпичи.

Народ любил и почитал блаженную Ксению как святую. В бедных семьях посещения ее были праздниками. Матери радовались, когда она качала люльку младенца или целовала его, видя в этом хороший знак для ребенка. Своими молитвами и аскетическими подвигами, своей преданностью Богу и сострадательной любовью к людям блаженная стяжала дар прозорливости. В канун смерти царицы Елизаветы блаженная Ксения ходила по улицам столицы и говорила народу: «Пеките блины, пеките блины, пеките блины, завтра вся Россия будет печь блины». За несколько дней до убийства царственного узника Иоанна Антоновича в Шлиссельбургской крепости юродивая горько плакала и повторяла: «Кровь... кровь... кровь!»

Господь послал блаженной Ксении долгую жизнь. Она скончалась уже в начале XIX века. Над ее могилой на Смоленском кладбище воздвигнута часовня. И эта часовня стала святыней для православных петербуржцев и всего верующего народа.

Великим праведником был еще один русский подвижник XVIII века – святой *Иоанн Русский*. Он родился в конце XVII века на Полтавщине. В молодости был призван в армию и стал солдатом. Во время злополучного Прутского похода, в 1711 году, вместе с другими воинами он был пленен татарами, которые продали его в рабство турецкому вельможе.

Владелец увез пленника в Малую Азию, в селение Уркион (по-гречески – Прокопий). Хозяин годами истязал своего раба-христианина, чтобы заставить его принять ислам. Пытался он склонить его к измене отеческой вере и обещаниями всяческих благ, но святой исповедник твердо хранил верность Христу. Он говорил: «Ни угрозами, ни обещаниями богатств и наслаждений ты не сможешь отклонить меня от святой моей веры. Я родился христианином, христианином и умру».

И жестокий гонитель отступил. Он перестал мучить пленника и поставил его ухаживать за скотом. В скотском стойле устроил праведный Иоанн и свою постель. Своему господину он был верным слугой и в летнюю жару, и в зимние холода, полунагой и босой, он трудился целыми днями, не зная отдыха. Хозяин со временем полюбил добросердечного, кроткого и исполнительного раба. Он решил отпустить его на волю, но праведный Иоанн остался в стойле, где он мог каждую ночь беспрепятственно молиться Богу. По праздникам святой Иоанн приходил в греческий храм великомученика Георгия и причащался Святых Христовых Тайн. Все, что зарабатывал у господина, он раздавал нищим.

27 мая 1730 года праведный Иоанн Русский отошел ко Господу, причастившись перед кончиной Святыми Дарами, которые священник, побоявшись войти в дом к вельможному турку, прислал праведнику в яблоке. Хозяин отдал тело исповедника священнику для христианского погребения. Все греки, жившие в Прокопии, собрались на погребение единоверца из России. А через три года были обретены нетленные мощи святого. Угодник Божий прославился многими чудесами и затем знамениями, явленными у его цельбоносных мощей. Ныне мощи святого Иоанна почивают на греческом острове Эвбее, в храме, названном в его честь.

§ 11. Церковная жизнь и церковное искусство

В XIX веке, когда правительство жестко контролировало церковную жизнь, когда рассказывать о благодатных проявлениях милости Божией было небезопасно, ибо, не оказавшись у свидетеля чуда веских доказательств в подтверждение истины его слов, он рисковал попасть под действие петровского указа о вырывании ноздрей и ссылке на галеры за разглашение ложных слухов о чудесах, когда процедура канонизации обставлена была паутиной тормозивших дело формальностей, – в эту эпоху для церковного прославления новоявленных святых обстановка была неблагоприятной.

Но в царствование Елизаветы, когда православные русские люди снова почувствовали себя гражданами своего государства, а не бесправными париями, совершена была первая после учреждения Синода канонизация. 21 сентября 1752 года при починке опустившегося пола в Ростовском соборном храме в честь Зачатия Пресвятой Богородицы обнаружили нетленное тело погребенного здесь митрополита Димитрия. Место это было сырое, и дубовый гроб, в котором покоился святитель, сопреп, но тело его, омофор, саккос, митра и шелковые четки остались нетронутыми тлением. Над мощами святого совершались многие исцеления. О чудесах доложили в Синод. В Ростов для освидетельствования мощей прибыли митрополит Суздальский Сильвестр и настоятель Симедова монастыря архимандрит Гавриил.

29 апреля 1757 года Святейший Синод издал указ о причислении митрополита Димитрия к лику святых угодников. Служба святому составлена митрополитом Арсением. Много чудес совершилось от мощей святого. Но в эту пору царствовала уже Екатерина II, которая не расположена была мирволить народному благочестию, – и канонизация святителя Иннокентия смогла состояться лишь через 40 лет после обретения его мощей – в 1804 году.

2 сентября 1796 года совершилось открытие цельбоносных мощей преподобного Феодосия Тотемского, завершившего свое земное житие в 1658 году. Через два года Святейший Синод установил празднование его памяти. Службу преподобному написал князь Г.П. Гагарин.

Церковные праздники устанавливались и в память о благодеяниях Божиих, явленных чрез чудотворные иконы. В 1730 году от Смоленской иконы Божией Матери, находящейся в Троице-Сергиевой Лавре, получил исцеление псаломщик, у которого руки были скрючены и пригнуты к спине. Память об этом событии празднуется 28 июля.

В 1760 году установлено празднование иконы Божией Матери «Утоли моя печали», хранившейся в Московском храме святителя Николая в Пупышах, в память об исцелении больной женщины после молебна перед этим святым образом. Многие исцеления от икон Пресвятой Богородицы совершались во время страшной чумы 1771 года. Особенно прославились исцелениями чтимые списки с Боголюбской иконы, Боголюбская-Московская, Боголюбская-Замаровская и Боголюбская-Юрьевская иконы. В воспоминание об избавлении от моровой язвы 1771 года установлено также празднование Калужской иконы Божией Матери. Явление этой иконы произошло еще в 1748 году в селе Тинькове под Калугой, в доме помещика Хитрова. Одна из служанок, перебирая старые вещи на чердаке, обнаружила в холстином свертке изображение женщины в темном одеянии с книгой в руках и приняла его за портрет игумении. Другая служанка, Евдокия, отличавшаяся вспыльчивым нравом, в это время бранилась, и подруга, укоряя ее, пригрозила ей гневом «игумении». Евдокия, придя в исступление, плюнула на лик, и тотчас упала без чувств... В следующую ночь родителям Евдокии явилась Богородица и открыла им, что это Ее лик был поруган их дочерью. Царица Небесная повелела им совершить молебен перед обретенной иконой. После молебна больная выздоровела.

Эта икона много раз еще проявляла чудесное покровительство православным людям, и в чуму 1771 года, и в Отечественную войну 1812 года, когда многие из русских и французских солдат видели этот образ «на воздушных», и после таких видений всегда побеждало русское оружие.

Новоявленным святым и прославленным иконам составлялись службы и акафисты. Новые службы составлялись и тем святым, имена которых давно уже вошли в церковный календарь. Митрополит Платон написал акафист преподобному Сергию Радонежскому. Священник Иоанн Алексеев составил акафист и службу святителю Стефану Пермскому, а протоиерей Иоанн Красовский – службу Феодоровской иконе Божией Матере.

В течение всего столетия просматривались и исправлялись Богослужебные чины и последования. Особенно важным был труд по исправлению Постной и Цветной Триоди, предпринятый игуменом Софронием (Младеновичем). Исправлены были также чин принятия иноверцев и еретиков, чин на умовение ног, чин мироварения. Митрополит Гавриил внес исправления в последования Православия и в чин исповедания. Во избежание неисправностей и опечаток Библия, Богослужебные книги и Кормчая книга могли издаваться не иначе как по благословлению Святейшего Синода и только в синодальных типографиях в Москве и Петербурге, а также в типографии Киево-Печерской Лавры.

Синод осуществлял надзор и за иконописанием. При Елизавете был издан указ о искусном написании и приличном содержании икон в частных домах. Небрежно написанные иконы велено было отбирать. Иконопись XVIII века, подверженная западным влияниям, постепенно приобретала черты европейской религиозной живописи. Но при написании икон соблюдался православный иконографический канон. В провинции долго еще сохранялись иконописные приемы допетровской старины.

Строй духовной жизни России XIX века особенно полно выражало церковное зодчество. Колоннады и портики православных храмов, их ордерный декор, увенчивающие их итальянские купола или скандинавские шпиги символически отражали влияние инославного Запада на Россию. Средоточием этих влияний стала новая столица на Неве, затмившая своим внешним блеском первопрестольную Москву. Петербург не рос веками, как Москва, а возводился в считанные десятилетия, словно по единому плану и с самого начала как столица великого европейского государства.

В 1748 году на окраине города, на месте старого смоляного двора знаменитый зодчий *Растрелли* начал сооружать монастырь, получивший название Смольного. Монастырь строился в стиле барокко, но архитектор с незаурядным искусством сумел придать ему и некоторые национально русские черты. Подобно древним обителям Руси, Смольный монастырь получил замкнутую форму. Здания келий расположены крестообразно вокруг собора, по углам ансамбля возведены четыре однокупольные церкви, которые напоминают башни на стенах старинных монастырей. Но в отличие от древнерусских обителей с их асимметричным, свободным расположением построек, в Смольном соблюдена строгая симметрия. С русской стариной Смольный монастырь роднит пластичность его отделки, обилие украшений, но создается эта пластичность совсем иными средствами, чем в древности, характерными для барокко пучками декоративных колонн и пилястр, сочетанием выпуклых и вогнутых плоскостей. Монастырский собор увенчан традиционным для русских храмов пятиглавием. При жизни *Растрелли* отделка Смольного монастыря не была завершена. Заканчивал постройку уже в 30-годы XIX века архитектор *В.П. Стасов*, бережно сохранивший замысел и стиль автора проекта.

В 1753–1762 годах по проекту архитектора *С.И. Чевакинского* у пересечения Екатерининского и Крюкова канала сооружался Никольский морской собор. Этот храм выполнен тоже в барочном стиле. Для его облика характерна та же, что и в постройках *Растрелли*, удивительная изощренность украшений, собранные в пучки колонны, лепные наличники в виде головок ангелов, сложные гирлянды вокруг верхних овальных окон придают храму живописный, праздничный облик. Перед храмом Чевакинский поставил трехъярусную колокольню со стройным, высоким, тонким силуэтом. В конце века, в 1790 году, закончилось сооружение Троицкого собора в Александро-Невской Лавре. В эту пору на смену барокко в зодчество пришел новый стиль – классицизм. *И.Е. Старов*, зодчий Троицкого собора, был одним из самых талантливых архитекторов-классицистов. Облик Троицкого собора строг, выразителен. Над центром собора возвышается купол, а над западной стороной храма – две колокольни, включенные в единый объем сооружения. *И.Е. Старов* возвел также надвратную церковь Лавры, которая композиционно связывает монастырь с Невским проспектом.

В Москве в эту эпоху тоже строились храмы в барочном и классицистическом стиле, придающие древнему городу новые, европейские черты. Один из самых прекрасных храмов новой Москвы – церковь святителя Климента епископа Римского на Пятницкой улице, воздвигнутая в 1762–1770 годах зодчим, имя которого осталось неизвестным. Огромный двухэтажный собор с могучим пятиглавием, возвышающийся над панорамой Замоскворечья, не кажется массивным и тяжелым. Портики из полуколонн коринфского ордера, украшающие верхний этаж, небольшие главки с перехватом, декоративная лепнина из растительного орнамента зрительно растворяют огромные объемы храма, создают впечатление легкости.

Одна из вершин русской архитектуры XVIII века – колокольня Троице-Сергиевой Лавры, возведенная в 1740–1770 годах по проекту *Н. Мичурина* и его ученика *Д.В. Ухтомского*. Пятиярусная колокольня, превышающая по высоте звонницу Ново-Девичьего монастыря и кремлевскую колокольню Ивана Великого, ставшая архитектурным центром древней Лавры, не подавляет других лаврских строений, не нарушает архитектурной цельности монастыря, не кажется в нем инородным телом. Ее стройная и легкая, прорезанная арками башня органически сливается с архитектурным пейзажем Лавры, служит его центром. Четыре одинаково оформленных фасада подчеркивают центральное положение колокольни в ансамбле монастыря. Со всех сторон одинаково хорошо видна вертикаль колокольни, поддержанная могучим пятиглавием древнего Успенского собора. Сооружение колокольни логически завершило создание прекрасного архитектурного ансамбля древней святыни, продолжавшееся веками.

Церковное пение в XVIII веке, подобно храмостроительству и иконописи, подверглось влияниям инославного Запада. До середины столетия в церковной музыке преобладало польско-киевское партесное пение, заведенное в Москве еще при царе Алексее Михайловиче и сохранившее в себе некоторые древние напевы. Но с середины века во главе Петербургской придворной капеллы оказались итальянские и немецкие музыканты, которые навязали свои вкусы и русским регентам. Церковное пение в городских соборах приняло концертный характер, только в монастырях и сельских храмах хранились еще традиции древнего, церковного пения.

Среди русских церковных композиторов XVIII века особенно замечательными мастерами были *М. Березовский* (1777 г.), который составил музыку полной Литургии, написал много причастнов и концертов, и *А. Ведель* (1806 г.), написавший великопостное песнопение «Покаяния отверзими двери», сохранившееся в церковном обиходе и поныне.

Глава III. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XIX ВЕКЕ

1. Русская Православная Церковь в 1801–1825 годы

В 1801 году после убийства императора Павла на Российский престол взошел его сын *Александр I*. В начале своего царствования император мало интересовался церковными делами. Ближайшее его окружение составляли католик князь *Чарторыжский* и безрелигиозные люди – князь *Новосильцев*, граф *Кочубей*, граф *Строганов*. Из его сотрудников один *М.М. Сперанский*, происходивший из духовного сословия и выпускник Петербургской Семинарии, хорошо знал церковные дела. Александр I поручил ему составить план преобразования всех правительственных и судебных учреждений империи. Сперанский первым в окружении царя поднял вопрос о состоянии Церкви, о духовном образовании и положении духовенства. Для проведения реформ по Ведомству Православного исповедания решено было назначить в Синод нового способного и энергичного обер-прокурора.

В 1803 году обер-прокурором стал друг юности царя князь *А.Н. Голицын*. С именем этого деятеля связано непомерное усиление обер-прокурорской власти, совершенно несравнимой с полномочиями обер-прокуроров XVIII века. Голицын не получил никакого религиозного образования, и в молодости к Церкви относился неприязненно. Но поставленный для надзора над Синодом, он основательно разобрался в ходе церковных дел и занялся чтением религиозных книг. С годами он проникся религиозными настроениями. Но как это обыкновенно случалось со светскими людьми, оторванными от родной Православной веры, князь Голицын в поисках истины обратился к западным богословским и мистическим книгам, и поначалу увлекся католицизмом, а потом – бездогматным мистицизмом. Мечтательная религиозность, мистическое любопытство сочетались в нем с властным, деспотическим характером.

В 1807 году по утвержденному царем докладу Голицына был образован особый комитет из духовных и светских лиц. В него вошли митрополит Амвросий (Подобедов), архиепископ *Феофилакт (Русанов)*, протопресвитер С. Краснопевков и обер-священник И. Державин, а также Голицын и Сперанский. Комитету поручено было составить план реформы духовного образования и изыскать способы лучшего обеспечения духовенства. Через год Комитет с успехом решил свою задачу. В 1808 году началось проведение важнейшей в истории богословского образования реформы.

В ту пору во главе церковного управления стоял Петербургский митрополит Амвросий, который имел хорошие административные способности, умел наладить хорошие отношения с собратьями-иерархами и светской властью, умел дипломатично, но твердо защитить Церковь от властного произвола обер-прокурора.

В 1812 году на Россию обрушились бедствия наполеоновского нашествия. Вражеские полчища опустошили и разорили те уезды, по которым они прошли, двигаясь на Москву. Разорению и сожжению подверглись первопрестольная столица – 12 церквей сгорели дотла в московском пожаре, 115 были сильно повреждены, все остальные разграблены. В храмах завоеватели устраивали казармы, конюшни и бойни. Успенский собор в Кремле, превращенный варварами в конюшню, был разграблен и ободран, на месте серебряного паникадила висели весы для взвешивания награбленных драгоценностей. Гробницы со святыми мощами Московских святителей были обнажены от металла, мощи священномученика Филиппа повержены на пол, а мощи святителя Алексия после ухода иноземцев были найдены в мусорной куче на паперти. Французы глумились над святыми иконами, в священные одежды одевали лошадей и блудниц.

Перед выходом из Москвы Наполеон велел взорвать Кремль. От пяти мощных взрывов потряслись стены Кремля. В воздух взлетели камни и бревна. Колокольня Ивана Великого дала трещину. Повреждена была Никольская башня. Но чудотворный образ святителя Николая на полуразрушенной башне остался невредимым. Хрупкое стекло киота погнулось, но не лопнуло. Не оборвалась и веревка, на которой висел фонарь со свечой.

В самом начале войны Святейший Синод в особом послании благословил православный народ на отпор врагу и защиту Отечества. В храмах служились молебны о победе русского оружия. Архиепископом *Августином (Виноградским)* была составлена «Молитва об изгнании врагов из Отечества», в тексте которой говорилось: «Боже отец наших... всех нас укрепи верою в Тя, утверди надеждою, одушеви истинною друг ко другу любовью, вооружи единогодушием на праведное защищение одержания, еже дал еси нам и отцем нашим, да не вознесется жезл нечестивых на жребий освященных...» Накануне Бородинского сражения Главнокомандующий

князь М.И. Кутузов–Смоленский вместе с русскими воинами усердно молился перед Смоленской иконой Божией Матери. По воспоминаниям очевидца, во время этого молебна «духовенство шли в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала. Сама собою, по велению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле», а во французском лагере раздавалась веселая музыка – там заранее праздновали «победу».

Митрополит Платон, желая пострадать вместе с паствой, в день Бородинского сражения выехал из Троице-Сергиевой Лавры в Москву. Господь судил ему однако дожить до вести об изгнании французов из столицы. Он скончался 11 ноября 1812 г., оставив кафедру своему викарию архиепископу Августину. В канун сдачи столицы 1 сентября в Успенском соборе Кремля архиепископ Августин отслужил последнюю Литургию среди общего плача. Он едва успел вывезти из Москвы антиминс собора и вековые святыни – Владимирскую, Смоленскую и Иверскую иконы.

Оставшиеся в Москве священники напутствовали Святыми Тайнами не успевших выехать больных и умиравших. От неприятельских солдат они выносили поругания и оскорбления, многие из них мученически пострадали за веру от захватчиков. Полковые священники на полях битв проявляли бесстрашие. Духовные лица находились и в партизанских отрядах.

Синод пожертвовал на военные нужды 1,5 миллиона рублей. На спасение Родины жертвовали свои сбережения архиереи и монастыри, священнослужители и миряне. После войны всюду, где побывали французы, надо было восстанавливать монастыри и храмы, оказывать помощь разоренному духовенству. На эти цели Синод выделил еще 3,5 миллиона рублей.

Страшные бедствия, перенесенные Россией в Отечественную войну, вызвали глубокие перемены в настроениях общества. Прежние галломанские увлечения обнаружили свой противонациональный характер. В благодарственном молебне о спасении Отечества от врагов Церковь выразила горькое сознание: «О ихже ревновахом наставлениях, сих имеяхом врагов буиих и зверонравных». В обществе усилились патриотические и религиозные чувства.

Душевный перелом пережил и Александр I. Он говорил: «Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до сих пор не ощущал. Тогда я познал Бога, как Его описывает Священное Писание». Это признание характеризует настроения не только самого государя, но и значительной части высшего общества, переживавшего тогда реакцию на прежние вольнодумные увлечения екатерининского века. Но в этом состоянии люди, отставшие от основных начал русской жизни, забывшие о родной вере, нередко обращались не к Православию, а к книгам западных богословов, мистиков, философов.

Сам император, находясь с армией за границей, встречался со всякого рода религиозными мистиками сектантского толка. В Силезии он беседовал с моравскими братьями, которые умилили его своей кротостью и любовью. В Лондоне Александр I встретился с квакерами, беседовал с ними о внутренней духовной молитве, сам молился вместе с ними и приглашал их в Россию для устройства ланкастерских школ, тюрем и филантропических учреждений. В Бадене он виделся со знаменитым мистическим писателем Юнгом-Штиллингом, и они оба пришли к выводу, что во всех христианских исповеданиях есть доля истины, но не одно из них не содержит всю полноту истины.

Мистические настроения захватили и обер-прокурора Голицына. Пользуясь столь влиятельным покровительством, проповедники не церковного мистицизма с большим размахом развернули прозелитическую пропаганду. Мистицизм, заимствованный на Западе, причудливо сливался с доморощенным мистическим хлыстовством. На собраниях у великосветской сектантки Татариновой устраивались хлыстовские и скопческие «радения».

В обстановке этой мистической одержимости возрождались и усиливались масонские ложи. К масонству с благожелательным интересом относился сам Александр I. В масонской ложе состоял его брат *Константин*. Среди «вольных каменщиков» числились такие влиятельные лица, как князь *Репнин*, граф *Виельгорский*, *Уваров*, *А.И. Тургенев*. В высшем обществе сложилась тогда поговорка: «да кто же ныне не масон». Ложи *Коронованного Александра*, *Умирающий Сфинкс*, *Соединенных друзей*, *Палестины* приобрели огромное влияние на все сферы государственной жизни.

Видный масон А. Лабзин возобновил масонское книгоиздательство, запрещенное при Екатерине II. Переводились и печатались книги западных «мистиков» Эккартсгаузена, Сен-Мартена, Гиона, Юнга-Штиллинга. Лабзин издавал журнал «Сионский вестник», на страницах которого под видом вселенского, универсального христианства и внутренней церкви проповедовался адогматический религиозный синкретизм.

Мощным орудием строителей «внутренней церкви» стало основанное в 1813 году *Петербургское библейское общество*, переименованное через год в *Российское*. Оно действовало как секция английского Библейского общества, и главными заправилками в ней были пасторы *Паттерсон* и *Пинкертон*. Первое собрание общества состоялось в доме князя Голицына. Он же стал и его президентом. Своей целью общество объявляло распространение Библии среди иностранцев и инославных, но уже в 1814 году оно получило от государя право издавать Священное Писание и на славянском языке. В члены общества ввели несколько архиереев и других духовных лиц. В 1816 году было решено приступить к изданию Библии на русском языке.

Дела общества шли блестяще. Его отделения появились в самых глухих уголках страны. Имущество этого учреждения во много раз превышало казну Синода. Его покровителем состоял сам император. В общество входили министры, сенаторы, губернаторы, архиереи. Из общества частного, каким оно представлено было в уставе, оно превратилось в официальное, правительственное учреждение. Рост влияния общества, ставившего своей целью распространение слова Божия, не вызывал однако восторга у ревнителей Православия. Библейское общество придерживалось правила печатать Священные книги «без всяких на оныя примечаний и пояснений», чтобы устранить из своих изданий всякие вероисповедные особенности.

Курс на размытие конфессиональных границ, и значит, на принижение Православия в прикровенном виде выражен в отчете Общества за 1818 год: «Небесный союз веры и любви, учрежденный посредством Библейских обществ в великом христианском семействе, открывает прекрасную зарю... и то время, когда будет един Пастырь и едино стадо»; и чтобы приблизить эту «зарю», пастору Пинкертону дана была власть объезжать епархиальные города России и требовать отчета у архиереев в распространении слова Божия, делать им внушения и замечания, давать указания и советы. По свидетельству А. Стурдзы, присутствовавшего на заседаниях Общества, его коноводы «шумели, уверяли, что в идее Библейского общества новое излияние Святого Духа на всяку плоть, что с помощью одной книги можно будет христианству расторгнуть обветшалые пелены, обойтись без Церкви и достигнуть соединения в духе и истине».

В 1817 году ревнители «внутренней церкви» усилились еще более в результате важной административной реформы. В состав Министерства народного просвещения была включена канцелярия синодального обер-прокурора и департамент по делам иностранных исповеданий, подчинявшийся ранее министру внутренних дел. Новое ведомство получило наименование министерства духовных дел и народного просвещения. Во главе этого «двойного министерства» был поставлен князь Голицын. Все дела, касавшиеся религий, соединялись в департаменте духовных дел, директором которого назначался масон А.И. Тургенев. Одним из четырех отделений этого департамента стало отделение по делам греко-российского исповедания. Новым обер-прокурором, теперь уже представлявшим не лицо государя, а лицо министра, стал князь Мещерский. Реформа означала крайнее унижение Синода, поставленного теперь под надзор второстепенного чиновника и наравне с такими учреждениями, как евангелическая консистория или духовное управление евреев.

А главная беда и опасность заключалась в том, что «двойное министерство» откровенно действовало как орган Библейского общества и как орудие масонских лож. Всякая полемика против «мистических» писателей пресекалась цензурой. Дело доходило до таких курьезов, как, например, строгий выговор министра издателю «Духа журналов» за то, что в одной статье журнала автор посмел иронизировать над пророчеством Штиллинга о наступлении конца света в 1836 году.

Первоприсутствующий в Синоде митрополит *Амвросий* долгое время снисходительно относился к заблуждениям Голицына, благодаря свойственной ему осторожности и дипломатическому такту он умел поддерживать с ним хорошие отношения, но, наконец, и его терпение истощилось. Умножение сект, засилие враждебного Церкви синкретического мистицизма, шедшего по следам древних гностических ересей, заставили его решительно

высказаться против Библейского общества. За этим последовало разделение Петербургской и Новгородской епархии на две отдельные епархии и удаление митрополита в Новгород. 26 марта 1818 года он выехал из Петербурга, а через 2 месяца, 21 мая, скончался в Новгороде.

На его место был переведен из Чернигова архиепископ Михаил (Десницкий). В прошлом он многие годы служил священником при московском храме святого мученика Иоанна Воина и славился своими сердечными проповедями. В 1796 году он принял постриг и через 5 лет был хиротонисан в епископа. Это был добрый, кроткий, мягкосердечный архипастырь. Богословская схоластика отталкивала его, человека теплого, сердечного благочестия. Его собственные богословские воззрения были проникнуты мистическим духом, но не мистицизмом Сведенборга или Сен-Мартина, а мистицизмом учителей духовной жизни святых преподобных Макария Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова. Голицын, однако, надеялся на сочувствие нового митрополита своим религиозным идеям, а также рассчитывал на его мягкость и уступчивость. И ошибся в своих расчетах.

Митрополит Михаил оказался твердым архипастырем, стоявшим на страже Православия. Под его покровительством составила «дружина» ревнителей, которые стали открыто выражать свою тревогу и негодование на вредное и опасное направление министра. Ректор Петербургской Академии архимандрит Иннокентий (Смирнов) отказался от звания члена Библейского общества и написал письмо А.И. Голицыну, в котором потребовал закрыть «Сионский вестник» Лабзина. Он прямо писал министру: «Вы нанесли рану Церкви, вы ее и уврачуйте».

Вскоре произошло новое столкновение. В конце 1818 года в качестве цензора архимандрит Иннокентий разрешил к печати книгу Е. Станевича «Разговор о бессмертии души над гробом младенца», в котором осуждались идеи, проповедовавшиеся «Сионским вестником». Выход этого сочинения произвел бурю в окружении Голицына. Министр добился от императора запрещения книги Станевича. Он писал царю, что книга наполнена «защитением наружной Церкви против внутренней» и «совершенно противна началам, руководствующим христианское наше правительство». Архимандрит Иннокентий был удален из Петербурга, его возвели в сан епископа и назначили в Пензу, где он скончался осенью того же года в возрасте 35 лет.

После устранения епископа Иннокентия митрополит остался в одиночестве. Тем не менее, он не уступил Голицыну, и в 1821 году, за две недели до кончины, писал императору, умоляя его спасти Церковь «от слепотствующего министра». Письмо произвело сильное впечатление на государя.

Преемником митрополита Михаила, по совету Аракчеева, соперничавшего с Голицыным за влияние на царя, был назначен митрополит Серафим (Глаголевский), переведенный из Москвы. В кругу иерархов он был известен как противник мистического направления. Он сразу после перевода в Петербург высказался против Библейского общества и вступил с ним в борьбу.

Передовым бойцом в этой борьбе был выставлен настоятель Новгородского Юрьевского монастыря архимандрит Фотий (Спаский). Он учился в Петербургской Академии у архимандритов Филарета (Дроздова) и Иннокентия (Смирнова). В 1817 году принял постриг и был определен законоучителем в Кадетский корпус. Архимандрит Фотий благоволел перед своим учителем архимандритом Иннокентием, человеком святой жизни. В монашестве он строго постился, носил вериги. О молодом монахе-постнике заговорили в свете. Его почитательницей и духовной дочерью стала графиня Орлова-Чесменская, богатейшая в России помещица. Ревностный законоучитель стал на уроках в Кадетском корпусе открыто обличать Библейское общество. Но в своих обличениях он сам впадал в тон, который царил в мистических кружках. Обрушиваясь на «мистиков», он аргументировал не от святых отцов, а от собственных видений, прозрений, вещих снов. Как и его оппоненты, преисполнен он был апокалиптической тревоги. «Теперь дрова уже подкладены, и огонь подкладывается», – говорил он.

О своей деятельности архимандрит Фотий вспоминал впоследствии – «действовал с опасностью для жизни против «Сионского вестника» Лабзина, лож масонских и ересей, старался ход расколов их остановить». Его шумное поведение привело к удалению его из Петербурга и назначению игуменом Новгородского Деревяницкого монастыря. А там он обрел нового покровителя – владельца села Грузино графа Аракчеева, и в 1822 году был назначен настоятелем древнего Юрьевского монастыря. Вскоре его снова вызвали в Петербург. И там он ринулся на борьбу с Голицыным.

Поводом для решительных действий явился русский перевод книги Госнера «О Евангелии от Матфея» – одного из многих издававшихся тогда в России мистически-пиетических

сочинений. Архимандрит Фотий написал императору письмо, в котором сообщил, что в Вербное воскресенье к нему был послан Ангел Божий, предстал ему во сне с книгой в руке, а на книге было начертано «сия книга составлена для революции и теперь намерение ее революция». Письмо архимандрита заинтересовало царя своим апокалиптическим тоном. Он захотел встретиться с новоявленным «пророком».

После аудиенции у Александра I архимандрит Фотий открыто напал на Голицына в доме Орловой. Он встретил министра пред иконами за аналоем, на котором были возложены Крест, Евангелие и Святые Дары. Князь Голицын просил благословения у архимандрита, однако он благословения не дал и сказал – «В книге «Таинство креста» под твоим надзором напечатано – духовенство есть зверь, – а я, Фотий, из числа духовенства есмь иерей Божий, то благословить тебя не хочу, да тебе и не нужно оно». Голицын ушел из дома в бешенстве. А архимандрит Фотий вслед ему кричал: «Анафема! Да будешь проклят». От Голицына и Фотия последовали доношения о случившемся на имя государя.

Вскоре после этого, по совету Аракчеева и еще одного противника Голицына, адмирала Шишкова, к императору поехал митрополит Серафим, и на аудиенции, сняв с себя белый клобук и положив его к ногам царя, с твердостью заявил, что не примет его, пока не услышит царского слова о смене министра и истреблении вредных книг.

15 мая 1824 года князь Голицын подал в отставку. Министром просвещения назначили А.С. Шишкова. Ведомство Православного исповедания было изъято из подчинения этого министерства. Президентом Библейского общества стал митрополит Серафим, который сразу же начал добиваться его упразднения. В конце 1825 года император Александр I скончался, и вскоре после его смерти Библейское общество было закрыто.

§ 2. Русская Православная Церковь в 1825–1855 годы

Царствование Николая I началось подавлением декабрьского восстания на Сенатской площади. В 1848 году русские войска помогли разгромить революцию в Европе. Во внутренней политике в этот период по всем линиям усиливался охранительный курс. Всякая оппозиция правительству искоренялась в зародыше. Политика эта распространялась и на Церковь. При Николае I в церковной политике правительства углублялись тенденции, наметившиеся в последний год царствования Александра, когда с удалением Голицына усилилось влияние Аракчеева и Шишкова.

Реакция на недавнее засилие враждебных Православию масонских кругов носила нетворческий, казенно-охранительный характер. Митрополит *Филарет (Дроздов)* назвал этот поворот «обратным ходом ко временам схоластическим». Новый курс правительства поддерживали митрополиты: Петербургский – *Серафим* и Киевский – *Евгений (Болховитинов)*, а у Московского архипастыря митрополита Филарета «обратный ход» вызывал горестные чувства, тревожил его, хотя в своих попытках противодействовать ему он проявлял предельную осторожность.

После закрытия Библейского общества ревнители «обратного хода» добились прекращения работы над переводом Библии на русский язык. Усилия митрополита Филарета отстоять это дело не увенчались успехом. Некоторое время воспитанникам военно-учебных заведений запрещалось читать Библию «в предотвращение помешательства», под тем предлогом, что два кадета уже помешались.

Для борьбы с инославными влияниями, с ересями и сектами устражалась духовная цензура, и эти цензурные строгости были направлены против всякого проявления живой богословской мысли. Напуганные разгулом «оккультного» мистицизма, ревнители «обратного хода» с опасливым недоверием стали относиться и к аскетическому мистицизму, к творениям святых отцов Макария Великого и Исаака Сирина и, по словам митрополита Филарета, «умная сердечная молитва» оказалась «уничтожена и осмеяна как зараза и пагуба». Цензура не пропускала в печать богословских сочинений А.С. Хомякова. Под подозрением оказалось даже православие митрополита Филарета, который метко охарактеризовал возобладавший тогда дух пугливого недоверия к богословию словами «дым ест глаза, а они говорят – так едок солнечный свет».

При Николае I усилился обер-прокурорский надзор за ходом церковных дел. Обер-прокурор получил министерские полномочия. Несмотря на подозрительное отношение Николаевского двора к деятелям Александровского царствования, связанным с масонскими кругами, в 1833 году обер-прокурором вместо князя П.С. Мещерского был назначен тайный масон *С.Д. Нечаев*. К духовенству он относился презрительно и враждебно, и сразу повел настоящую войну против иерархов из Синода, причем в этой борьбе не брезговал и интриганскими методами. Он инспирировал ложные доносы на архиереев, в которых те обвинялись в политической неблагонадежности, а чтобы придать доносам видимость правдоподобия, подталкивал членов Синода выражать недовольство жандармским давлением на Церковь. Нечаев добился того, что под негласный надзор поставлен был митрополит Московский Филарет. Недовольство Нечаевым в Синоде стало столь велико, что иерархи решились просить государя о замене его другим лицом. И ходатайство это, поддержанное важным синодальным чиновником А.И. Муравьевым, возымело успех. После отставки Нечаев поселился в Москве, посвящая свой досуг занятиям астрологией в узком кругу интимных друзей.

Преемником Нечаева стал граф *Н.А. Протасов*. Это был один из самых энергичных и умных сановников николаевской эпохи. Он получил воспитание у гувернера-иезуита, и оттого, вероятно, несмотря на его искреннюю преданность Православной Церкви, в его богословских воззрениях всегда был заметен сильный налет католицизма. Но к Риму Протасов относился недружелюбно, и в своих церковно-политических взглядах был далек от клерикальных латинских тенденций.

Протасов хотел сделать государство строго конфессиональным и отрицательно относился к политике широкой веротерпимости, проводившейся при Екатерине II и Александре I. Но на Церковь он смотрел, прежде всего, с точки зрения государственного интереса, государственной пользы, видел в ней одну из опор правительства, и в этом был верным продолжателем линии Петра I и архиепископа Феофана.

От своего покровителя Николая I Протасов усвоил убеждение во всесильных возможностях канцелярского способа управления и во всемогуществе приказа свыше. Исполненный энергии, он свою деятельность в кресле обер-прокурора начал с преобразования канцелярской части – увеличил число чиновников, повысил их ранги, разделил свою канцелярию на департаменты с директорами и обер-секретарями, «усовершенствовал» бумажное делопроизводство до такой степени, что чиновники, сидевшие за соседними столами, вели переписку между собой через экспедицию. Протасов скоро подчинил себе учреждения, находившиеся прежде в ведении Синода – Духовно-учебное управление, преобразованное из Комиссии духовных училищ, подведомственной Синоду, счетную часть Синода, которую он преобразовал в Хозяйственный комитет.

С членами Синода граф Протасов обращался заносчиво, грубо, позволяя себе кричать на них и даже пытался по-военному командовать ими. При этом он однако заботился о престиже Святейшего Синода и не позволял главам смежных министерств вмешиваться в церковные дела. Считая Русскую Православную Церковь своим ведомством, Протасов брал на себя инициативу в решении чисто церковных дел и даже вопросов богословского характера.

В конце 1830-х годов он поднял вопрос об исправлении «Катехизиса» митрополита Филарета, в котором усмотрел протестантский оттенок, исключавшийся будто бы в отсутствии 9 церковных заповедей, заимствованных митрополитом Петром Могилкой в «Православное Исповедание» из католических катехизисов. «Православное Исповедание» Протасов ставил так высоко, что ввел обязательное изучение его во всех семинариях и настаивал на том, чтобы оно было объявлено «символической книгой».

Обер-прокурор решительно возражал против перевода Библии на русский язык и предлагал Синоду объявить славянский перевод каноническим, подобно тому, как Вульгата является канонической книгой для католической церкви. Этому намерению воспротивился Московский митрополит Филарет. Предложение Протасова было отвергнуто Синодом, но вскоре после этой неудачи, в 1842 году Протасов добился удаления из Синода в свои епархии Филарета, митрополита Московского, и Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова).

Московский святитель, однако, и после удаления из Петербурга никуда не выезжал из Москвы, продолжал оставаться средоточием церковной жизни. Русские иерархи смотрели на него как на своего вождя и, приезжая в Москву, шли к нему за советом и руководством.

В 1843 году скончался митрополит Петербургский Серафим, который умел поддерживать хорошие отношения с самовластным обер-прокурором, потому что вполне сочувствовал протасовской церковной политике. Его преемником стал переведенный из Варшавы митрополит Антоний (Рафальский), который привлек внимание жителей столицы торжественностью и красотой совершавшихся им Богослужений. После его смерти в 1848 году на его место пришел митрополит Никанор (Клементьевский).

По инициативе обер-прокурора был разработан Устав духовных консисторий, утвержденный в 1841 году, по Уставу епархиальные консистории являлись совещательными и исполнительными органами при епархиальных архиереях. Члены консисторий назначались архиереями из числа наиболее заслуженных священников. Кроме них в консисторских штатах состояли светские чиновники во главе с секретарем, которого назначал и увольнял обер-прокурор. Любое решение епархиального архиерея могло быть опротестовано секретарем, и в этом случае его исполнение приостанавливалось. В сущности, эти секретари были своеобразными местными «обер-прокурорами», практически независимыми от архиереев и имевшими огромное влияние на ход епархиальных дел. Постановлением Синода упразднялись промежуточные звенья между епархиальной властью и благочиниями – уездные духовные правления, которые по-старинному именовались протопопиями, потому что во главе их некогда стояли протопопы.

При Протасове границы епархий были приведены в соответствие с административным делением страны на губернии. За годы царствования Николая I открыт был ряд новых епархий – Олонецкая, Саратовская, Новочеркасская, Симбирская, Томская, Херсонская, Варшавская, Камчатская, Кавказская, Рижская, Самарская, Полоцкая и Литовская.

Конец царствования совпал с неудачной для России Крымской войной, когда на стороне мусульманской Турции против России, выступившей в защиту поработанных Портой христиан, воевали христианские государства Европы – Великобритания, Франция, Сардинское королевство. Православная Церковь одушевлена была в эти годы патриотическим духом и самоотверженно служила Родине. Воодушевляло духовенство в войсках и в местах боевых

действий, бойцов и жителей, заботилось о раненых, утешало их, напутствовало умиравших. Соловецкий монастырь мужественно выдержал двухдневную бомбардировку английской эскадры. Корсунский женский монастырь под Севастополем был обращен в лазарет, и инокини служили в нем сестрами милосердия. Женские обители по всей России готовили корпию и бинты для раненых. Многие из воспитанников Духовных школ записались в ополчение и отправились в действующую армию. Немало семинаристов сложило головы в боях с неприятелем. Епархиальные архиереи, монастыри, духовные школы, церковные причты собирали средства на военные нужды, на помощь раненым, инвалидам, вдовам и сиротам убитых воинов. Некоторые из архиереев пожертвовали свое жалование за все время войны.

В разгар Крымской кампании в 1855 году скончался император Николай I. Обер-прокурор Святейшего Синода граф Н.А. Протасов умер на месяц раньше монарха, которого он глубоко почитал.

§ 3. Русская Православная Церковь в 1855–1881 годы

Поражение в Крымской войне убедило нового императора Александра II в необходимости реформ, призванных оздоровить государственный строй и экономику России. Важнейшим преобразованием явилась отмена крепостного права, объявленная манифестом от 19 февраля 1861 года. За этим актом последовал ряд других реформ – земская, военная, судебная.

В самом начале царствования был поставлен и вопрос о церковных преобразованиях. Сложившийся при Николае I и Протасове строй церковного управления вызывал критику с разных сторон. В конце 50-х годов за границей вышли книги бывшего профессора богословия Д.И. Ростиславова и калязинского священника И.С. Беллюстина с желчными, ядовитыми обличениями существовавших церковных порядков. Обе книги направлены главным образом против иерархии и монашества и оттого носят грубо протестантствующий характер.

Но и людьми более церковных взглядов высказывались требования перемен. Славянофил К.С. Аксаков в 1855 году выступил за широкую гласность и свободу церковной печати: «Деятельность мысли, духовная свобода есть призвание человека... Если найдутся злонамеренные люди, которые захотят распространять вредные мысли, то найдутся люди благонамеренные, которые обличат их, уничтожат вред и тем доставят новое торжество и новую силу правде...»

Удивительно по своей прямоте и смелости высказывание Киевского митрополита Арсения (Москвина) – «Мы живем в век жестоких гонений на веру и Церковь под видом коварного об них попечения».

С обоснованной критикой формализма и бюрократизма в синодальном и консисторском управлении выступил известный церковный ревнитель А.И. Муравьев, в прошлом служивший при обер-прокуроре Синода. Он писал: «Число светских чиновников по особым поручениям и за обер-прокурорским столом, и в разных управлениях и канцеляриях умножилось до чрезвычайности». Крайнее усиление обер-прокурорской власти он находил в том, что «два таинственных слова «читал и исполнил», которыми обер-прокурор пропускал синодальные определения к исполнению, «решают дела церковные, самые важные, как и самые обыкновенные. Какой патриарх пользовался столь неограниченной властью?»

А.Н. Муравьев не помышлял ни об упразднении должности обер-прокурора, ни тем более об отмене самой синодальной системы управления. Он предлагал лишь ввести полномочия обер-прокурора в те рамки, в которых они держались до Голицына и Протасова и стремился к возвышению Первенствующего члена Синода. Муравьев выразил пожелание, чтобы Первенствующий член, «стоящий во главе Священного Синода, который поставлен во главе всей Российской Церкви, пользовался особым уважением всех архиереев, с некоторыми отеческими правами в отношении их. Если заметит он какие-либо беспорядки по епархиям, то пишет прямо от себя к архиереям, и каждый из них должен обращаться к нему за советом в затруднительных случаях... Первенствующий член сносится также и с патриархами восточными от лица Священного Синода. Таким образом, в лице его сосредоточится единство всей Российской Церкви и восстановится древний порядок, первенствующей Церкви Христовой». Не ставя вопрос о восстановлении Патриаршества, Муравьев стремился к тому, чтобы и в рамках синодального управления соблюдалось 34 Апостольское Правило о первом епископе в каждом народе.

С Муравьевым вполне согласны были митрополит Петербургский Григорий (Постников) и епископ Камчатский святитель Иннокентий (Вениаминов). Митрополит Московский Филарет сочувствовал критике Муравьева, но находил его замечания слишком торопливыми и не продуманными до конца. Мудрый святитель опасался проведения новой реформы сверху, руками светской власти. Ведь свои предначертания А.Н. Муравьев направил обер-прокурору графу А.П. Толстому и выразил мысль, что «один лишь обер-прокурор может вывести Церковь из того положения, в какое она поставлена, явив себя графом Протасовым в обратном смысле».

Митрополит Филарет, обращаясь к Муравьеву, писал: «Я возражаю не против сущности ваших замечаний на стеснительное положение синодального действования, но против неточности изложения, от которой могут произойти два неблагоприятных последствия – первое, что могут сделать возражения против сей неточности, и все ваше замечание окажется опровергнутым, второе, что неверно означенная неправильность может получить такое исправление, которое вновь будет неправильно и неудовлетворительно». По поводу сетований

Муравьева на уничтожение Патриаршества Петром митрополит заметил: «Хорошо было бы не уничтожать Патриарха, и не колебать тем иерархию, но восстанавливать Патриарха было бы не очень удобно, едва ли был бы он полезнее Синода. Если светская власть начала тяготеть над духовною, почему один Патриарх тверже вынес бы сию тягость, нежели Синод».

В 1856 году, воспользовавшись приездом архиереев в Москву на коронацию Александра II, митрополит Филарет провел совещание российского епископата, которое в печати получило наименование «*Московского собора*». По предложению святителя Филарета на совещании решено было возобновить труды по переводу Библии на русский язык. Решение «*Московского собора*» о значительном увеличении числа епархий осталось неисполненным.

Митрополит Филарет высказывался в эти годы и по вопросу об участии представителей иерархии в деятельности Государственного Совета. Он находил неудобным для духовных лиц заседать в этом учреждении; как правило, епископов мало посвящали в дела, которые обсуждались в Совете, но соединенное с членством в нем безмолвное подписывание документов могло бы уронить их в общем мнении. Вместо этого он считал целесообразным проводить в отдельных случаях совместные заседания Святейшего Синода и Государственного Совета для обсуждения вопросов, одинаково важных и для государства и для Церкви.

Осторожная и трезвая линия митрополита Филарета в отношениях с правительством исходила из его стремления оградить самостоятельность Церкви и достоинство епископата. Но он убежден был в том, что силы Русской Православной Церкви, подорванные Петровской реформой, недостаточны для решительного отпора светской власти.

После блаженной кончины митрополита Филарета в 1867 году Московскую кафедру занял известный миссионер святой Иннокентий, переведенный в столицу из далекой Камчатской епархии.

Первенствующим членом Синода с 1856 года был митрополит Новгородский и Петербургский Григорий (*Постников*), почитатель и друг митрополита Московского Филарета, в прошлом ректор Петербургской Духовной Академии, основатель выходившего с 1821 года богословского журнала «Христианское чтение». В 1825 году он был хиротонисан в епископа Калужского. Перед переводом в Петербург митрополит Григорий занимал Казанскую кафедру. Это был покровитель духовного просвещения (в свое время его очень любили студенты Академии) и замечательный проповедник. В проповедях он, в отличие от митрополита Филарета, избегал догматических тем, обращенные к простому народу, его проповеди исполнены искреннего религиозного одушевления и большой нравственной силы. Язык их чужд риторике и прикрас, прост, ясен, доступен неученому человеку. В 1855 г. митрополит Григорий написал книгу «Истинно-древняя и истинно-Православная Церковь», в которой спокойно и благожелательно полемизировал против старообрядческого раскола. Как и митрополит Филарет, он был настойчивым приверженцем перевода Священного Писания на русский язык.

Всего 4 года святитель занимал столичную кафедру, но паства успела за это время полюбить твердого в вере, предельно искреннего и прямого, благородного архипастыря. Внешне он бывал порой резок и даже грубоват, но в душе необычайно добр, мягок, отзывчив. После его кончины 17 июня 1860 года преемником по Петербургской кафедре и в Синоде стал митрополит Исидор (*Никольский*), многоопытный архиерей.

Обер-прокурорское кресло в первое десятилетие царствования Александра II занимали заурядные чиновники А.И. Карасевский и А.П. Ахматов. В период между ними, с 1856 по 1862 годы, обер-прокурором был граф А.П. Толстой; человек искреннего благочестия, любивший бывать в Оптиной пустыни. А.И. Толстой возражал против перевода Библии на русский язык, и после «*Московского собора*» 1856 года, решившего возобновить перевод, сумел заручиться поддержкой митрополита Киевского Филарета, чтобы затормозить это начинание, так что прошло еще два года, прежде чем, благодаря новым настойчивым усилиям митрополитов Московского Филарета и Петербургского Григория, работа над переводом была действительно возобновлена.

В 1865 году обер-прокурора Ахматова сменил граф Д.А. Толстой, приобретший настолько сильное влияние на ход церковных дел, что все вспомнили тогда о временах Голицына и Протасова. Возобновляя опыт «двойного министерства», Д.А. Толстой совмещал обер-прокурорскую службу с должностью министра народного просвещения. Во внутренней политике, в постановке школьного дела он был убежденным консерватором, «главным ретроградом», как его тогда называли, ограждавшим сословный характер образования, добившимся запрета принимать в гимназии «кухаркиных детей».

Но в отношении к Церкви он был подобен ненавистным ему нигилистам, вольнодумец, попросту говоря, едва ли верующий и совсем не церковный человек. Д.А. Толстой не скрывал своего пренебрежения к епископату и духовенству. При нем опять значительно усилилось давление на иерархию. Ober-прокурор старался подорвать влияние духовенства на народную и государственную жизнь. Он стремился отстранить духовенство от участия в организации начального образования для крестьянских детей. Своей реформой гимназического образования, когда главными дисциплинами в школе стали классические языки, Толстой низвел Закон Божий на место второстепенного предмета. За годы ober-прокурорства его в России закрыто было более 2000 приходов.

В области церковного управления он стремился деятельности всех церковных инстанций придать как можно более государственно-упорядоченный, казенный, канцелярский характер, чтобы отнять у Церкви всякую самостоятельность, чтобы обездушить ее, лишить ее ореола неотмирности. Для укрепления ober-прокурорской власти в 1865 году учреждена должность товарища ober-прокурора с правами товарищей министров. В 1867 году при Синоде создано контрольное отделение, поставленное в зависимость от ober-прокурора. Для упорядочения законодательной и судебной деятельности Синода в 1868 году начато было издание «Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи».

В конце 60-х годов Д.А. Толстым был поднят вопрос о реформе церковного суда. О не церковном подходе ober-прокурора к задуманной реформе говорит сама формулировка вопроса: не надлежит ли и церковные суды перестроить «сообразно тем началам, на которых преобразована судебная часть по гражданскому, военному и морскому ведомству», будто у Церкви нет своих канонов, независимых от государственного права.

Была образована комиссия во главе с архиепископом Тверским Филофеем (впоследствии митрополитом Киевским). Работа этой комиссии оказалась бесплодной, но в 1870 году учрежден особый Комитет о преобразовании судебной части под председательством архиепископа Литовского Макария (Булгакова). В этот Комитет граф Толстой, с особой неприязнью относившийся к монашествующим, постарался включить лишь светских специалистов по церковным делам и лиц из белого духовенства – ни одного епископа и монаха, кроме председателя. В 1873 году Комитет выработал проект реформы церковного суда, которым предполагалось перестроить его на тех же основаниях, на которых проведена была реформа светского судопроизводства. Проект исходил из той предпосылки, что не существует независимой от государства духовной юрисдикции, а судебные права принадлежат церковным учреждениям по полномочию от государственной власти.

Проект вызвал единодушно резкую критику со стороны епископата, а архиепископ Волынский Агафангел ответил на него отзывом о незаконности и вреде ober-прокурорского надзора. В 60–70-е годы на усиление ober-прокурорского давления епископат реагировал более остро и смело, чем в Николаевскую эпоху. Инициатору судебной реформы пришлось отказаться от своего замысла.

В 1867 году в области епархиального управления было произведено важное преобразование – отменялось разделение епархий на три класса, и титулы архиереев были обращены в их личное преимущество: без всякого отношения к достоинству епархии. С конца 60-х годов в жизнь Церкви вошло такое явление как регулярно проводившиеся епархиальные депутатские съезды, на которые собирались представители духовенства. На съездах обсуждались, главным образом, постановка дел в семинариях, духовных училищах и женских епархиальных училищах. Особое внимание съезды уделяли контролю над расходом средств, отпускавшихся на учебные заведения. Перед епархиальными съездами отчитывались и свечные заводы. В 1869 году повышены были консисторские оклады, что способствовало изживанию закоренелого зла подкупов и поборов.

При Александре II открылось несколько новых епархий – *Таврическая, Уфимская, Туркестанская, Енисейская, Якутская, Алеутская*. На «Московском соборе» 1856 года ставился вопрос о значительном увеличении числа епархий. Проблема эта была достаточно острой. Епархии в ту пору были очень велики по числу приходов – их могло быть более тысячи. В окормлении столь огромной периферии архиереев сталкивался с великими трудностями. Многие приходы десятки лет не посещались епископами.

В 1865 году принято было половинчатое решение. Синод признал целесообразным открытие в каждой епархии викариатств, если содержание их могло быть обеспечено на епархиальные средства. Но права и обязанности викарных епископов не были определены достаточно четко. В некоторых епархиях викарные архиереи управляли частью приходов и имели местопребывание в тех городах, по названиям которых титуловались. В других епархиях в ведении викариев находились свечные заводы, женские монастыри, епархиальный суд, назначение псаломщиков. Особое положение было у епископов-ректоров Духовных Академий, вся деятельность которых сосредотачивалась на управлении вверенными их попечению школами.

Но увеличение епископата натолкнулось на серьезную кадровую проблему. Число ученых монахов, способных к архиерейскому служению, было весьма ограничено. И вот граф Толстой, известный своей неприязнью к «черному» духовенству, которое самим своим существованием символизировало неотмирную природу Церкви, пытался подготовить почву, чтобы поставить перед Синодом вопрос о введении «белого» епископата. Но это его противоканоничное намерение встретило решительный отпор. Первоприсутствующий в Синоде митрополит Исидор твердо заявил, что с «белыми архиереями» он общения иметь не станет.

Чтобы решить задачу, связанную с подбором подходящих кандидатов на занятие архиерейских кафедр, в 70-е годы стали чаще, чем прежде, хиротонисать принявших постриг вдовых священников. Как правило, такие архиереи, лучше знавшие приходскую жизнь, проявляли больше заботы о нуждах приходского духовенства. Из белого духовенства вышли святитель Иннокентий, митрополит Московский, епископ Астраханский Герасим (Добрадов), архиепископ Харьковский Амвросий (Ключарев), епископ Могилевский Виталий (Гречулевич).

В 60–70-е годы Русская Церковь упрочила свои вековые связи с Православным Востоком, в особенности с Константинопольским Патриархатом. Святейший Синод через Русское правительство постоянно прилагал усилия для защиты православных подданных Турции от произвола султанской власти.

В 1877 году Россия вступила в войну с Турцией ради защиты единоверных братьев на Балканах от геноцида. Война закончилась победой России и освобождением Болгарии от исламского ига. Православная Церковь благословила русское воинство на военную брань с вековым врагом христианства. В эти дни ректор Петербургской Академии протоиерей Иоанн Янышев говорил: «Мы, русские, прежде всего и больше всех должны помочь страдающим христианам на Востоке. Русская Церковь, некогда дочь, а ныне сестра Восточных церквей, не забыла о во веки неразрывной духовной связи со страдающими восточными членами того же самого единого вселенского Тела Христова».

Архипастырские и пастырские воззрения всколыхнули страну. В образовавшийся тогда Славянский комитет стекались громадные пожертвования отовсюду. Синод пожертвовал на военные и санитарные нужды 100 000 рублей. Члены Синода жертвовали все свое жалование за время войны. Свои пожертвования несли епархиальные архиереи, монастыри, духовные школы, церковные братства, приходское духовенство. Московские монастыри и духовенство во главе со святителем Иннокентием за две недели собрали и отослали в Черногорию более 30 тысяч рублей. В народе война вызвала религиозный и патриотический подъем. В церквях производился кружечный сбор. Прихожане, и не только состоятельные люди, но и простые крестьяне, с радостью жертвовали деньги и даже хлеб на нужды армии и на единоверных братьев.

При монастырях устраивались лазареты для раненых воинов. Около 200 монахов и до 700 инокинь посвятили себя уходу за ранеными и больными солдатами. Монастыри оказывали приют осиротевшим детям убитых воинов. Полковые священники, служившие в действующей армии, утешали раненых, напутствовали умиравших, под обстрелом противника служили молебны и панихиды.

§ 4. Русская Православная Церковь в 1881–1894 годы

Александр III взшел на престол в 1881 году после убийства его отца народниками. Началась эпоха жесткой реакции на либеральные реформы 60-х годов, эпоха подавления радикального вольнодумства и кровавой борьбы правительства с революционным подпольем. В то же время это шли годы быстрого экономического роста России и усиления ее позиций на мировой арене. Россия вновь, как и после Отечественной войны 1812 года, стала самой могучей державой в мире.

После либерального и радикального брожения 60-х годов в 80-е годы значительную часть интеллигенции захватили консервативные настроения. В сознании прежних вольнодумцев, как и в конце XVIII века, вновь пробуждались религиозно-мистические стремления, в обществе происходил новый возврат к вере, робкий, половинчатый, часто болезненный, но всеми ощутимый. Архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович) писал об атмосфере тех лет: «Это что-то новое, новое веяние, какое-то возрождение русского духа, религиозного духа. Надолго ли, не знаю... Чувствовалось, что это новое веяние – нового царствования, что во всем этом... веет дух К.П. Победоносцева».

К.П. Победоносцев (1827–1907), назначенный в 1880 году обер-прокурором Синода, действительно, был главным идеологом и вдохновителем новой охранительной политики правительства. Не только в церковных, но в государственных делах он был главным советником царя, архитектором политического курса правительства.

Юрист по специальности, профессор Московского университета по кафедре гражданского права, он имел блестящие и разносторонние знания, отличался острым, наблюдательным умом, по любому вопросу мог сформулировать продуманное, веское суждение. Известен он и как талантливый публицист, автор книг и статей на церковные, юридические и исторические темы. Победоносцев близко к сердцу принимал церковные дела и, в отличие от своего предшественника, был православным человеком. Это не мешало ему однако в духе синодальной эпохи, в духе Петра I, смотреть на Церковь преимущественно с точки зрения государственных интересов как на одну из опор незыблемости государственного строя.

Но по контрасту с Петровской идеологией европеизации России, которой русское правительство придерживалось в течение почти двух столетий, К.П. Победоносцев к современной ему западной цивилизации относился с нескрываемым отвращением. В европейском либерализме он видел последнюю ступень перед тотальной катастрофой; и в своей реакционной политике вдохновлялся надеждой удержать Россию от повторения пагубных тупиков западного пути. «Россию надо подморозить, – говорил он, – чтобы она не протухла».

Его собственные политические воззрения историки характеризуют как своеобразное реакционное народничество. Победоносцев верил в прочность патриархального народного быта, в стихийную мудрость простого народа. «Народ чувствует душой», – любил говорить он. И в своих религиозных воззрениях он, человек книжной культуры, воспитанный на западных книгах, пытался отождествиться с простым народом, слиться с ним. По его словам, он любил «исчезать со своим я в этой массе молящегося народа... Народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной, ни даже в «Отче наш...», но это не важно, ибо истина постигается не разумом, не верою, и самые драгоценные понятия... находятся в самой глубине воли и в полумраке».

Церковь для него – это прежде всего «живое всенародное учреждение». В православии он дорожил не святостью и подвижничеством, и даже не истиной, а его обычными, привычными формами, его традиционализмом. Победоносцев терпеть не мог всякого рода отвлеченных умозаключений, всякой расплывчатой философии. Человек на редкость проницательного ума, он испытывал скептическое недоверие к разуму и даже к разуму церковному. Догматического богословия он не любил и считал его чуждым вере русского народа, русскому православию, ибо «простой народ у нас спасается без всякого богословия», – говорил он. Его пугали и яркие проявления духовного подвижничества. Победоносцева повергали в смущение и тревожили духоносные избранники Божии епископ Феофан Затворник (Говоров) и кронштадтский пастырь Иоанн Сергиев. В начале XX века он выступил против прославления преподобного Серафима.

Не доверял он и иерархии. Победоносцев опасался ее самостоятельности, ее инициативы, слишком большого влияния ее на народ, и потому стоял за самую жесткую правительственную

опеку епископата. Он высказывался против созыва Поместного Собора, потому что и в церковном Соборе усматривал оттенок ненавистной ему демократии. Оберегая прочность государственных устоев, он склонен был противиться всяким новшествам. Любимым его словечком было «не надо».

Известный славянофил И.С. Аксаков писал ему в 1882 году: «Если бы в те времена спросили тебя: созывать ли Вселенские Соборы, которые мы признаем теперь святыми, ты представил бы столько основательных критических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, и не состоялись... Твоя душа слишком болезненно чувствительна ко всему ложному, нечистому, и потому ты стал отрицательно относиться ко всему живому, усматривая в нем примесь нечистоты и фальши. Но без этого ничего живое в мире и не живет, и нужно верить в силу добра, которое пребудет лишь в свободе».

Но заслугой К.П. Победоносцева является его забота о строительстве сельских храмов, об издании религиозно-назидательных книг и молитвенников для народа, о материальной помощи духовенству.

В 1883 г. при Победоносцеве, произошли важные перемены в управлении военным духовенством. Оно сосредоточено было в лице одного главного священника гвардии, гренадер армии и флота вместо прежних трех главных священников, а в 1890 году вышло новое положение о военном духовенстве. По нему главный священник был переименован в протопресвитера военного и морского духовенства, и при нем учреждалось правление из 3 штатных и 2 сверхштатных членов.

В 80-е годы было открыто две новых епархии: *Екатеринбургская* и *Владикавказская*. Таким образом, в составе Русской Церкви к 1890 году числилось уже **62** епархии. Кроме епархиальных архиереев, в состав епископата входило 37 викарных епископов, причем при митрополитах Петербургском, Московском и Киевском состояло по три викария.

Новым явлением церковной жизни явились окружные соборы архиереев. К.П. Победоносцев в самом начале своего обер-прокурорства заявил, что правительство стремится к «применению на практике древнего канонического права святителей православной Церкви соборно обсуждать важнейшие вопросы веры и церковной жизни». В церковных кругах пробудилась надежда, что начинается эпоха возрождения подлинной соборности. Но Победоносцев был исполнен глубокого недоверия к способности российского епископата самостоятельно, без государственной опеки, решать церковные дела. Он писал: «Опыт (правда невеселый) и наблюдение удостоверяют меня в том, что наша церковная иерархия нуждается в миряnine и ищет себе опоры вне круга церковного управления... Вообще у нас в России невозможно ни в какой сфере деятельности успокоиться на том, что все и сорганизуется и пойдет само собою; всюду надо хозяина». И в качестве властного «миряннина» и «хозяина» Победоносцев счел полезным созвать несколько окружных Соборов, но отнюдь не Всероссийский Поместный Собор.

В 1884 году в Киеве под председательством престарелого Киевского митрополита Платона (Городецкого) состоялся Собор архиереев южных и западных епархий. Собор обсуждал много важных вопросов церковной жизни: о положении духовенства, о свечных заводах, о соблюдении устава и церковном пении, о народном образовании, о мерах против влияния католичества и еврейства на православный народ. Но самой главной темой соборного обсуждения была борьба с усилившейся в южных епархиях *штундой* – насажденной немцами-колонистами сектой крайне протестантского толка, впоследствии слившейся с баптизмом. Собор обратился к пастве с посланием, предостерегавшим верных от уклонения в лжеучения, и особенно в штунду.

В том же 1884 году в связи с 50-летием святительского служения митрополита Исидора (Никольского) в Петербург съехалось несколько архиереев. Эта встреча архиереев тоже получила название «собора». В Петербурге обсуждали постановку образования в церковно-приходских школах, содержание церковных причтов. В 1886 году под руководством синодального чиновника В.К. Саблера в Казани был проведен окружной Собор епископов Поволжья, на котором преимущественно обсуждались меры по противодействию старообрядческому расколу. В том же году в Иркутске состоялся Сибирский собор архиереев, который тоже сосредоточил внимание на противостарообрядческой миссии. В 1888 году в Киеве, в связи с торжественным празднованием 900-летия крещения Руси, состоялся весьма представительный съезд архиереев, который получил в истории название Собора.

Во главе российской иерархии в 80-е годы стоял первоприсутствовавший в Синоде митрополит *Исидор*. Он родился в 1799 году в семье сельского дьякона Тульской епархии. Рано

осиротев, он в детстве испытал горечь нужды. После окончания в 1825 году Петербургской Духовной Академии со степенью магистра, он принял постриг и был рукоположен в сан иеромонаха. До архиерейской хиротонии исполнял административно-педагогическое послушание.

58 лет продолжалось его святительское служение. До назначения на Петербургскую кафедру в 1860 году преосвященный Исидор был епископом Полоцким, экзархом в Грузии, Киевским митрополитом. Он был удостоен высших государственных и церковных наград, в том числе первосвятительского отличия – права совершать службу с преднесением креста.

Это был человек большого ума, трудолюбия, такта, неизменного спокойствия и ровности духа, умения ладить с людьми и с собратиями-архиереями, и с подчиненными клириками, и с правительственными чиновниками. Его правилом было: «Нечего не ищи, и ни отчего не отказывайся». Мудрый, осторожный, тонкий церковный деятель, он был также замечательным духовным писателем, знатоком Священного Писания, автором нескольких эзегетических сочинений. После блаженной кончины митрополита Филарета преосвященный Исидор взял на себя главную заботу о переводе Библии на русский язык. Широкий размах имела и его благотворительная деятельность. Он был главным попечителем Императорского человеколюбивого общества. Скончался митрополит Исидор в глубокой старости, в 1892 году.

Московскую кафедру с 1882 по 1891 годы занимал митрополит *Иоанникий (Руднев)* (1826–1900). Как и митрополит Исидор, он был сыном диакона из Тульской епархии. Получив образование в Киевской Духовной Академии, он принял постриг от руки известного Печерского подвижника иеросхимонаха Парфения и до самой кончины оставался иноком высокой жизни, молитвенником и строгим постником.

В 1861 году его хиротонисали в епископа Выборгского. Перед переводом в Москву он исполнял должность экзарха Грузии. Митрополит Иоанникий особенно прославился своей широкой благотворительной деятельностью. Сам изведовавший в юности нужду и лишения, он был для бедных щедрым «милостивцем». Известен он также и как замечательный церковный администратор, энергичный, деятельный, инициативный. Пребывая на кафедре в Саратове, он основал там противораскольничье братство Святого Креста. В Нижнем Новгороде святитель основал такое же братство, открыл детский приют и ремесленную школу. В Грузии он учредил воскресные публичные собеседования о вере, открыл женское епархиальное училище. Все свое жалование за четыре с половиной года служения экзархом он пожертвовал на нужды духовного образования.

Введенный в состав Синода, митрополит Иоанникий был там твердым и непреклонным защитником независимости Церкви от давления светской власти. Когда в 1888 году в Синоде обсуждался вопрос о поминовении усопших инославных и первоприсутствующий митрополит Исидор готов был поддержать мнение Победоносцева, клонившееся к снисхождению в этом вопросе, митрополит Иоанникий самым решительным образом высказался против отпевания инославных. Мнение Московского митрополита поддерживало большинство членов и присутствующих в Синоде. Рассмотрение вопроса о поминовении инославных было отложено на неопределенный срок.

Характерно высказывание митрополита Иоанникия в Синоде по поводу появления в печати кощунственного стихотворения: «Не нужно нам гражданских казней». Государство не может или не хочет, это его дело; но мы должны сделать свое... Как его, автора-то? Если он не православный, то и Бог с ним; если же православный, то чрез епархиального архиерея потребовать бы от него, чтобы отрекся от своего богохульства и отрекся публично, что должен и заявить. Если же не захочет, то предать его отлучению что ли. Я знаю, что нас ругать за это станут. Но Бог с ними; пускай ругают». И Синод действительно стал рассуждать об анафеме. Но Победоносцев не поддержал эту идею: «Теперь так без шума дело и загложнет, – утверждал он, – а поднимите вы шум, эта пакость разойдется в сотнях тысяч экземпляров».

В 1891 году, после кончины митрополита Киевского Платона, митрополит Иоанникий был переведен на его место из Москвы, что, конечно, было следствием нерасположения к нему правящих сфер. Оставаясь Киевским святителем, он за два года до кончины, в 1898 году, был назначен первоприсутствующим членом Синода.

В 80-х годах в состав российского епископата входило много других замечательных архиереев: архиепископы: Херсонский – Никанор (Бровкович), Харьковский – Амвросий (Ключарев), Тверской – Савва (Тихомиров), Варшавский – Леонтий (Либединский), который после

перевода митрополита Иоанникия в Киев был поставлен на Московскую митрополию и занимал ее в течение двух лет до своей кончины в 1893 году. Тем не менее епископату в 80-е годы не доставало такого всеми признанного церковного вождя, каким в течение почти полувека был Московский святитель Филарет.

§ 5. Приходское духовенство в XIX веке

Начало XIX века застало русское духовенство замкнувшимся в отдельное сословие с особыми сословными правами, с передачей церковных мест по наследству. Вступление в это сословие для выходцев из дворян и податных состояний было затруднительно. Но поскольку в духовном чине постоянно образовывался избыток безместных взрослых детей, выход из него был не только открыт, но для многих и прямо принудителен.

В 1803 году всем праздным лицам духовного звания было дозволено свободно избирать себе род жизни, но уже через три года начался очередной разбор безместных детей духовенства, не получивших образование: годных для военной службы отправляли в полки, а непригодных – определяли в сторожа консисторий.

Последний разбор был проведен в 1830–1831 годах. На военную службу брали праздных лиц духовного сословия в возрасте от 15 до 40 лет. Исключение было сделано для не успевших определиться на место выпускников богословского и философского классов. Кроме того, разрешалось оставить по одному сыну при отцах для прокормления в старости.

Большие перемены в положении духовенства наступили в конце 50-х годов. Для обсуждения вопросов о положении духовенства составилось особое присутствие из членов Синода, обер-прокурора, нескольких министров и других высокопоставленных чиновников под председательством митрополита Исидора. В 1867 году Присутствие выработало положение, которым отменялись наследственные права на церковные места, а через 2 года после этого вышел указ, вносивший радикальные перемены в положение духовенства. Из духовного ведомства были исключены певчие, звонари, церковные сторожа, сверхштатные псаломщики, а самое главное – все взрослые дети клириков. Причем им присваивались весьма высокие сословные права. Сыновья священнослужителей получили личное дворянство или почетное потомственное гражданство, а дети церковнослужителей приравнивались к почетным личным гражданам. Им предоставлялось право поступать на военную или гражданскую службу, а также, по желанию, вступать в купеческие гильдии. Дети певчих, звонарей, сторожей обязаны были по достижении совершеннолетия приписываться в сельские или городские общества, но с освобождением от податей. В духовном чине остались лишь лица, состоявшие на действительной церковной службе. Юридически этим указом сословность духовенства упразднялась.

В 1863 году выпускникам семинарий был открыт доступ в университеты, и вскоре выходцы из духовенства составили почти половину студенчества. По успеваемости это были всегда лучшие студенты, но в силу ряда причин они часто разделяли радикальные и даже нигилистические взгляды. Детям духовных лиц разрешали также поступать в светские средние школы, но в отличие от семинарий, в гимназиях и реальных училищах образование было платным, поэтому даже те сыновья клириков, которые не собирались посвящать свою жизнь Церкви, предпочитали завершать среднее образование в семинарии, а потом идти в университет или на гражданскую службу. В то же время с конца 50-х годов шире открывался доступ к церковному служению для лиц из других сословий.

Материальное обеспечение духовенства в начале XIX века оставалось весьма недостаточным. При Александре I вдвое были повышены установленные Екатериной II таксы за требы, зато прекратились начатые при Павле наделения церковных причтов земельными участками. Это сделано было под тем предлогом, что Комитет 1808 года должен был изыскать средства для лучшего обеспечения духовенства. Комитет составил смету более чем на 7 миллионов рублей. На деле, однако, собрать такой суммы не удалось, и из задуманной кардинальной реформы осталось лишь положение о денежных окладах для священнослужителей с учеными степенями, о выдаче временных пособий духовенству, пострадавшему от неурожая, пожаров и других бедствий, а также о финансировании попечительств о бедных духовного звания. Такие попечительства были учреждены в 1823 году при епархиальных консисториях. В их пользу шли особые кружечные сборы, отчисления из доходов кладбищенских церквей и остатки штатных сумм из монастырей.

Для обеспечения вдов духовного звания Синод по почину архиепископа Феофилакта (Русанова) узаконил так называемые «приходы со взятием». Это значило, что приходская вакансия преимущественно предоставлялась кандидату, соглашавшемуся жениться на дочери

покойного священнослужителя и взять на себя обязательство содержать тещу пожизненно, а сестер жены – до выхода замуж. Кроме того, вакансии просфорниц предоставлялись в первую очередь вдовам духовного чина, одиноким или имевшим малолетних детей, либо взрослых дочерей, «не подающих надежды на замужество».

При императоре Николае I и обер-прокуроре Протасове материальному обеспечению духовенства уделялось больше внимания, чем прежде. Церковные причты щедро наделялись землей. Для священнослужителей и причетников строились церковные дома на казенный счет. В 1842 году в западных епархиях, где только что совершилось воссоединение униатов с Православной Церковью, были установлены оклады для духовенства. В следующем году казенное жалование стало постепенно вводиться и в других епархиях. Священнику выдавался оклад от 100 до 180 рублей в год, диакону – 80, дьячку – 40, пономарю – 32 и просфорнице – 14 рублей. К концу царствования Николая I почти половина причтов (числом 13214) пользовалась казенными окладами.

В 60–70-е годы материальное обеспечение духовенства рассматривалось Присутствием во главе с митрополитом Исидором. Положение, выработанное им в 1869 году, предусматривало введение новых сокращенных штатов приходского духовенства: бедные приходы соединялись с другими, более обеспеченными. По новым штатам нормальный причт состоял из священника и псаломщика. Второй священник и второй псаломщик, допускались в исключительных случаях, а диаконы вообще исключались из приходских причтов и могли служить лишь на вакансии псаломщика или без казенного оклада, на попечении прихожан.

Тогда закрыто было около 2 тысяч приходов. За штат увольняли престарелых и малоподготовленных священников, а вот из числа диаконов уволено было больше трети. По штатам 1869 года в Русской Церкви состояло 38075 священников, 11144 диакона и 68461 причетников. Сокращение штатов позволило в два раза повысить казенное жалование духовенству, но поскольку цены с 40-х годов к тому времени возросли тоже вдвое, на деле в обеспечении духовенства никакого улучшения в сравнении с 40-ми годами не произошло.

В 1866 году были составлены новые правила пенсионного обеспечения клириков. Священникам, прослужившим не менее 35 лет, назначались пенсии по 90 рублей в год, а их семьям – по 55–65 рублей, в 1878 году пенсионный оклад был повышен до 130 рублей для священников и протодиаконов, а с 1860 года пенсии стали также назначаться диаконам и их осиротевшим семьям.

Что касается сословных прав духовенства, то в начале XIX века священнослужители по свободе от телесных наказаний по суду приравнивались к дворянам. Впоследствии эту привилегию получили их жены, а при Николае I также и дети. Но церковнослужители, наравне с лицами податных сословий, в случае совершения уголовных преступлений, могли быть подвергнуты телесному наказанию. В 1863 г. телесные наказания как карательные меры, назначавшиеся судом, были отменены для всех подданных России.

Отмена крепостного права постепенно отучила помещиков от привычки своевольно и высокомерно держаться со священнослужителями церквей, расположенных в их владениях. Возвышение духовенства на сословной лестнице сблизило значительную его часть, особенно городских протоиереев с академическим образованием, с дворянской интеллигенцией. Сельское духовенство, ближе стоявшее к простому народу по житейским условиям, по взглядам на жизнь, по обычаям и нравам, крепче связано было со своей благочестивой, хотя и мало сведущей в церковном учении паствой.

В подавляющем большинстве приходские священники и в XIX веке оставались людьми искренней и теплой веры. Среди них мало было красноречивых проповедников, мало ученых богословов, но это были благоговейные совершители Тайн Божиих, пастыри, нелицемерно преданные Богу, Церкви и Отечеству.

Из пастырей, чьи ревностные труды увенчались особенно благодатными успехами, всероссийскую известность получил петербургский священник *А.В. Гумилевский*, который в своем приходе открыл братство и воскресную школу, многие годы он духовно окормлял больных в Обуховской больнице и умер, заразившись тифом. Другой петербургский протоиерей *И.Н. Полисадов* особенно знаменит своими проповедями, обращенными к рабочему люду столицы. Протоиерей *А.В. Рождественский* известен деятельным участием в организации обществ трезвости. Его называли «народным печальником». Он издавал религиозно-назидательные журналы для народа: «Отдых христианина», «Трудовая жизнь», «Воскресный благовест».

Один из пастырей, принадлежавших белому духовенству, известен всему миру как духоносный муж святой жизни. Имя его – протоиерей *Иоанн Ильич Сергиев*. Отец Иоанн родился в 1829 году в семье сельского причетника в Архангельской епархии. Свое образование он завершил в Петербургской Духовной Академии. В 1855 году его рукоположили в сан пресвитера и назначили священником *Свято-Андреевского* собора в Кронштадте, где он служил непрерывно более полувека, до своей кончины. С 1882 года отец Иоанн развернул необычайно широкую благотворительную деятельность. Он устроил рабочий дом, детский приют, школу для бедных детей. С небывалым успехом ему удавалось вести борьбу с пьянством, распространенным среди портовых рабочих и моряков Кронштадта. Отец Иоанн был женат, но и в браке сохранил совершенное целомудрие. Он ежедневно совершал Божественную Литургию. Богослужения отца Иоанна в Андреевском соборе были явлением исключительным в церковной жизни. Его дерзновенная вера, чуждая и тени сомнений, подобная вере первых христиан, захватывала молящихся и многих перерождала духовно. За такими Богослужениями открывались необычайные проявления милости Божией. Русский народ чтит его еще при жизни как чудотворца.

Великий молитвенник, замечательный проповедник, в устах которого глаголы вечной жизни звучали с такой покоряющей силой, что они преображали сердца людей, пастырь-благотворитель, отец Иоанн Кронштадтский был еще и глубоким богословом. Его книги *«Моя жизнь во Христе»* и *«Христианская философия»* принадлежат к самому великому и подлинному в русском богословском наследии XIX века. В своих творениях Кронштадтский пастырь не рассуждает о догматах, а свидетельствует их истину, опираясь на святоотеческий и на свой жизненный духовный опыт. Его дневник под названием *«Моя жизнь во Христе»* содержит не размышления о Боге и не мечтания о Нем, а свидетельство о подлинной встрече с Ним и свидетельство о тайне Церкви как едином Теле, которое живет в Святой Евхаристии. Евхаристия, по учению отца Иоанна, средоточие христианского бытия. Духовная жизнь и Таинства – вот единственный надежный путь к встрече со Христом. Для отца Иоанна Кронштадтского христианство было не отвлеченным учением, не системой нравственности, а новой жизнью, не похожей на жизнь ветхого человека, поработанного грехом.

«У истинного христианина, – писал он, – должно быть все иное в духе, в теле и в жизни: иные помыслы – духовные, святые, иные вожелания – небесные, духовные, иная воля – правая, святая, кроткая, благая; иное воображение – чистое, святое; иная память, иной взор – чистый, простой, святой, нелукавый; иное слово – целомудренное, чистое, степенное, кроткое, – словом, христианин должен быть иной человек, небесный, новый, святой, божественно живущий, мыслящий, чувствующий, говорящий и действующий Духом Божиим. Таковы были святые угодники».

Таким был и сам духоносный Кронштадтский праведник. Блаженная кончина его последовала 20 декабря 1908 года на 80-м году земной жизни. Он был оплакан всей православной Россией, которая уже при его земной жизни видела в нем своего молитвенника и заступника пред Богом. Согласно завещанию самого отца Иоанна, он был погребен в соборном храме Иоанновского женского монастыря в Петербурге, основанного отцом Иоанном в 1900 году и посвященного его небесному покровителю – преподобному Иоанну Рильскому.

§ 6. Православие на Кавказе и на Западе России

В 1795 году Грузия подверглась последнему нашествию персидских полчищ. Города и села, монастыри и храмы были разорены и сожжены. Иконы и мощи святых поруганы и уничтожены. Тифлисского архиепископа Досифея схватили на молитве в Сионском соборе и утопили в реке Куре. Мирные жители избивались и тысячами уводились в плен. После этого страшного погрома царь Георгий XIII с согласия князей и народа обратился к русскому государю с просьбой принять Грузию в вечное подданство. В 1801 году Грузия была присоединена к России.

Еще до государственного присоединения, в 1783 году, Грузинский католикос был введен в состав Святейшего Синода. В 1811 году последний католикос царевич Антоний ушел на покой и поселился в России. После этого Грузинские епархии были включены в состав Русской Православной Церкви. Синод поставил во главе их экзарха *Варлаама (Эристава)*, грузина по происхождению, но долгие годы жившего в Петербурге. При экзархе была учреждена Грузино-Имеретинская синодальная контора. После нескольких лет управления экзархом архиепископа Варлаама отозвали в Петербург, назначив постоянным членом Синода, а на его место в Тифлис послали архиепископа Досифея (Пицхелаури), который однако оказался приверженцем старых грузинских церковных порядков, и из-за этого в 1817 году был отправлен на покой в Московский Высокопетровский монастырь.

Экзархом Грузии впервые поставили русского по национальности архиерея – архиепископа *Феофилакта (Русанова)*. Упразднение грузинской автокефалии не было актом безупречным с канонической точки зрения, что впоследствии вызывало раздражение у местного духовенства и народа. Но соединение Грузинской и Русской Церквей следует рассматривать в свете государственного единения двух единоверных народов, спасшего от исчезновения и грузинскую национальность и православие. Русская церковь оказала неоценимую помощь грузинам в устройении их церковной жизни.

Своеобразие церковного строя в Грузии заключалось в дробности епархий (по 10–75 приходов в каждой), избыточествовавших епископами, происходившими из семей владетельных князей и феодальной знати; в отсутствии каких бы то ни было епархиальных канцелярий и вытекавшей отсюда безответственности приходского духовенства перед своими архиереями, управлявшими епархиями через устные распоряжения, в самоуправном вмешательстве в церковные дела местных князей и азнауров. Грузинское духовенство страдало от крайней бедности – на одного священника часто приходилось по 10–20 крестьянских дворов; тарелочный сбор не практиковался, а плата за требы заменялась обильными угощениями. Образование духовенства стояло на крайне низком уровне. В Грузии было много монастырей, но монастырская жизнь находилась в расстроенном состоянии. В народе распространены были языческие обряды и даже языческие верования, уживавшиеся с христианством.

Архиепископ Феофилакт начал с укрупнения епархий по русскому образцу. Из 11 епархий осталось только 4: Карталинская и Кахетинская (во главе с экзархом), Имеретинская, Гурийская, Мингрельская. Сокращено было и число приходов, и материальное положение духовенства заметно улучшилось. Через месяц после прибытия в Тифлис преосвященный Феофилакт открыл в своей резиденции Духовную Семинарию, а в провинции несколько Духовно-светских училищ. Благодаря трудам экзарха в Грузии построено было более 30 храмов. Архиепископ Феофилакт потребовал строгой отчетности от архиереев и клириков. Возведенный в сан митрополита в 1819 году он скончался во время объезда своей епархии 19 июля 1821 года в период неутомимых трудов по устройению церковной жизни экзархата.

После него экзархами в Грузии обыкновенно назначались самые заслуженные и талантливые иерархи, и среди них Иона (Васильевский), Моисей (Богданов-Платонов), Исидор (Никольский), Иоаникий (Руднев), Палладий (Раев), Владимир (Богоявленский). Ранг экзарха был весьма высоким: он занимал по чести четвертое место после Петербургского, Московского и Киевского митрополитов. Включение Грузинской Церкви в состав Русской Православной Церкви открыло благоприятные возможности для миссионерской деятельности по восстановлению Православной веры среди кавказских горцев, утративших ее из-за непомерного давления ислама. В 1814 году Синод восстановил Осетинскую миссию, устроенную еще в XVIII веке, наименовав ее Осетинской Духовной комиссией. Уже при митрополите Феофилакте вновь почти весь крещен был осетинский народ. Митрополит переводил на осетинский язык богослужебные тексты и

Катехизис. В 1824 году вышло Евангелие на осетинском языке. В 1860 году Комиссия была преобразована в Общество восстановления православного христианства на Кавказе. В течение XIX века крещено было большинство абхазов. В осетинских и абхазских селениях строились церкви и открывались школы. Гораздо скромнее были успехи миссии среди народов Кавказа, принявших ислам несколько веков назад, – чеченцев, кабардинцев, адыгейцев. В начале XIX века на Западе России среди униатов усилилось тяготение к возвращению в прародительское Православие. При Александре I правительство весьма благожелательно относилось к Католической церкви и не склонно было поощрять эти стремления. В западных губерниях иезуитский орден открывал школы, через которые вел католическую пропаганду среди русских.

Лишь в царствование Николая I, когда незыблемыми основами Русского государства провозглашены были православие, самодержавие и народность, и особенно после усмирения польского восстания 1830–1831 годов, охватившего значительную часть Белоруссии и Украины, воссоединение униатов стало, наконец, одной из целей государственной политики.

Инициатором и главным деятелем воссоединения стал митрополит Иосиф (Семашко). Он родился в 1798 году под Киевом, в семье бедного униатского священника. В детстве он, подобно крестьянским детям, сам пас скотину, был близок к православной среде, любил приходиться в местный православный храм, пел и читал на клиросе. Образование Иосиф получил в Немировской гимназии и в главной семинарии при Виленском университете. В 1820 году он был назначен проповедником в Луцкий кафедральный собор, профессором богословия в епархиальной семинарии и членом Луцкой греко-униатской консистории. Через год был рукоположен в сан пресвитера целибата. В 1822 году его ввели в униатский департамент римско-католической коллегии, и там он защищал униатов от посягательств со стороны католических прелатов. В 1829 году Иосиф (Семашко) был рукоположен в сан епископа Мстиславского. По убеждениям он был православным человеком и тяготился своим униатством. В 1827 году он подал государю докладную записку с описанием бедственного положения униатской церкви, поработанной польским католицизмом, и с проектом воссоединения. Николай I благожелательно отнесся к этому плану.

По предложению Иосифа (Семашко) униатский департамент был выделен из римско-католической коллегии и преобразован в самостоятельную греко-униатскую коллегию. Попечением коллегии в Жировицах открылась новая семинария, устав и учебные программы которой совпадали с православными семинариями. Униатам было запрещено поступать в католическую Виленскую семинарию. После польского восстания базилианские монастыри, большей частью поддержавшие восставших, были подчинены епархиальным властям и очищены от римо-католиков. Часть монастырей закрыли, часть передали православным. В 1831 году Православной Церкви передана была древняя Успенская Почаевская Лавра, ставшая с тех пор очагом Православия на Волыни и на всем западе России.

Принимались решительные меры для отделения униатов от католиков: униатским священникам запретили служить в католических храмах, а униатским монахам – проживать в католических монастырях; кандидаты священства не могли жениться на католичках, униатам не разрешалось крестить детей у ксендзов. В 1834 году из церковного употребления стали изыматься униатские служебники и заменяться служебниками московской печати. Униатские церкви снабжались православными иконостасами, крестами, дароносицами. Униатское богослужение тщательно очищалось от всех заимствований из латинского обряда.

В 1835 году для подготовки соединения в Петербурге был учрежден секретный комитет по униатским делам в составе: Московского митрополита Филарета, епископа Иосифа (Семашко), обер-прокурора Нечаева и министра внутренних дел Блудова. Дела униатской церкви были переданы из ведения министерства внутренних дел обер-прокурору Синода, а униатские семинарии, подобно православным, подчинены Комиссии Духовных училищ.

Тем временем в униатских приходах умножилось число переходивших в Православие. За 4 года – с 1833 по 1837 годы – в отеческую веру вернулось до 150 тысяч белорусов и украинцев. Православный Полоцкий епископ Смарагд (Крыжановский) начал проводить воссоединение целых приходов, но епископ Иосиф считал более целесообразным не воссоединять отдельные приходы, а исподволь готовить полное воссоединение всей униатской церкви.

Среди униатских епископов у преосвященного Иосифа были искренние сторонники: его план поддерживал Оршанский епископ Василий (Лужинский) и викарий епископа Иосифа ректор Жировицкой семинарии Антоний (Зубко). Однако подготовке воссоединения противодействовал

униатский митрополит Иосиф (Булгак), занимавший Полоцкую кафедру, а также епископ Иоасафат (Жарский). В 1838 году оба противника воссоединения скончались.

В этом же году униатской коллегией были затребованы от подведомого духовенства собственноручные заявления о желании присоединиться к Греко-Российской Церкви. Епископ Иосиф разъезжал по униатским приходам, проводил беседы с клириками, разъяснял, увещевал. Большинство священнослужителей высказалось за воссоединение.

И вот, 12 февраля 1839 года в Неделю Православия, в Полоцке состоялся Собор униатского духовенства во главе с 3 архиереями и с участием православного Полоцкого епископа, преемника Смарагда – Исидора (Никольского). Собор составил торжественный акт о присоединении: «Мы положили твердо и неизменно признать вновь единство нашей Церкви с Православно-кафолическою Восточною Церковью и посему пребывать отныне, купно с вверенными нам паствами, в единомыслии со Святейшими Восточными Патриархами и в послушании Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода». 25 марта Синод утвердил акт о воссоединении. Число воссоединенных превышало 1 миллион 600 тысяч христиан. В память об этом событии выбита медаль с надписью: «Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью(1839)». После воссоединения произошло слияние православных епархий с бывшими униатскими. Вдохновитель воссоединения епископ Иосиф (Семашко) был возведен в сан архиепископа. Скончался он членом Синода и митрополитом, удостоенным высшего российского ордена святого Андрея Первозванного, в 1868 году его погребли в соборе Виленского Свято-Духовского монастыря, рядом с пещерой святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия.

Движение униатов к воссоединению с Православием проникло и в Польшу, часть которой в 1815 году вошла в состав Российского государства. В Польше особенно много униатов было в исконно русской Холмщине. Ксендзы, базилианские монахи, польские магнаты и шляхты оказывали отчаянное противодействие стремлениям холмских униатов к церковному и национальному единению с русским народом.

После подавления польского восстания 1863 года в Польше усилилось русское влияние. Правительство обратило тогда внимание на судьбу униатских приходов. В 1870 году администратором Холмской епархии был назначен протоиерей Маркелл Онуфриевич Поппель, ревностный сторонник соединения. Поппель занялся очищением униатских обрядов от латинских заимствований. Многие приходы стали подавать заявления о желании присоединиться к Греко-Российской Церкви. В январе 1875 года, в Седлецкой губернии с Православной Церковью воссоединилось 50 тысяч униатов, а 18 февраля того же года в Холме открылся собор духовенства во главе с протоиереем Маркеллом Поппелем, на котором был составлен акт о воссоединении всей Холмской епархии с Православной Церковью. Само торжество воссоединения состоялось 11 мая, в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В том же 1875 году отец Маркелл был рукоположен в сан епископа Люблинского, викария Варшавской епархии. Скончался он в 1903 году в сане архиепископа и членом Синода.

После воссоединения холмских униатов уния оставалась лишь в отторженной от России Австро-Венгрии Галиции и Прикарпатской Руси.

В 1830-х годах стремление к Православию пробудилось среди поработанных немецкими баронами эстонцев и латышей, принадлежавших к лютеранскому вероисповеданию. В своих скорбях крестьяне Прибалтийского края издавна искали утешения вне лютеранства, которое слишком грубо проявляло себя как религия господствующего немецкого элемента. Латыши и эстонцы ходили на богомолье в православный Псково-Печерский монастырь.

В 1836 году в Риге было учреждено викариатство Псковской епархии. Викарием назначили преосвященного Иринарха (Попова). При нем, а особенно при его преемнике епископе Филарете (Гумилевском), в Ригу к архиерею приезжали тысячи крестьян с заявлением о желании присоединиться к Православной Церкви. В 40-х годах более 100 тысяч латышей и эстонцев обратились в Православие. В Риге было устроено православное Духовное училище, которое сразу же переполнилось местными уроженцами. Латыши и эстонцы, оставшиеся в лютеранстве, любили молиться в православных храмах, многие из них крестили детей у православных священников. Епископ Филарет открывал новые приходы, устраивал школы с преподаванием на местных языках, защищал новообращенных эстонцев и латышей от их помещиков-лютеран.

Бароны были крайне встревожены, опасаясь, что укрепление Православия в этом крае подорвет их господство. Опираясь на поддержку высших правительственных чиновников Бенкендорфа, Остен-Сакена, Дубельта, они оказывали противодействие усилиям епископа Филарета и движению самих эстонцев и латышей к Православию. Немецкая партия при императорском дворе, сломив сопротивление графа Протасова, добилась от Синода распоряжения о том, чтобы при принятии лютеран в Православие соблюдалась «сугубая осторожность и постепенность». Происходили события, казалось бы, невозможные в православном государстве: немецкая полиция в Риге оружием разгоняла людей от архиерейского дома, за одну попытку приблизиться к этому дому их избивали плетью и бросали в тюрьмы. В 1845 году остзейские бароны исходатайствовали распоряжение об обязательном шестимесячном сроке между подачей заявления о переходе в Православие и самим присоединением. И в течение этого срока пожелавшие присоединиться подвергались жестоким издевательствам от своих озлобленных помещиков и пасторов.

В 1848 году немцы добились удаления епископа Филарета из Риги. Его преемник преосвященный Платон (Городецкий), при котором в 1850 году викариатство было преобразовано в самостоятельную епархию, действовал более осторожно и дипломатично, и все-таки добивался неуклонного упрочения позиций Православия и в Прибалтике.

Новая волна массовых присоединений среди эстонцев и латышей поднялась в 80-е годы, когда при Александре III правительство твердой рукой проводило национально ориентированную политику. Влияние немецкой клики при дворе потеряло прежнюю силу; противодействие остзейских баронов стремлению эстонцев и латышей к Православию было бесплодным. И немцы стали тогда жаловаться на гонение протестантизма. В 1886 году обер-прокурору Синода из Швейцарии было прислано письмо от Евангелического союза с клеветническим обвинением в гонениях на лютеран и с требованием прекратить их. На это письмо последовал ответ, в котором справедливо утверждалось, что жалобы остзейских лютеран происходят из вполне мирских стремлений удержать господство над местным населением Прибалтики. Укреплению Православия в Прибалтийском крае способствовало и вытеснение из присутственных мест и школ немецкого языка и замена его русским.

§ 7. Миссионерство в XIX веке

В XIX веке правительство благоприятно относилось к христианской проповеди среди язычников и мусульман, в христианизации оно видело надежный путь закрепления их верности России, их сближения с русским народом и христианской культурой.

В 1802 году вышел указ о переводе на инородческие языки кратких катехизисов и молитв. В 1828 году Синод постановил: «В тех частях государства, где живут народы, не познавшие христианства или по обращению не довольные в оном утвержденные и наставленные, учреждать особые миссионеры». В селения новокрещенных назначались священники, знавшие местные языки.

В 1865 году в Петербурге было учреждено Православное Миссионерское общество, переведенное впоследствии в Москву. По уставу Общества его деятельность распространялась на все русские миссии: внутренние и заграничные, за исключением Кавказа, где действовало Общество восстановления православного христианства. Миссионерское общество занималось подготовкой миссионеров, оказывало помощь миссиям книгами, церковной утварью, деньгами на содержание церквей, школ, больниц. К Обществу был приписан московский Покровский монастырь. Во главе Миссионерского общества стоял митрополит Московский, а на местах епархиальные комитеты Общества действовали под председательством правивших или викарных архиереев.

Как и в предшествующее столетие, в XIX веке особенно много забот уделялось христианизации народов Поволжья. Состояние Миссии в этом крае в начале века, в результате Екатерининской политики неограниченной веротерпимости, вплоть до прямого покровительства исламскому духовенству, было печальным. Умножились случаи отпадения крещеных татар. Поэтому главные усилия пришлось направить не на приобретение новых чад Церкви, а на удержание уже крещеных. При Николае I власти шли даже на принудительные меры ради удержания в Православии желавших отпасть от него: применялись ссылки, насильственное расторжение браков крещенных с некрещеными, принудительное крещение детей в отпадавших семьях. Но от всех этих мер, противных христианскому духу, было мало проку.

Для христианского просвещения татар найден был другой, более дальновидный и надежный путь. В 1854 году при Казанской Духовной Академии открылось особое миссионерское отделение. Это отделение выработало новый подход к православной миссии среди татар. Профессор Н.И. Ильминский начал переводить христианские книги не на классический татарский язык, не понятный простому народу, а на живой, разговорный язык, для которого вместо арабской графики использовалась кириллица. Н.И. Ильминский открыл первую крещено-татарскую школу с преподаванием на современном татарском языке. Татары с доверием отнеслись к этой школе и охотно отдавали в нее детей. Такие же школы открывались и в других городах Поволжья.

В 1867 году в Казани было учреждено Просветительское братство святого Гурия. При его участии стали распространяться христианские книги не только на татарском, но и на других языках Поволжья. В 1869 году в Казани впервые было совершено православное Богослужение на татарском языке. Оно произвело значительное религиозное одушевление в крещено-татарской среде. Благодаря этим мерам массовое отпадение крещеных татар в конце XIX века стало явлением исключительным.

Но существенно потеснить ислам в продолжение всего столетия не удалось. По-прежнему он оставался религией большинства татарского народа. Среди башкир и киргизов (казахов) мусульманское духовенство не без успеха совершало свою пропаганду. Чуваш и мордва были полностью христианизированы, а у черемисов (марийцев) лишь немногие селения оставались языческими.

В Западной Сибири к началу XIX века миссионерское дело пребывало в глубоком застое. Архиепископ Евгений (Казанцев) после назначения на Tobольскую кафедру в 1825 году писал: «Многие из крещеных инородцев о вере Христовой понятия не имеют, в церквях бывают очень редко, и дома даже молятся идолам, многие не знают самого имени Иисуса Христа и не умеют изобразить на себе креста; кроме того, оставалось еще громадное число неверующих, для обращения которых ничего не предпринято». Он обратился в Синод с ходатайством об

учреждении двух миссий в Сибири. Синод утвердил его ходатайство. Одна из миссий была устроена на севере – в Обдорске в 1832 году, другая на Алтае в 1830 году.

Во главе Алтайской миссии был поставлен архимандрит *Макарий (Глухарев)*. Он родился в Вязьме в 1792 году в семье священника Смоленской епархии. Образование получил в Семинарии и Петербургской Академии, где на него обратил внимание ректор архимандрит *Филарет (Дроздов)*, посоветовавший талантливому и аскетически настроенному студенту читать Добротолюбие, творения преподобных Макария Великого, Иоанна Лествичника. По окончании Академии со степенью магистра Глухарев принял постриг и исполнял административно-педагогическое послушание. Из-за ухудшившегося здоровья в 1825 году был уволен с поста ректора Костромской семинарии и отправился на покой в Киево-Печерскую Лавру, а оттуда перешел в Глинскую пустынь под руководство духовно опытного старца Филарета.

Из этой пустыни он и выехал в Сибирь и вскоре обосновался в горах Алтая в селении Улале, среди язычников-телеутов. Архимандрит Макарий со своими помощниками без устали разъезжал по селениям язычников, устраивал в них миссионерские станы, освящал церкви. При обращении туземцев миссионеры поступали с крайней тщательностью: они не гнали за числом обращенных, крестили не иначе, как после долгого научения вере; проповедники Евангелия воспитывали новокрещенных в христианском духе, обучали их русскому языку, заботились об устройстве их быта, приучали кочевников к оседлой жизни, лечили больных и для этого завели больницу, устраивали школы.

Содержание миссии было скудным, и архимандрит Макарий отдавал ей все свое магистерское жалование. У себя на квартире он приютил и содержал сирот-мальчиков, а во время голода на Алтае ездил в Москву за помощью для голодавших. За 13 лет пребывания на Алтае ему и его помощникам удалось крестить 675 человек, казалось бы, совсем немного, но все обращенные действительно внутренне преобразились, стали убежденными христианами. Другой известный миссионер митрополит *Макарий (Невский)*, подвизавшийся в Алтайской миссии во второй половине XIX века, писал о первоначальнике Миссии: «Архимандрит Макарий был муж высокопросвещенный не одной наукой, но и Божественной благодатью, которая проявлялась в нем иногда даром прозорливости. В нем явственно почил дух премудрости, дух разума, страха Божия и ревности о славе Божией».

В 1844 году из-за крайне расстроенного здоровья отец Макарий (Глухарев) удалился в Болховский монастырь Орловской епархии. Апостол Алтая скончался в 1848 году. Последние слова его были: «Свет Христов просвещает всех».

Архимандрит Макарий был замечательным писателем. Он переводил Священное Писание на русский язык; составил словарь алтайского наречия, перевел молитвы на это наречие. Он написал ценное пособие для миссионеров «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между магометанами, евреями и язычниками в Российской державе». Архимандрит Макарий обладал незаурядным поэтическим талантом. Посмертно его духовные гимны были собраны в книгу с названием «Первая лепта». Эта книга вышла в Томске в 1901 году. Апостол Алтая оставил также замечательные путевые заметки и записки. Сохранились и его письма. Архимандрит Макарий (Глухарев) в лике преподобных включен в состав Собора Сибирских и Смоленских святых, память которых установлена в 80-х годах текущего столетия.

Преемником архимандрита Макария на Алтае стал протоиерей *Стефан Васильевич Ландышев*, а после него во главе миссии стоял архимандрит Владимир (Петров), впоследствии епископ Бийский, викарий открытой в 1834 году Томской епархии, к которой отошла Алтайская миссия.

Во второй половине XIX века в Миссии подвизался святитель *Макарий (Невский)*. Он родился в 1835 году и 19-летним юношей, по окончании Тобольской семинарии, приехал на Алтай. Свои апостольские труды он начал с изучения алтайского наречия. В 1861 году Михаил Андреевич Невский был пострижен и в память об основателе Миссии принял имя Макария. В сане иеромонаха он основал монастырь в глухой долине. Отец Макарий без устали разъезжал по аилам алтайцев, проповедуя им слово Божие. Молодой миссионер с ревностью совершал свое апостольское служение.

Свидетель его подвигов вспоминал о нем: «Дым от разведенного костра, точно фимиам, подымался к небу, и слова проникновенные, полные любви, на алтайском языке лились убедительно, властно, чарующе и правдиво... Какие это были слова? Молодая душа, горевшая любовью, влагалась в них, они звучали не выразительным убеждением, они трепетали

бесконечной верой и звали за собой к Тому, о Ком вещали... Старик-алтаец бросил трубку, которая давно потухла, его молодые сыновья и подросток-дочь слушали, не спуская глаз, а другие, сидевшие поодаль, тихо придвинулись ближе, а по лицу толмача Чевалкова катились слезы, которых он не замечал».

После многих лет миссионерского послушания на низших должностях отец *Макарий (Невский)* был назначен начальником Миссии, а через год, в 1884 году, в связи с переводом епископа Владимира (Петрова) на Томскую кафедру, был хиротонисан в епископа Бийского. Впоследствии он занимал Томскую, а с 1912 по 1917 годы уже на склоне лет, Московскую митрополичью кафедру.

Скончался великий старец-иерарх в 1926 году в Подмосковье, в 90-летнем возрасте, удостоенный незадолго до смерти титула митрополита Алтайского. В 50-х годах его гробница была перенесена в храм во имя Всех святых в земле Российской просиявших, под Успенским Собором Троице-Сергиевой Лавры. Святитель Макарий включен в Собор Сибирских святых.

Еще будучи рядовым миссионером, он составил первый алтайский букварь и проделал большую работу по переводу на алтайский язык Четвероевангелия. С его участием переводились и другие Священные и Богослужебные книги. В Бийске святитель Макарий устроил типографию, в которой печатались книги на алтайском языке.

К концу столетия Алтайская миссия имела до 70 церквей и молитвенных домов, 3 монастыря, 48 школ. В 1880 году из Алтайской миссии выделена была Киргизская миссия с центром в Семипалатинске. В Енисейской епархии с успехом проповедовала христианскую веру язычникам-хакассам Минусинская миссия. На севере Сибири в Тобольской епархии подвизались миссионеры из Обдорской, Кондинской, Сургутской и Туруханской миссий, в Туркестане была устроена Семиреченская миссия в городе Верном (ныне Алма-Ата).

В Восточной Сибири Иркутский архиерей *Михаил (Бурдуков)* в 1814 году открыл Забайкальскую миссию для бурят. В этой Миссии трудились знаток бурятского языка священник *Александр Бобровников* и крещеный бурят Михаил Сперанский. Деятельным проповедником и просветителем язычников был иркутский архиепископ *Нил (Исакович)*, занимавший кафедру в 1838–1853 годах. Он много путешествовал по бурятским селениям и считается в науке первым русским исследователем буддизма. Его сподвижником по переводу Священного Писания на бурятский язык стал Николай Нилов-Доржеев, по происхождению монгол и до крещения – ламаист. Он уверовал во Христа в Даурии после видения Креста на небе. Став миссионером, Николай Нилов-Доржеев принял священный сан, до конца жизни он переводил Священные и Богослужебные книги на бурятский язык.

Еще в конце XVIII столетия апостольская проповедь русских миссионеров достигла Нового Света – Америки. По ходатайству основателя Американской компании Шелехова на Алеутские острова было послано 8 валаамских иноков во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым). Миссия обосновалась на острове Кадык. Монахи построили храм и начали проповедовать Евангелие алеутам и крестить их. Архимандрит Иоасаф в одном из писем писал: «1794 года, сентября с 24 живу на острове Кадык. Слава Богу, более 700 американцев перекрестил, да более 2000 браков обвенчал, построили церковь, а время позволит – сделаем другую, да походные две, а то и пятую нужно сделать». Один из миссионеров, иеромонах Макарий, после того как все жители Кадыка были крещены, отправился на остров Уналашку, а иеромонах Ювеналий перебрался на Аляску и проповедовал там, пока не принял мученическую кончину от рук язычников.

В 1799 году по ходатайству русского предпринимателя Шелехова, была учреждена Кадыкская викарная кафедра при Иркутской епархии, на которую был назначен хиротонисанный в епископа Иоасаф (Болотов) но, возвращаясь на остров, он со своими спутниками погиб, застигнутый штормом. Новая епископия была закрыта. В помощь оставшимся миссионерам в 1804 году прислали иеромонаха Александро-Невской Лавры Гедеоны, который, пробыв на островах 3 года, навсегда покинул их, оставив вместо себя монаха Германа.

Преподобный *Герман Аляскинский* родился в 1757 году в подмосковном городе Серпухове в купеческой семье. В 16-летнем возрасте он поступил послушником в Троице-Сергиеву пустынь на берегу Финского залива. Оттуда он переселился в Преображенский монастырь на Валаам и поступил под руководство мудрого игумена Назария, присланного на Валаам из Саровской пустыни.

Старец Назарий благословил инок на пустынножительство в лесу. На Валааме преподобный принял постриг с именем Герман. При учреждении Кадыякской миссии преподобного Германа призвали к апостольскому служению. В первое время он нес послушание в пекарне и занимался хозяйственными делами. Когда он был поставлен во главе Миссии, его хотели рукоположить в сан иеромонаха, однако он по смирению отказался от этого возвышения и остался навсегда простым монахом. Он поселился на острове Еловом, который назвал Новым Валаамом. Святой Герман не только проповедовал Христа жителям острова, он учил детей грамоте, всячески опекал и защищал алеутов от жадных пришельцев-промышленников. В заботе о людях, не искушенных цивилизацией, он видел свой христианский долг. Преподобный говорил о себе: «Я нижайший слуга здешних народов и нянька».

Жил святой Герман в крайней скудости и бедности. Одежда его была убогой и ветхой. Его келейные молитвы были никому неведомы, но дары благодати, которые он стяжал в трудах и молитве, светились в облике преподобного. Поучения старца производили на его собеседников неизгладимое впечатление. Правитель Российско-Американской компании С.И. Яновский, встречавшийся с иноком, вспоминал о нем: «Постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истинный, и я сделался настоящим христианином».

Директор Российско-Американской компании К.Т. Хлебников писал об отце Германе: «Будучи одарен быстрым умом и твердой памятью, мысли его, так сказать, беспрестанно разгуливают в Библии, Священной истории... И хотя он уже более 10 лет как от слабого зрения не пишет и не совсем читает, но в упомянутых Писаниях память его находит богатый источник для рассуждения и разговора, который как бы у него никогда не истощается и разливается быстрою речью, при всей его старости.

Он нрава веселого, любит смешному посмеяться, принимает участие во всех мирских событиях, особенно исторических. Однако же о сих предметах разговаривает недолго и, наконец, перейдет непременно к своему предмету – к религии. Он обрел на Еловом острове уединение и безмятежную жизнь, за которой гнался во всю свою жизнь... Он не искал почестей, ибо отказывался от многих предложений, которые с радостью были бы приняты человеком, ищущим возвышения в обществе; он не хотел быть архимандритом, очень понимая, что с каждым возвышением он более и более был бы связан и более и более бы удалялся от любимой цели: отшельником мирославить Бога своего!»

Преподобный Герман предсказал день своей кончины. 13 декабря 1837 года он просил зажечь свечи и почитать ему Книгу Деяний. Слушая чтение, святой отошел к Господу. Над могилой старца сооружена деревянная церковь во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских. В марте 1969 года Собор епископов Русской Православной Церкви в Америке совершил прославление преподобного Германа Аляскинского в лике святых.

В 1821 году русское правительство вменило в обязанность Американской компании иметь достаточное число храмов и священнослужителей на своей территории. С этой целью на Аляску и Алеутские острова Синод направил священников Фрументия Мордовского и Иакова Нецветова. В 1823 году на остров Уналашку прибыл отец Иоанн Вениаминов, впоследствии митрополит *Иннокентий*, великий миссионер, апостол Америки и Камчатки, причисленный к лику святых.

Он родился в 1797 году в семье пономаря села Агинского Иркутской епархии Евгения Попова. С семи лет мальчик читал Апостол в храме. В 1806 году он поступил в Иркутскую семинарию, где ему, как лучшему ученику, была усвоена фамилия Вениаминов в память о почившем Иркутском архиепископе Вениамине. По окончании семинарии, в 1821 году он был рукоположен в сан пресвитера, а через два года Господь призвал его к апостольским трудам. Миссионерское служение отца Иоанна началось с острова Уналашки, откуда он перебрался на остров Ситки. Свой подвиг он совершал на суровом севере, посреди океана, с постоянной опасностью для жизни. Однажды бесстрашный миссионер на бриге «Охотск» был застигнут штормом. Жизнь команды и пассажиров была под угрозой. Тогда он обратился с горячей молитвой к преподобному Герману: «Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер», – и через четверть часа ветер переменился и стал попутным. Прибыв в гавань на остров Еловый, отец Иоанн сразу же отслужил панихиду на могиле преподобного.

В своих путешествиях по островам великий миссионер изучал языки, быт, обычаи народов, которым он проповедовал. Плодом этого изучения явились его труды по географии, этнографии и

лингвистике, принесшие ему мировую известность как ученому. Он составил алфавит и грамматику алеутско-лысьевского языка и перевел на него Евангелие, Катехизис и молитвы.

Его лучшее творение «Указание пути в Царство Небесное», написанное в 1833 году и неоднократно издававшееся, было переведено на многие языки Севера и содействовало великому делу христианской миссии. В этом сочинении в предельно кратком виде, простым языком изложено учение о спасении. Наставления святителя Иннокентия при всей своей простоте исполнены духовной мудрости. О молитве он пишет: «Дух Святой научает истинной молитве. Никто, пока не получит Духа Святого, не может молиться такой молитвой, которая истинно приятна Богу... Всякий грех удаляет от нас Духа Святого, но особенно Ему противны телесная нечистота и духовная гордость... Молиться Богу можно всегда и везде, на всяком месте, и даже тогда, когда грех одолевает нас... Кто чувствует свою внутреннюю бедность, тот не перестанет молиться и среди своих занятий. Кто усердно желает войти в Царство Небесное, тот найдет случай и время молиться и внутренне и наружно... Не находит времени молиться только тот, кто не хочет молиться».

Совершая Богослужения, святой Иннокентий неизменно поучал свою новообретенную паству. Благовествуя язычникам путь в Царство Небесное, крестил он десятки тысяч людей, строил храмы, открывал школы, в которых сам обучал детей основам христианской жизни. В миссионерских трудах ему много помогало знание самых разных ремесел, его поистине золотые руки. «Человек удивительно разносторонний, он был искусным часовым мастером. И он обучал ремеслам туземцев Аляски и Алеутских островов».

Когда святой овдовел, он был пострижен митрополитом Московским Филаретом с именем Иннокентий. В 1850 году его хиротонисали в епископа Камчатского, Курильского и Алеутского с местопребыванием в Новоархангельске на острове Ситха. Епархия его была огромна, и святитель, объезжая ее, и в иные годы проделывал путь до 8000 верст: верхом на лошади, на собаках, на утлых суденышках по океану. В пределах его епархии находился обширный Якутский край, Приамурье и Уссурийская область. В Якутии святитель учредил Богослужение на местном языке и тем доставил большую радость якутам. В 1850 году святой Иннокентий открыл миссии на Чукотке – для обращения чукчей и юкагиров, и на Амуре – для проповеди Христа орочам, гилиякам, гольдам и манчжурам. В Амурской миссии подвизался его сын священник Гавриил Вениаминов, погребенный после кончины в Ново-Девичьем монастыре в г. Москве.

В 1857 году святитель перенес свою кафедру на Амур в Благовещенск. А в Новоархангельске в 1858 году открылось викариатство. Через 10 лет в связи с продажей русских владений в Америке Соединенным Штатам Новоархангельская кафедра была упразднена, но в 1870 году, по почину святителя Иннокентия, в Америке учреждена самостоятельная Алеутская и Аляскинская епархия с центром однако не на островах, а в Сан-Франциско. Это была самая обширная епархия в мире; в ее состав входила вся Северная и Южная Америка.

В ту пору Промыслом Божиим святитель был уже переведен на Московскую кафедру, став с 1868 году преемником митрополита Филарета. Во время своего пребывания в Москве святой Иннокентий много потрудился над учреждением Миссионерского общества. Его трудами открыта Японская Духовная миссия во главе с равноапостольным Николаем. По благословению святителя Иннокентия основана церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Московской Духовной Академии. Святитель Иннокентий почил 31 марта 1879 года в Великую субботу и погребен в Свято-Духовском храме Троице-Сергиевой Лавры. Канонизация его в лике святых состоялась в 1977 году.

За пределами России в XIX веке продолжала действовать Православная Духовная миссия в Пекине. В основном Миссия занималась окормлением русских поселенцев в Китае. Кроме того она являлась связующим звеном в отношениях между двумя великими государствами. В начале прошлого столетия Миссию возглавлял выдающийся ученый-синолог, имя которого вошло в мировую науку, архимандрит *Иакинф (Бичурин)*. Он 13 лет провел в Китае, собрав там обширный материал по языкам, истории, этнографии, религиоведению и географии Китая, Монголии и Тибета. В России опубликованы его многочисленные труды, доставившие ему звание академика. Он умер в 1853 году.

По трактату 1858 года китайское правительство предоставило Миссии полную свободу действий и обязалось не преследовать своих подданных за принятие христианства, это позволило русским миссионерам проповедовать среди китайцев с большим, чем прежде, успехом. В начале 60-х годов для Пекинской миссии была составлена новая инструкция и

утверждены новые штаты. По этим штатам Миссия состояла из начальника в сане архимандрита, трех иеромонахов, священника, катехизатора и трех учителей. Члены Миссии отправлялись в Китай на бессрочное служение. Им запрещалось участвовать в политической жизни Китая и прибегать к интригам, хитрости и насилию по отношению к местному населению. В конце столетия Миссия располагала двумя училищами, в которых занималось более 50 учащихся. Много внимания Миссия уделяла переводческим трудам и изданию богослужебных и духовных книг не только на китайском, но и на японском, корейском и манчжурском языках.

§ 8. Духовное образование в XIX веке

В начале XIX столетия вслед за реформой системы светского образования встал вопрос о преобразовании Духовной школы. Епископу *Евгению (Болховитинову)* было поручено составить «предначертание» реформы. Разработанный им план поступил на рассмотрение временного комитета, в который вошли митрополит Петербургский Амвросий, архиепископ Калужский протопресвитер С. Краснопевков, обер-священник Н. Державин, *Феофилакт (Русанов)*, обер-прокурор А.Н. Голицын и статс-секретарь М.М. Сперанский. В 1808 году комитет завершил труды над составлением плана кардинальной перестройки Духовной школы.

Главная мысль проекта заключалась в отделении высшего богословского образования от среднего и низшего. До тех пор в одних и тех же школах обучались и подростки, и зрелые люди. И в Академии и Семинарии курс начинался с обучения латинской грамматике, а заканчивался богословским классом. В Академии предполагалось впредь принимать выпускников Семинарий. «Духовные Академии, говорилось в проекте, не препоминались в поприще, им предназначенном, первоначальным и так сказать стихийным обучением наук, грамматических и исторических, займут в науках философских и богословских пространство, им приличное, и станут на чреде просвещения, высшему духовному образованию свойственной».

Академический курс рассчитан был на 4 года и разделен на 2 двухлетних отделения: общеобразовательное, на котором преподавались высшая математика, физика, философская грамматика, древние и новые языки, эстетика, всеобщая и церковная история, и специальное богословское с изучением догматики, нравственного и полемического богословия, герменевтики, гомилетики, канонического права. Выпускники Академии по окончании курса удостоивались ученых степеней кандидата и магистра.

На Академии возлагалось также научно-методическое и административное руководство Семинариями. В связи с этим образованы были Петербургский, Московский, Киевский и Казанский учебные округа. Казанскую Академию на новых началах устроить не удалось, и поэтому она временно была преобразована в Семинарию, а ее учебный округ соединен с Московским.

Средними духовными школами, по плану, являлись семинарии – по одной на епархию, с шестилетним обучением, разделенным на три двухлетних отделения, которые по-старинному именовались риторическим, философским и богословским. В Семинариях преподавали словесность, гражданскую историю, географию, математику, физику, философию, а из богословских дисциплин – Священное Писание, герменевтику, догматическое, нравственное и пастырское богословие, церковную историю с археологией, древние и новые языки.

В семинарии принимались выпускники уездных духовных училищ (с шестилетним курсом), в которых изучали грамматику, арифметику, историю, географию, пение, пространственный катехизис, церковный устав и классические языки. Уездные училища подчинены были епархиальным Семинариям. Кроме того, планом комитета предусматривалось открытие в благочиннических округах приходских училищ с обучением чтению, чистописанию, грамматике, пению, арифметике и краткому катехизису.

Для управления Духовными школами из членов временного комитета в 1808 году была составлена комиссия Духовных училищ. По семинариям рассылались вновь составленные конспекты по богословским и философским наукам. К 1814 году трудами, главным образом, архиепископа *Феофилакta (Русанова)* и М.М. Сперанского были разработаны уставы новых Академий, Семинарий и училищ. Новый академический устав, в противоположность старой школе, главное внимание уделял не механическому запоминанию учебного материала, а его свободному, творческому усвоению: «Добрая метода учения заключается в том, чтобы способствовать к раскрытию собственных сил и деятельности разума воспитанников». Устав особое значение придавал письменным упражнениям учащихся на всех степенях обучения. Всячески поощрялось чтение литературы кроме учебных программ. В принципе в уставе осуждалось засилие латыни: «Введение в училищах латинской словесности, хотя в некотором отношении принесло им великую пользу, но исключительное в ней упражнение было причиною того, что во многих из них учение письмен словесных и еллинских, только для Церкви нашей необходимых, мало-помалу ослабевало». Тем не менее латынь осталась языком преподавания.

Преобразование Духовных школ проводилось постепенно, начиная с Петербургской Академии. В ней уже в 1809 году начинались занятия по новым программам, и первый выпуск преобразованной Академии, состоявшийся в 1814 году, убедил комиссию в целесообразности реформы. На очереди стояла Московская Академия, преобразованная в 1814 году, одновременно с переводом в Троице-Сергиеву Лавру; в связи с чем, Троицкую Семинарию переместили в подмосковный *Перервинский монастырь*. С 1819 года началось преобразование Киевской Академии, а для Казанской Академии вначале не удалось подобрать профессоров, способных читать лекции по новым программам, и открытие ее было отложено до 1842 года.

После реформы началось оживлённое строительство новых школьных помещений и общежитий. Заметно улучшилось содержание учителей и воспитанников, но средств по-прежнему не хватало, училищное начальство вынуждено было принимать на казенный кошт бедных учеников сверх предусмотренных штатов.

Не все из задуманного удалось осуществить. Количество Духовных школ, открытых к концу царствования Александр I, было значительно меньше предусмотренного проектом, но всё-таки оно заметно выросло. В 1808 году в России насчитывалось **150** Духовных школ, а в 1824 году их было уже **344**. Уровень образования в Семинариях заметно вырос, а Академии, освобожденные от семинарского курса, становились ведущими центрами богословской науки.

После реформы в академическом и семинарском образовании происходил постепенный переход на русский язык. Митрополит Филарет (Дроздов) писал об этой перемене так: «От сего... знание латинского языка сделалось слабее, но зато, школьная терминология начала уступать место более чистому и ясному изложению истины; распространение существенных познаний усилилось, и сообщение оных народу в «поучениях» облегчилось... Богословские понятия, преподаваемые на латинском языке, не свободно действовали в умах во время учения, и после учения с трудом переносимы были на русский язык для сообщения народу». Но в 20-х годах против перехода в обучении на русский язык выступил архиепископ Рязанский Филарет (Амфитеатров). Он настаивал на сохранении латинского языка и для поддержания высокой учености, и главным образом, из опасений, как бы через русские книги и лекции не получили широкой огласки заблуждения, опровергаемые в догматике. Однако и он считал, что нравственное богословие надо преподавать по-русски.

В Петербургской Академии вслед за преосвященным Филаретом (Дроздовым) на русском языке читал лекции Григорий (Постников), впоследствии митрополит, а в Москве – Кирилл (Богословский-Платонов), в Киеве – ректор архимандрит Моисей, а за ним святой Мелетий (Леонтович). Постепенно и в Семинариях латынь стала выходить из употребления, оставаясь лишь одним из учебных предметов. В 40-е годы уже во всех школах богословие преподавалось на русском языке.

При обер-прокуроре Протасове в связи с общим изменением церковно-политического курса поставлен был вопрос о пересмотре уставов 1814 года. Но комиссия Духовных училищ не захотела поддержать замысел обер-прокурора. Тогда Протасов пошел на роспуск комиссии, вместо которой в 1839 году было учреждено Духовно-учебное управление, действовавшее не как авторитетная коллегия, а как служебное подразделение, подчиненное обер-прокурору. Замысел Протасова клонился к тому, чтобы понизить образовательно-культурный уровень Духовных школ, который казался ему не соответствующим потребностям церковной жизни.

Протасов крепко бранил «мертвящую ученость», особенно доставалось от него «нечестивой и безбожной науке» философии. В Семинариях, считал он, курс наук необходимо приспособить к условиям сельской жизни: «Из Семинарий поступают в священники по селам. Им надобно знать сельский быт и уметь быть полезными крестьянину даже в его делах житейских. И так, на что такая огромная богословия сельскому священнику? К чему нужна ему философия, наука вольномыслия, вздоров, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрия, дифференциалы, интегралы? Пусть лучше затвердит хорошенько катехизисы, церковный устав, нотное пение. И довольно. Высокие науки пусть останутся в Академиях», – так передавал наставления Протасова ректор Вятской Семинарии архимандрит *Никодим (Казанцев)*. Всему духовному образованию Протасов предлагал придать направление, «сообразное с нуждами сельских прихожан».

Проведению Протасовской реформы решительно воспротивился митрополит Московский Филарет. И поэтому свой план крайнего «опрощения» среднего духовного образования Протасову не удалось осуществить вполне. Тем не менее, правила, введенные в 1840 году,

значительно сокращали число общеобразовательных предметов в семинариях. Оставлены были только логика и психология (вместо философии), российская словесность, история, физика, геометрия и классические языки. Вместо упраздненных общеобразовательных дисциплин вводились основы медицины, сельское хозяйство, в отдельных семинариях – иконописание и инородческие языки. В учебные планы по богословию были включены библейская история и историческое учение об отцах Церкви; усиливалось изучение русской церковной истории. Вводились катехизические беседы с воспитанниками, которые должны были служить образцом для бесед священника с прихожанами. В академическом образовании больше внимания стали уделять истории Русской Церкви; вводились новые курсы – патристика, логика с психологией и педагогика. Новыми правилами приходские училища соединялись с уездными. Курс обучения в них разделялся на 3 двухлетних отделения.

В конце 40-х годов из-за быстрого роста числа учащихся недостаточность средств довела Духовные школы до нестерпимой бедности. Как и в XIII веке, казеннокоштные бурсаки голодали, здания школ годами стояли без ремонта. Переполнение Духовных школ воспитанниками заставило Святейший Синод в 1850 году отменить обязательное обучение детей клириков в Духовных училищах.

В царствование Александра II, когда глубоким преобразованиям подверглись все стороны национальной жизни, в церковной печати открыто стал обсуждаться вопрос о новой реформе Духовной школы. От архиереев, от ректоров Академий и Семинарий Синод затребовал их мнения и предложения, а в 1860 году под председательством архиепископа Херсонского Дмитрия (Муретова) был составлен особый комитет, который за 4 года разработал план новых преобразований. Архиепископ Дмитрий предложил радикальные меры. Он хотел перестроить существовавшие семинарии в общеобразовательные школы для детей духовенства, а богословские классы Семинарий преобразовать в закрытые пастырские школы с полумонашеским уставом, и принимать в них сложившихся, зрелых людей, искренне стремившихся послужить Церкви, причём не только из духовного чина, но из всех сословий. Комитет, однако, не пошёл на столь решительную ломку существовавшей системы. Часть его членов считала более целесообразным попросту вернуться к уставам 1814 года. В итоге решили в общих чертах сохранить сложившиеся типы Духовных школ, с той только переменной, чтобы в Семинариях богословские предметы были выделены в особый курс и сосредоточены в последних классах.

Разработанный прежде проект был передан на рассмотрение епархиальных архиереев, ректоров и академических конференций, и в 1866 году составил новый Комитет во главе с митрополитом Киевским *Арсением (Москвиным)*. Через год были утверждены разработанные этим комитетом уставы Семинарий и Духовных училищ, в 1869 году – устав Духовных Академий.

Эти уставы предусматривали новое устройство управления Духовными школами. Оно сосредотачивалось в Учебном комитете при Святейшем Синоде, вместо прежнего Духовно-учебного управления, подчиненного непосредственно обер-прокурору. Упразднялись академические учебные округа, и Академии в связи с этим освобождались от управления Семинариями. Из ведения Академий изымалась возложенная на них старым уставом духовная цензура.

Внутренняя администрация Духовных школ строилась на началах широкой коллегиальности и самоуправления. Вводились академические советы, а также семинарские и училищные правления из преподавателей и выборных представителей местного духовенства. Педагогическим корпорациям предоставлялось право выбора ректоров и инспекторов, ректоры Академий назначались Синодом.

Новый устав ставил перед Академией двойную задачу: быть не только высшей богословской школой, но и своего рода педагогическим институтом духовного ведомства. В связи с этим учебные планы подвергались существенным изменениям. Круг наук сокращался, из учебных планов полностью устранялись физико-математические дисциплины, что позволяло сосредоточиться на богословских предметах и преподаванию их придать более научный характер. Общеобязательных дисциплин оставалось немного. Остальные предметы распределялись по трем отделениям, своего рода факультетам; богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому; 2 двухгодичных курса заменялись четырьмя одногодичными. Лишь лучшие студенты оставались на четвертом курсе для работы над кандидатской или магистерской диссертацией – остальные выпускались после третьего курса со

званием «действительного студента». Магистерские диссертации, как и в университетах, подавались в печатном виде и подлежали публичной защите.

Главным достоинством академического устава было требование научного характера высшей богословской школы. Но «жертвой» научности порой становилась церковность академического богословия. Стремясь придать своим академическим лекциям, диссертациям и монографиям научный характер, ученые богословы силились во что бы то ни стало догнать западноевропейскую науку, и часто совсем не критично заимствовали ее выводы, в эту эпоху опасные уже не столько своим инославием, сколько рационалистическим направлением.

В Духовных семинариях вместо прежних 3 двухгодичных классов риторики, философии и богословия вводилось два курса: общеобразовательный (1–4 классы) и богословский (5–6 классы). Из прежней многопредметной программы исключались сельское хозяйство, основы медицины, катехизаторское обучение, библейская история, патрология, полемическое богословие, учение о богослужебных книгах, церковная археология, в общем, предметы, введенные при Протасове. Вместо них вводились основное богословие и педагогика, усиленно было изучение Священного Писания, философии, математики, классических языков. Один из новых языков признан обязательным предметом.

В уездных Духовных училищах шестилетний курс заменялся четырехгодичным с подготовительным классом. Из училищ одни выпускники шли в семинарии, другие – псаломщиками на приходское послушание.

Во все Духовные школы, которые до тех пор сохраняли сословный характер, открыт был доступ выходцам из всякого чина, а выпускники семинарий получали право поступать в светские высшие школы. Значительно повышено было материальное обеспечение Духовных школ, содержание учащихся, оклады преподавателей. Немалые суммы стали отпускаться на ремонт и строительство учебных корпусов и общежитий.

В 70-х годах происходил быстрый рост числа Духовно-учебных заведений. К 1881 году в России насчитывалось уже **4 Академии, 53 семинарии и 183 Духовных училища**, а к концу века в дополнение к ним открыто еще **5 новых семинарий и 2 училища**.

Однако ревизии, проведенные в 70-е годы, обнаружили серьезные недостатки в постановке учебно-воспитательной работы, снижение церковности учащихся и падение дисциплины. Уход выпускников Семинарий на светскую службу и в университеты был непомерно велик.

В 1881 году при Святейшем Синоде была образована комиссия для пересмотра учебных уставов во главе с епископом Сергием (Ляпидевским), впоследствии митрополитом Московским. Новые уставы были разработаны в 1884 году. На характер нововведений большое влияние оказали мнения обер-прокурора К.П. Победоносцева. Во всех Духовных школах была усилена власть епархиальных архиереев и ректоров. В Академиях отменялась специализация студентов по отделениям. Все богословские и философские дисциплины стали общеобразовательными, и лишь второстепенные исторические и филологические предметы подразделялись на два отдела и предлагались студентам на выбор. Отменялась публичность академических диспутов при защите диссертаций. Докторская степень присваивалась без защиты, по отзыву рецензентов. Вводилось также различие докторской степени: богословия, церковной истории и канонического права. Магистерские диссертации защищались на расширенном академическом совете.

В семинариях совершенно отменялось выборное начало. Богословские предметы распределялись по всем классам. Увеличилось количество отводившихся для них учебных часов. Восстановлено было преподавание библейской истории, сравнительного богословия. Вводился новый предмет под названием «история и обличение раскола». Церковное пение из факультативного сделано было обязательным. Сокращались программы по математике, философии, педагогике. Новые языки стали факультативными, а программы по классическим языкам, занимавшие прежде более трети всего учебного времени, были значительно сокращены. Для улучшения религиозно-нравственного воспитания учащихся вводилась должность духовника семинарии.

В уездных Духовных училищах усилено было изучение русского и церковнославянского языка, а также церковного пения.

В 1889 году были изданы особые «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых богословских степеней». Правила требовали, «чтобы сочинения заключали в себе такую полноту и определенность изложения... при которой не оставалось бы сомнения в

истинности православного учения, а также такую точность выражений, которые устраняли бы всякий повод к ложным вопросам... Не могут быть признаны соответствующими требованию ученого богословского сочинения такие труды, в которых отрицается, хотя бы и с видимостью научных оснований, достоверность таких событий, к которым церковное предание и народное верование привыкли относиться как к достоверным событиям».

Церковно-охранительный характер этих правил, составленных по указанию Победоносцева, очевиден. Но запретительная политика Победоносцева оказалась не особенно плодотворной. Она не смогла искоренить в академической сфере либеральных настроений, которые в конце столетия приобрели тревожный характер.

В XIX веке появился новый тип школ, принадлежавших Духовному ведомству. В 1843 году в Царском Селе под покровительством императрицы было открыто первое училище для девиц духовного звания. Вскоре появились такие же школы в Ярославле, Казани, Иркутске, Вильне, Пензе, Киеве. Целью этих школ было приготовление достойных жен для священнослужителей. В них преподавали закон Божий, церковное право, русскую грамматику, арифметику, чистописание, рукоделие и домашнее хозяйство.

В 1860 году на средства духовенства открылись епархиальные женские училища. По уставу 1868 года учебные программы училищ рассчитаны на 6 лет. Кроме дочерей духовных лиц, в них за особую плату принимались и девицы других сословий. В конце XIX века в России было уже более 50 женских Духовных училищ.

§ 9. История Духовных Академий

Высшая богословская школа в Москве при Богоявленском монастыре открыта в 1685 году по благословению Патриарха Иоакима при содействии ученых мужей из Греции братьев иеромонахов *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*. Она получила наименование *Славяно-греко-латинской Академии*. Сами *Лихуды* преподавали в ней все науки на греческом языке. Академия должна была стать очагом православной учёности для России и всего христианского Востока. После удаления братьев *Лихудов* из Академии их место заняли иеромонах *Карион* (Истомин), *Николай Семенов* и *Феодор Поликарпов*.

При Местоблюстителе Патриаршего Престола митрополите *Стефане* (Яворском) ректором Академии был назначен выходец из Малороссии архимандрит *Палладий* (*Роговский*), получивший образование на Западе. Учебные планы, методика преподавания, разделение на классы, весь строй академической жизни при нем перестраивались по киевскому образцу. Обучение стало вестись на латинском языке. Система преподавания приобрела латино-польский формальный и схоластический характер. Из ректоров Академии Петровской эпохи особенно знаменит архимандрит *Феофилакт* (*Лопатинский*), близкий по духу и взглядам Местоблюстителю. Он возглавлял Академию с 1706 по 1722 годы профессор и студенты Академии внесли решающий вклад в осуществление нового исправленного издания текста славянской Библии.

В XVIII веке из стен Академии вышли выдающиеся церковные деятели, и среди них митрополиты *Гавриил* (Петров) и *Платон* (Левшин). Академия была первой высшей школой в Москве, и пока на ее базе не был основан университет, она сама заменяла для русской науки университет. Многие из ее учеников посвятили себя впоследствии светским наукам. Из числа воспитанников Академии известно немало выдающихся деятелей русской культуры дипломат и поэт князь *А.Д. Кантемир*, выдающийся ученый *М.В. Ломоносов*, архитектор *В.И. Баженов*.

Во второй половине XVIII века, особенно при митрополите *Платоне*, которого называли «Петром Могилой» Московской Академии, и ректоре архимандрите *Дамаскине* (*Семенове-Рудневе*) в Академии происходили важные перемены. Расширился круг преподаваемых наук, вводились церковная и гражданская история, церковное право, пасхалия, физика, медицина, новые языки. Составлялись конспекты по богословским предметам, более свободные от схоластического формализма. В преподавании философии происходил поворот от Аристотеля к новейшим немецким мыслителям: *Вольфу* и *Лейбницу*. Смягчались нравы, гуманнее становились отношения между ректором, преподавателями и студентами. В эти годы Московская Академия опережала Киевскую своим научно-образовательным уровнем и становилась главным рассадником российского епископата.

После реформы духовного образования в 1814 году Академия была преобразована в четырехгодичную высшую школу и переведена в стены древней обители Живоначальной Троицы. Пребывание в Лавре, у гробницы с мощами преподобного *Сергия*, оказывает благотворное воздействие на жизнь Духовной школы. Лаврские святые напоминали профессорам и студентам о неразрывном единстве православного богословия с живым духовным опытом, отвращали их от богословского рационализма и схоластики.

В первые два года после реформы ректором Академии был архимандрит *Симеон* (*Крылов-Платонов*), а с 1816 по 1819 годы – знаменитый впоследствии митрополит *Киевский Филарет* (*Амфитеатров*), иннок святой жизни. Сам он преподавал догматику, и читал ее по-старинному на латинском языке. Слушатели его лекций говорили о необычайной сжатости, лаконизме и «математической точности» его изложения догматов. В то же время его лекции были исполнены живой проповеднической теплоты.

Большое влияние на жизнь Академии в течение полувека оказывал митрополит Московский *Филарет* (*Дроздов*). С 1819 по 1824 годы Академию возглавлял архимандрит *Кирилл* (*Богословский Платонов*). Он первым в Москве стал преподавать богословие по-русски. Лекции он читал в строго православном, аскетическом духе. Архимандрит *Кирилл* был близок к ученикам старца *Паисия* (Величковского). Он говорил. «Свойство Евангельского учения состоит в утешении сердец, поражаемых скорбью и ужасом правосудия небесного, при воззрении в глубину духовного своего состояния. Но как может тот постигнуть и другим изъяснить силу и утешение

Евангельского учения, кто не испытал в себе крестной любви, чье сердце не проникнуто печалью по Боге, ведущей к спасению!»

Одним из самых замечательных профессоров и ректоров Московской Духовной Академии был архимандрит *Филарет (Гумилевский)*, скончавшийся в сане архиепископа Черниговского. Он возглавлял Академию с 1835 по 1841 годы.

Историк Московской Академии писал: о нем; «Он выступил на поприще учения с новыми приемами, с критикою источников, с филологическими соображениями, с историею догматов, с резким опровержением мнений, порожденных рационализмом в протестантском Западе, что было занимательною новостью для его слушателей». Строгая верность православному Преданию, освобождение из плена инословных догматических схем сочетались в его лекциях с научной критикой источников, с тонким анализом текстов.

Архимандрит Филарет (Гумилевский) был инициатором предпринятого при Московской Академии издания творений святых отцов в русском переводе. На этом издании сосредоточены были главные научно-богословские силы академической профессуры. Специально созданный печатный орган Академии, выходявший с 1843 года, назывался «Прибавления к творениям святых отцов». В Академии были переведены и изданы творения святых *Афанасия Великого*, *Василия Великого*, *Григория Богослова*, *Григория Нисского*, *Кирилла Александрийского*, *Макария Египетского*, *Кирилла Иерусалимского*, *Ефрема Сирина*, *Исаака Сирина*, *Иоанна Лествичника*. Этой переводческой и издательской деятельностью Академия по существу обессмертила свое имя в истории Русской Церкви. Московская Духовная Академия участвовала также в переводе Библии на русский язык.

Целую эпоху в истории Академии составили 60–70-е годы, когда ее ректором был протоиерей *Александр Васильевич Горский* (1812–1875), ученик и друг архиепископа Филарета (Гумилевского). Горский поступил в Академию в 16 лет из философского класса Костромской семинарии. В студенческие годы его необычайная любознательность и даровитость сочетались с благочестием и аскетической направленностью души. Лишь родительский запрет удержал его от принятия иночества. Оставленный в Академии преподавателем, он занял вскоре церковно-историческую кафедру. В лекциях он стремился показать не столько внешнюю последовательность исторических фактов, сколько их внутреннюю связь. Профессор-протоиерей А.В. Горский составил замечательные жизнеописания святых *Афанасия Великого*, *Василия Великого*, *Епифания Кирпского* и блаженного *Феодорита*. Это не просто биографии, а глубокие патрологические монографии. Но главным предметом его научных интересов была история Русской Церкви и русская духовная литература. Вместе с *К.И. Невоструевым* он составил 6-томное «*Описание славянских рукописей Московской Патриаршей (синодальной) библиотеки*», ценнейшее историческое, текстологическое и палеографическое исследование.

Вклад протоиерея А.В. Горского в науку не исчерпывается его собственными трудами. Он помогал своему другу архиепископу Филарету (Гумилевскому) в его изысканиях; он давал глубоко продуманные церковно-исторические и канонические консультации митрополиту Московскому Филарету, он помог епископу Владимирскому *Сергию (Спаскому)* в составлении фундаментально агиологического труда «Полный месяцеслов Востока».

Протоиерей А.В. Горским был несравненным ректором и учителем. Он учил воспитанников и лекциями, и беседами, и примером своей жизни. Его научный подвиг и энтузиазм благотворно воздействовали на студентов. В Московской Духовной Академии он сумел создать школу историков, из которой вышли академик *Е.Е. Голубинский*, профессор *Н.Ф. Каптерев*.

После издания устава 1884 года ректорами Академии назначались архимандриты и еще чаще архиереи. С 1890 по 1895 годы во главе Академии стоял архимандрит *Антоний (Храповицкий)*. Многих воспитанников Академии он убедил выбрать иноческий путь служения Церкви. На рубеже веков ректором Академии был епископ *Арсений (Стадницкий)*, а с 1910 года Академию возглавлял епископ Волоколамский *Феодор (Поздеевский)*.

В начале XX столетия в Академии преподавали выдающиеся ученые: историки *В.О. Ключевский*, *Е.Е. Голубинский*, *Н.Ф. Каптерев*, богословы архимандрит *Иларион (Троицкий)*, *И.В. Попов*, *М.Д. Муретов*, *М.М. Тареев*, религиозный философ священник *П.А. Флоренский*.

Одним из лучших церковных периодических изданий начала XX столетия был выходявший при Московской Духовной Академии «Богословский вестник», преемственно заменивший «Прибавления к творениям святых отцов».

Из стен Московской Академии на пастырское служение вышло множество замечательных деятелей, и среди них Святейший Патриарх Алексий I (Симанский).

У истоков Петербургской Академии стоит «*Славянская школа*», устроенная в 1721 году при *Александро-Невском* монастыре. Через 4 года она была переименована в *Славяно-греко-латинскую семинарию*. Расположенная в столице семинария стала образцовой Духовной школой. К концу века уровень преподавания в ней сравнялся с Киевской и Московской Академиями, и в 1788 году по проекту митрополита Петербургского Гавриила она была преобразована в Главную Семинарию. В нее присылали лучших учеников из провинциальных семинарий, и здесь из них готовили семинарских учителей.

В 1797 году Петербургскую Семинарию переименовали в Академию, но поскольку в ту эпоху между учебными штатами семинарий и академий существенной разницы не было, переименование не повлекло за собой почти никаких перемен ни в составе изучавшихся дисциплин, ни в методике преподавания.

Важной вехой в истории Академии стал 1809 год, когда она была открыта как первая в России высшая богословская школа нового типа. Ректором преобразованной Академии стал архимандрит Евграф. Его преемником был архимандрит Филарет (Дроздов), которого пригласили в Петербург из подмосковной Троицкой Семинарии как одного из самых талантливых молодых богословов и педагогов. Это был блестящий, вдохновенный профессор. Его ученик архимандрит Фотий, относившийся к нему далеко не благожелательно, писал о нем: «Говорил остро, высоко, премудро, но все более к уму, менее же к сердцу. Свободно делал изъяснения Священного Писания, как бы все лилось из уст его. Привлекал учеников так к слушанию себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердие слушать его еще более без ястия и пития. Оставлял он сильные впечатления в уме от учений своих».

В 1814 году состоялся первый выпуск реформированной Академии. Ректор ее был тогда впервые в России удостоен ученой степени доктора богословия. После архиерейской хиротонии архимандрита Филарета ректором назначили апологета Православия и бесстрашного борца с Библейским обществом архимандрита Иннокентия (Смирнова).

В 20-е годы Петербургскую Академию возглавлял ученик и друг митрополита Филарета, выпускник ее первого курса архимандрит Григорий (Постников). Вслед за своим учителем он преподавал богословие на русском языке. Даже Священное Писание он разбирал на лекциях и цитировал в русском переводе. Особой заслугой будущего митрополита явилось основание при Академии богословского журнала «Христианское чтение», который начал выходить в 1821 году. На страницах журнала публиковались богословские, канонические, церковно-исторические события и статьи. Редакция журнала с самого начала стала помещать в нем переводы избранных творений святых отцов.

С 1848 г. трудами преподавателей и студентов Петербургской Академии начали в непрерывном порядке издаваться сочинения отцов Церкви. На русский язык были переведены творения святых Дионисия Ареопагита, Софрония Иерусалимского, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Симеона Солунского, а также церковно-исторические труды Евсевия, Сократа, Созомена, блаженного Феодорита и сочинения византийских историков.

Совершенно исключительное значение имело участие Петербургской Академии в переводе Библии на русский язык, который выполнен был в 60–70-е годы. В сущности, Петербургская Академия была в это время средоточием всего дела библейского перевода.

При обер-прокуроре Протасове в 1842 году во главе Академии был поставлен архимандрит Афанасий (Дроздов), впоследствии архиепископ Астраханский, ученый редкой эрудиции и любознательности, вместо с тем он проявлял крайнее недоверие к богословской науке, к богословской мысли. По свидетельству епископа Филарета (Гумилевского), он говорил: «Для меня Исповедание Могилы и Кормчая все – и более ничего». Митрополит Московский Филарет, относившийся с тревогой к тому направлению, которое, по подсказке Протасова, старался придать академической науке новый ректор, считал, что тот «веровал в церковные книги более, нежели в слово Божие».

С 1851 по 1857 годы Академию возглавлял архимандрит Макарий (Булгаков), незаурядный церковный историк и догматист, впоследствии митрополит Московский. Его преемником стал знаменитый впоследствии Вышенский затворник епископ Феофан (Говоров). Новый период в истории Академии начался с введения академического устава 1869 года, когда существенно расширилось коллегиальное начало в управлении Духовной школой и введен был конкурсный

порядок замещения вакантных преподавательских мест. В 70-х годах ректором Академии состоял протоиерей И.Л. Янышев, позже протопресвитер, читавший весьма популярные в то время лекции по нравственному богословию.

По уставу 1884 года в Академиях усилена была власть ректора. Во главе Петербургской Академии с этих пор, как правило, ставили архиереев. В 80-е годы Академию возглавлял епископ Антоний (Вадковский), впоследствии митрополит Петербургский. Он пользовался необычайной любовью у преподавателей и студентов. В начале XX века ректором Академии был епископ Гдовский Сергей (Страгородский), будущий Патриарх.

Среди преподавателей Академии много было незаурядных богословов, канонистов, историков: иеромонах Никанор (Бровкович), позже архиепископ; профессора А.Л. Катанский, В.В. Болотов, Н.Н. Глубоковский, И.М. Певницкий, С.И. Красноцветов. Из стен Академии вышли святитель Мелетий Харьковский и святой равноапостольный Николай, архиепископ Японский, Кронштадтский протоиерей Иоанн (Сергиев), миссионер-подвижник архимандрит Макарий (Глухарев). В Петербургской Академии получили образование выдающиеся церковные деятели XX века: Патриархи Тихон и Сергей, митрополиты Антоний (Храповицкий), Николай (Ярушевич), Григорий (Чуков).

История Киевской Академии восходит к 1615 году, когда в Киеве открылась Братская школа, устроенная по образцу греческих училищ и ставшая одним из очагов Православия в Речи Посполитой. В 1633 году, при митрополите Петре Могиле Братская школа была преобразована в училище латинского типа и получила название коллегии. Это была скорее общеобразовательная, чем специально богословская школа, ибо в Польше в православных школах не дозволялось открывать высшие богословские классы. Языком обучения в Могилянской коллегии служила латынь. Распорядок школьной жизни, методы преподавания, учебники были такими же, как и в западных коллегиях и академиях. Как и в иезуитских коллегиях, классы именовались фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика, философия. Богословский класс открылся уже во второй половине XVII века, после воссоединения Левобережной Украины с Россией.

Среди первых ректоров коллегии были известные церковные деятели и духовные писатели Западной Руси – Иннокентий (Гизель), Лазарь (Баранович), впоследствии Черниговский архиепископ, Иоанникий (Голятовский). В смутные 50-е годы коллегия пришла в запустение. Восстановлена она была в 70-х годах при ректорстве архимандрита Варлаама (Ясинского), позже Киевского митрополита. В 1701 году Киевская коллегия получила права академии. По ее образцу стали устраиваться Семинарии в малороссийских и великорусских кафедральных городах. Киевская Академия стояла тогда на самом высоком научном и образовательном уровне среди Духовных школ России. Поэтому из числа её выпускников восполнялся российский епископат, ученые киевские монахи назначались архимандритами самых крупных монастырей, ректорами семинарий. В Киеве получили образование святители Феодосий Черниговский, Димитрий Ростовский, Иоанн Тобольский, Иннокентий и Софроний Иркутские, Иоасаф Белгородский; Местоблюститель, митрополит Стефан (Яворский), митрополиты Арсений (Мацеевич) и Павел (Конюшков), архиепископы Феофилакт (Лопатинский) и Феофан (Прокопович).

Даже в середине столетия Киевская Академия значительно опережала другие Духовные школы и по уровню научной подготовки и по числу студентов: в Московской Академии тогда обучалось около 500 воспитанников, а в Киевской – 1200.

В связи с реформой духовного образования в 1817 году Академию временно переименовали в Семинарию, но через два года, в сентябре 1819 года состоялось торжественное открытие новой Академии, устроенной в соответствии с уставом 1814 года как четырехгодичная высшая школа. Первым ректором преобразованной Академии стал архимандрит Моисей (Антипов-Гайтанников), позже экзарх Грузии.

В 20–30-е годы большое влияние на учебный процесс в Академии оказывал митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), крупный ученый, церковный историк. Он содействовал развитию в Академии церковно-исторической науки. Под его руководством были написаны серьезные труды по истории Русской Церкви. В 30–40-е годы особое покровительство Академии оказывал преемник митрополита Евгения митрополит Филарет (Амфитеатров), богослов глубокой учености и инок высокого христианского благочестия.

В 20-е годы во главе Академии стоял святой Мелетий (Леонтович), впоследствии архиепископ Харьковский. Среди ректоров Академии были замечательные духовные писатели, ставшие впоследствии известными иерархами: архиепископы Иннокентий (Борисов), Антоний

(Амфитеатров), Дмитрий (Муретов). В 80–90-е годы Академию возглавлял известный ученый догматист епископ Сильвестр (Малеванский).

В 1837 году, в ректорство архимандрита Иннокентия (Борисова), при Академии стал выходить журнал «Воскресное чтение», а в 1860 году началось издание «Трудов Киевской Духовной Академии», на страницах которых публиковались богословские, церковно-исторические и канонические исследования. В этом издании помещались выполненные силами Академии переводы творений Апостольских мужей, святого Ириния, епископа Лионского, и западных отцов: Тертуллиана, святого Ипполита, святого Киприана Карфагенского, блаженного Августина, блаженного Иеронима. В XIX веке Академия взрастила епископа-аскета Феофана Затворника, митрополитов Леонтия (Лебединского), Иоанникия (Руднева), Владимира (Богоявленского).

Киевская Академия всегда особое внимание уделяла церковному пению. Её студенческий хор пользовался большим уважением любителей духовного пения. Академия располагала на редкость богатой церковно-археологической и художественной коллекцией, которая принадлежала к числу лучших музейных собраний России.

Предшественницей Казанской Духовной Академии была Семинария, открытая в 1723 году. В 1797 году вместе с Петербургской Семинарией её переименовали в Академию, но после издания нового академического устава, в 1818 году, Казанская Академия вновь стала называться Семинарией, и только в 1842 году состоялось открытие преобразованной Академии.

Важнейшую особенность Казанской Академии, которая находилась в центре области с инородческим населением, составляло её Миссионерское отделение, открытое в 1854 году. Здесь преподавались арабский, турецкий, татарский, монгольский и калмыцкий языки, этнография, история и обличение ислама и ламаизма, история распространения христианства среди народов Востока, миссионерская педагогика. Выдающимся тружеником Миссионерского отделения был профессор И.И. Ильминский.

С середины 50-х годов профессора и студенты Казанской Академии проявляли особый интерес к церковно-исторической науке. Этому способствовала передача рукописного собрания Соловецкого Преображенского монастыря в Казанскую Академию. Студенты описывали рукописные книги, а также и акты. Соприкосновение с редкими археологическими и архивными материалами возбудило у них живой интерес к историческим исследованиям. Особое внимание в Академии уделялось истории раскола.

Среди профессоров Академии немало было крупных деятелей церковной науки, и среди них архимандрит Иоанн (Соколов) (1818–1860), впоследствии епископ Смоленский, который в 50-е годы возглавлял Академию. Это был незаурядный канонист, автор «Опыта курса церковного законоведения», в котором впервые на русском языке были изложены святы каноны с обстоятельными историческими комментариями. Человек необычно сильного и смелого ума, он был блестящим, остроумным лектором и вдохновенным проповедником, затрагивавшим в своих проповедях актуальные вопросы церковной и общественной жизни. В эпоху реформ он смело, открыто заговорил о житейской и социальной неправде. С 1868 по 1871 годы ректором Казанской Академии состоял архимандрит Никанор (Бровкович), впоследствии архиепископ Херсонский, крупный и оригинальный богослов-апологет и религиозный философ, автор замечательных «Воспоминаний». Большой вклад в церковно-историческую науку внесли казанские профессора А. Шапов, И. Добротворский, П.С. Знаменский, Ф. Курганов. Профессор Академии В.И. Несмелов написал фундаментальную монографию по христианской антропологии «*Наука о человеке*».

Учёная и литературная деятельность Казанской Академии сосредотачивалась на страницах «Православного собеседника», выходившего с 1855 году. Кроме оригинальных трудов, в нем печатались переводы святых отцов: святого Игнатия Богоносца, блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, сочинения Оригена, Деяния Семи Вселенских и Девяти Поместных Соборов. В «Православном собеседнике» впервые опубликован «Просветитель» преподобного Максима Грека, «Стоглав». Преподаватели и студенты Казанской Духовной Академии переводили на языки восточных народов Священные книги, молитвы, катехизис.

Из стен Академии вышло много выдающихся церковных деятелей, и среди них митрополиты Петербургские Палладий (Раев) и Антоний (Вадковский).

§ 10. Перевод Библии на русский язык и митрополит Филарет

Мысль о переводе Библии на живой русский язык высказывалась уже в XVIII веке святителем Тихоном Задонским. Он сам переводил псалмы и отрывки из Нового Завета. Архиепископ Московский Амвросий (Зертис-Каменский) перевёл на русский язык Псалтирь, но перевод этот был опубликован только в конце XIX столетия. В 1794 году вышел русский перевод «Послания к Римлянам», выполненный архиепископом Мефодием (Смирновым).

В 1815 году Александр I выразил желание, чтобы «и россиянам был доставлен способ читать слово Божие на природном своём российском языке». Синод поручил Комиссии Духовных училищ подобрать способных переводчиков, а печатание перевода взяло на себя Библейское общество. Русская Библия предназначалась для домашнего чтения, а не для храма. Руководство трудами по переводу возложили на ректора Петербургской Академии архимандрита Филарета (Дроздова), который переводил Евангелие от Иоанна. Другие Новозаветные Книги переводили преподаватели Академии архимандрит Моисей (Антипов-Гайтанников), архимандрит Поликарп (Гайтанников), священник Герасим Павский. Перевод всего Нового Завета был закончен в 1820 году и через два года напечатан.

В том же 1822 году вышел перевод Псалтири, выполненный главным образом самим Филаретом. К переводу Ветхого Завета привлекли также преподавателей Московской и Киевской Академий, и к концу 1825 года вышел первый том русской Библии, включавшей Пятикнижие, Книгу Иисуса Навина, Судей и Руфь. Перевод выполнялся с еврейского Масоретского текста, а для объяснения расхождений со славянской Библией архиепископ Филарет составил особое предисловие.

Враждебная Церкви деятельность заправил Библейского общества в глазах чрезмерно подозрительных ревнителей Православия бросала тень и на само дело перевода Священного Писания на русский язык. И когда после падения «сугубого министерства» Библейское общество было закрыто, прекратились и труды по переводу Библии. Новый министр просвещения адмирал Шишков при поддержке митрополита Петербургского Серафима добился сожжения русского текста Пятикнижия на кирпичном заводе Александров-Невской Лавры. Новый Завет на русском языке с этих пор дозволялось распространять только в тюрьмах.

Но мысль о возобновлении перевода не покидала митрополита Филарета. Его убеждение в том, что перевод нужен для утоления «глада слышания слова Божия», разделял преосвященный Григорий (Постников), занимавший в последние годы жизни Петербургскую кафедру.

В Петербургской Академии особенно прочно держалась мысль о пользе, прежде всего перевода на русский язык Священного Писания. Профессор протоиерей Герасим (Павский) для классных занятий еврейским языком перевел Учительные и Пророческие книги. Студенты литографировали этот перевод. Его распространение встревожило не только принципиальных противников перевода Библии. Иеромонах Агафангел (Соловьев), инспектор Московской Академии, впоследствии архиепископ Волынский, в 1841 году направил трем митрополитам письмо, в котором выразил беспокойство в связи с языковыми и богословскими неточностями перевода Г. Павского, едва ли не намеренными. Эти неточности в передаче мессианских мест граничили с прямым кощунством, и иеромонах Агафангел дал самую резкую характеристику опыту Павского: «Произведение сего нового Маркиона... не глаголы Бога живого и истинного, но злоречие древнего змия». Критик, однако, считал, что лучшим средством против распространения негодных опытов будет полноценный перевод текста Библии. Такой была точка зрения и митрополита Филарета.

Но в Синоде решили иначе: не только изъяты и уничтожены были литографированные и рукописные тексты перевода Павского, но и сама мысль о русском переводе Библии была осуждена и отвергнута. Епитимией наказали за опыт перевода Священных книг (пророков Иова и Исаии) алтайского миссионера архимандрита Макария (Глухарева). Епитимию ему назначали при Тобольском архиерейском доме, и заключалась она в ежедневном служении Литургии в течение шести недель, что сам наказанный принял за проявление к нему особой милости Божией.

После смерти императора Николая I в результате настойчивых ходатайств митрополита Филарета святейший Синод в 1857 году принял окончательное решение о переводе Библии. Этот труд был поручен четырем Академиям под общей редакцией профессора греческого языка Петербургской Академии Е.И. Ловягина. Рассмотрение текстов производили митрополит Филарет

и Святейший Синод. Новый Завет вышел в 1863 году. С 1860 году в церковной печати начали помещать частные опыты перевода Ветхозаветных книг. Эти переводы принадлежали архимандриту Макарию (Глухареvu), М. Никольскому, профессорам Киевской Академии Максимовичу и М. Гуляеву. В «Христианском чтении» в 1861–1871 годах были напечатаны переводы петербургских профессоров М. Голубеева и Д. Хвольсова, при участии П. Савваитова и Е. Ловягина.

Святейший Синод поручил Духовным Академиям пересмотреть изданные «Христианским чтением» переводы. После этого отредактированные тексты просматривались самим Синодом. Особенно много потрудились над редакцией перевода члены Синода – митрополит Петербургский Исидор и протопресвитер В.Б. Баженов. С 1868 года началось печатание Ветхого Завета отдельными частями. Четвертая и последняя его часть вышла в 1875 году, а в 1877 году русская Библия была напечатана в полном составе. Митрополит Филарет не дожид до этого события.

Святитель *Филарет* (в миру *Василий Дроздов*) родился в 1782 году в подмосковной Коломне в семье диакона, впоследствии протоиерея. Он учился в Коломенской и Троицкой Семинарии, где его оставили преподавателем. В Троицкой Семинарии близость святыни смягчала атмосферу школьной схоластики. И все же к старой дореформенной школе святитель Филарет относился критически. «Что там завидного?» – говорил он. Но из Семинарии он вынес блестящее знание древних языков, а свою обширную богословскую и философскую эрудицию приобрел самостоятельным трудом. Митрополит Платон, заметив его исключительные способности и редкий проповеднический дар, назначил его Лаврским проповедником и убедил принять постриг. Через год после пострига, в 1809 году, когда началось преобразование Духовных школ, иеромонаха Филарета вызвали в Училищный комитет для усмотрения. Его сильный и ясный ум, замечательная эрудиция обратили на себя внимание митрополита *Амвросия* и *Голицина*. Они стали его покровителями. Молодого иеромонаха назначили инспектором Петербургской Академии, и уже в 1812 году он стал ректором Петербургской Академии и архимандритом Новгородского Юрьева монастыря. В 1814 году ему, первому в России, была присвоена степень **доктора богословия**. В эти годы учено-педагогическая деятельность святителя Филарета была до крайности напряженной, превышала обыкновенные человеческие силы. С 1810 по 1817 годы он разработал почти полный курс богословских и церковно-исторических наук, читавшихся в Академии. Он вспоминал впоследствии: «Мне должно было преподавать, что не было мне преподано». В связи с академическими лекциями архимандрит Филарет написал свои первые книги. Начертание церковно-библейской истории и «Записки на книгу Бытия».

В Петербурге он произвел сильное впечатление глубокомыслием и красноречием своих проповедей. В его проповедях чувствовалось сильное влияние святых отцов, особенно святителя Григория Богослова. Темы для проповедей он выбирал современные, волновавшие людей в эпоху мистических увлечений – о дарах и явлениях Святого Духа, о тайне Креста, о «гласе вопиющего в пустыне».

Архимандрит Филарет знал увлечения и заблуждения современников. Как и все образованное общество, он много читал тогда «мистических» писателей: Юнга, Штиллинга, Эккартсгаузена, Фенелона. Его интересовали все явления духовной жизни, но при этом он оставался церковным мыслителем, чуждым мистического возбуждения.

В 1817 году архимандрит Филарет был хиротонисан в викарного епископа Ревельского, через два года получил самостоятельную Тверскую кафедру, в 1820 году переведен в Ярославль, через год – в Москву, в 1826 году возведен в сан митрополита.

Митрополит Филарет стал любимым иерархом москвичей, в нем они видели самую главную знаменитость столицы. В 1842 г. после резкой размолвки с обер-прокурором Протасовым, митрополит Филарет перестал выезжать в Петербург на заседание Синода, но и оставаясь безвыездно в Москве, он выковал свой исключительный, небывалый авторитет. За наставлениями к нему приезжали архиереи со всей России. К его мудрости обращалось и светское правительство, ища совета не только в церковных, но и в государственных делах. Уже в 20-е годы император Александр I настолько доверял ему, что сделал его вместе с Голицыным и Аракчеевым хранителем государственной тайны об отречении от престолонаследия Константина и поручил ему составить об этом манифест, который до кончины Александра I хранился в Московском Успенском соборе. К его мнениям прислушивалось правительство при проведении

реформ 60-х годов. Имя митрополита Филарета было хорошо известно и чтимо на Православном Востоке. Восточные Патриархи со вниманием знакомились с его суждениями.

Крайняя занятость церковно-административными трудами оставляла ему мало времени для богословских занятий. Много писал он только в ранние годы. Тогда появилась его статья «Разговор уверенного с испытующим» и первая редакция «Катехизиса». В свои поздние годы митрополит богословствовал только с церковного амвона. Его проповеди содержат в себе целостную богословскую систему. В них он, прежде всего, выступает как толкователь Священного Писания. Писание он называл «единым и достаточным источником учения веры», но Священное Писание митрополит Филарет никогда не рассматривал отвлеченно и обособлено от Церкви. Священное Писание – это запись Предания. С особым вниманием святитель останавливал в своих проповедях внимание на размышление о Кресте. В Евангелии главное для него – это Крест. «Судьба мира висит на Кресте Его, жизнь мира лежит во гробе Его. Сей Крест озаряет светом плачевную страну жизни, из гроба Его взойдет солнце блаженного бессмертия». В проповеди на Великую пятницу он говорил о тайне Креста как о таинстве Божественной любви: «Что там!.. Ничего, кроме святой и блаженной любви Отца и Сына и Святого Духа к грешному и окаянному роду человеческому. Любовь Отца – распинающая, любовь Сына – распинаемая, любовь Духа – торжествующая силою крестною». «Смерть Иисуса есть средоточие сотворенного бытия», – говорил он. «Богословие рассуждает», – любил повторять митрополит Филарет. В его богословском рассуждении, всегда взвешенном и отточенном, целомудренно строгом, чувствуется трепет верующего сердца.

В 1867 году состоялось празднование 50-летнего юбилея архиерейского служения святителя. Торжественные литургии совершались во всех храмах Вселенской Православной Церкви. После празднества митрополит отъехал в Троице-Сергиеву Лавру. 17 сентября он увидел во сне отца, который сказал ему: «Береги 19 число». Святитель приобщался Святых Христовых Таин 19 сентября и 19 октября. После литургии 19 ноября в Троицком подворье в Москве митрополит Филарет не вышел к обеду. Так последовала блаженная кончина Московского архипастыря. Великого иерарха погребли в Свято-Духовном храме Троице-Сергиевой Лавры.

Россия и Православная Церковь после его кончины почувствовала невосполнимую утрату.

§ 11. Святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан (Говоров), затворник Вышенский

Великими духовными писателями и учителями христианской жизни, верными выразителями святоотеческих традиций в русском богословии XIX века были епископы Игнатий и Феофан.

Епископ *Игнатий* (в миру *Димитрий Александрович Брянчанинов*) родился 5 февраля 1807 году в селе Покровское Вологодской губернии. Брянчаниновы – старинный дворянский род, восходящий к оружейнику князя Дмитрия Донского – Михаилу Бренко. Уже в отроческие годы Дмитрий Брянчанинов мечтал о монашестве, но отец требовал от сына, чтобы тот выбрал карьеру, подобающую дворянину. «Детство мое, – писал впоследствии епископ Игнатий, – было преисполнено скорби».

По настоянию отца он поступил в Петербургское военно-инженерное училище. Благодаря своим способностям и прилежанию он обратил на себя внимание великого князя Николая Павловича, будущего императора, который опекал это училище. Но учебные успехи не давали внутреннего удовлетворения. «Родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, – писал он позже, – явился голод, явилась тоска невыносимая по Богу. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни. И точно – это было томление души, удалившейся от истины в жизни своей, Бога». В училище вокруг Дмитрия сложился кружок религиозно настроенных юнкеров, которые вечерами собирались для усердной молитвы и обсуждения богословских вопросов. К этому кружку принадлежали Михаил Чихачев (впоследствии монах) и Н.Ф. Фермор.

По окончании училища Брянчанинов был направлен на службу в Динабург. «В строгих думах снял я мундир юнкера, – писал он потом, – и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире, в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолудинов, молиться и рыдать сколько душе угодно». Офицерская служба его продолжалась недолго. Осенью 1827 года он заболел и подал прошение об отставке.

Уволенный со службы юный ревнитель благочестия отправился в Александро-Свирский монастырь и поступил в послушание в подвизавшемся там опытному старцу Леониду. Свой послушнический иску́с он продолжил в Кирилловом Новоезерском монастыре под руководством старца Феофана, в Площанской и Оптиной пустыни, и, наконец, в Глушицкой обители под Вологодой, где 1831 году был пострижен в монашество с именем Игнатий в честь священномученика Игнатия Богоносца.

Когда император Николай вспомнил о своем любимце военном инженере Брянчанинове и узнал, что принял постриг и управляет древней Пельшемской обителью, он вызвал его к себе в Петербург и велел назначить строителем Троице-Сергиевой пустыни, расположенной возле столицы и находившейся тогда в упадке. 24 года управлял он этой обителью. Взгляды отца Игнатия на монашество складывались под влиянием святоотеческих аскетических творений и бесед со старцами Леонидом и Феофаном Новоезерским. Трудami настоятеля в Сергиевой пустыни был введен общежительный устав – в обители возобновилась аскетическая жизнь. В 1838 году архимандрит Игнатий был назначен благочинным монастырей Петербургской епархии. Он много сделал тогда для возрождения древнего Валаамского монастыря, поставив его настоятелем духовно опытного подвижника игумена Дамаскина.

В 1857 году архимандрит Игнатий был хиротонисан в епископа Кавказского и Черноморского. После хиротонии он прибыл в свой кафедральный город Ставрополь. Епископ Игнатий содействовал улучшению положения местного духовенства, благодаря его заботам в Ставрополе был создан хороший церковный хор, построен архиерейский дом, благоустроена Духовная Семинария.

Болезнь вынудила его летом 1861 года уйти на покой и поселиться в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. Здесь он подвизался до самой кончины, последовавшей 30 апреля 1867 года в Неделю Жен-Мироносиц. В монастыре он вел обширную переписку с людьми, искавшими у него совета и наставления и писал богословские сочинения.

Самые значительные труды епископа Игнатия: «Аскетические опыты», «Аскетическая проповедь», «О молитве Иисусовой», «Приношение современному монашеству», «Слово старца

с учеником», «О терпении скорбей», «Слово о смерти».

В «Аскетических опытах» начертан идеал духовного трезвения, собранности и смирения. Но аскетическое делание не заслоняло для епископа Игнатия конечной цели подвижничества: стяжания благодатного мира и встречи со Христом. «Ты приходишь! – писал он, – я не вижу образа пришествия Твоего, вижу Твое пришествие».

Мистические увлечения Александровской эпохи встревожили его, и святитель не устал в своих творениях предостерегать против мистической мечтательности, против нетрезвой прелестной «духовности», отравленной гордыней и превозношением. Не одобрял он и чтения инославных мистических книг. В западных святых Терезе или Лойоле святитель Игнатий видел самообольщенных и духовно поврежденных людей, называл их сумасшедшими. Предостерегал он и против чтения знаменитого «Подражания» Фомы Кемпийского, которое пользовалось тогда необычайным успехом не только в кругу религиозно настроенных светских лиц, но и среди некоторых монахов. Жесткими и резкими словами характеризовал святитель и светскую культуру. «Ученость, – говорил он, – светильник ветхого человека».

Состояние современной ему церковной жизни вызывало у него тревогу и скорбь. Ещё будучи настоятелем Сергиевой пустыни, он в беседе с английским богословом В. Пальмером говорил с удивительной откровенностью: «Наше духовенство чрезвычайно лихо поддается новым и странным мнениям, читает книги неправославных и даже неверующих сочинителей... Россия, пожалуй, находится недалеко от взрыва в ней еретического либерализма. У нас есть хорошая внешность: мы сохранили все обряды и Символ первобытной Церкви, но все это мертвое тело, в нем мало жизни. Белое духовенство насильно сдерживается в лицемерном православии только боязнью народа».

Епископа Игнатия тревожило и состояние современного ему монашества, над которым, считал он, нависла опасность постепенного обмирщения. Монахам он советовал держаться подальше от мира.

Младшим современником епископа Игнатия был другой знаменитый аскетический писатель епископ Феофан (в миру *Георгий Васильевич Говоров*). Он родился в семье священника Орловской епархии в 1815 году. В восьмилетнем возрасте Георгий поступил в Ливенское Духовное училище, по окончании которого был переведён в Орловскую Семинарию. Своё образование он завершил в Киевской Духовной Академии. Благодатное влияние на него оказала Киево-Печерская Лавра. В последний год своего студенчества он принял иноческий постриг в Киево-Братском монастыре с именем Феофан. После пострижения он вместе с монахом Макарием (Булгаковым), впоследствии знаменитым митрополитом Московским, посетил духовника Лавры старца Парфения, который, благословив их, сказал: «Вот вы, ученые монахи, набрав себе правил, помните, что одно нужнее всего – молиться и молиться непрестанно умом в сердце Богу – вот чего добивайтесь».

Окончив Академию со степенью магистра в 1841 году, иеромонах Феофан проходил обычное для ученого монаха административно-педагогическое послушание – был ректором Киево-Софийского Духовного училища, инспектором Новгородской Духовной Семинарии, с 1844 года читал в Петербургской Духовной Академии лекции по нравственному и пастырскому богословию. Эти лекции он показал архимандриту Игнатию (Брянчанинову), который отнесся к ним одобрительно. Курс нравственного богословия, прочитанный в Академии, отец Феофан построил на святоотеческой аскетике. Отредактированные им впоследствии эти лекции составили книгу «Путь ко спасению».

В 1847 году иеромонах Феофан получил назначение в Иерусалим в Русскую Духовную Миссию и провел там, под началом архимандрита Порфирия (Успенского) 7 лет. На Востоке он довел до совершенства знание греческого языка, изучал еврейский и арабский язык, сам много читал святых отцов и занимался переводами с древних рукописей.

Возведенный в сан архимандрита, отец Феофан после возвращения в Россию снова преподавал в Петербургской Академии, был ректором Олонецкой Духовной Семинарии, настоятелем посольской церкви в Константинополе, а с 1857 года – ректором Петербургской Духовной Академии.

В 1859 году совершилась его хиротония в епископа Тамбовского. Во время одной из архипастырских поездок по Тамбовской епархии святитель посетил Вышенскую пустынь, которая понравилась ему и красотой местоположения, и особенно строгостью своего устава. Назначая настоятелем обители игумена Аркадия, Преосвященный на прощанье сказал ему: «Поезжайте,

отец игумен, а там, Бог даст, и я к вам приеду». В 1861 году епископ Феофан принял участие в торжествах открытия мощей святителя Тихона Задонского. Это событие оказало благотворное воздействие на его собственную духовную жизнь. Переведенный в 1863 году на Владимирскую кафедру, он уже три года подал, по примеру новоявленного угодника святителя Тихона, прошение об увольнении его на покой в Вышенскую пустынь. Ходатайство его было удовлетворено.

В Вышенской пустыни святитель провел 28 лет. Образ его жизни в обители был крайне строгим. Он ежедневно ходил ко всем службам и за Богослужением стоял благоговейно, тихо, ради собранности ума и сердца в молитве закрывая глаза. По воспоминаниям современников, случалось, что после Литургии подносящий ему антидор стоял перед ним минуты две, пока он не открывал глаза и не брал антидор. В алтаре он никогда не произносил праздного слова. Поучений не говорил, но само его служение было живой проповедью для молящихся.

После пасхальных дней 1872 года святитель Феофан уединился в затвор в монастырском флигеле, где принимал лишь настоятеля, духовника и келейника. В своей келлии он устроил и освятил церковь в честь Богоявления Господня, и последние 11 лет своего жития ежедневно служил в ней Божественную литургию. Службу совершал один и молча по служебнику, иногда пел. Келейное правило он порой заменял молитвой Иисусовой. Кроме молитвенного правила, святитель в затворе читал Священное Писание и творения святых отцов, занимался иконописанием и литературно-богословскими трудами. Сам он со смирением говорил о своем затворничестве: «Из моего запора сделали затвор. Ничего тут затворнического нет. Я заперся, чтобы не мешали, но не в видах строжайшего подвижничества, а в видах беспрепятственного книжничества... так выходит, то я книжник и больше ничего».

Епископ Феофан не преувеличивал значение затвора для духовного преуспевания. «Когда молитва твоя до того укрепитя, что все будет держать самого тебя в сердце пред Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор... Этого затвора ищи, – советовал он, – а о том не хлопочи. Можно и при затворенных дверях по миру шататься, или целый мир напустить в свою комнату». Затворнический подвиг открыл святителю глубины человеческой души, став знатоком души, он делился плодами своей богомудрой опытности с другими. В своей уединенной келлии святитель Феофан не прервал письменного общения с миром. Ему писали иноки, религиозно настроенные интеллигенты, простой народ. Для многих христиан, жаждавшие спасения, он стал заочным духовником. Каждый день святитель получал по 20–40 писем. По письму понять душу писавшего, и в ответе сказать самое главное и нужное. Свои письма он впоследствии соединял в сборнике и издавал. Из писем к княгине П.С. Лукомской была составлена одна из его главных книг «Письма о христианской жизни».

В Вышегонском затворе епископ Феофан написал свои сочинения, за которые его в 1890 году удостоили степени доктора богословия. В 1876 году в его переводе вышел первый том «Добротолюбия» на русском языке. «Добротолюбие» святителя Феофана Затворника не совпадает по составу ни со славянским сборником схиархимандрита Паисия (Величковского), ни с греческой «Филокалией» преподобного Никодима Святогорца. Оно значительно полнее греческого подлинника. Кроме «Добротолюбия» Вышенский Затворник перевел «Слова» преподобного Симеона Нового Богослова и «Невидимую Брань» святого Никодима Святогорца. Среди его оригинальных творений особое значение имеют Толкования на Послания апостола Павла. В них он опирается всегда на святоотеческую экзегезу, в основном на творения святителя Иоанна Златоуста и блаженного Феодорита. Но он пользовался и новейшими западными комментариями.

Огромную ценность представляют труды епископа Феофана по аскетике. Главная тема их – душа, предстоящая Богу в сокрушении, покаянии и молитве. «Вся надежда тогда Спаситель, – писал он, – а отсюда непрестанное «Господи помилуй», христианин, живя в Боге, «в изумлении погружается в Его непостижимой Беспредельности и пребывает в Божественном порядке». Молитву святитель Феофан Затворник называл «умным предстоянием Богу в сердце... Своя из сердца молитва делает ненужной ненужной молитву читательную». Обращаясь к ревнителю иноческого жития, он пишет: «Настоящего вам хочется? Но где же вы его найдете? Оно скрыто и невидимо, видимы только всякие послабления. Иной раз приходит на мысль, что лучше не видеть монахов, а, уединившись, жить строго по примеру древних иноков». «Один Бог да душа – вот монах, – учил он. – Келлия его окно на небо... Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь, все равно».

Епископ Феофан с тревогой смотрел на духовное состояние современного ему общества. «Того и гляди, что вера испарится, – писал он, – почти всюду спят... Через поколение, много через два иссякнет наше православие». Следовало бы завести целое общество апологетов, – мечтал он, – и писать, и писать». Но только писать мало, народ нуждается в настоящей апостольской проповеди, исполненной Духа и силы». «Поджигатели должны сами гореть. Горя, ходить повсюду и в устной беседе зажигать сердце».

Вышенский Затворник и епископ Игнатий имели разные мнения о природе человеческой души и духов. Святитель Игнатий полагал, что вполне невещественным и нематериальным является только Бог, а всякое существо непременно ограничено пространством и временем, и в силу этого некоторым образом вещественны даже ангелы и человеческие души. Он писал: «Душа – эфирное весьма тонкое летучее тело, имеющие весь вид нашего грубого тела, все его члены, даже волосы, его характер лица, словом, полное сходство с ним». Демоны, по словам святителя Игнатия, входят и выходят из человека, как воздух при дыхании. Иной взгляд выражал епископ Феофан. Он писал о простоте души. Для объяснения связи души и тела, считал он, нет нужды представлять душу вещественной, эту связь можно представить как динамическое средство между ними.

Труды епископа Феофана проникнуты живым святоотеческим духом, они являются чистейшим выражением церковного Предания. Творения святителя Феофана рано узнали и оценили на Западе. Они переведены на многие иностранные языки.

Жизнь святителя-подвижника постепенно угасла. Готовясь к кончине, он писал: «Умирать – это не особенность какая, и ждать надо как бодрствующий ждет ночи, чтобы уснуть, так и живущим надо впереди видеть конец, чтобы опочить. Только даруй, Боже, почить о Господе, чтобы с Господом быть всегда». 6 января 1894 года, накануне престольного праздника своего келейного храма Богоявления, богомудрый Вышенский Затворник тихо почил. При его кончине никто не присутствовал. Всю жизнь он любил уединение и скончался наедине с Богом.

§ 12. Богословие в XIX веке

В XIX веке отечественная богословская мысль достигла своего расцвета. После столетия инославных влияний, которое было одновременно эпохой собирания сил, эпохой культурного роста, русское богословие в возврате к святоотеческому наследию обрело для себя твердую почву. У истоков богословского подъема стоит фигура митрополита Московского Филарета.

В 50–60-х годах выходили исагогические и экзегетические труды профессора Казанской Духовной Академии архимандрита Феодора (Бухарева) «О подлинности и ценности некоторых Священных книг (Великих пророков, Посланий апостола Павла и 3 книги Ездры)», «Изъяснение на первую главу книги Бытия». Его книга «Исследование Апокалипсиса» была запрещена цензурой. Плохо зная историю, не имея исторического чутья, автор попытался в ней истолковать исторический процесс и судьбы мира, опираясь на произвольные и надуманные толкования отдельных мест Откровения. В «Исследовании Апокалипсиса» отразились настроения утопической мечтательности, унаследованные богословом от Александровской эпохи. Ответом Бухарева на цензурный запрет было сложение иноческих обетов, отречение от священства и брак. За этим последовали неудачные попытки печататься, общественный ostracism, нищета и ранняя смерть.

Во второй половине столетия крупным экзегетом был архимандрит Михаил (Лузин) (1830–1887), профессор Московской, а потом ректор Киевской Духовной Академии, в конце жизни – епископ Курский. Его толкования на Евангелия и Книгу деяний апостольских легли в основу преподавания экзегетики в Духовной школе. Написанная им книга «О Евангелиях и евангельской истории» явилась тонким, умным и строго православным ответом на отрицательную критику тюбингенской школы, Штрауса и в особенности Ренана.

В конце века появилась незаурядная работа епископа Таврического Михаила (Грибановского) (1856–1898) «Над Евангелием». Книга носит не столько экзегетический, сколько апологетический характер. Магистерское сочинение епископа Михаила названо «Опыт изъяснения основных христианских истин естественною человеческою мыслью». В печати вышла лишь первая часть диссертации под названием «Истина бытия Божия».

В 1883 году вышел обстоятельный курс основного богословия профессора Н. Рождественского «Христианская апологетика». Этот труд отличается особенной полнотой в изложении материала.

В области богословской апологетики и христианской философии глубиной и оригинальностью мысли отличается трехтомное сочинение архиепископа Херсонского Никанора (Бровковича) «Положительная философия и сверхъестественное откровение». В нем ведется аргументированный спор с позитивизмом и материализмом ради оправдания веры разумом. Архиепископу Никанору принадлежит также «Разбор римского учения о видимом главенстве в Церкви». Архиепископ Никанор был также замечательным проповедником. В проповедях о Завете Божиим, произнесенных в 70-е годы, он развивает мысль о том, что до сотворения мира, в вечности, уже «Совершилась сущность творческого, искупительного, спасительного Завета». И Пресвятая Дева «прежде века стала посредницей между миром, человеком, воплощенным Сыном Божиим и Божеством. В своем гомилетическом наследии архиепископ Никанор ближе всего к митрополиту Филарету.

Ему принадлежали также мемуарный труд «Воспоминания», в которых живо и интересно повествуется о важных событиях церковной жизни, свидетелем которых был автор. В «Воспоминаниях» дан ряд талантливо очерченных портретов церковных и государственных деятелей, которых знал мемуарист архиепископов Смарагда (Кржановского), Афанасия (Дроздова), митрополитов Макария (Булгакова), Платона (Городецкого), Исидора (Никольского), обер-прокуроров К.П. Победоносцева, В.К. Саблера.

Первым опытом полного изложения догматики в XIX веке стал вышедший в 1848 году труд ректора Киевской Духовной Академии архимандрита Антония (Амфитеатрова), впоследствии архиепископа Казанского, «Догматическое богословие».

В 1852 году вышла пятитомная «*Полная система догматического богословия*» пресвященного Макария (Булгакова). Митрополит Макарий родился в 1816 году в Тамбовской епархии. Образование получил в Киевской Академии, с 1842 года преподавал в Петербургской Академии, несколько лет состоял ее ректором. После архиерейской хиротонии занимал

Винницкую, Тамбовскую, Харьковскую и Литовскую кафедры. Скончался в 1882 году в сане митрополита Московского. Это был один из самых разносторонних и плодовитых духовных писателей-богословов и известный церковный историк, его труды составили целую эпоху в церковной науке. «Догматика» митрополита Макария многократно переиздавалась, была переведена на французский язык. В книге собран большой, почти исчерпывающий библейский и патристический материал. Архиепископ Никанор (Бровкович) находил в «Догматике» митрополита Макария «необыкновенную мерность и верность богословского взгляда, необыкновенный дар найти и указать границу между положением богословским и не богословским, между догматической богооткровенной истиной веры и положением человеческого, хотя и богословского мнения». А историк П. Знаменский писал, что это «труд совершеннейший из всех, какие до него являлись». В действительности по полноте материала Макариевская «Догматика» не знает себе равных в русской богословской литературе. Она и поныне остается прекрасным справочником.

В 1891 году вышел «*Опыт православного догматического богословия с историческим изложением догматов*» профессора архимандрита *Сильвестра (Малеванского)*, позже епископа и ректора Киевской Духовной Академии. В отличие от «Догматики» митрополита Макария этот труд пронизан историзмом.

Историческая сторона догмата находилась в центре внимания и профессора Петербургской Духовной Академии А.Л. Катанского (1836–1919). В своих статьях и лекциях он писал о важности исторического и даже историко-филологического анализа отеческих текстов. А.Л. Катанский тщательно отделял «библейское» богословие от церковного, или «патристического», а «патристическое» распределял по эпохам и отдельным отцам.

По нравственному богословию одной из самых распространенных книг было «Православно-христианское учение о нравственности» (1887) ректора Петербургской Духовной Академии протоиерея И.Л. Янышева, впоследствии протопресвитера. В этой работе замечен «моралистический уклон» от святоотеческой аскетической антропологии.

В XIX веке вышел ряд руководств по пастырскому богословию – архимандрита Антония (Амфитеатрова), архимандрита *Кирилла (Наумова)*, профессора В.Ф. Певницкого, архимандрита *Бориса (Плотникова)*. Одним из наиболее глубокомысленных сочинений в этой области является труд протоиерея С.А. Соллертинского «Пастырство Христа Спасителя» (1887).

Кроме пасторологических сочинений научного характера в XIX веке выходили также практические руководства для пастырей. В первой половине столетия лучшей книгой в этом роде были «Письма о должностях священного сана» А.С. Стурдзы (1840), а во второй – «Практическое руководство для священнослужителей» П.И. Нечаева (1884) и «Святое, высокое служение иерея Божия – добровольное мученичество» игумена Тихона, в котором излагаются аскетические воззрения на пастырское служение, близкие к мыслям святителя Феофана Затворника. Крупными канонистами XIX века были епископ Смоленский Иоанн (Соколов), профессора Н.С. Суворов, А.С. Павлов.

В 1803 году вышел классический труд по истолковательной литургике «Новая скрижаль» епископа Вениамина (Румовского), который многократно переиздавался и долгое время служил семинарским учебником.

Во второй половине столетия в литургической науке возобладал исторический метод. С ним связаны труды по литургике, принадлежащие архиепископу Филарету (Гумилевскому) и профессору А.Л. Катанскому. Крупнейшим русским литургистом был Н.Д. Мансветов. В своих исследованиях он обратился к древним рукописям, содержащим богослужебные последования. За каждым чинопоследованием он видел тысячелетнюю историю его становления.

Совершенно особое место в русской духовной литературе занимает «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» (1856) иеромонаха Парфения, написанное простодушно и бесхитростно. «Сказание» продолжает традицию древнерусских «Хождений» по Святой Земле, начатую игуменом Даниилом (XIII в.). Книга инок Парфения имела успех среди читателей разных сословий, и грамотных простолюдинов, и людей высшей культуры. Известна высокая оценка этой книги Ф.М. Достоевским.

Не менее своеобразно и ещё одно знаменитое творение отечественной духовной литературы – «*Откровенные рассказы странника*». Это книга о молитве Иисусовой, написанная от лица богомольца-подвижника из мирян-простолюдинов. «Откровенные рассказы», переведены на многие иностранные языки.

Из числа проповедников XIX века особенно знаменит архиепископ *Херсонский Иннокентий (Борисов)* (1800–1855), которого называли русским Златоустом. Он выпускник, профессор и ректор Киевской Духовной Академии. Его гомилетическое наследие составляет около 500 проповедей. Они посвящены в основном изложению догматического и нравственного учения Церкви, но содержат в себе также и резкие обличения пороков паствы.

Архиепископ Иннокентий умел увлечь слушателей неожиданно острой постановкой вопросов. Он старался говорить, обращаясь не только к уму, но и к сердцу, воображению пасомых. По словам историка, «слушатели архиепископа Иннокентия видели у него богословскую истину, строгую и важную, в таком блестящем одеянии, какого они никогда себе не представляли». Живое чувство проповедника, образность и красочность его языка, необычайное искусство произношения и одушевление производили на слушателей сильное впечатление. Эти проповеди, изданные и много раз переизданные, читались во всех уголках России.

Архиепископу Иннокентию принадлежит книга *«Последние дни земной жизни Иисуса Христа»* (1847), написанная с замечательным литературным талантом. Митрополит Макарий (Булгаков) говорил, что преосвященный Иннокентий «не был богословом-ученым, искусство человеческого слова – вот в чём его призвание».

Замечательным проповедником был еще один Херсонский святитель архиепископ *Дмитрий (Муретов)* (1883). Его проповеди отличаются внешней безыскусственностью, но всегда глубоки по смыслу и проникнуты теплотой веры и искренним благочестием.

Проповеди протоиерея Родиона (Путятин) (1869), служившего в Рыбинске, отличаются краткостью не свойственной гомилетике, силой слова, особой задушевностью тона. Они обращены к простым, книжным людям. Отцу Иродиону удавалось, как никому другому, излагать высокие истины христианства на языке, понятном народу. Его проповеди выдержали более 20 изданий, они и ныне служат прекрасным образцом для приходских пастырей.

§ 13. Церковно-историческая наука в XIX столетии

Рубеж XVIII и XIX веков был эпохой пробуждения национального самосознания и углубления интереса к отечественной истории. Уже в конце XVIII столетия в Духовных школах больше внимания стало уделяться исторической науке. Наиболее просвещенные иерархи по своей личной инициативе открывали в епархиальных Семинариях курсы церковной и гражданской истории. Благодаря настойчивости митрополита Платона в 1798 году вышел указ о преподавании церковной истории в богословском классе академии и семинарий.

В середине века церковно-исторические кафедры академий разделили на четыре отдельных кафедры: библейской истории, общецерковной истории, истории Русской Церкви и новой истории западных церквей. В 1869 году история Церкви была включена в учебные планы историко-филологических факультетов светских учебных заведений. Уже в первой четверти века церковно-историческая наука обрела под собой твёрдую почву благодаря тому, что в основу исторических исследований авторы стали полагать самостоятельный анализ рукописных исследований.

Крупнейшим историком этой эпохи был митрополит Киевский *Евгений (Болховитинов)*. Он родился в 1767 году в Воронеже, получил образование в московской Духовной Академии. Хиротонисанный в епископа Старорусского в 1804 году, он занимал впоследствии Вологодскую, Калужскую, Псковскую, а с 1822 года – Киевскую кафедру. Скончался в 1837 году.

Митрополит Евгений был истинным и преданным науке ученым, история и археология были любимыми предметами его занятий. Во всех городах, где ему пришлось служить, он тщательно изучал местные архивы и библиотеки, собирал и издавал археографические памятники. Результатом тщательных текстологических, археологических изысканий стали «История княжества Псковского с историей Псковской иерархии», «Описание Воронежской губернии», «Исторические сведения о Вологодской епархии и о Пермских, Вологодских и Устюжских архиереях», «Описание монастырей Вологодского края», «Описание Киево-Софийского собора с историей Киевской иерархии», «Жизнеописание епископа Тихона Воронежского» и еще целый ряд исторических исследований по различным темам.

Чрезвычайно ценными справочными пособиями, не утратившими значения в настоящее время, являются два его библиографических словаря: Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской Церкви (1818) и Словарь светских писателей, изданный посмертно, в 1840 году. Самый значительный труд митрополита Евгения «*История Российской иерархии*» в шести частях вышел под именем архимандрита Амвросия (Орнатского), позже епископа Пензенского. Отец Амвросий был только помощником митрополита Евгения в составлении этой «Истории».

Широкую известность приобрели церковно-исторические сочинения *А.Н. Муретова*. Его «*История Русской Церкви*» (1838) служила учебным руководством для Духовных школ. Переведенная на иностранные языки, она долгое время являлась главным источником для ознакомления иностранцев с русской церковной историей. Муравьеву принадлежат «Жития святых Русской Церкви, также иверских и славянских», «Краткое изложение избранных житий святых по руководству Четый-Миней», «Сношение России с Востоком по делам церковным».

Крупнейшим после митрополита Евгения церковным историком был архиепископ Черниговский *Филарет (Гумилевский)* (1805–1866), питомец Московской Духовной Академии, её профессор и ректор. В 1848 году он издал пятитомную «*Историю Русской Церкви*». Это было исследование настоящего историка, с широкими и продуманными обобщениями. У него впервые вся русская церковная история представлена как живое целое, от Крещения Руси до царствования Николая. И история эта рассказана вдумчиво, с глубокой заинтересованностью. Суждения автора отличаются резкостью, остротой. История синодальной эпохи написана у него по тем временам необычайно откровенно и смело.

Известно, сколь велико было влияние архиепископа Филарета на становление русской церковно-исторической школы, на углубление историзма в отечественных трудах по патрологии и догматическому богословию, на формирование научно-богословского мировоззрения протоиерея *А. Горского*, который в своих лекциях по церковной истории так изложил своё научное кредо: «История как наука подлежит общим законам исторической истины. Предмет церковной истории – истина абсолютная, истина вечная. История Церкви не есть набор фактов мертвых и сухих, не есть механическая регистрация событий и явлений, по науке, обобщающая факты,

устанавливающая между ними внутреннюю связь, изучающая идейную сторону фактов, не простое собирание фактов и объединение по принципу однородности. История Церкви должна знакомить не с фактами церковно-историческими, а с жизнью церковно-исторической».

Соработником и в своём роде соперником архиепископа Филарета в области не только богословской, но и церковно-исторической науки был его современник митрополит Макарий (Булгаков). Ему принадлежит *«История Русской Церкви»* (1857–1883), прерванная кончиной автора на 12 томе, повествующем о Соборе 1667 года. По богатству и полноте материала этот капитальный труд не знает себе равных в историографии Русской Церкви. Он сопоставим разве что с гражданской *«Историей России с древнейших времен»* С.М. Соловьёва. Митрополит Макарий ввёл в научный оборот ряд новых документов – неизвестных ранее летописных текстов, рукописных житий святых. Благодаря ему, достоянием науки стало много неизвестных прежде исторических фактов. При этом встречавшиеся в источниках противоречия митрополит Макарий разрешал тонко и осторожно.

Русская Церковь, по верному представлению историка, является только частью Вселенской Православной Церкви, и она всегда сохраняла полное внутреннее единение с другими Поместными Церквями, содержала одинаковую с ними веру, один и тот же устав, свято блюла древние каноны. Автор разделяет историю Русской Церкви на 3 периода – период полной зависимости от Константинопольской Церкви – до 1240 года, период постепенного перехода к самостоятельности – до 1589 года и, наконец, период её автокефального бытия – с 1589 года.

Повествование митрополита Макария, в отличие от *«Истории»* архиепископа Филарета, ведётся в беспристрастном и спокойном тоне. Профессор Н.Н. Глубоковский считал *«Историю»* митрополита Макария *«историографической мозаикой»*. Этот монументальный труд является бессмертным памятником изумительного трудолюбия, любознательности и эрудиции её автора.

Митрополиту Макарию принадлежат и другие исторические труды – *«История русского раскола»*, *«История Киевской Духовной Академии»*.

В 1871 году вышло *«Руководство к русской церковной истории»* П.В. Знаменского, многократно переизданное и ставшее на многие годы лучшим семинарским учебником по истории Русской Церкви. *«Руководство»* Знаменского – не научное исследование, а учебное пособие, но эта работа, отличающаяся необычайной ёмкостью, умелым отбором наиболее важных исторических фактов, взвешенностью и продуманностью оценок, к тому же написанная живым, выразительным языком, является превосходной книгой для чтения по истории нашей Церкви. Профессору Знаменскому принадлежат также церковно-исторические монографии *«Чтения из русской церковной истории за время царствования Екатерины»*, *«Черты из истории Русской Церкви за время царствования императора Александра I»*, *«Духовные школы в России до реформы 1808 года»*, *«История Казанской Духовной Академии»*.

Появление в 1880 году *«Истории Русской Церкви»*, написанной Е.Е. Голубинским (1834–1912), явилось событием в исторической науке. Вышедший из школы протоиерея А.В. Горского, Голубинский унаследовал у него стремление к документальности, к тщательному критическому анализу памятников. От Горского идёт и сравнительный метод Голубинского. Но в отношении Голубинского и к историческим документам, и к традиционным, устоявшимся оценкам, и даже к самим верованиям и благочестивым преданиям народа есть роднящий его с нигилистической публицистикой гиперкритицизм, мнительная недоверчивость и подозрительность. У него слишком заметен неуместный в историческом исследовании обличительный, почти разоблачительный пафос. По своему историческому мировоззрению Е.Е. Голубинский был западником, апологетом Петра I, склонным к весьма мрачной оценке всей допетровской старины. Положительную черту в исторических воззрениях учёного составляет его особый интерес к религиозно-нравственной жизни народа. Голубинский предлагает свою периодизацию русской церковной истории: киевский, московский, петербургский, или синодальный периоды.

Голубинским написаны также *«История канонизации святых в Русской Церкви»*, *«История Троице-Сергиевой Лавры»*, *«Краткий очерк истории Православных Церквей Болгарской, Сербской и Румынской»* и другие исследования.

В XIX веке вышел ряд научных трудов по истории западно-русской Церкви. Профессор Петербургской Духовной Академии М.О. Коялович написал *«Историю русского самосознания»*, посвященную Брест-Литовской церковной унии. В 1883 году в Варшаве опубликована монография В.З. Завитневича *«Палинодия Захария Копыстенского и её место в истории западнорусской полемики XVI-XVIII веков»*. Большую ценность для церковно-исторической науки

представляют работы Малышева «Западная Русь в борьбе за веру и народность» и С.Т. Голубева «Пётр Могила и его сподвижники».

В области общецерковной истории русская наука XIX века открывается «Начертанием церковной истории» (в двух частях) (1817), принадлежащим епископу *Иннокентию (Смирнову)*.

Крупнейшим знатоком церковной жизни христианского Востока был епископ Чигиринский *Порфирий (Успенский)*. Родился он в семье псаломщика в Костроме в 1804 году. После окончания Петербургской Духовной Академии служил законоучителем в Петербурге и Одессе, был настоятелем Одесского Успенского монастыря, ректором Херсонской Духовной Семинарии. В 1848 году Синод поставил архимандрита Порфирия во главе новоучрежденной Палестинской Духовной Миссии. Вынужденный покинуть Палестину в 1854 году и в связи с началом Крымской войны, архимандрит Порфирий вновь отправился на Восток в 1858 году, на этот раз преимущественно с научной целью для разыскания и описания памятников церковной архитектуры, древних икон, архивов, библиотек и богослужебной утвари. Вернувшись в Россию, он привёз с собой богатую коллекцию археологических и археографических памятников, собранных на Афоне, в Малой Азии, Сирии, Палестине, Египте и Эфиопии. После посвящения в епископа Чигиринского Преосвященный Порфирий продолжил работу по изучению древних памятников.

Результатом его неутомимых трудов явились фундаментальные исследования по церковной истории, патристике, археологии, и среди них – «Вероучение египетских христиан», «Христианский Восток», «Богослужение абиссинцев», «История Афона», «Дионисий Ареопagit и его творения». Часть сочинений епископа Порфирия осталась неопубликованной – «Богослужение Константинопольской Церкви», «Путешествия» по Италии, по Фессалонике. Ценнейший материал содержится в его многотомных мемуарах «Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки». Труды епископа Порфирия заложили твёрдую основу для разработки истории Византийской Церкви и нехалкидонских церквей Востока. Великий подвижник церковной науки скончался в 1885 году на покое, в Московском Новоспасском монастыре.

В области византологии большим ученым был профессор Петербургской Духовной Академии *И.Е. Троицкий* (1832–1902). Его исследования отличает широкий богословский и исторический кругозор. В центре научных интересов *И.Е. Троицкого* стояли взаимоотношения между Церковью и государством в Византии. Его лучшая монография «Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты» посвящена одному из острых моментов в истории Византии.

Профессор *А.П. Лебедев*, читавший лекции в Московских Духовной Академии и университете, был крупным византологом и великолепным знатоком истории древней Церкви. Лучшая его книга – «История первых Вселенских Соборов» (1879). Им написан также целый цикл работ по истории Византийской Церкви.

В области истории древней Церкви самым большим русским ученым был профессор Петербургской Духовной академии *В.В. Болотов* (1853–1900). Он соединял в себе дар историка-аналитика и патролога с широким богословским кругозором. В его первой книге, посвященной Оригену, дан исчерпывающий анализ учения этого мыслителя о Святой Троице, включенного в общую историю отеческой мысли, соотнесённого со Священным Преданием. В монографии вскрыты сложные взаимоотношения между оригенизмом и арианством.

Главный труд Болотова – академический курс «*Истории Древней Церкви*», изданный после кончины профессора по студенческим записям. Для «Истории» Болотова характерна высокая достоверность и надёжность излагаемых фактов, умелое их соединение. На фоне живо написанной общей картины церковной жизни дан глубокий анализ отдельных исторических и богословских вопросов. Особенно велики достоинства четвертого тома, где содержится чрезвычайно ёмкий очерк истории богословской мысли эпохи Вселенских Соборов. По глубине и тонкости анализа, по доказательности аргументов, по убедительности выводов этот том принадлежит к лучшему из всего, что написано отечественными церковными историками и патрологами. Ранняя кончина прервала труд выдающегося ученого.

§ 14. Монастыри и монашество в XIX веке

В XIX веке у русского правительства складывалось иное, в сравнении с XVIII столетием, отношение к монастырям. В народном благочестии, в Православии, в монашестве власти научились видеть одну из самых твёрдых духовных опор государства. Император Александр I часто посещал православные обители и беседовал с духовно опытными подвижниками и старцами. В 1812 году монах Александро-Невской Лавры Авель предсказал ему взятие Парижа. В 1816 году в Киеве царь исповедовался у иеросхимонаха Вассиана, в 1823 году в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре Александр I посетил иеромонаха Амфилохия, в 1825 году в Александро-Невской Лавре он беседовал со схимником Алексием. Он посещал также Валаамский монастырь, где беседовал с известным подвижником старцем схимонахом Николаем. К монастырям благосклонно относились Николай I и Александр III.

На протяжении всего XIX века открывались новые и восстанавливались ранее упразднённые обители. В 1828 году возобновлён был Дивногорский Успенский монастырь в Воронежской епархии, в 1844 году – Святогорская Успенская пустынь в Харьковской, в 1850 году восстановили Нило-Сорскую пустынь, а в 1886 году – Межигорский монастырь под Киевом. В 1881 году право возобновлять и открывать новые монастыри передано было правительством Синоду.

Монастырские штаты 1764 года включали 225 монастырей с 5105 монашествующими, кроме того, удалось сохранить ещё 161 заштатную обитель. Но уже к 1810 году число монастырей в России увеличилось до 452, в 1836 году их было 461, в 1855 году – 544, в 1881 году – 560, в 1889 году – 631 и в 1907 году насчитывалось уже 970 монастырей (522 мужских с 24144 насельниками, и 448 женских с 65989 насельницами). Таким образом, за столетие количество монастырей выросло более чем в 2 раза, а число монашествующих с 1764 по 1907 годы увеличилось почти в 18 раз.

Из первоклассных монастырей четыре самых знаменитых именовались Лаврами – Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Александро-Невская (с 1797 года) и Почаевская Успенская (с 1833 года). Настоятелями Лавр состояли местные архиереи, а управлялись они наместниками и духовными соборами. 7 монастырей считались *ставропигиальными* и находились в ведении Святейшего Синода: *Новоспасский*, *Симонов*, *Донской* и *Заиконоспасский* в Москве, *Воскресенский* в Новом Иерусалиме, *Соловецкий* на Белом море и *Спасо-Яковлевский* в Ростове Великом.

Гораздо благополучнее, чем в первые годы после секуляризации церковных земель, складывалось материальное положение монастырей. Уже по указу 1805 года монастыри получили право приобретать ненаселённые участки земли в дар и по завещанию, но на покупку земли по-прежнему каждый раз требовалось особое разрешение высочайшей власти, но указ 1835 года предоставлял епархиальным кафедрам и монастырям право покупать участки размером до 300 десятин. Из казны монастырям выдавались денежные пособия и строительные материалы. Особым преимуществом пользовались монастыри в западных областях России, пострадавшие от католической и униатской экспансии. Некоторым обителям предоставлялись особые льготы: Валаамский монастырь получил право беспошлинного провоза товаров через границу.

Материальное положение монастырей улучшалось и благодаря пожертвованиям от благотворителей из разных сословий, особенно от купцов. Купцы дарили и завещали монастырям на помин души не только деньги, но и иконы с золотыми и серебряными окладами и с камнями, парчовое облачение, колокола, строили за свой счет монастырские церкви, корпуса келлий. Пожертвования поступали от богатых помещиков, а еще чаще помещиц. Графиня Орлова-Чесменская в 1848 году завещала 340 обителям более 1,5 миллиона рублей: по 5 тысяч на каждый монастырь. Немалую часть монастырских доходов составляли добродетельные приношения благочестивых простолюдинов крестьян, мещан, мастеровых.

В XIX веке монастыри с большим размахом развернули строительные работы: возводились новые просторные храмы, кирпичные корпуса келлий и хозяйственных помещений, гостиницы для богомольцев. О былой нищете и разорении, которое пережили русские обители в XVIII столетии, к середине XIX века остались лишь смутные воспоминания.

Содействуя внешнему благоустройству монастырей, духовная власть и правительство издавали постановления, направленные на упорядочение их внутренней жизни. Этими

постановлениями предусматривалась осмотрительность в принятии послушников и постригах, пресекалось пьянство, регламентировалось правило отпуска монашествующих, поддерживался общежительный устав, запрещалось производить сборы пожертвований в увеселительных заведениях.

Рост благосостояния монастырей позволил им проводить широкую благотворительную деятельность. Они строили школы для крестьянских детей, открывали детские и странноприимные дома, больницы, богадельни. Троице-Сергиева Лавра, кроме обычных благотворительных учреждений, содержала школы: иконописную, певческую и ремесленную. Успех монастырей в благотворительном делании оказался тем прочнее, что это служение монашества миру было не исполнением повинности, которая возлагалась на иноческую братию указами Петра и его преемников, а добровольным делом. Особенной ревностью в благотворительном подвиге отличались женские обители, число которых в XIX веке значительно выросло. В первой половине столетия религиозное одушевление захватило немалую часть дворянского общества, что привело к умножению постригов среди девушек и вдов из дворян. После реформ 60-х годов перед одинокими крестьянками, освобожденными от крепостной зависимости, открылись почти беспрепятственные возможности для поступления в монастыри. В монастыре крестьянская девушка или вдова находила обстановку, близкую ее сердцу: монастырские послушания были похожи на ее домашние хозяйственные работы.

Женские обители, как правило, были беднее мужских. Даже штатные монастыри получали скудную помощь из государственной казны, а большинство женских монастырей числилось за штатом. Почти все новые женские обители создавались по личному почину их первоначальниц. Многие из них выросли из сестрических общин. Эти общины начинались с собраний верующих девушек за каким-нибудь рукоделием, которое начиналось и заканчивалось молитвой. Грамотные читали вслух жития святых и другие душеполезные писания. Со временем из этих благочестивых «посиделок» складывалась община с совместным проживанием сестер, а общая молитва разрасталась в уставное Богослужение, на которое приглашались священники из близлежащих приходов. Наконец сестры-чернички обращались к архиерею или в Синод с прошением о преобразовании общины в монастырь. Начинались долгие хлопоты: весьма часто у духовной власти возникали подозрения, не заражена ли община сектантскими настроениями. Когда эти подозрения рассеивались и хлопоты увенчивались успехом, то одних сестер постригали в мантию или рясофор, а другие оставались послушницами. Первоначальными средствами для новоучрежденного монастыря служили пожертвования богатых дарительниц или самих основательниц.

Так в 1823 году в деревне Аносине под Москвой возник Борисо-Глебский монастырь. Его основательницей была княгиня Евдокия Мещерская, которая, овдовев через два месяца после замужества, собрала вокруг себя благочестивых крестьянок для общих трудов и молитв. В рукодельном труде княгиня не отставала от своих крепостных. После многолетних хлопот она достигла преобразования общины в монастырь, игуменьей которой Московский архиепископ Филарет назначил саму княгиню, несмотря на ее отказ, дав ей при постриге имя Евгении. Мать Евгения скончалась в 1837 году в возрасте 63 лет. Под ее началом Аносин Борисо-Глебский монастырь прославился высокой аскетической жизнью сестер и широким размахом благотворительности.

Подобным образом возник и Спасо-Бородинский монастырь, основанный М.М. Тучковой, вдовой знаменитого генерала, прославившегося в Отечественную войну 1812 года.

В 1813 году в лесу, в окрестностях Задонска, была построена часовня, возле которой в маленьких избушках поселилось несколько крестьянок из близлежащих деревень. Здесь они проводили время в молитве и труде. В 1860 году по почину крестьянки Е.П. Богатыревой это поселение получило устройство сестрической общины, а еще через семь лет община была преобразована в общежительный монастырь.

Некоторые из общин были основаны под влиянием старцев. В сибирском городке Туринске под окормлением старца Зосимы сложилась одна такая община, но несмотря на хлопоты в Петербурге, старцу не удалось получить разрешения на открытие обители. В 1826 году сестры вместе со старцем приехали в Москву и поселились в доме приютившей их вдовы Бахметивой. Часть своего подмосковного имения вдова пожертвовала на основание монастыря – так появилась Троицкая, или Зосимова пустынь. Уже после кончины старца, наступившей в 1833 году, Зосимова община была преобразована в монастырь с общежительным уставом.

Основателем Дмитриевского женского монастыря в селе Троекурове Тамбовской епархии был пустынножитель старец Илларион (Фокин). Под окормлением преподобного Серафима Саровского пребывала Казанская Дивеевская община, устроенная еще в 1780 году, а также основанная самим святым «Мельничная» девичья община. Оптинский старец Амвросий был основателем и духовником сестринской общины в Шамордине.

В последней четверти XIX века из женских монастырей особенно знаменит был Свято-Богородский Леснинский, расположенный около современного польского города Бяла. В 1881 году униатский храм в Леснее перешел к православным. Через 3 года после этого вокруг него сложилась сестрическая община во главе с матерью Екатериной, урожденной графиней Ефимовской (1925 в Сербии). Сестры открыли школу для крестьянских детей, в которую принимали не только православных, но и католиков. В 1889 году община была преобразована в монастырь, игуменьей которого стала мать Екатерина. К 1914 году в обители было 20 монахинь и 300 рясофорных сестер и послушниц. Инокини содержали больницу, приют для престарелых женщин, бесплатную амбулаторию, аптеку и даже медицинское училище. Они открыли среднюю школу для крестьян с обучением ремеслам, учительскую семинарию, сельскохозяйственное училище, держали обувную и переплетную мастерские, иконописную мастерскую, развели фруктовый сад и огород, устроили ферму и пасеку. Вокруг Леснинского монастыря сложилось еще четыре общины, тоже посвятивших себя главным образом служению ближним.

О размахе благотворительной деятельности всех вообще русских монастырей говорят такие статистические сведения: в 1887 году монастыри содержали 94 больницы и 66 приютов для престарелых, две трети из этих учреждений приходилось на женские обители. И все-таки благотворительность не составляла и не могла составлять главного содержания иноческого подвижничества.

В XIX веке монашество переживало подлинное духовное возрождение. После ряда катастроф, выпавших на долю монастырей при Петре I, Анне и Екатерине II, они вновь восставали из разрухи как очаги духовной жизни, как живые свидетели неотмирности и святости Церкви. Под духовным руководством учеников «чудного старца» Паисия аскетическое подвижничество возродилось в древней Валаамской обители, Саровской и Оптиной, в Глинской и Санаксарской пустынях, в Новоезерском и Николо-Бабаевском монастырях. Во многих монастырях укоренилось старчество, и влияние старцев выходило далеко за монастырские стены, оказывая благодатное воздействие на жизнь всех слоев русского общества. Возрождение аскетического подвижничества в монастырях способствовали многие иерархи-иноки.

Особенной любовью к монашеству отличался Киевский митрополит *Филарет* (в миру *Федор Георгиевич Амфитеатров*). Он родился в 1779 году в семье священника Орловской епархии. Образование получил в Севской Духовной Семинарии. Приняв постриг, служил ректором сначала в Севской, потом в Уфимской, и, наконец, в Тобольской Семинариях. В 1813 году его назначили инспектором Московской Духовной Семинарии и архимандритом древнего монастыря преподобного *Иосифа Волоцкого*. Удостоенный степени доктора богословия, он в 1816 году стал ректором преобразованной Московской Духовной Академии, а в 1819 году – хиротонисан в епископа Калужского. После шести лет преобразования на этой кафедре Синод перевел его в Рязань. Преосвященный Филарет занимал также Казанскую и Ярославскую кафедры. В 1837 году он стал приемником почившего Киевского митрополита Евгения.

Занимая высокое иерархическое положение, он оставался смиренным и кротким монахом, для которого главным делом жизни был молитвенный подвиг. Истинное смирение, совершенное незлобие и любовное отношение ко всякому человеку ему удавалось сочетать с высоким достоинством архипастыря, с разумной требовательностью к подчиненным клирикам. Митрополит Филарет был ревнителем аскетического возрождения. Он, может быть, первым из русских архиереев понял благодатный смысл старческого служения миру и, вопреки предрассудкам многих из своих собратий, видевших в старчестве посягательство на иерархический строй Церкви, всячески поощрял старцев. Еще в бытность Калужским архиереем, он много сделал для укоренения старчества в находившейся в его ведении Оптиной пустыни. В Киеве митрополит Филарет поддерживал тесное духовное общение с известным Печерским подвижником схииеромоном Парфением.

К синодальной системе митрополит Филарет относился критически, и порой это свое отношение проявлял открыто. После 1842 года он, подобно Филарету, митрополиту Московскому,

перестал выезжать в Петербург на заседания Синода, из-за высокого авторитета обоих иерархов обер-прокурор Протасов молча терпел эту их обструкцию.

В отличие от Московского святителя Киевский митрополит не был поборником перевода Библии на русский язык. Не одобрял он и преподавания догматического богословия на русском языке и сам в свое время читал догматику по-латыни, но эта его позиция объяснялась вовсе не западничеством, скорее наоборот, он опасался, что преподавание богословия на общедоступном языке дает слишком широкую огласку еретическим учениям, что послужит соблазном для недостойных людей.

Митрополит Филарет писал не много, но оставшиеся его «Беседы» на 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11 главы Евангелия от Матфея и на Евангелие от Иоанна, строго православные по духу, являются весомым вкладом в отечественную экзегетику. Проповеди святителя отличались сердечностью и искренностью, теплотой веры и глубоким благочестием. Замечательны оставшиеся после него письма.

В народе обоим Филаретам, которые при Николае I были всеми признанными столпами Русской Церкви, усвоили характерные имена: Московского иерарха называли *Филаретом Мудрым*, а Киевского – *Благочестивым*. Несмотря на разногласия по ряду вопросов церковной жизни, митрополит Филарет (Амфитеатров) относился с великим почтением к уму и опытности своего собрата и соименника, к глубине его богословских познаний, к безукоризненной строгости и точности его богомыслия. Он говорил, что каждую неделю перечитывает «Пространный катехизис», чтобы проверить свою мысль, сколь строго держится она в границах православного вероучения.

Еще в 1841 году, ревнуя о иноческом подвиге и спасении души, Киевский святитель принял тайно великую схиму с именем Феодосия. Иерарх-молитвенник, иерарх-инок скончался в 1857 году, оплаканный своей паствой и всеми благочестивыми русскими людьми, которые любили и чтили его за высоту христианского духа, за чистоту и святость его жизни.

§ 15. Подвижники иноческого благочестия

Среди подвижников благочестия в XIX веке немало было монахов в архиерейском сане. Один из них – святитель *Мелетий Харьковский* (в миру Михаил Иванович Леонтович). Он родился в 1784 году. По окончании Полтавского приходского училища мать-вдова определила сына в Екатеринославское Духовное училище, потом – в семинарию в том же городе. В духовных школах Михаил воспитывался в холоде, голоде и нищете. Среди товарищей он выделялся благочестивым настроением, кротостью и способностями к наукам. Свое образование юноша завершил в Петербургской Духовной Академии, которую закончил в 1814 году со степенью магистра, и был оставлен преподавателем греческого языка.

Из Петербурга его перевели в Киев инспектором семинарии, а потом Академии. 11 февраля 1820 года митрополит Евгений постриг Михаила Леонтовича в мантию с наречением имени Мелетий. После пострига святого Мелетия переводили из одной духовной школы в другую, пока, наконец, он не стал ректором Киевской Духовной Академии. В 1826 году состоялась его хиротония в епископа Чигиринского, а через два года епископа Мелетия назначили на самостоятельную Пермскую кафедру. В Перми он совершал Богослужения с таким пламенным молитвенным усердием, что народ посчитал его за святого. После трех лет служения в Перми святителя перевели на Иркутскую кафедру с возведением в сан архиепископа. В Иркутске он стремился усилить евангельскую проповедь среди инородцев. Он ввел в епархии общерусский обычай стоять всем молящимся в храме с зажженными свечами при чтении страстных Евангелий.

Неутомимые труды и суровый сибирский климат расстроили здоровье архимандрита, и в 1835 году состоялся его перевод на Харьковскую кафедру. До него в Харькове редко совершали архиерейские Богослужения, а святитель Мелетий служил постоянно во все воскресные и праздничные дни. Свою душу архипастырь питал келейным молитвенным правилом и молитвой Иисусовой. Непрестанное творение Иисусовой молитвы и постнический подвиг очистили его душу, уготовили ее для принятия благодатных даров.

В июне 1838 года в Харькове произошла сильная гроза с бурей, которая привела жителей в ужас. Но когда святитель преклонил колена пред иконами и помолился Богу, гроза и буря утихли. Поучая паству, святой сказал: «Этот настоящий страх быстротечен, а будущий вечен». После этого случая святитель занемог и болел уже почти непрерывно до самой кончины.

Однажды ректор Харьковской Семинарии архимандрит Иоанн обратился в Синод с доносом на своего архипастыря, обвиняя его в медлительности при решении епархиальных дел. Синод сделал внушение архиерею. После этого святитель Мелетий пригласил к себе ректора и спросил, какие дела тот имел в виду, ибо все дела он, несмотря на свои недуги, рассматривал срочно. Во время беседы он велел келейнику снять с себя рубаху, чтобы показать свои раны. Зрелище было поразительным, на правом плече кожи не было и виднелась голая кость, такие же раны были на ребрах и на обоих бедрах. Архимандрит в раскаянии, со слезами пал к ногам архиерея и услышал от него: «Бог тебя да простит, и я прощаю, иди с миром да молчи».

С узелком и палкой в руках, в простой монашеской ряске, святой навещал больных, лечившихся в университетской клинике. Около тяжело больных садился и тихо беседовал с ними, уча их переносить страдания с христианским терпением, молиться умной молитвой и предавать себя воле Божией. Он раздавал больным духовные книги, а бедным полагал деньги под подушки.

6 декабря 1839 года святитель в последний раз совершил Литургию. С этих пор он уже не вставал, но продолжал еще заниматься епархиальными делами. За три дня до его кончины келейник, спавший на полу у ног святителя в тонком сне увидел Мужа в багряной рясе с ликом, источавшим сияние, а с Ним двух ангелов в обличье юношей древней красоты и старца в схиме, в котором он узнал святого Митрофана Воронежского. «Откройте!» – велел Муж в багряной рясе юношам, и те вскрыли грудь архипастыря до самого сердца, из которого высоко поднялось светлое пламя. «Довольно, – сказал Он, – пора успокоить». «Повели, Владыко!» – отвечали юноши. Святитель Митрофан своей схимой покрыл разверстую грудь. На этом келейник со страхом проснулся, а святитель, успокаивая его, сказал: «Чего ты испугался? Не бойся, через три дня будет кончина».

Ранним утром 29 февраля 1840 года святитель Мелетий в последний раз причастился, произнес благодарственные молитвы, простился с окружающими и со словами: «Простите меня», – предал дух Богу.

6 дней стояли его мощи в ожидании погребения, и на них не появилось признаков тления. Тело святого погребли в усыпальнице, под колокольной Харьковского Покровского монастыря. В 1875 году в усыпальнице случился пожар. Вокруг гробницы все обгорело, распаялся металлический гроб, но заключенный в нем деревянный гроб остался невредимым. Народное почитание святителя Мелетия началось сразу после его кончины. Особым заступничеством были ознаменованы его молитвы в годы Великой Отечественной войны. Мощи святителя ныне почитают в Благовещенском кафедральном соборе.

Подвижником высокой жизни был и Пензенский епископ *Амвросий (Орнатский)*, известный в церковной науке как соавтор «Истории Российской иерархии», написанной им вместе с митрополитом Евгением (Болховитиновым). Он родился в 1778 году. По окончании Петербургской Духовной Академии преподавал в Духовных школах. После смерти управлял последовательно тремя обителями, в том числе Московским Новоспасским монастырем, где при нем происходил подъем аскетического подвижничества.

В 1816 году архимандрита Амвросия хиротонисали в викарного епископа Новгородской епархии, а через три года перевели на самостоятельную Пензенскую кафедру. Архиереем он был требовательным и властным, с твердой волей, подчиненные клирики прозвали его за строгость Грозным. Объезжая епархии, он всматривался во все и за всякое нарушение неминуемо взыскивал с провинившегося. Но всего суровей и безжалостней он был к самому себе. Постничество его простиралось до того, что он не ел ничего, кроме хлеба, редьки и огурцов, а в Великий пост одна или две просфоры составляли его пропитание. Все свои деньги, и почти все вещи, вплоть до полотенец, он раздавал нуждавшимся.

В 1825 году епископ Амвросий обратился в Синод с прошением уволить его на покой. Он поселился в Кирилло-Белозерском монастыре и подвизался там два последних года жизни, безысходно пребывая в келлии и лишь изредка принимая монахов. Письма, которые приходили к нему, оставались лежать нераспечатанными у порога его келлии, но его ответы на них, по свидетельству келейника, были удивительно меткими и мудрыми и вполне удовлетворяли писавших ему. По ночам инок-архиерей выходил из келлии и до рассвета простаивал на паперти перед церковными воротами, безмолвно молясь воздетыми горе руками. Подвижник скончался 27 декабря 1827 года.

В православном народе сохранилась благоговейная память о еще одном иноке-архиерее Воронежском архиепископе Антоние (в миру Авраамий Гаврилович Смирницкий). Он родился в 1773 году в Полтавской епархии в семье священника. С детства выделялся среди сверстников усердием к храму, любовью к Богу и тихостью нрава. Образование он получил в Киевской Духовной Академии, после окончания которой поступил в Печерскую Лавру и принял постриг с именем Антоний. В Лавре он строго хранил келейное правило, на тело надевал власяницу, ночи проводил в молитве, лишь краткое время отдыхая на жестком ложе.

Митрополит Платон, посетив Киевскую Лавру, упрекнул инока Антония за то, что тот не пошел в учителя, сказав ему, что он ищет себе покоя. Смиренный монах ответил на это: «Точно, того покоя, о котором Спаситель наш говорил – Придите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы».

В 1815 году отец Антоний был назначен наместником Лавры и вскоре возведен в сан архимандрита. Наместником он был учительным и мудрым. Назидая, иноческую братию, архимандрит Антоний не оставлял без внимания и богомольцев, поучал их в вере и добрых нравах.

В 1826 году архимандрита Антония хиротонисали во епископа Воронежского. Перед отъездом в епархию он говорил: «Не надеюсь на себя, там есть два святителя – Митрофан и Тихон. Их молитвы подкрепят меня». В годы своего архиерейства он часто служил, после Литургии любил приглашать клириков и мирян к себе в келлию и там назидал их своей беседой. К нему шли и ехали как к родному, он вникал в жизнь пасомых, помогал им молитвой, советом, деньгами. Зная о его высоком благочестии, многие с робостью приступали к нему, но после беседы с ним ощущали необыкновенную радость. Он любил угощать богомольцев трапезой, говоря: «Нельзя не принять приезжих, они гости святителя Митрофана, а я его служка». Во время

объезда епархии архипастырь заходил в крестьянские избы, благословлял трапезы, которые устраивались для целого прихода, порой на них собиралось до пяти тысяч народу.

Молитвами и трудами архиепископа Антония в 1832 году состоялось прославление в лике святых угодника Божия святителя Митрофана. Он верил в святость и другого великого подвижника – епископа Тихона Задонского, мощи которого почивали в пределах его епархии. Однажды, при проведении строительных работ в Задонском монастыре, святитель велел негласно освидетельствовать их, а сам в это время стал в келлии на молитву. Когда мощи святого были открыты, он подошел к могиле и, приняв их, благодарил Бога за Его милость.

Шел 1846 год, последний год земного жития архиепископа Антония. Исполненный непритворного смирения, он со скорбью говорил о себе: «Много лет я прожил, а нет добрых дел». Скончался он 20 декабря, в пятницу. Его погребли в Благовещенском соборе, возле усыпальницы святителя Митрофана.

В бытность архиепископа Антония настоятелем Киевской Лавры в ней принял постриг инок святой жизни иеросхимонах Парфений. Он родился в 1790 году в Тульской епархии в семье причетника Иоанна Краснопевцева. Когда отрок учился в Тульском Духовном училище, в его душе зародилась жажда иной, лучшей жизни, чуждой земной суеты. Он полюбил молитвенное уединение. Однажды, уже студентом семинарии, он ушел в лес для молитвы, и там ему было видение: явился благообразный старец и сказал слова, глубоко запавшие в душу юноши: «Странен монах и земен мертвец». Это видение утвердило его в намерении отречься от мира, и в 1815 году, уволившись из семинарии, он пешком отправился в Киевскую Лавру.

Там отец Антоний ласково принял его и назначил на послушание в просфорню. Вскоре он был поставлен начальником просфорни. Не предаваясь чрезмерным постническим подвигам, во всем умеренный, тихий, мирный, незлобивый Петр без искушений проходил свой послушнический иску. Плотских страстей и нечистых помыслов он вовсе не знал.

В 1824 году послушник принял постриг с именем Пафнутий. В ночное время, кроме молитв, инок Пафнутий занимался переписыванием святоотеческих книг. Его по-прежнему посещали видения, особенно часто являлась ему Пресвятая Богородица. После иерейского рукопожатия он был назначен духовником Лавры. Познание грехов человеческих погружало его в сокрушение и скорбь. «Бедные люди, – говорил он, – если б они знали, какие блага они меняют на смрад греховный».

В 1838 году митрополит Киевский Филарет облек его в схиму с наречением имени Парфений. С еще большей силой предался он молитве, которая срослась с его умом и сердцем, и действовал даже во сне. Схимника смущала мысль, что он не испытал в своей жизни гонений. На это митрополит Филарет, успокаивая его, говорил: «На что тебе гонение? – ты сам себя гонишь. Кто пожелает жить твоей жизнью?» Самой большой его радостью было служение Литургии в домовой церкви митрополита, с которым он был особенно близок духовно. Весну и лето он проводил с ним в Голосевской пустыни. Его пустынная келлия стояла в чаще леса. В эту келлию к старцу стекались посетители, и он вразумлял и утешал их.

Последние годы своего жития схимник провел в темной келлии у Ближних пещер. С радостью ожидал он смерти и, сидя у гроба, приготовленного им для себя, говорил о будущей жизни, где праведники просияют как солнце. Скончался старец Парфений в праздник Благовещения в 1885 году, который совпал с Великой пятницей. Митрополит Филарет на своих руках выносил его гроб и совершил чин погребения в Голосевской пустыни.

Схиеромонах Парфений обладал даром церковного песнотворчества. Одна из составленных им молитв помещена в современном издании Молитвослова. Она начинается словами: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, не попусти, чтобы суетность, самолюбие, чувственность, нерадение, гнев господствовали надо мною и похищали меня у любви Твоей...» После него остались также замечательные по духовной глубине изречения: «Кто сам не достиг в миру совершенства и начинает учить других – погубляет и то, что имел». «У человека нечистого и страстного и вещи все заражены страстями, не прикасайся к ним, не употребляй их». «Без молитвы нельзя снести уединения, без уединения нельзя стяжать молитвы». «Потеря благодати страшнее всех потерь». «Чем ближе приближаешься ты к Богу, тем сильнее враг ухватится за тебя».

Удивительна, подобна житию древних отшельников жизнь Троекуровского старца Иллариона (Фокина). Он родился в 1774 году в крестьянской семье в Рязанской губернии. Илларион был молчаливым и робким мальчиком. Когда его обижали, он молился Богу за обидчика. Склонный к

уединению, он чуждался не только сверстников, но и родителей. С детства любил он храм Божий, колокольный благовест наполнял его сердце несказанной радостью. Самым близким человеком мальчику был его богобоязненный дедушка, с которым он вместе ходил в церковь. Совершали они и дальние богомолья: к Киево-Печерским угодникам, в Троице-Сергиеву Лавру. Молитва у нетленных мощей воспламеняла сердце мальчика духовной радостью. А родителям их странное дитя внушало тревогу: они опасались, что из него не выйдет настоящего хозяйственного крестьянина.

После смерти дедушки родители стали понуждать сына жениться. После долгих уговоров он согласился на это, но с тем условием, что по совершении брака отправится на богомолье. Согласно уговору, сразу после венчания Илларион скрылся из дому и втайне от родителей и жены ушел из Киева. Вернувшись домой, он томился семейной жизнью и на двадцатом году ушел из родной деревни в странствие по монастырям. Между тем жена подала на него жалобу в консисторию. Тогда Илларион оставил монастырь, в котором жил в ту пору, и скрылся в лес, недалеко от родного села.

Но мысль о монашестве не покидала его, и ему удалось упротить настоятеля Раненбургской Петропавловской пустыни постричь его в рясофор. Молодой инок выделялся среди братии строгим хранением устава и суровым постом, и это возбуждало к нему зависть. А его жена не оставляла попыток вернуть мужа домой. Тогда настоятель решил удалить инока Иларию из пустыни.

Он поселился в овраге в выкопанных им пещерах, на Литургию ходил в церковь в ближайшее село, а вечерю, утреню и келейное правило совершал в пещерах. В летний зной он полагал по три тысячи поклонов на открытой поляне под лучами солнца. Питался он одной редькой, а постель себе изготовил из сучьев дуба. Когда однажды его нашли в обмороке от истощения, на его теле обнаружили вериги и сорочку из железной проволоки. К иноку начали приходить за советом и молитвами верующие люди. Он всех принимал, беседовал, утешал, от богатых брал дары и раздавал бедным. Но многолюдство тяготило его.

И он опять отправился в странствие: ходил в Киев, в Задонск, а чаще всего в Елец. В Ельце народ знал его, и когда он появлялся в городе, его окружала толпа людей, просила у него молитв и советов. Городское духовенство из ревности подавало на него жалобы, после чего городничий велел посадить его в тюрьму. После этого распоряжения городничий опасно занемог, и, раскаявшись, приказал выпустить инока на волю.

Старец Илларион вернулся в свои пещеры. Однажды во время засухи соседний помещик князь Долгоруков в письме просил его помолиться о спасении урожая. И по молитве подвижника над полями князя пролился обильный дождь. Помещик пригласил старца в свою усадьбу и построил для него келлию. После смерти князя дворовые люди стали обижать подвижника, стараясь выгнать его из усадьбы. Блаженный Илларион переселился к помещику Суханову, а от него в село Троекурово к Раевскому, где провел последние 29 лет своей жизни, в отведенной для него келлии. Он жил в ней полузатворником, выходил только в церковь и принимал посетителей. К нему отовсюду стекались приношения, которые он раздавал нищим или жертвовал на постройку храмов. В великие праздники посылал в тюрьмы деньги, хлеб, сыр, яйца, рыбу.

И в глубокой старости облик его поражал духовной красотой. В одном из воспоминаний о нем сказано: «Ему было уже почти 80 лет, а казался он как в первой юности и редкой красоты, невольно приходило на мысль: «Дивен Бог во святых Своих!»

За шесть лет до кончины старец Илларион ослеп, но перед смертью чудесно прозрел. Преставился он 5 ноября 1853 года. Его погребли в погребе, который он сколотил своими руками, в выкопанной им самим пещере.

Подвижником высокого благочестия был и блаженный Георгий Машурин, которого знали до конца жизни как простого послушника, хотя он тайно принял монашеский постриг с именем Стратоника. Он был дворянин и офицер, но в 29-летнем возрасте вышел в отставку и поступил в Задонский монастырь. Через год послушник затворился в маленькой келлии, которая отапливалась лишь зимой. Под землей он вырыл пещерку, и в ней коленопреклоненно молился целыми днями, а ночи проводил за чтением Священного Писания и святоотеческих творений. Пищу он вкушал не каждый день. Народ относился к нему с великим почитанием, но он крайне редко допускал к себе посетителей, однако со многими вел переписку, давал мудрые духовные советы. Скончался монах Стратоник, известный больше под именем Задонского затворника Георгия Машурина, в 1836 году на 47 году от рождения.

В XIX веке особой строгостью жизни и аскетическими подвигами иноков славился Валаамский Преображенский монастырь и его скиты, восстановленные трудами отца Назария. Несколько лет на Валааме подвизался старец Леонид (Наголкин). В середине столетия суровостью жизни прославился Валаамский схимонах Феоктист, который последние 10 лет своей жизни спасался в уединенной лесной хижине. Скончался он в 1863 году. В эту пору на Валаам стекались тысячи богомольцев ежегодно.

Настоятелем обители с 1839 по 1881 годы был игумен Дамаскин (Кононов), по происхождению крестьянин Тверской губернии. Он родился в 1795 году и при крещении наречен был Дамианом. В 24-летнем возрасте вступил в число Валаамской братии и после 20 лет усердных трудов был поставлен игуменом. При его настоятельстве на Валааме строили каменные церкви, корпуса келлий, гостиницы для богомольцев и хозяйственные строения: мельницы, мастерские, электростанцию. Отец Дамаскин отличался не одной предприимчивостью и деловитостью. Это был духовно опытный богомудрый наставник братии, который умел поддерживать в обители высокий аскетический строй жизни. Скончался он в 1881 году. Замечательно составленное им завещание: «Прежде всего, припадая, прошу простить меня, если кто из вас какое-либо имеет на меня поречение, я всю жизнь любил Валаам, – это святое место, место нашего обитания, любил каждого из вас и по мере моих сил и разума, от всей души старался о процветании обители и о спасении и малого и большого ее сына, двери келлии моей и мое сердце были всегда отверзты для нужд ваших, но я был человек грубый, простой, необразованный – естественно, что не крайняя, глубокая любовь моя к вам иногда и не находила себе приличных внешних выражений, молю, будьте ко мне снисходительны, – простите!... От глубины души благодарю вас за обилие вашей любви и уважения ко мне недостойному, поминайте, молю, меня в ваших святых молитвах. Прощайте! Мир вам! Аминь».

§ 16. Саровская пустынь и преподобный Серафим

Одним из очагов аскетического подвижничества была Саровская пустынь, расположенная в Темниковском уезде Тамбовской епархии. Эта обитель основана в 1692 году иеромонахом *Исаакием*, который в 1731 году передал настоятельство в ней игумену Дорофее, а сам принял великую схиму с именем *Иоанн*. Через год после этого отца Иоанна арестовали, отправили под конвоем в Петербург и заточили в застенки Тайной канцелярии, где после долгих истязаний в 1737 году он скончался. Его обвинили в том, что он держал у себя сочинения, направленные против архиепископа Феофана (Прокоповича).

Введенный первоначальником пустыни строгий общежительный устав, составленный по образцу Афонского, хранился и при его преемниках: отцах Дорофее, Филарете, Ефреме, Пахомии, Исаии I, Исаии II, Нифонте, которые все были духовно опытными и учительными наставниками братии. Среди монахов Саровской пустыни немало было подвижников высокой духовности. Иеромонах *Иоаким* (1732–1802) провел в обители около 50 лет, нес в ней послушание псаломщика и библиотекаря, много времени посвящал переписыванию аскетических творений преподобных Макария Великого, Ефрема Сирина и других святых отцов. За советом и наставлением к нему обращались не только иноки, но и богомольцы, для которых Саров стал святым местом. До перевода на Валаам в пустыни подвизался старец *Назарий* (1735–1809), здесь же провел он и свои последние годы. Большой славой в народе пользовался и Саровский инок *Марк Пустынник* (†1817).

Но самым ярким светочем Саровской пустыни стал преподобный *Серафим* (в миру *Прохор Исидорович Мошнин*). Он родился 19 июля 1759 года в семье курского купца, который рано умер, оставив трехлетнего сына на попечение матери. Исидор Мошнин был богобоязнен и нищелюбив. Он занимался каменными подрядами по строительству домов и храмов. После его кончины вдова продолжала вести начатое мужем строительство нового храма во имя преподобного Сергия.

Однажды Агафия взяла с собой семилетнего мальчика на стройку. Они поднялись на недостроенную колокольню, и Прохор упал с нее. Сбежав в ужасе вниз, мать нашла сына живым и невредимым. В спасении мальчика она увидела особое смотрение Божие о нем. Через несколько лет после этого происшествия Прохор тяжело заболел, и когда был уже при смерти, в сонном видении ему явилась Пресвятая Богородица и обещала посетить и исцелить его. Вскоре по городу пронесли крестным ходом Курскую-Коренную икону Божией Матери Знамение, мать вынесла больного сына на руках к иконе. Он приложился к ней, и после этого быстро поправился.

Прохор с детства любил церковные службы и храм. Выучившись грамоте, он читал сверстникам вслух Священное Писание и жития святых. В отрочестве он сблизился с чтимым в Курске юродивым, и под его влиянием у него окрепло намерение оставить мир. В 16 лет он отпрашивался у матери уйти в монастырь. Агафия благословила его медным распятием, которое он свято хранил всю жизнь и носил его на груди. Вначале юноша вместе с богомольцами отправился в Киев на поклонение Печерским угодникам. Живший в Китаевской пустыни возле Лавры прозорливый затворник схимонах Досифей благословил его идти в Саров. Вернувшись в Курск и простившись с матерью и родными, юноша отправился в Саровскую пустынь, и пришел туда 20 ноября 1778 года при настоятеле старце *Пахомии*.

Отец Пахомий ласково принял Прохора и отдал его в научение казначею обители иеромонаху Иосифу. Под его руководством Прохор проходил послушание в хлебне, просфорне, столярне, нес обязанности пономаря и все исполнял с усердием и послушанием. По примеру других иноков, в свободное время он уходил в лес и в полном уединении творил молитву Иисусову.

В 1780 году послушник заболел водянкой – тело его распухло, больной испытывал тяжкие страдания в течение трех лет. Собратья хотели вызвать к нему врача, но Прохор попросил не делать этого, сказав: «Я предал себя Истинному Врачу душ и телес Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери». Старец Иосиф отслужил о его здравии Всенощную и Литургию. Прохор исповедался и приобщился Святых Христовых Тайн. После причастия ему было видение: в несказанном свете явилась Божия Мать с апостолами Петром и Иоанном и, указав на больного, сказала: «Сей от рода нашего». Богородица возложила руку на его голову и вскоре

после этого он выздоровел. На месте явления была построена больничная церковь с приделом во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Престол для придела исцеленный соорудил своими руками из кипарисового дерева, и причащался в нем Святых Тайн.

После восьми лет послушничества, в 1786 году Прохор был пострижен в мантию с наречением имени *Серафим*. Через год его рукоположили в иеродиакона, и шесть лет он оставался в этом сане. Служил почти каждый день. Ночи под воскресные и праздничные дни проводил без сна, в молитве. Господь удостоил его благодатных видений во время церковных служб, не раз он видел ангелов, сослуживших иереям.

Однажды за Литургией в Великий четверг преподобный лицезрел Спасителя в окружении Небесных сил, идущего от западных дверей храма к алтарю. Дойдя по воздуху до амвона, Господь благословил служащих и молящихся и вступил в местный образ справа от Царских врат. Охваченный духовным восторгом, преподобный Серафим не мог сказать ни слова. Его под руки увели в алтарь, где он простоял неподвижно три часа. После видения он усилил подвиги и ночи проводил в молитве в лесной келлии за стенами монастыря.

2 сентября 1793 года в Тамбове святой Серафим был рукоположен в сан иеромонаха, и с этого дня стал служить ежедневно. После кончины настоятеля отца Пахомия, преподобный Серафим по его предсмертному благословию и с согласия нового настоятеля удалился в пустынную келлию в дремучем лесу. Одежда его была самой убогой, на голове – поношенная скуфья, на плечах – балахон из белого полотна, на ногах – кожаные бахилы и лапти, а на груди – медный материнский крест. А за плечами в сумке он неразлучно носил Евангелие. В течение недели святой прочитывал Новый Завет, читал святоотеческие и богослужебные книги, выучил наизусть много песнопений и воспевал их, работая на огороде или в лесу. Питался он один раз в день, а в среду и пятницу совершенно воздерживался от пищи. В первую неделю Великого поста преподобный не принимал пищи до субботы.

В монастырь он приходил по субботам и под праздники на Всенощную и Литургию. Навещавшие его пустынножитель схимонах Марк и иеродиакон Александр заставляли его часто неподвижным, ничего не слышащим и не видящим, погруженным в умную молитву. В летнюю жару преподобный Серафим собирал мох для удобрения огорода на болоте, где его нещадно кусали комары. Около трех лет он питался только травой снитью, которая росла вокруг келлии. Кроме братии, к преподобному начали приходить и миряне за советом и утешением. Это нарушало его уединение, и святой старался избегать посещений. Встретив кого-нибудь в лесу, он кланялся и отходил, ибо, как он говорил впоследствии, «от молчания никто никогда не раскаивался». По его молитве дорогу в келлию преградили сучья вековых сосен. С этих пор его келлию, кроме монахов, посещали только птицы и дикие звери. Преподобный инок из рук кормил пришедшего к нему за хлебом медведя, которого не раз видели издали возле старца.

Враг спасения ополчился на инока искушениями. Пустыннику представлялось, что его келлия рушится на четыре стороны и к нему рвутся звери с диким ревом. Но эти искушения он побеждал силою крестного знамения. Три года, больше тысячи ночей, он простоял в молитве на гранитном камне, который лежал на полпути от келии в пустынь, взывая: «Боже, милостив буди мне грешному», а днем молился у себя в келлии, и тоже на камне, который принес из леса. Когда мысленная брань утихла, столпник сошел с камня, но с тех пор не оставляла его болезнь в ногах.

12 сентября 1804 года, когда старец рубил в лесу дрова, на него напали разбойники, потребовавшие у него денег. Святой ответил: «Я ни от кого ничего не беру». В руках у него был топор, но он опустил его, сложил руки на груди и сказал: «Делайте, что вам надобно». Разбойники стали избивать преподобного, обухом проломили ему голову, сломали ребра, топтали ногами. Связав его веревками, они бросились к нему в келлию искать деньги и драгоценности, но кроме иконы нашли лишь несколько картофелин, и в страхе убежали. Придя в сознание, преподобный дополз в келлию и пролежал в ней всю ночь, а наутро встал и с великими муками добрался до монастыря. Врачи, вызванные к нему, удивились, что он не умер от столь тяжких ран. Исцеление он опять получил от Царицы Небесной, как любил называть Божию Матерь святой старец, явившуюся ему в видении с апостолами Петром и Иоанном. Разбойников вскоре схватили, но преподобный Серафим просил начальство простить их. Он сказал, что если их накажут, то навсегда уйдет из Сарова. В скором времени пожар уничтожил дома злодеев, которые были из местных крестьян. Они раскаялись и впоследствии, приходили к старцу за благословением и советом.

После этого злключения преподобный почти полгода провел в монастыре, но, поправившись, опять ушел в лесную келлию. Оставшись навсегда согбенным после этих истязаний, он ходил, опираясь на посох или топорик. После кончины игумена Исаии, братия просили его взять на себя настоятельство, но святой со смирением отказался от этой чести. Он приступил тогда к подвигу безмолвия: если ему в лесу встречался человек, он падал ниц и не вставал, пока тот не уходил. Старец перестал посещать обитель даже в воскресные дни. Раз в неделю монах приносил ему пищу, ставил ее в сенях на землю и уходил, не встречаясь со святым.

После трех лет молчальничества в пустыни, в 1810 году преподобный Серафим вернулся в обитель. Во время вечерни в память святителя Николая, он тихо прошел в свою келлию, а на следующий день за Литургией причастился Святых Христовых Тайн.

Не оставляя безмолвия, он перешел к новому подвигу – затворничеству. В монастырской келлии у него была лишь икона с лампадой и обрубок пня вместо стула. Печь он никогда не топил. Для умерщвления плоти святой носил под рубахой тяжелый железный крест весом в 20 фунтов. Вериг и власяницы он не носил. «Кто нас оскорбит, – словом или делом, – он, и если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница». В праздники к нему приносили Святые Дары для причащения. Чтобы всегда помнить о смерти, преподобный просил сделать ему гроб и поставил его в своих сенях. Совершая в затворе подвиг безмолвия, молитвы и богомыслия, старец Серафим стяжал душевную чистоту и удостоился благодатных даров – прозорливости и чудотворений.

Тогда Господь поставил его на служение людям. После 10 лет затворничества он начал принимать посетителей у себя в келлии, а 25 ноября 1825 года в сонном видении ему явилась Божия Мать вместе со святыми дня, повелела выйти из затвора и принимать всех ищущих наставления и помощи. Для преподобного началась пора старческого служения миру. Приходившие к «убогому Серафиму» видели его великую любовь к ним – он обращался ко всем с ласковыми словами «Радость моя», «сокровище мое». После беседы старец произносил, отпустительную молитву, давал благословение и, целуя, говорил: «Христос воскрес, радость моя».

Преподобный любил ходить в свою лесную келлию и к Богословскому роднику, возле которого ему выстроили маленькую келейку. Выйдя из нее, он всегда нес за плечами котомку с камнями. На вопрос, зачем он это делает, святой отвечал: «Томлю томящего меня».

Богомольцы шли к нему толпами. Случалось, что за один день в келлии бывало до двух тысяч человек. Больных и увечных старец исцелял от недугов. Обладая даром прозорливости, великий старец, предупреждал о приближающейся холере за несколько лет до вспышки эпидемии, а когда она началась – предвозвестил, что мор обойдет стороной Саров и Дивеево. Один крестьянин, заболев холерой, приполз к преподобному, старец приложил его к своему келейному образу, напоил святой водой, дал просфоры и велел обойти вокруг обители и помолиться, – и крестьянин выздоровел.

Во время польского бунта в 1831 году армейская рота, направлявшаяся на войну, завернула в Саров. Старец благословил солдат и предсказал, что никто из них не погибнет. Эта рота прошла всю польскую кампанию, участвовала в штурме Варшавы, и все солдаты остались невредимы.

Великим даром для паломников была беседа старца. Его речи были смиренны, просты, но они согревали сердца, озаряли ум духовной мудростью. Одному из посетителей монахов он сказал: «Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя». О Евхаристии преподобный говорил: «Если бы мы и весь океан наполнили слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что он изливает на нас жизнь и питает нас Пречистою Своею Кровию и Телом, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Но приступай без сомнения и не смущайся, а верь только».

Слово его действовало на людей всегда со властью, ибо он сам исполнял то, чему научал. «Учить других, – говорил он, – так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора». После бесед со старцем, исполненных духом и силой, многие из тех, кто сомневался в истинах Христовой веры или вовсе утрачивал ее, приходили в себя и духовно возвращались в ограду Церкви.

С особенной любовью относился старец к исцеленному им Николаю Александровичу Мотовилову. В ноябре 1831 года Мотовилов на лесной поляне удостоился получить от старца поучение о стяжании Святого Духа. «Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, – поучал его святой старец, – сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения ее. **Истинная цель жизни христианской есть стяжание Духа Святого Божия...** Когда при всемогущей силе веры и молитвы Господь Бог Дух Святой посетит нас и прейдет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молитве находится, когда молитву творит, а при нашествии Духа Святого надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит при том быть в полном трезвении и души и духа, и в целомудренной чистоте плоти».

Эта беседа старца, записанная Мотовиловым и изданная в начале XX века, явилась одним из самых драгоценных вкладов в сокровищницу русского святоотеческого богomyслия. И.А. Мотовилов во время беседы сподобился лицезреть лицо святого, преображенное и осиянное Божественной благодатью.

В последние годы своего жития старец особенно много заботился об инокинях Дивеевской обители. Еще в сане иеродиакона он сопровождал отца Пахомия в его поездке в Дивеево, и старец Пахомий благословил ему тогда заботиться о «дивеевских сиротах». Преподобный Серафим духовно окормлял сестер, помогал им в житейских затруднениях.

Своими подвигами, исполненными великой любовью к Богу и людям, он удостоился взойти на такую духовную высоту, что даже в его внешнем облике появились черты, передавшие отблеск сияния горнего мира. Один богомолец, исцеленный им, видел его стоявшим на воздухе во время молитвы.

За год и девять месяцев до преставления преподобный еще раз удостоился видения Царицы Небесной в сопровождении сонма святых. Пресвятая Дева долго беседовала с преподобным Серафимом, поручая ему дивеевских сестер. А в конце беседы Она сказала: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами». В последний год земной жизни преподобного часто видел стоявшим на коленях у своего гроба.

1 января 1833 года, в воскресенье он в последний раз причастился Святых Христовых Тайн за Литургией, после чего благословил братию и сказал на прощанье: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся». В келлии он пел пасхальные песнопения, а на следующий день, в шестом часу утра, его келейник, проходя мимо келлии Преподобного, почувствовал запах гари. В келлии у святого подвижника всегда горели свечи, и он говорил: «Пока я жив, пожара не будет, а когда умру, кончина моя откроется пожаром». Открыли дверь: книги и другие вещи тлели, а сам старец стоял на коленях перед иконой Божией Матери «Умиление» в молитвенном положении, но уже бездыханным.

После его блаженной кончины православные люди с благоговением приходили в Саров поклониться святому и помолиться на его могиле. По молитвам к нему совершались многие проявления милости Божией. 19 июня 1903 года состоялось перенесение мощей преподобного Серафима. Великий молитвенник и чудотворец был причислен к лику святых угодников Русской Церкви.

Духовный образ преподобного Серафима, с его евангельским смирением и дерзновением, являет самые сокровенные черты русской святости. «Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему, – поучал святой старец, – вот престол, на котором Он любит восседать и являться в полноте Своей пренебесной Славы». «Сыне, даждь Ми сердце твое, – говорит Он, – а все прочее Я сам приложу тебе», – ибо в сердце человеческом Царство Божие вмещаться может». Таким уготованным престолом было сердце светильника Русской земли преподобного Серафима.

§ 17. Оптиная пустынь

Ученики «молдавского старца» *Паисия (Величковского)*, расходясь по обителям России, всюду стремились насадить старчество. Особенно прочно укоренилось оно во *Введенской Оптиной пустыни*.

Пустыня расположена около города Козельска на берегу Жиздры, на лесной опушке. Для доступа к монастырю из города был устроен паром. Монастырь обнесен стеной с башнями по углам. Внутри стен стоит несколько церквей, самая большая из них освящена в честь Введения Богородицы. Рядом с монастырем, но уже в лесу, расположен Предтеченский скит, в котором спасались иноки, искавшие уединения. Там подвизались и знаменитые Оптиные старцы.

Монастырь жил по общежительному уставу. Богослужения продолжались до 8 часов в сутки. Но для иноков не обязательно было приходить на все службы – каждый мог свободно руководствоваться в этом своей монашеской совестью, однако дух Устава так глубоко проникал в сознание насельников и даже богомольцев, что храмы обители всегда были переполнены молящимися. Пение в Оптиной обычно было столповым – в ней сохранялось древнее пение на «подобны», в XIX веке уже везде почти забытое. Для поминовения усопших обитель имела 4 больших синодика, древнейший из которых вел начало с 1670 года, в нем значилось более 50 тысяч имен. Если синодик не успевали прочитывать за Литургией, то делали закладку и завершали чтение на следующей Литургии.

Монастырь почти никогда не нанимал работников. Все основные работы, полевые, лесные, на поварне и в мастерских, выполнялись самими монахами и послушниками. Такой строй монастырской жизни сложился уже в XIX веке, а начало Оптиной уходит в глубокую древность – в XV век. По преданию, ее основателем был отшельник *Опта*. Но в XVIII столетии это была малобратственная обитель, пришедшая в запустение. В екатерининскую эпоху великого разорения монастырей в Оптиной осталось всего три насельника, Митрополит Московский и Калужский Платон (Левшин), остановившись здесь проездом, был поражен красотой места и велел привести пустынь в порядок.

Назначенный в Оптину настоятелем иеромонах *Авраамий* занялся благоустройством обители. Вместе с ним в пустынь перешло несколько иноков из подмосковного Песношского монастыря. Со временем к ним присоединились монахи из других обителей. Общими усилиями они возродили Оптину. В монастыре была воздвигнута колокольня и начато строительство храма в честь Казанской иконы Божией Матери. Митрополит Платон с этих пор называть Оптину «второй Лаврой своей епархии».

В начале 1825 года настоятелем Оптиной был поставлен монах *Моисей* (в миру *Тимофей Путилов*). Он родился в 1782 году в Борисоглебске Ярославской епархии. Монашеское призвание почувствовал уже в юности. В Москве, куда Тимофея вместе с братом Ионой послали для обучения коммерческому делу, встретились с затворницей матерью Досифеей, а она познакомила их с Новоспасскими старцами Александром и Филаретом, которые состояли в переписке со схиархимандритом Паисием (Величковским).

В 1804 году оба брата, оставив дела, отправились в Саров и были приняты там послушниками. Иона, постриженный с именем Исаия, впоследствии стал Саровским настоятелем, а Тимофей, оставив Саров, поселился отшельником в Рославльских дремучих лесах в сообществе нескольких старцев, которые пришли из Молдавии от преподобного Паисия. Здесь он принял монашеский постриг, сюда к нему прибыл и его младший брат Александр, постриженный с именем Антоний.

Однажды отец Моисей, проездом из Москвы, посетил Оптину, где его представили архиепископу Калужскому Филарету, который поручил ему устроить скит при Оптиной. В 1821 году отец Моисей вместе с братом Антонием переселился в Оптину и приступил к устройству скита. Новоприбывшие пустынники очистили место от растущего здесь леса, из выкорчеванных деревьев выстроили церковь, освященную во имя Пророка и Предтечи Иоанна, и келлии, которые стали наполняться монахами.

В 1825 году отец Моисей был поставлен во главе Оптиной пустыни. 37 лет продолжались его непрерывные настоятельские труды. За время его настоятельства число братии увеличилось во много раз, и к началу 1860 года приблизилось к 150. В обители развели фруктовые сады,

построили трапезную, гостиницу, семь корпусов келлий, мельницу, воздвигли две новые церкви, устроили библиотеку.

И все постройки начинались без средств.

• Есть ли у вас; батюшка, деньги? – спрашивали иногда отца архимандрита при начале стройки.

• Есть, есть, – говорил он, и показывал 15, 20 рублей.

• Да ведь это ничего.

• А про Бога забыл, у меня нет, так у Него есть.

И никогда его вера не была посрамлена.

Нищелюбие отца Моисея не знало пределов. Чтобы помочь нуждавшимся, он иногда покупал у них за высокую цену гнилые припасы и сам употреблял их в пищу, держал на жаловании сирот, назначал их отпугивать ворон или ловить кротов. Богомольцы, приезжавшие в Оптину, неизменно встречали самый заботливый прием. В оптинской гостинице не было установлено платы. Один купец спросил настоятеля, не боится ли он, что все будут жить даром, а в ответ услышал: «Не заплатят 99, Бог пошлет сотого, который за всех заплатит».

Свое отношение к богомольцам настоятель никогда не соизмерял с их приношениями. Одна семья, много жертвовавшая обители, пришла к нему жаловаться на гостиника, и при этом упомянула о своих благодеяниях. «Мы думали, – ответил отец Моисей, – что вы благотворили ради Бога и от Него ждете награды, а мы, убогие и неисправные, чем воздадим?»

В 80 лет отец Моисей заболел водянкой, но еще продолжал управлять монастырем. Уже на смертном одре он принял схиму, сохранив свое прежнее монашеское имя. Перед кончиной он часто повторял: «Теперь дознал я, что, действительно, я хуже всех». За два дня до смерти он велел вынести из своей келлии все вещи, кроме иконы новопрославленного святителя Тихона Задонского. Отец Моисей преставился 16 июня 1862 года, когда ему читали Евангельские слова: «Приити бо имать Сын Человеческий во славе Отца Своего, со ангелы Своими, и тогда воздаст комуждо по деяниям его» (Мф. 16:27).

Первого из великих Оптинских старцев звали *Леонидом* (в миру Лев Данилович Наголкин) (1768–1841). Он вырос в мещанской семье в городе Карачеве. В молодости служил приказчиком, и по торговым делам объездил всю Россию, приобретая в разъездах превосходное знание людей и житейскую опытность.

В 29-летнем возрасте он оставил мир и поступил послушником в Оптину, оттуда перешел в Белобережскую пустынь под духовное руководство друга старца Паисия – отца Василия (Кишкина). Постригли его с именем Леонид. Когда старец Василий оставил настоятельство, чтобы подвизаться в уединении, братия избрали настоятелем иеромонаха Леонида. Но через два года после этого, сложив с себя настоятельство, отец Леонид вместе со старцем Феодором, другим учеником схиархимандрита Паисия, ушел в лес. Они построили келлию в двух верстах от монастыря. Слава старцев привлекала к ним множество народа и отшельники, ища уединения, ушли с Орловщины на север и поселились в маленьком скиту на Валааме. За советом к ним приходили монахи. Келлия трех старцев стала духовным средоточием Валаамского монастыря. Настоятеля смущало старчество иноков, и ради сохранения мира в обители старцы перешли в Александрo-Свирский монастырь. После кончины отца Феодора старец Леонид в 1829 году вернулся в Оптину, где много лет назад начался его монашеский путь.

Он поселился в Предтеченском скиту, куда к нему потянулись люди не только из окрестных мест, но и со всей России. Всем, кто находился возле него, передавалось его необычайное спокойствие, душевный мир, внутренняя радость. Старца никогда не видели угрюмым, раздраженным, нетерпеливым. Его редкая прямота не терпела ни надуманного пафоса, ни елейности. Он говорил выразительным народным языком, пересыпанным шутками. Любимым его словечком было «химера». В свои поговорки и шутки он вкладывал глубокий смысл – в нем много было от того «юродства во Христе», которое столь сродно русскому народному благочестию. Своеобразен был и его внешний вид. Несмотря на болезненную полноту, он был прямой, высокий, ходил легкой и твердой походкой.

На долю отца Леонида и в Оптиной пустыни выпали многие скорби. Некоторые монахи считали откровение помыслов ересью. На старца писали доносы архиерею и в Синод. С него велено было снять схиму под тем предлогом, что его постригли в нее келейно, без консисторского указа. Но когда в 1837 году Оптину посетил бывший Калужский архиепископ Филарет, назначенный на Киевскую кафедру, он спросил старца: «Почему вы не в схиме?»

Старец не отвечал. – «Ты схимник, и должен носить схиму». С этого дня отец Леонид носил схиму до самой кончины.

Время от времени ему запрещали принимать посетителей, и настоятель отец Моисей вынужден был считаться с этим запретом. Однажды, увидев около келлии старца огромную толпу, он напомнил ему о запрещении архиерея, а отец Леонид, указав на лежавшего у его дверей неподвижного калеку, сказал: «Посмотрите на него – он живой в аду, но ему можно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я его обличил и наставил... Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, – я буду все тот же Леонид. Я к себе никого не зову, а кто приходит ко мне, тех гнать от себя не могу». Отец Леонид исцелял больных и бесноватых, помазывал их маслом от Владимирской иконы Божией Матери, Часто он отсылал недужных к мощам святителя Митрофана Воронежского, которого глубоко чтит.

В 1841 году старец стал говорить о своей кончине. В сентябре он тяжело занемог и уже не мог принимать пищи. Он причащался каждый день и просил братию молиться о сокращении его мучений. Утром 11 октября он сказал: «Слава Богу! Сегодня посетит меня благодать Господня». Несмотря на страдания, лицо его постепенно светлело. Началась праздничная вечерня в канун памяти Святых отцов Седьмого Вселенского Собора. Умиравший не дослушал конца службы. Один послушник сказал ему: «Батюшка, прочнее вы, верно, будете править там, в Соборе святых отец!» Старец в последний раз взглянул на икону Божией Матери, закрыл глаза и предал дух Богу. Погребли отца Леонида (в схиме Льва) у восточной стены соборного Введенского храма.

Продолжателем его старческого служения был его друг и ученик отец *Макарий* (в миру Михаил Николаевич Иванов). Он родился в 1788 году в благочестивой дворянской семье в имении под Калугой. Его детство прошло в деревне поблизости от монастыря, колокольный звон которого разносился до усадьбы. Это был кроткий, задумчивый мальчик, он избегал шумных игр, любил заниматься клейкой домиков и вырезанием фигур. Восьми лет Михаил потерял мать, и отец переселился с детьми в родовую Орловскую вотчину. В 14 лет мальчик поступил на службу по финансовой части, но после смерти отца вышел в отставку и жил в своем имении. Однако его душа не лежала к хозяйственным попечениям – она искала уединения, внутренней тишины, Бога.

В 1810 году Михаил отправился на богомолье в Площанскую пустынь, откуда написал братьям, что остается в монастыре, а от имения отказался в их пользу. В обители послушника постригли вначале в рясофор с именем Мелхиседек, а в 1815 году – в мантию и нарекли Макарием. Вскоре он был рукоположен в иеромонаха. Его духовным наставником стал старец Афанасий (Захаров). Он был ученик великого старца Паисия. От своего наставника отец Макарий усвоил склонность углубляться в изучение аскетических творений. Он больше других Оптиных старцев опирался в монашеском делании на творения святых отцов.

По кончине старца Афанасия иеромонах Макарий нашел нового духовного отца в лице старца Леонида, который провел в Площанской пустыни полгода, а после окончательного переселения Оптину состоял в переписке со своим учеником. На отца Макария возлагались обязанности духовного отца Севского девичьего монастыря, потом благочинного. Целый год он провел в Петербурге в должности казначея и эконома своего епархиального архиерея. Но хозяйственные заботы и городская суeta тяготили монаха. Он стал хлопотать о переводе в Оптину.

В 1834 году его просьба увенчалась успехом. В Оптиной он поселился в скиту и помогал старцу Леониду вести переписку. В 1836 году отец Макарий был назначен духовником монастыря, а еще через три года скитоначальником, но по своему смирению, оставался в послушании у старца, ничего не дерзая предпринимать без его благословения. Отец Леонид, испытывая терпение ученика, однажды при народе гневно укорил его – скитоначальник, опустив голову, повторял: «Виноват, простите Бога ради, батюшка», – а когда старец умолк, он поклонился ему в ноги. После кончины старца Леонида он оплакал его так же горько, как и своего первого учителя отца Афанасия.

Отец Макарий прилагал особые старания об украшении храма и скита. Он сумел превратить скит в сад, устроил в нем библиотеку духовных книг, в которой монахи могли изучать святоотеческие творения. Маленький, тщедушный, всегда болезненный, он с детства страдал тяжелой бессонницей. Из-за своей болезненности иеромонах Макарий не совершал Богослужений, но он никогда не оставался без дел. Он вставал в 2 часа ночи, несколько часов молился, потом, выпив чаю, садился за рабочий стол, читал, писал письма. После смерти его письма были изданы и составили 5 томов.

Эта работа часто прерывалась посетителями, которые искали беседы с ним. В отличие от отца Леонида, беседовал он без шуток, его поучения были наполнены святоотеческими изречениями. Он с одинаковой естественностью мог поговорить и с простецом, и с образованным интеллигентом, и с ученым богословом. И часто взгляды посетителя полностью переосмысливались после одного разговора со старцем. Многие дивились тому, с какой легкостью и простотой он разрешал самые трудные богословские вопросы.

Имя старца Макария связано с великим делом издания аскетических творений святых отцов. С помощью ученых монахов пустыни отцов Амвросия (Гренкова) и Климента (Зедергольма), а также профессора Московской Духовной Академии протоиерея Феодора Голубинского и философа-славянофила И.В. Киреевского иеромонах Макарий осуществил перевод и издание творений преподобных Иоанна Лествичника, Марка Подвижника, Варсонофия Великого и Иоанна, аввы Дорофея, аввы Фалассия, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Анастасия Синаита. В Оптиной были подготовлены к изданию творения старца Паисия Величковского и «Предание ученикам» преподобного Нила Сорского. Книги, изданные в Оптиной, рассылались в дар библиотекам Академий и Семинарий, епархиальным архиереям, а главное, по многочисленным монастырям России.

За два года до кончины старец Макарий келейно был пострижен в великую схиму. Он почил 7 сентября 1860 года, в предпразднство Рождества Пресвятой Богородицы, через час после причащения. Его тело после кончины не издавало запаха тления. Перенесение останков из скита в монастырь при стечении богомольцев было подобно светлому празднику. Иеросхимонах Макарий погребен рядом с могилой своего учителя старца Леонида.

После кончины архимандрита Моисея в 1862 году новым настоятелем Оптиной был назначен архимандрит Исаакий, который управлял обителью более 30 лет, до своей смерти в 1894 году.

В эти годы совершал свое старческое служение самый знаменитый из Оптинских подвижников иеросхимонах Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков). Он родился в 1812 году в Тамбовской епархии, в семье сельского дьячка. В детстве отличался чрезвычайной живостью нрава и сообразительностью. Учась в приходской школе, никогда не готовил уроков, но всегда был первым учеником. Образование Александр Гренков завершил в Тамбовской Духовной Семинарии, по окончании которой служил учителем вначале в помещичьей семье, а потом в приходской школе родного села Большие Липовицы. Веселый и остроумный юноша был всеобщим любимцем, но в поведении его внезапно наступил перелом. Он стал искать уединения. Потом заметили, что по ночам он уходил в сад или забирался на чердак для молитвы. В его воображении уже рисовалась монашеская келлия.

Среди таких мыслей он тяжело заболел и во время болезни дал обет уйти в монастырь, если поправится. Выздоровев, он медлил с исполнением обета – и опять заболел. Поправившись во второй раз, он отправился за советом к Троекуровскому старцу Илариону, который сказал ему: «Ступай в Оптину и будешь опытным».

В Оптиной пустыни его приняли в скит и дали послушание на кухне. Затем старец Леонид взял его к себе в чтецы. Своего нового ученика старец называл «химерой». Умирая, он передал его «из полы в полу» отцу Макарию, который назначил его своим келейником.

Приняв постриг в 1842 году, Александр Гренков был наречен Амвросием. Вскоре после пострига его рукоположили в сан иеромонаха. Но недолго прослушал он пред алтарем. Простудившись, отец Амвросий тяжело заболел и на всю жизнь остался инвалидом, с больными ногами. Из-за крайней слабости он не мог совершать Богослужений. В декабре 1847 году он вынужден был по болезни уйти за штат, но, как говорил сам старец: «Господь тогда начинает являть Свою помощь, когда увидит, что все человеческие средства к подаянию помощи истощены». Болезнь принудила его к самоуглублению, приучила к молитвенному труду. Впоследствии старец говорил, что монаху полезно болеть, и в болезни «не надо лечиться, а только подлечиваться».

Как человек образованный, знавший греческий язык и латынь, отец Амвросий помогал старцу Макарию в переводе и подготовке к изданию святоотеческих творений. Под его руководством он проходил послушание духовничества. После кончины старца Макария вся его паства перешла к отцу Амвросию.

Его живой и проницательный ум, обогащенный духовной мудростью, почерпнутой из чтения аскетических книг и молитвы, интересовался всем, что волновало людей – и потаенной жизнью человеческого сердца и их семейными и хозяйственными заботами. Под действием непрестанной

молитвы его естественная проницательность перешла в прозорливость. Он читал в душе человека, как в книге, – говорили о нем. Посетитель мог молчать, держаться в стороне, за спинами других, но старец тем не менее, зная состояние его души, его тревоги и мысли, знал, зачем тот пришел в Оптину.

Одна богомольная дама тщательно скрывала от него свою страсть к карточной игре. Однажды она попросила у отца Амвросия его карточку. Старец улыбнулся и сказал: «Что ты, мать? Разве мы в монастыре играем в карточки?» Устыдившись, женщина покаялась в своей страсти. Одна девушка из Москвы в разговоре о старце Амвросии с неприязнью называла его старым лицемером, но из любопытства однажды приехала в Оптину и стала позади других ожидавших старца посетителей. Выйдя в приемную, отец Амвросий посмотрел на собравшихся и вдруг обратился к этой девушке со словами: «А вот и Вера пришла посмотреть на старого лицемера». После беседы со старцем Вера решительно переменялась и впоследствии постриглась в Шамординском монастыре, основанном отцом Амвросием.

Для старца не было мелочей, недостойных внимания. Пришла однажды к нему крестьянка со своим горем – помещица наняла ее пасты индюшек, а индюшки дохли одна за другой. «Хоть ты помоги мне. Сил моих нет. Сама над ними не доедаю, пуще глаз берегу а колют они. Согнать меня барыня хочет. Помоги, родимый!» Присутствовавшие при этом разговоре рассмеялись над глупостью бабы, к чему с такими пустяками идти к старцу. А отец Амвросий терпеливо поговорил с бедной женщиной, дал ей несколько советов и благословил ее, а тем, которые смеялись над ней, сказал: «Ведь в этих индюшках вся ее жизнь». После беседы со старцем индюшки у крестьянки перестали сдыхать.

Принимая новых посетителей: старец всегда обращался к самым несчастным из них, выбирая тех, кому нужнее всего были утешение, совет, помощь. Никогда никому он не сказал – ничего не могу сделать.

Молитвами и заботами старца Амвросия основана была женская община вблизи от Оптиной, в Шамордине. В этой обители подвизалось до 800 насельниц. Под руководством старца в Шамордине сложилась крепкая духовная семья, сплоченная молитвой и трудом. Отец Амвросий любил приезжать в Шамордино и останавливался там порой на несколько дней.

Его переписка была огромна. Каждый день он получал по 30–40 писем. Их раскладывали перед ним на полу, а он палкой указывал на те письма, на которые следовало ответить немедленно. Часто содержание писем бывало ему известно прежде, чем вскрывали конверт. К старцу шли богомольцы-простецы, верующие интеллигенты, богоискатели, которых немало было в образованном обществе в конце XIX века, шли и люди, далекие от христианства и даже враждебные ему, и часто беседа с ним внутренне преображала их. Один господин пришел в Оптину, только чтобы «посмотреть» на старца. «Что ж, – сказал отец Амвросий, – смотрите», и, встав со своей кровати, выпрямился во весь рост и вгляделся в посетителя своим ясным взором. Пораженный чистотой и ясностью этого взгляда, посетитель поселился близ старца и ежедневно вел с ним беседы. Через несколько месяцев он поведал ему: «Я уверовал». Но, когда к нему приходили люди равнодушные, отец Амвросий старался уклониться от них коротким вежливым разговором. Такие люди обыкновенно отзывались о нем потом: «Очень умный монах».

В Оптиной у старца Амвросия побывали выдающиеся деятели русской культуры: *Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев*, и беседы с ним оставили благотворный след в их творчестве. *Л.Н. Толстой* имел несколько бесед с отцом Амвросием, которые крепко запомнились ему. Непомерная гордость Толстого привела к тому, что он был отлучен от Церкви. Одиноким, больной, он за несколько дней до смерти в порыве тоски отправился к сестре-монахине в Шамордино, чтобы только взглянуть на Оптину, побродить около ее скита, но так и умер он без покаяния.

Приехав летом 1890 году в Шамордино, старец Амвросий заболел и должен был зимовать здесь. В Шамординской обители он провел последний год своей жизни, где и скончался 10 октября 1891 года, после чтения канона на исход души. Лицо его было светло, на губах осталась улыбка тихой радости. За несколько лет до кончины, старец заказал икону Богородицы, благословляющей жатву, и назвал ее Божия Матерь Спорительница хлебов». Он установил ей празднование 15 октября. В этот именно день тело схииеромонаха Амвросия было погребено возле могилы его учителей старцев Леонида и Макария. На его надгробии начертаны слова апостола Павла: «Бых немощным яко немощен, да немощных приобрящу. Всем бых вся, да всяко некия спасу».

Почитатели почившего старца никогда не сомневались в том, что он имеет великое дерзновение перед Богом. По замечанию продолжателя его великих трудов старца Иосифа, «осень, когда скончался батюшка отец Амвросий, была суха и грозила на будущий год неурожаем, но со дня перенесения тела из общины (Шамординской) в Оптинский монастырь, как испрошенная им у Господа милость, пошли дожди».

Одновременно с иеросхимонахом *Иосифом (Литовкиным)* (†1911) в пустыни старчествовал схиархимандрит *Варсанофий (Плиханков)* (†1914). Последние оптинские старцы Анатолий и Нектарий дожили до 20-х годов XX века. Иеромонах *Анатолий (Потапов)* преставился в 1922 году, а иеромонах *Нектарий* – в 1928 году. Старец Нектарий отличался особой сердечностью, теплотой, милосердием. В пустынь он пришел отроком и провел в ней почти всю свою жизнь. Лишь после кончины отца Иосифа он ради послушания взял на себя подвиг старчества.

Оптина пустынь в течение почти всего XIX столетия была рассадником духовно опытных строителей монастырского подвижничества. В 30-е годы строителем Калужской Тихоновой пустыни был назначен Оптинский иеромонах Геронтий. Настоятелем Малоярославецкого Свято-Николаевского монастыря стал родной брат архимандрита Моисея (Путилова) игумен Антоний. На духовных традициях Оптиной воспитан великий учитель монашества святитель Игнатий (Брянчанинов).

Оптинские иноки совершали свое служение Церкви и за пределами нашей Родины. Оптина пустынь возрастила иеромонаха Ювеналия (Половцева), который в конце 50-х годов был направлен в Иерусалимскую Духовную Миссию. Впоследствии он был удостоен архиерейского сана. Из Оптиной пустыни вышел и архимандрит Леонид (Кавелин), знаменитый не только в истории Иерусалимской Миссии, но и в отечественной церковной науке. В конце жизни он был настоятелем Троице-Сергиевой Лавры, где и погребен (†1891).

Ученики последних Оптинских старцев передали духовные заветы Оптиной новым поколениям православных христиан. Одним из таких подвижников-продолжателей Оптинского старчества был схиархимандрит *Севастиан (Фомин)*, подвизавшийся уже в нашу эпоху и скончавшийся в 1966 году.

§ 18. Религиозно-нравственное состояние общества и религиозно-философская мысль в XIX веке

В XIX столетии простой верующий народ еще хранил свое исконное благочестие, свой унаследованный от предков и церковно-освященный бытовой уклад. До реформ 60-х годов в религиозно-нравственном типе богомольного русского крестьянина, в складе его души не многое изменилось по сравнению с допетровской стариной.

Но реформы – крестьянская, земская, военная и судебная поколебали устойчивый крестьянский быт. Всеобщая воинская повинность, введенная военной реформой, свобода передвижений, затрунненная прежде для крепостных, пролетаризация деревенской бедноты, усилившаяся после отмены крепостного права, переселение разорившихся крестьян в города и фабричные поселки вырывали людей из устоявшегося в веках жизненного уклада, вносили в крестьянскую среду разобщенность. Новые житейские обстоятельства становились для многих соблазном, вели к религиозной теплохладности, а в исключительных случаях и к утрате веры.

Во второй половине XIX века в народе умножились случаи отпадения в сектантство. Серьезную тревогу у пастырей вызывало распространение пьянства, вначале среди городской бедноты, а потом и в деревне, представлявшее собой грозную опасность для физического и нравственного здоровья нации. В конце 50-х годов по почину приходского духовенства и под его руководством стали учреждаться общества трезвости. Церковь в этом своем служении народу вдохновлялась апостольским предостережением о том, что пьяницы «Царствия Божия не наследуют» (1Кор. 6:10). Во главе обществ стояли энергичные, самоотверженные пастыри, которым приходилось действовать в весьма трудных обстоятельствах. На спаивании людей наживались винные откупщики, часто не христианского вероисповедания, связанные с ними взаимным интересом акцизные чиновники уверяли правительство, что продажа водки это великопечное средство пополнения государственной казны. А в кругах радикально настроенной интеллигенции на общества трезвости смотрели как на бесплодную филантропическую затею.

Между тем, десятки тысяч спившихся людей, вступая в общества и давая обет полного воздержания от алкоголя, действительно становились трезвенниками, и тем спасали не только жизнь, но и душу. Число членов этих обществ в начале XIX века приблизилось к 500 тысячам.

В 60-х годах в России стали открываться земские начальные школы для крестьянских детей. Но учителями в них не всегда были люди православных убеждений. Учебные планы земских школ мало времени отводили занятиям Законом Божиим, и оттого народ не особенно сочувствовал этим школам. А церковно-приходских школ, впервые введенных при Александре I, было еще крайне мало. К тому же уровень общего образования в них отставал от земских школ. Такое положение в области народного образования вызывало озабоченность у духовенства и высшей церковной власти. Святейший Синод считал, что народные школы должны иметь тесную связь с Церковью, чтобы знание грамоты открывало народу доступ к церковным книгам, чтобы грамотные крестьянские дети могли участвовать в Богослужении и читать дома родителям душепечительные книги. Но обер-прокурор Синода граф Д. Толстой был противником церковных школ для крестьянских детей. Иной точки зрения придерживался по этому вопросу сменивший его в обер-прокурорском кресле К.П. Победоносцев. Он стремился расширить влияние духовенства на народное образование.

При нем в 1882 году была учреждена особая синодальная комиссия под председательством Холмско-Варшавского архиепископа Леонтия (Лебединского), позже митрополита Московского. Эта комиссия разработала утвержденные в 1884 году Правила церковно-приходских школ. В программы школ включались Закон Божий, церковнославянский и русский языки, арифметика, церковное пение. Кроме приходских школ, открывались также одностепенные школы грамотности. Преподавать в церковных школах могли не только клирики, но и выпускники семинарий в светском звании и даже выпускницы женских епархиальных училищ – так называемые «епархиалки». При семинариях открывались образцовые начальные школы, где разрабатывались педагогические и дидактические приемы. Для обеспечения приходских школ книгами устраивались епархиальные, благочиннические и приходские склады, открывались приходские библиотеки.

В развитие системы церковного образования для народа большой вклад внес замечательный педагог С.А. Рачинский. Число приходских школ в 80-е годы быстро росло: в 1882

году всех церковных школ в России насчитывалось 4590, а к 1889 году открылось уже 8498 приходских школ и 9217 школ грамотности.

XIX век был эпохой расцвета русской светской культуры, которая, овладев достижениями западноевропейской культуры, преодолела былую ученическую зависимость от Запада. В мировоззренческом отношении в эту эпоху интеллигентный слой общества был далеко не однороден: у разных течений общественной мысли по-разному складывались и отношения с Православной Церковью.

В Александровскую эпоху значительная часть образованного дворянства соприкоснулась с масонством. Масонские ложи были закрыты при Николае I, но в 20-е годы в Москве появились студенческие философские кружки, в которых читались и обсуждались старые философские книги и новейшие немецкие теории Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Первым из этих кружков было «Общество любомудрия», в него входили В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, Д.В. Веневитинов. Любомудры с таким пылким увлечением погружались в изучение философских систем, что философия становилась для них «новой религией». Кошелев вспоминал впоследствии: «Христианское учение казалось нам пригодным для народных масс, а не для нас, любомудров... Мы высоко ценили Спинозу, и его творения считали много выше Евангелия и других Священных Книг».

К середине 30-х годов в философских кружках углубился интерес к религиозно-нравственной теме. Одновременно в центр идейных интересов выдвигалась историко-философская тема. Причины этому были разные: и увлечение Гегелем со свойственным его философии историзмом, и появление «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, которая открыла глаза читателям на величие допетровского прошлого России, и пережитый народом 1812 год.

Думавших людей волновал вопрос о месте России в общем потоке всемирной истории, вопрос о России и Западе. И с самого начала наиболее чуткими мыслителями было угадано, что главный водораздел между Россией и Западной Европой носит религиозный характер, что своеобразие нашей исторической судьбы связано с Православием. В зависимости от того, какая оценка давалась этой связи, в общественной мысли обозначилось два противоположных направления: *западники* и *славянофилы*. С изумительной четкостью вопрос о месте России во всемирной истории поставлен в «Философическом письме» П.Я. Чаадаева. И он дал на него самый мрачный ответ: «Мы не принадлежим ни к одному из великих семей человеческого рода... мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества», – а коренная причина неисторичности России, утверждал он, – кроется в её оторванности от христианского Запада, от Рима. В последствии Чаадаев переменял свои мнения. В «Апологии сумасшедшего», продолжая настаивать на мнимой неисторичности русского народа, он увидел в ней залог блестящего будущего России.

Чаадаев был первым религиозным западником. Его идейные последователи, не отличающиеся изощренной тонкостью Чаадаевской мысли, люди более прямолинейные, князь Гагарин, Печорин в своей духовной измене Отечеству дошли до религиозного отступничества и перехода в католичество. А безрелигиозными продолжателями Чаадаева явились идеологи русского либерализма: *Грановский, Кавелин, Чичерин*. С западничеством связано и увеличение незрелой студенческой молодежи 60-х годов нигилизмом.

В противоположность западникам, славянофилы в своеобразии русского исторического пути, органически связанного с православной верой, видели не слабость, а силу России. Пагубным и тупиковым они находили не русский, а как раз западноевропейский исторический путь. Отправной точкой в духовном блуждании Запада славянофилы считали великую схизму 1054 года – отпадение Рима от Вселенской Православной Церкви.

В петровских реформах они видели роковую ошибку. Смыкаясь с западниками в критическом отношении к современности, они расходились с ними в объяснении причин негативных явлений. Либералы-западники утверждали, что России не хватает политических свобод и что её несвобода – это продолжение исконного русского деспотизма, унаследованного Московским государством у Византии и Золотой Орды; а славянофилы убеждены были в том, что бюрократическая казенщина Николаевской эпохи порождена Петровскими реформами, которые исказили русскую православную и народную государственность, привив византийско-московскому самодержавию чуждые ему черты западноевропейского абсолютизма.

Допетровская старина, которую одни славянофилы, вроде К.С. Аксакова, видели в радужном свете, другие же расценивали гораздо более трезво, без особой идеализации, для всех них была

мерилом в оценке исторического процесса понесенных после Петра утрат.

Одним из наиболее глубокомысленных авторов-славянофилов был А.С. Хомяков (1804–1860), мыслитель, необычайно разносторонний богослов, философ, историк, поэт. Он удачно был назван «рыцарем Православной Церкви». По словам Н. Бердяева: «Хомяков родился на свет Божий религиозно готовым, церковным, твердым». Сыновняя преданность Церкви этого на редкость талантливого и остроумного человека, непревзойденного полемиста и диалектика, опиралась на его молитвенный опыт. Его почитатель и друг Ю. Самарин вспоминал о том, как однажды, оставшись в гостях в имении Хомякова, он проснулся за полночь от какого-то говора в соседней комнате: «Я начал всматриваться и вслушиваться: он стоял на коленях перед походной своей иконой, руки были сложены крестом на подушке стула, голова покоилась на руках. До слуха моего доходили сдержанные рыдания. Это продолжалось до утра...».

В средоточии богословской мысли Хомякова стояла Церковь, и его главное богословское сочинение озаглавлено – «*Опыт катехизического изложение учения о Церкви*». Он писал: «Ты понимаешь Писание, во сколько хранишь Предание и во сколько творишь дела, удобные мудрости и в тебе живущей. Но мудрость, живущая в тебе, как члену Церкви и дана тебе отчасти, не уничтожая совершенно твою личную ложь, – дана же Церкви, в полноте истины и без примеси лжи. Посему не суди Церкви, но повинуйся ей, чтобы не отнялась от тебя мудрость».

Особенно дорога была Хомякову мысль о соборности Церкви. Под соборностью он понимал вовсе не «всемирность» Церкви. Соборность, в его понимании, не человеческое, а Божественное свойство Церкви. «Не лица и не множество лиц в Церкви, – говорил он, – хранят Предание и истину, но Дух Божий, живущий в совокупности церковной». Хомяков не уставал повторять свой главный тезис: «Церковь одна». Поэтому о западных исповеданиях он писал всегда, как об обществах, отделившихся от Единой Церкви. Коренной причиной западной схизмы Хомяков считал «недостаток любви».

При жизни Хомякова академическое богословие с подозрением относилось к его экклезиологическим воззрениям. Но на рубеже столетий его авторитет и его влияние на богословскую науку были чрезвычайно велики. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с богословскими трудами митрополита Антония (Храповицкого) и архиепископа Илариона (Троицкого), в меньшей степени это влияния сказались и в экклезиологических построениях Патриарха Сергия (Страгородского).

Глубоким мыслителем был и другой славянофил И.В. Киреевский (1806–1856), хотя его литературное наследие невелико по объему. В отличие от Хомякова, в своем духовном становлении он проделал не прямой путь. Воспитанный в семье, связанной с масонскими кругами, в молодости он увлекался Кантом и особенно Шеллингом. В ту пору он, по собственному признанию, был «совершенно чужд христианского мировоззрения».

Но его жена оказалась благочестивой христианкой, духовной дочерью старца Новоспасского монастыря Филарета; и она познакомила мужа со своим духовником, под влиянием которого Киреевский убедился в истине Евангелия и учения святых отцов. Опираясь на пережитый им самим опыт мировоззренческих исканий, он писал: «Вырвавшийся из-под гнета рассудочных систем европейского любомудрия, русский образованный человек в глубине особенного, недоступного для западных понятий, живого цельного умозрения святых отцов Церкви найдет самые полные ответы именно на те вопросы ума и сердца, которые всего более тревожат душу, обманутую последними результатами западного самосознания».

В последние годы главным делом жизни И.В. Киреевского стало участие в переводе и издании аскетических творений, предпринятом в Оптиной пустыни под руководством старца Макария. Свои собственные богословские и философские суждения, а тем более сочинения, он вполне подчинял суду духовника – отца Макария. В Оптиной пустыни И.В. Киреевский и погребен (1856 г.).

В сочинениях поздних славянофилов религиозная и богословская проблематики отступают на второй план, в сравнении с вопросами историософского и национально-политического характера. Это относится и к идеям Н.Я. Данилевского о разнородных типах культуры Православного Востока и Запада, изложенным в книге «*Россия и Запад*», и к его политической публицистике, главной темой которой было освобождение славян от турецкого ига. За освобождение славян ратовал и И.С. Аксаков: и в статьях, и в своей общественной деятельности.

Славянский вопрос с редкой глубиной и проницательностью осуждается и в знаменитом «Дневнике Писателя» Ф.М. Достоевского, составляя, однако, лишь одну из многих тем этой книги. Достоевский сам называл себя «почвенником» и «старым славянофилом», хотя его воззрение и его творчество слишком сложны и трагичны, чтобы уложиться в рамки славянофильской идеологии. В своих сочинениях он раскрыл религиозный характер глубокого кризиса русской жизни. По словам протоиерея Г. Флоровского, «история открывалась ему как непрерывный Апокалипсис, и в ней решался вопрос о Христе. В истории вновь строится Вавилонская башня. Достоевский видел, как вновь Христос встречается с Апостолами, истина о богочеловеке с мечтой о человекобоге». Сам Достоевский писал: «Бог с дьяволом борется, а поле битвы в сердцах людей».

Своеобразным мыслителем был К.Н. Леонтьев (1831–1891), писатель, публицист, дипломат. Он резко обвинял Ф.М. Достоевского в проповеди «розового» христианства. «Сочиненному», как он утверждал, христианству Достоевского Леонтьев противопоставлял монастырский быт, Афон. Но считать Леонтьева выразителем подлинного аскетического предания Православной Церкви было бы неверно. В его апологии аскетизма есть совсем не святоотеческий и едва ли христианский оттенок своеобразного эстетизма. Странно звучат его слова: «И христианская проповедь и прогресс европейский совокупленными усилиями стремятся убить эстетику жизни на земле, то есть самую жизнь. Что же делать? Христианству мы должны помогать даже и в ущерб любимой нами эстетики, из трансцендентального эгоизма из страха загробного суда!» В христианстве он искал не столько истины, сколько спасение от ада. Последние годы жизни он провел в Оптиной пустыни, и незадолго до кончины принял монашеский постриг с именем Климента (Задержольма).

Необычную философско-утопическую систему разрабатывал Н.Ф. Федоров (1828–1903). При жизни этот бессеребренник не печатался вовсе. Опубликованы его сочинения уже посмертно. В них он развивал фантастический проект воскрешения мертвых, воскрешение «предков» творческой силой самих «людей-сыновей», воскрешения, осуществляемого научно-техническими средствами. В связи с этим проектом перед Федоровым встала проблема расселения миллиардов воскресших. Решение этой проблемы он находил в освоение космоса и заселении планет. Почитателем Федорова был знаменитый ученый К.Э. Циолковский.

Сам Федоров полагал, что его проект согласуется с ортодоксальным учением Церкви. На деле же он, несомненно, разногласит с Откровением. В нем не трудно обнаружить странную смесь доведенного до крайности оптимистического пелагианства с социальным утопизмом и сциентистским магием. Фантастические идеи Федорова, мало кому ведомые из его современников, оказали заметное влияние на духовные искания религиозно настроенной интеллигенции начала XX века.

§ 19. Церковная жизнь и церковное искусство в XIX веке

В XIX веке, как и в предшествующее столетие, Святейший Синод проявлял чрезмерную осмотрительность при канонизации святых. Прославление новоявленных угодников бывали исключительно редкими событиями.

Лишь через 40 лет обретения мощей Иркутского святителя Иннокентия, в 1804 году Синод установил празднования в его честь, назначив его на 26 ноября, днем раньше кончины святого, ибо в самый день его преставления совершается празднование иконы Божией Матери «Знамение».

Память Воронежского святителя Митрофана благоговейно чтится в его епархии со времени кончины святого. С 1820 году увеличился поток почитателей подвижника, стекавшихся в Воронеж к его мощам; умножились и случаи благодатных знамений. Воронежский архиепископ Антоний многократно сообщал в Синод о чудесах и ходатайствовал о причислении епископа Митрофана к лику святых. В 1831 году Синод назначил комиссию для освидетельствования его мощей и чудесных знамений, совершавшихся по молитвам к нему. По заключению комиссии 7 августа 1832 года состоялось прославление угодника. Память его определено праздновать 7 августа и 23 октября – день преставления святого.

В день, предшествовавший открытию мощей святого, архиепископ Антоний, собираясь идти в храм возложить на мощи новое архиерейское облачение, почувствовал внезапное расслабление и услышал тихий голос: «Не нарушай моего завещания». Размышляя об услышанном, он открыл ризницу и обнаружил там схиму принесенную незадолго перед тем неизвестной монахиней, сказавшей, что скоро эта схима понадобится. Тогда архипастырь понял, что воля святителя Митрофана в том, чтобы не полагать на его мощи архиерейского облачения, а оставить их в схиме.

13 августа 1861 года, в день преставления другого Воронежского святителя, Тихона Задонского, состоялась его канонизация. Церковные праздники устанавливались в честь икон, прославившихся чудесными знаменами. В 1843 году древняя и ветхая икона Богородицы «Споручница грешных», хранившаяся в старой часовне Николаевского Одрина монастыря Орловской епархии была торжественно принесена в церковь. К образу Богородицы стали стекаться верующие, чтобы помолиться перед ним о врачевании своих болезней и скорбей. По молитвам матери перед иконой получил исцеление расслабленный мальчик. Во время холеры многие из больных исцелялись предстательством Споручницы грешных. В 1848 году усердием москвича Димитрия Бонческула был сделан список с этой иконы, который прославился цельбоносным мироточением. Этот список перенесли в храм святителя Николая в Хамовниках. Празднество в честь «Споручницы грешных» совершается 7 марта и 29 мая.

В XIX веке благодатными проявлениями милости Божией прославились и другие Богородичные иконы – два списка (Рыбинский и Угличский) иконы «Недремлющее Око», названный так в связи с надписью над образом «Аз сплю, а сердце Мое бдит» (Песн. 5:2) празднование 29 мая. В тот же день с 1859 года совершается празднование Цесарской – Боровской иконы. 29 июня и 1 октября чествуется Одесская святыня – Касперовский образ Божией Матери, названный так по имени помещицы Юлиании Ивановны Касперовой, в доме которой хранилась эта святыня до ее прославления. Касперовская икона защитила свой город от вторжения неприятеля в Крымскую войну.

В XIX веке было установлено празднование Звенигородской и Барской иконам Божией Матери и иконе, именуемой «Тучная Гора», местное почитание которой началось еще в XVIII столетии, с тех пор как в Твери одна молодая женщина, доведенная до отчаяния притеснениями в семье мужа, собиралась покончить самоубийством в пустой бане, но на пути ей явился инок и сказал: «Куда ты, несчастная идешь? Воротись назад; иди помолись Божией Матери Тучной Горе – и будешь жить хорошо и спокойно». Монаха искали и не нашли, а икона была найдена в доме чудесно вразумленной женщины на чердаке.

Новоявленным угодникам и прославленным иконам составлялись службы и акафисты. Писались новые акафисты и службы святым, память которых давно уже чтится Церковью. В 1802 году иеромонах Ювеналий (Медведский) написал акафист святителю Алексию. Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) составил акафисты Покрову Богородицы и Страждущему Спасителю, службу Собору Вологодских святых. В 1814 году архимандрит Филарет

(Дроздов) составил молебствие в память об избавлении России от нашествия галлов. В 1856 году, уже будучи митрополитом Московским, святитель Филарет пересмотрел и исправил Чин архиерейского исповедания и обещания перед рукоположением и Чин присоединения иноверцев.

Синод неизменно уделял внимание иконографии, требовал избегать не каноничных элементов при печатании образов. В XIX веке русская иконопись сохраняла зависимость от художественных приемов западной религиозной живописи. Смена стилей – классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм, – которая наблюдалась в светской живописи, отражалась и на священных изображениях, создававшихся часто теми же художниками, которые писали и светские картины. Из художников, посвятивших свой талант преимущественно иконописному искусству, своим высоким мастерством выделялись Прахов и Самохин.

Наряду с художниками-иконописцами, прошедшими академическую школу, в провинции иконы писались и ремесленниками. Эти иконы предназначались для сельских храмов и для частных, главным образом, крестьянских и мещанских домов. В этом ремесленном иконописании «богомазов» сохранялись отзвуки древней иконописи. Особенным совершенством отличались иконы, которые писались в знаменитом Палехе, где навыки иконописного мастерства передавались из поколения в поколение.

Во второй половине XIX века стало отчетливо сознаваться духовное несоответствие между языком религиозной живописи и иконописным преданием Православной Церкви. Привлекать пристальное внимание к себе древняя икона стала и церковных археологов и художников, но о древнерусской иконописи судили тогда по ее позднейшим образцам – по иконе Строгановского письма, по школе Оружейной палаты, по Симону Ушакову.

Храмостроительство синодальной эпохи в художественном отношении, безусловно, превосходило современную ему религиозную живопись. Заказы на сооружение церквей в Москве и Петербурге давались самым талантливым русским и иностранным архитекторам.

С 1801 по 1811 годы по проекту А.М. Воронихина в Петербурге на Невском проспекте был воздвигнут Казанский собор. В плане храм имеет форму креста. Огромный купол собора представляет собой шедевр архитектурного инженерного искусства. Украшением Невского проспекта является легкая и стройная колоннада Казанского собора, образующая могучие полукруглые крылья. Казанский собор сильно украшен скульптурой: в нишах за колоннами стоят изображения святых Иоанна Предтечи, апостола Андрея Первозванного, святых князей равноапостольного Владимира и благоверного Александра Невского, выполненные С.С. Пименовым, И.П. Прокофьевым, И.П. Мартосом.

В течение сорока лет, с 1818 по 1858 годы, по проекту О. Монферрана перестраивался в Петербурге кафедральный Исаакиевский собор. Это самый грандиозный по размерам храм северной столицы – он может вместить 12 тысяч человек. Со всех сторон собор окружают колонные портики. Над основным объемом храма возвышается барабан, завершенный центральным куполом. Его высота составляет 101,5 метра. По углам воздвигнуты четыре купола меньших размеров. Собор в изобилии украшен скульптурой, рельефами и колоннами, мрамором и позолотой. Настенные росписи выполнены замечательными художниками К.П. Брюлловым, Ф.А. Бруни, скульптурные изображения – П.К. Клодтом, И.П. Витали.

Одна из лучших в архитектурном отношении московских церквей первой половины XIX века – Преображенский храм на Ордынке. По хранящийся здесь чтимой иконе «Всех Скорбящих Радость» храм называют Скорбященским. Церковь на этом месте была построена еще в XVII веке, но в 1780 году она была перестроена В.И. Баженовым. Новую перестройку храма в 1828–1836 годах осуществил О.И. Бове. В плане Скорбященская церковь представляет ротонду. Интерьер храма, с его гармоничным расчленением пространства, с мраморным иконостасом в виде классической триумфальной арки, создают у молящихся чувство покоя и умиротворенности.

С 1835 по 1845 годы в Елохове по проекту Б.Д. Тюриня строился большой пятиглавый храм в честь Богоявления Господня, ныне патриарший кафедральный собор. Он построен в стиле позднего классицизма, но при решении внутреннего пространства собора архитектор вдохновился интерьером Киевской и Константинопольской Софии. Ныне это самый большой храм Москвы.

В середине XIX века в храмостроительстве происходили серьезные перемены. Классицизм изжил себя. Поэтому русские зодчие предпринимали попытки воскресить в храмостроительстве византийские или древнерусские архитектурные традиции. Но попытки эти были половинчатыми

и не часто приводили к творческим удачам. И все-таки в середине и особенно во второй половине XIX века в России построено несколько замечательных соборов в «византийском» стиле: в Риге, Ревеле (Таллине), Варшаве, в Херсонесе под Севастополем.

Одна из самых грандиозных построек такого типа – храм Христа Спасителя, воздвигнутый в Москве на народные пожертвования в память о спасении в Отечественную войну. В 1812 году начато было строительство храма-памятника на Воробьевых горах по проекту архитектора Витберга, обильно уснащенному таинственными символами. Песчаный грунт Воробьевых гор не выдержал тяжести постройки, и воздвижение храма было прекращено. В 1837 году под руководством архитектора К. Тона возобновлено возведение храма Христа Спасителя, но уже в византийском стиле и на новом месте в центре Москвы. Освящение храма состоялось в 1883 году. В плане храм имел форму равноконечного креста. Снаружи этот величественный храм был облицован белым камнем и украшен рельефами.

В Киеве в 1896 году завершилось строительство собора святого равноапостольного князя Владимира, сооруженного в память 900-летия Крещения Руси тоже в византийском стиле. Храм расписан под руководством А. Прахова лучшими художниками конца XIX столетия: В. Васнецовым, М. Нестеровым, М. Врубелем.

Уже с конца 40-х годов при строительстве каменных храмов Синод требовал по возможности соблюдать византийский стиль. В качестве руководства рекомендовались чертежи К. Тона. В 1858 году был утвержден специальный атлас проектов на постройку сельских деревянных храмов.

Самыми известными композиторами, писавшими церковную музыку в первой половине XIX века были директора Придворной капеллы *Д.С. Бортнянский* (1751–1825) и протоиерей *П.И. Турчанинов* (1779–1856). Они не только писали музыкальные сочинения для клироса, но и пытались гармонизировать древние церковные распевы. Гармонизации протоиерея Петра Турчанинова строже и ближе по духу древним напевам, чем опыты Бортнянского.

Новый директор Придворной капеллы *А.Ф. Львов* (1798–1870) гармонизовал осмогласные напевы и издал *«Полный круг простого нотного пения (Обиход) на четыре голоса»*. Выход нового Обихода стал большим событием в церковной жизни, ибо до него осмогласные песнопения исполнялись церковными хорами без нот, на память, и разучивались на слух.

Старинные напевы, сохранившиеся еще в монастырских хорах, особенно в древних обителях, вдохновляли больших русских композиторов XIX века: М.И. Глинку, М.А. Балакирева, П.И. Чайковского написание музыкальных сочинений для Богослужения.

Синод в конце века уделял много внимания церковному пению. Для приготовления искусных регентов в Петербургскую Придворную капеллу вызывались лучшие певчие из архиерейских хоров. После окончания курса при капелле им выдавались аттестаты на право обучения регентству и хоровому пению. В 1886 году при Московском синодальном хоре, который наряду с Придворной капеллой, был крупнейшим очагом церковно-певческой культуры, открылось училище церковного пения, в котором готовили учителей пения и регентов церковных хоров. По семинарскому уставу 1884 года церковное пение стало обязательным предметом.

§ 20. Русская Церковь и Православный Восток

С давних времен благочестивые русские люди совершали паломничества на Святую Землю. Учитывая все возрастающее число паломников, желавших поклониться святыням, связанным с земной жизнью Спасителя, Синод принял решение об учреждении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Открытие Миссии состоялось в 1847 году, начальником ее был назначен известный богослов и исследователь древностей Христианского Востока архимандрит Порфирий (Успенский). В состав Духовной Миссии вошли бакалавр Петербургской Академии иеромонах Феофан (Говоров), впоследствии знаменитый Вышенский Затворник, и студенты Академии.

Миссия расположилась в Архангельском монастыре, который был предоставлен ей Патриархом Иерусалимским.

В скором времени Миссия смогла открыть свою типографию, где печатались Богослужебные книги на греческом и, главным образом, на арабском языке. Наряду с разносторонней помощью Иерусалимской Церкви, Миссия много сделала для улучшения условий, в которых находились русские паломники в Палестине.

Архимандрит Порфирий и его помощники занимались также и научной деятельностью. Они совершали путешествия по Палестине, Сирии, Синаю, Египту, изучали жизнь и историю древних обитателей Востока, исследовали уникальные книжные сокровища монастырских библиотек. Своими изысканиями они внесли большой вклад в отечественную богословскую церковно-историческую науку. Иеромонах Феофан долгое время жил в Лавре преподобного Саввы Освященного. В библиотеке этого монастыря он собирал и изучал хранившиеся там творения святых отцов.

В связи с началом Крымской войны 1853–1856 годов Духовная Миссия вынуждена была покинуть Святую Землю. Но вскоре после войны, в 1857 году, был образован новый состав Миссии во главе с архимандритом Кириллом (Наумовым), который перед отправлением в Иерусалим был хиротонисан в епископа Мелитопольского. Епископ Кирилл, по прибытии в Иерусалим, ознакомился с состоянием дел Духовной Миссии. Благодаря хорошим отношениям, которые он сумел завязать и с турецкой администрацией, и с греческой иерархией, и с местным христианским и мусульманским населением, епископ Кирилл в короткий срок существенно облегчил положение русских паломников.

В Петербурге в это время образовался Палестинский комитет, который изыскивал средства для улучшения жизни русских паломников в Палестине. Благодаря организации денежных сборов для Святой Земли по всем храмам России, к середине 60-х годов образовался солидный фонд, который позволил приобрести в Иерусалиме и других местах Палестины земельные участки, построить на них храмы, богадельни, странноприимные дома, гостиницы.

За шесть лет пребывания в Иерусалиме епископ Кирилл установил тесные связи с Иерусалимской Патриархией. Кроме того, русские миссионеры содействовали возвращению в лоно Православной Церкви арабов-униатов, отторгнутых от Православия латинской пропагандой. Еще со времени архимандрита Порфирия (Успенского) Русская Миссия предпринимала шаги к сближению с Коптской и Эфиопской церквями.

С 1865 по 1894 годы, в течение почти 30 лет, Русской Духовной Миссией в Палестине управлял архимандрит Антонин (Капустин), Оптинский монах, магистр богословия, энергичный и одаренный пастырь. В Иерусалим он прибыл с большим опытом церковно-представительской работы: ранее служил настоятелем посольских церквей в Афинах и Константинополе. Его деятельность носила разносторонний и масштабный характер. Он был, подобно епископу Порфирию (Успенскому), замечательным ученым, историком и археологом, знатоком библейских и христианских древностей Востока. Архимандрит Антонин детально изучил Палестину, ее историю и географию, организовал раскопки библейских мест. Одновременно он приобретал участки земли и благоустраивал их; в этом деле ему приходилось преодолевать многочисленные препятствия, чинимые со стороны турецких властей. Благодаря его предприимчивости Русская Церковь стала хранительницей многих священных мест Палестины. Одним из первых и самых памятных приобретений архимандрита Антонина была покупка участка близ Хеврона с Мамврийским дубом.

Еще в середине 60-х годов в здании Миссии была освящена Крестовая церковь во имя святой мученицы царицы Александры. В 1872 году Патриарх Иерусалимский Кирилл освятил

соборный храм Миссии во имя Святой Троицы.

В 1871 году на русском участке в Горнем неподалеку от Иерусалима архимандрит Антонин основал женскую обитель. Устав этого монастыря был утвержден Синодом в 1886 году. Через два года после этого в Горненской обители был освящен храм в честь Казанской иконы Божией Матери. Благодаря трудолюбию настоятельницы монастыря матери Валентины обитель процветала. В ней были открыты иконописная и золотошвейная мастерские. Слава об искусных швеях Горненской обители распространилась далеко за пределы Палестины. К 1914 году в Горненском монастыре подвизалось около 200 сестер.

При архимандрите Антонине Миссия открыла свои подворья в Иерихоне, в Тивериаде на берегу Галилейского моря.

Тщательно изучая приобретенные и намеченные к приобретению места, отец Антонин проводил в них раскопки, которые дали богатейший материал библейской и церковно-исторической науке. Раскопки на Елеонской горе позволили обнаружить декоративные эпиграфические фрагменты, относящиеся к VI-IX векам. Были обнаружены следы базилики времен святого равноапостольного Константина Великого. Найденные благодаря раскопкам древности послужили основой для открытого в Русской Миссии историко-археологического музея.

После блаженной кончины архимандрита Антонина, последовавшей в 1894 году, деятельность Духовной Миссии с успехом продолжалась до Первой мировой войны, с началом которой Миссия вынуждена была оставить Иерусалим. Начальник Миссии архимандрит Леонид, возглавлявший ее с 1903 года, благодаря покровительству Александрийского Патриарха Фотия, обосновался со своими сотрудниками в Египте. К началу Мировой войны Русская Духовная Миссия в Иерусалиме располагала 37 участками земли, 8 храмами, 2 женскими обителями, несколькими молитвенными домами, а также подворьями, гостиницами, богадельнями, школами.

Святая Гора Афон вот уже второе тысячелетие является очагом аскетического подвижничества Вселенской Православной Церкви. Братия Святой Горы многонациональна. Первые русские иноки появились на Афоне в XI века.

В эпоху турецкого ига русское правительство неизменно оказывало покровительство афонским монастырям. Во время греческого восстания 1812 года турецкие власти жестоко мстили афонским монахам за их поддержку повстанцам. Святогорские монахи были избиты и изранены, монастыри разграблены, разорены, некоторые монахи приняли мученическую кончину. Султан Махмуд собирался уничтожить афонские монастыри до основания; но вмешательство Российского императора Александра I предотвратило этот варварский акт.

В XIX веке русские обители Святой Горы переживали духовное возрождение, связанное прежде всего с именами иноков Виссариона и Варсонофия, которые прибыли на Афон из России в 1830-е годы и подвизались сначала в Иверской обители, затем в скитах Афона, где оба они приняли сан иеромонахов, а впоследствии великую схиму. В 1841 году отцы Виссарион и Варсонофий приобрели себе келию, в которой в скором времени собралось около 20 монахов.

Большую помощь русским монастырям на Афоне оказал известный церковный деятель *Андрей Николаевич Муравьев*. Благодаря его содействию келлия иеросхимонахов Виссариона и Варсонофия была возведена в степень скита; за свои благодеяния этой обители А.Н. Муравьев получил титул свитского ктитора. Торжественное открытие скита состоялось в 1849 году по благословению митрополита Григория, который возвел отца Виссариона в сан игумена и благославил иноков иконой Пресвятой Богородицы «В скорбях и печалях Утешение». Новооснованный скит был посвящен святому апостолу Андрею Первозванному. Этот скит имел более 10 церквей, главная из которых, собор апостола Андрея Первозванного, построенный из белого и серого мрамора, один из самых величественных на Святой Горе. Андреевский скит имел подворья в Константинополе, Петербурге, Одессе, и Ростове-на-Дону. В начале XX века в нем спасалось около 500 иноков.

Самой большой русской обителью на Афоне является Пантелеимонов монастырь. Он расположен на юго-западной стороне Святой горы. С 1830 года игуменом этой обители стал архимандрит Герасим. Здесь подвизались старцы архимандрит Макарий и иеросхимонах Иероним. Благодаря трудам и хлопотам настоятелей и братии Пантелеимонова монастыря многие пришедшие в упадок келии, принадлежавшие прежде грекам, перешли в ведение русской обители. В начале XX в. в монастыре было 20 храмов. В главном из них, соборе святого Пантелеимона, хранится честная глава великомученика. Монастырь располагал своей

типографией, в которой издавались святоотеческие творения и другие богословские, аскетические и религиозно-назидательные сочинения. Пантелеимонов монастырь имел подворья в Константинополе, Москве, Петербурге, Одессе. Иноки этой обители помогли устроить Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь на Кавказе.

Глава IV. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА РУБЕЖЕ XIX И XX СТОЛЕТИЙ

1. Миссионерство

На рубеже столетий не только правительственный и Святейший Синод, но и церковная общественность проявляли постоянную заботу о христианской миссии. В 1897 и 1898 годах были проведены Миссионерские съезды в Казани и Одессе. В 1910 году состоялся Миссионерский съезд в Иркутске под председательством архиепископа Томского Макария (Невского), в прошлом алтайского миссионера. Съезд постановил, что «проповедь, обучение, Богослужение, одним словом, все виды миссионерского делания должны совершаться на языке, понятном для инородцев, причем миссия, как таковая, не должна задаваться посторонними целями, но должна стремиться к достижению своей собственной единой и высокой цели – приобрести язычников для Церкви Христовой».

С 1896 году в Киеве издавался журнал «Миссионерское обозрение», редакция которого впоследствии была переведена в Петербург.

Особенно яркую страницу в истории миссионерства начала нашего века вписала деятельность Камчатской миссии. В конце XIX века она располагала 17 миссионерскими станциями (на самом полуострове, Чукотке и Колыме); где проживали обрусевшие камчадалы, а также коряки, чукчи, алеуты, среди которых многие были крещены, но из-за беззаботности окормлявшего их духовенства не имели почти никаких представлений о вере: не все из них знали свои христианские имена, а в быту они оставались совершенными язычниками, слушали своих шаманов, приносили в жертву духам оленей и ездовых собак.

В 1907 году настоятелем Корякской походной миссии был назначен иеромонах Нестор (Анисимов), впоследствии митрополит (1885–1962). На Камчатку он отправился, испросив прежде благословение на благовестнические труды у великого Кронштадтского пастыря протоиерея Иоанна Сергиева. Свои миссионерские труды юный иеромонах начал с Богослужений в Иоасафатской церкви в Гижиге, на берегу Тихого океана.

По его воспоминаниям, однажды во время службы язычница корячка, стоя перед Распятием, вдруг закричала, обращаясь к Богородице, Которую она приняла за виновницу страданий Христа: «Зачем Ты повесила Его там, на древе? Зачем Ты делаешь Ему больно? Сними Его с древа. Ты видишь, у Него кровь!» Подойдя к сострадательной женщине, иеромонах заговорил с ней на корякском языке о Христе, и полудикая корячка «озарилась светом Евангельской истины». Она стала просить священника скорее «дать ей веру». После обучения основам вероучения, на Пасху, она была крещена вместе со своей всей семьей.

Для большего успеха христианской проповеди иеромонах Нестор переводил на корякский язык молитвы и отрывки из Евангелия, обучал туземцев русскому языку. Он чем мог помогал голодавшим, лечил больных, обучал коряков правилам гигиены, раздавал мыло и лекарство. Он отучал туземцев от курения, а курили и жевали табак, который в изобилии привозили на Камчатку американские промышленники, все коряки поголовно, не только мужчины, но и женщины, дети, даже грудные младенцы. По словам миссионера, одним из главных препятствий для проповеди Евангелия на Камчатке было «нехристианское поведение местного русского населения Камчатки и иностранцев: чиновников, промышленников, купцов». Язычники спрашивали миссионера: «А где же светлый Бог вон у тех, которые день и ночь шаманят за картами и вином, грабят нас и дают грабить другим», американцам и японцам.

Миссии катастрофически не хватало средств. Тогда по благословию архиепископа Владивостокского Евсевия иеромонах Нестор отправился в Петербург хлопотать об учреждении Камчатского братства. План ревностного миссионера принял близко к сердцу митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) и благодаря его поддержке, в 1910 г. Синод утвердил устав новоучрежденного Камчатского братства во главе с почетным председателем архиепископом Евсеем и иеромонахом Нестором. В Братство записались император, высокопоставленные и состоятельные лица. Появились средства для продолжения миссионерской деятельности. Эти средства шли на устройство церквей, школ, приютов, лечебниц, миссионерских станций. В разборном виде из Петербурга на Камчатку присылали не только школьные здания, но и церкви. По примеру самоотверженного благовестника многие люди отправились на далекую Камчатку помогать Миссии. С их помощью отец Нестор устроил колонию для больных проказой, открывал приюты и школы.

В 1914 г. в селе Иосафатском был проведен Камчатский миссионерский съезд, заседания на котором велись на русском и местном корякском языках. К 1916 г. на территории Миссии было 35 церквей и 42 школы.

В 1916 году по постановлению Синода было открыто Камчатское викариатство с кафедрой в Петропавловске. Епископом был назначен начальник Камчатской духовной миссии архимандрит Нестор. Его хиротония состоялась во Владивостоке. В слове при наречении в епископа ставленник сказал: «Совершая дело Евангельской проповеди и пастырского миссионерского служения... в обширной суровой Камчатской области, среди язычников-шаманистов, поклонников этой злой темной силы, приходилось неоднократно подвергаться смертельной опасности: мерзнуть под снегом, будучи заметенным снежным бураном, изнуряться голодом, погибать в волнах морской пучины, претерпевать напасти от хищного зверя, изнемогать в тяжелых болезнях, и Господь всегда оберегал меня, немощного, на всех путях миссионерского служения». С благоговением вспоминал он в этом слове о своих предшественниках – камчатских миссионерах: о мученически скончавшемся архимандрите Мартиниане, о монахе Игнатии (Козыревском). Об архимандрите (а позже епископе) Иосафе (Хотунцевском), об архимандрите Пахомии, о святителе Иннокентии (Вениаминове).

За пределами России на рубеже веков с особым успехом действовала Японская Духовная Миссия. Ее основателем был святой равноапостольный *Николай* (в миру *Иван Дмитриевич Касаткин*). Он родился 1 августа 1836 года в семье диакона в Березовском погосте Смоленской епархии. В пятилетнем возрасте мальчик потерял мать. По окончании Смоленской Духовной семинарии в 1857 году Иван Касаткин поступил в Петербургскую Духовную Академию.

В 1860 году Синод решил направить в Японию священником консульской церкви иеромонаха-миссионера. К студентам Петербургской Академии обратились с предложением поехать в далекую, тогда почти неизвестную в России страну, где и власти и народ были заражены многовековой неприязнью к христианству. Отправиться в Японию вызвался Иван Касаткин. 24 июля состоялся его постриг с наречением имени Николай, через 6 дней инок хиротонисали в иеромонаха.

Он был назначен настоятелем консульской церкви в городе Хакодате. Сначала проповедь Евангелия в Японии представилась ему совершенно невыносимой. Он писал: «Тогдашние японцы смотрели на иностранцев, как на зверей, а на христианство, как на злодейскую церковь, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи». 8 лет ушло на изучение японского языка, истории и культуры страны, нравов, обычаев и психологии японцев.

Со временем консульскую церковь стали посещать местные жители: одни из любопытства, другие от неудовлетворенности национальным синтоизмом и буддизмом. Хакодатский жрец Савабе до того возненавидел православного русского священника, что собирался убить его, но после нескольких бесед с мудрым миссионером серьезно и глубоко заинтересовался христианством. Наконец он уверовал во Христа, был крещен и при крещении получил имя апостола Павла. *Павел Савабе* стал первым православным японцем: за ним последовали новые обращенные. К 1868 году японская паства святителя Николая насчитывала уже 20 человек.

В конце 1869 года иеромонах Николай докладывал в Петербурге Синоду о первых результатах своей проповеднической деятельности и ходатайствовал об учреждении Миссии. Синод принял решение «образовать для проповеди между японскими язычниками слова Божия особую Российскую Духовную Миссию». Начальником ее назначили возведенного в сан архимандрита отца Николая.

Вернувшись в Японию, святитель Николай передал хакодатскую паству иеромонаху Анатолию, а сам перебрался в Токио, чтобы устроить там центр Миссии. В 1871–1873 года по Японии прокатилась волна гонений на христиан. Японские христиане, среди них ревностный миссионер Павел Савабе, подверглись преследованиям. Но после того как гонения стихли, просветитель Японии приступил к строительству церкви и православной школы в Токио. Ему удалось также открыть в японской столице Духовное училище, которое в последствии было преобразовано в семинарию.

В 1874 году в Токио прибыл епископ Камчатский Павел, чтобы рукоположить в диаконы и пресвитеры нескольких православных японцев, рекомендованных ему архимандритом Николаем. Среди них был и Павел Савабе.

В 1880 году отец Николай был возведен в Петербурге, где состоялась его хиротония, во епископа. Снова вернувшись в Японию, он с еще большим усердием и размахом продолжал

свои апостольские труды; завершил строительство Воскресенского собора в Токио, составил на японском языке православный богословский словарь, переводил на японский Богослужбные книги.

В 1889 году в Японии была объявлена полная веротерпимость. В связи с этим Миссия смогла шире развернуть свою деятельность. Крещение принимали тысячи японцев, и к концу столетия в стране насчитывалось уже около 25 тысяч православных, объединенных в 226 общин с 28 священниками. Общины были необычайно самостоятельны. При них открывались общества содействия религиозно-нравственному воспитанию. На собраниях обществ читались Священное Писание и жития святых, общества занимались благотворительными делами. В стране подвизалось 149 катехизаторов.

Нравственным испытанием для новорожденной Японской Церкви стала русско-японская война 1904–1905 годов. Мудрый архипастырь, оставаясь русским патриотом, келейно молился за победу своего Отечества и в общественных Богослужениях, на которых возносились молитвы о победе Японии, не участвовал, но православным японцам он благословил оставаться верноподданными своего правительства, чтобы не дать повода для обвинения их в измене родине. Благодаря этому, православные приходы не подвергались преследованиям, а сам святитель снискал глубокое уважение со стороны японцев. Ему разрешили посещать лагерь русских военнопленных. Духовным окормлением пленников занимались и православные пастыри японской национальности. За свои подвижнические труды в годы войны святитель был удостоен сана архиепископа.

Святой равноапостольный Николай скончался 3 февраля 1912 года. Созданная им Японская Церковь насчитывала тогда более 33 тысяч человек. Японская паства чтит почившего святителя как праведника, молитвенника и святого. Велико было уважение к его памяти и со стороны японцев, не принадлежавших к Православной Церкви. Его могила на Токийском городском кладбище даже язычниками и поныне почитается как национальная святыня. В 1970 году святитель Николай причислен к лику святых Православной Церкви с титулом равноапостольного.

Преемником просветителя Японии стал епископ Сергий (Тихомиров) († 1945), впоследствии удостоенный сана митрополита. Вступая на кафедру, епископ Сергей сказал: «Все, что есть в Японской Церкви доброго, до последнего христианина в церквях, до последнего кирпича в постройках, до последней буквы в Богослужбных переводах, есть дело просвещенного ума, широкого сердца и твердой, как скала, воли почившего святителя, счастливо сочетавшихся с непоколебимой верою его в святость своего дела и с благочестивым его жизненным подвигом».

В 1897 году была основана Русская Духовная Миссия в Корее. Цель Миссии состояла в окормлении русских православных людей, проживавших в этой стране, и, по возможности, в проповеди христианской веры местному населению. В состав Миссии вошли архимандрит Амвросий, иеродиакон Николай и псаломщик Красин.

Вскоре состав Миссии был обновлен. В Сеул направили архимандрита Хрисанфа, назначенного вместо отца Амвросия. Первым шагом архимандрита Хрисанфа в его миссионерском служении было обращение с проповедью Евангелия к русским подданным корейской национальности, проживавшим в Сеуле. Многие из них были переводчиками. Впоследствии с их помощью удалось осуществить перевод церковных книг на корейский язык. Благодаря трудам архимандрита Хрисанфа в октябре 1900 года открылась первая школа Миссии, в которой воспитывались дети корейцев.

Со временем христианская проповедь из столицы была перенесена в провинцию, где устраивались миссионерские станы, ставшие своего рода форпостами Православия в Корее. Положение Духовной Миссии осложнилось во время русско-японской войны. По обстоятельствам времени деятельность ее была временно прекращена и возобновилась лишь по окончании войны, в 1906 году.

Тогда же был назначен новый состав миссии из трех штатных и четырех нештатных членов. Во главе Миссии поставили архимандрита Павла (Ивановского). Архимандрит Павел много потрудился над христианским просвещением корейцев. Он завел такой порядок, что перед крещением оглашаемые сдавали экзамены по Краткому катехизису и Священной истории, и к купели допускались те, кто успешно сдавал экзамены. Архимандрит Павел продолжал труды своих предшественников по переводу Богослужбных книг на корейский язык. При нем продолжалось расширение миссионерских станов и школ в Корейской провинции. В 1912 году

отца Павла в Корею сменил архимандрит Иринарх. В 1925 году при архимандрите Феодосии (Перевалове) Русская Духовная Миссия в Корею отмечала 25-летие со дня освящения первой церкви Миссии. В это время среди корейцев насчитывалось около 350 православных христиан.

§ 2. Духовная школа и церковная наука на рубеже веков

В «Отзывах» архиереев на предложение Святейшего Синода высказаться о состоянии церковной жизни, поступивших в конце 1905 года, с пристальным вниманием обсуждалось состояние Духовных школ. Веских оснований для тревог епископата скопилось немало. Чрезвычайно велик был «отсев» Духовных школ – уход выпускников Семинарий в университеты, а кандидатов богословия на светскую службу. С 1900 по 1910 года Духовные Академии окончило более 1600 человек, но в 1911 году во всей России на приходах и в безприходных церквях служило менее 700 священников с академическим образованием, из которых добрая половина прошла академический курс еще в XIX веке.

Нецерковные настроения, захватившие значительную часть семинаристов, выливались порой в волнения и беспорядки, особенно в революцию 1905 года. В 18 семинариях произошли тогда забастовки, доходившие до покушений на ректоров, инспекторов и преподавателей.

Некоторые архиереи в своих «отзывах» давали самую мрачную характеристику всей системы духовного образования. Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) писал: «Строй духовно-учебных заведений, как унаследованный из мира западных еретиков, приводит дело Духовной школы до крайнего безобразия». В своем «отзыве» он передает слова неназванного им маститого архиерея: «Должно всю ее разогнать, разломать, вырыть фундамент семинарских и академических зданий и взамен прежних на новом месте выстроить новые и наполнить их новыми людьми».

Но большинство архиереев, давая более умеренные оценки, склонялось к проекту, выдвинутому в свое время архиепископом Димитрием (Муретовым): разделить существующие Семинарии на школы двух типов: всесословные пастырские школы и общеобразовательные средние школы для детей духовенства. Ведь нецерковные, а часто и прямо нигилистические настроения вносили в Семинарии те выходцы из духовных семей, кто учился в них не потому, что хотел посвятить себя пастырскому служению, а потому, что в Семинариях, в отличие от гимназий, образование для них было бесплатным.

Особо обсуждался вопрос о высшей школе. Архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) высказался за широкую автономию Академий, но при этом он считал обязательным епископский сан для ректора, через которого Академия канонически подчинялась бы священноначалию. Митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) приложил к своему «отзыву» записку профессора Н.Н. Глубоковского, предлагавшего открыть при университетах богословские факультеты «для свободного развития богословской науки», а Академии сохранить в качестве «научно-апологетических институтов Православной Церкви».

Архиепископ Волынский Антоний предлагал сократить в академических программах преподавание богословских систем и расширить изучение Священного Писания и отцов: «Система православного богословия есть еще нечто искомое, – писал он, – и потому должно тщательно изучать его источники, а не списывать системы с учений еретических, как это делается у нас уже 200 лет».

В 1908 году Синод назначил ревизию Духовных Академий. Петербургскую и Московскую Академии инспектировал архиепископ Херсонский Димитрий (Ковальницкий), казанскую – епископ Псковский Арсений (Стадницкий), Киевскую – архиепископ Волынский Антоний. Ревизоры обнаружили в Академиях слишком много «светского духа» и церковного либерализма, упадок дисциплины.

В результате этой ревизии частичная автономия, предоставленная Академиям в 1906 году, была отменена. В 1910 году вышел новый Устав Духовных Академий, некоторые дополнения были внесены в него в 1912 году. Устав предусматривал расширение преподавательского персонала, введение практических занятий для студентов, увеличение числа кафедр: вновь открывались кафедры истории Византийской и Славянских церквей. Особое внимание уделялось религиозному и нравственному воспитанию студентов и укреплению дисциплины. Посещение Богослужений стало обязательным и для студентов и для преподавателей. Устав отмечал важность соблюдения постов студентами. Для повышения авторитета администрации для ректора Академии устав предусматривал епископский сан, а для инспектора – сан архимандрита. От преподавателей Академий устав требовал читать лекции в строго православном духе. Предпочтение отдавалось профессорам и преподавателям в священном

сане. То обстоятельство, что в профессорских корпорациях преобладали миряне, вызывало озабоченность Святейшего Синода: в Московской Академии из 27 преподавателей лишь 9 состояли в священном сане, а в Петербургской даже через 7 лет после издания нового устава из 33 преподавателей 27 оставались мирянами. Устав предоставлял более широкие административные права ректору Академии и усиливал власть епархиальных архиереев над высшими Духовными школами.

Научный уровень академического богословия в эту эпоху был весьма высок. На рубеже столетий богословская мысль переживала расцвет, который, однако, таил в себе серьезную опасность отрыва от церковного Предания.

Замечательным библеистом был профессор Московской Академии *М.Д. Муретов*, автор текстологического исследования о Четвероевангелии и работ о ветхозаветном храме, о Филоне Александрийском. Он написал блестящую апологетическую книгу против Ренана, которая из-за неразумного цензурного запрета (чтобы опровергать Ренана, автору пришлось изложить его доводы) опоздала на 15 лет. Профессор М.Д. Муретов занимался также переводами творений святых отцов на русский язык.

Одним из крупнейших богословов был профессор *Н.Н. Глубоковский* (1863–1937). Выпускник Московской Академии, он читал лекции в Петербургской Академии. На студенческой скамье Н.Н. Глубоковский написал двухтомное магистерское сочинение «Блаженный Феодорит, епископ Кирский», напечатанное в 1890 году. Этот труд принес ученому мировую известность. Крупнейший труд Н.Н. Глубоковского по Новозаветной экзегетике и исагогике озаглавлен «Благовестие апостола Павла по происхождению и существу» (1905–1912). Это исследование является примером блестящего применения историко-филологического метода для анализа новозаветного текста. Книга поражает энциклопедической эрудицией автора, глубиной и тонкостью его аналитической мысли.

Событием в богословской науке стало издание в 1895 году магистерской диссертации иеромонаха *Сергия (Страгородского)*, будущего Патриарха, «Православное учение о спасении».

Одним из самых талантливых духовных писателей рубежа веков был Преосвященный *Антоний (Храповицкий)*, впоследствии митрополит (1864–1936). Он родился в дворянской семье. После окончания гимназии поступил в Петербургскую Духовную Академию. В 21 год принял постриг. После окончания Академии началась его церковно-педагогическая служба. С 1887 года он преподавал в Петербургской Академии. В 1890 году архимандрит Антоний был назначен ректором Московской Академии. Из Москвы его перевели в Казанскую Академию, в 1897 году состоялась его хиротония во епископа Чистопольского. С 1900 года епископ Антоний занимал Уфимскую кафедру, потом – Волынскую, и, наконец, с 1914 года – Харьковскую. В 1918 году митрополит Антоний был избран на Киевскую кафедру.

Его статьи и лекции по пастырскому богословию отличались свежестью взгляда и вдохновением. Пастырство для преосвященного Антония – это прежде всего дар деятельной, сострадательной любви, дар духовного единения пастыря с пасомыми.

Учение Преосвященного Антония о пастырстве органически связано с его пониманием догмата искупления. Он писал: «Вопреки школьным богословским системам, Божественное искупление заключается, главным образом, именно в восстановлении сего новоблагодатного единения любви и послушания людей с Богом, со Спасителем и между собой». Основным в искупительном подвиге Христа он считал Гефсиманское борение, оставляя в тени и Голгофу и Воскресение. В этом смещении акцентов проявилась главная слабость его догматической и пасторологической системы: чрезмерный морализм и психологизм. Для епископа Антония пастырство заслоняло священство. Сакраментальный момент в жизни Церкви в его статьях остается не раскрытым. Справедливо упрекая схоластическое богословие в безжизненности и отвлеченности, епископ Антоний стал искать выхода в нравственном раскрытии догмата. Объясняя смысл Голгофы, он писал: «Телесные муки и телесная смерть Христова нужна прежде всего для того, чтоб верующие оценили силу Его душевных страданий, как несравненно сильнейших, нежели телесные муки Его». Не на таком языке говорили о тайне Крестной смерти святые отцы.

В своей антропологии епископ Антоний недалек от вполне пелагианского первородного греха. «Адам, – писал он, – был не только виновником нашей греховности, сколько первым по времени грешником, и если бы мы не были его сынами, то все равно согрешили бы», Отрыв моралистического богословия епископа Антония от сотериологии святых отцов очевиден.

Широкая популярность епископа Антония в церковных кругах объяснялась в значительной мере его особой чуткостью к современным общественным проблемам. У него было острое чувство независимости Церкви от мира. Будучи монархистом, он, подобно славянофилам, был непримиримым противником синодальной системы и обличал ее с редким бесстрашием, которое ставило его в постоянно натянутые отношения с обер-прокурорами Синода. Громче всех своих современников он высказывался за восстановление Патриаршества.

Стремясь усилить воздействие Церкви на мир, епископ Антоний особые надежды возлагал на ученое монашество, и в бытность ректором Академий он многих студентов убедил принять постриг.

Но в монашестве он, вопреки церковной традиции, видел не сколько поприще аскетического подвижничества, собирания души, сколько своеобразный церковный авангард, призванный оказывать действенное влияние на церковную и политическую жизнь страны.

Крайним представителем «морализма» в русском богословии был профессор *М.М. Тареев* (1866–1934). Он занимал в Московской Академии кафедру нравственного богословия. Главный труд Тареева назван «*Основы христианства*». В этой книге содержится открытая критика «исторического христианства». Тареев убежден в том, что мир внешний, исторический, в котором действуют свои естественные законы, и мир личной человеческой жизни по Евангелию совершенно разомкнуты. Церковь из этого мира приобретает своих чад, но христианству нечего делать в истории и в мире. Для Тареева «Церковь» есть «второстепенная» или «производная реальность в христианстве». «Внутреннее христианство всецело божественно, – писал он, – Церковь же имеет земной вид, носит черты человеческой условности, исторически развивается».

В своей последней книге «*Христианская философия*» (1917) Тареев ставит под сомнение святоотеческое учение, подозревает его в искажении первоначального христианства. Учение святых отцов он обвиняет в гностицизме, сводит патристику к национально-греческому, византийскому типу мирозерцания, чуждому духовному складу русского народа. Весьма скептически относится Тареев и к догматике, противопоставляя ей христианскую этику. «Догматист, – писал он со странной под пером православного богослова иронией, – учит о том, что было, когда ничего не было, что происходит на небе и что будет за гробом, а о том, что происходит в христианской душе, здесь на земле, теперь, у него и терминов нет, слов нет». В «христианской философии» М.М. Тареев повторял те возражения против церковного учения и святоотеческого Предания, которые несколько веков назад были выдвинуты зачинщиками Реформации.

Моралистическому уклону в богословии начала века противостояла онтологическая школа религиозно-философской и богословской мысли. К этому направлению принадлежали профессор *Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие*, *Сергей Николаевич Булгаков* (впоследствии протоиерей), священник *Павел Александрович Флоренский* (1882–1943): философ, богослов, математик, искусствовед, автор «*Столпа и утверждения истины*» (1914). Это – очень личная книга, в ней отразился опыт личного восприятия святоотеческого Предания, в котором автор особенно дорожил «александрийским направлением», связанным с платоновским онтологизмом. «Столп и утверждение истины» – труд не столько богослова-догматиста, сколько религиозного философа, который стремился подчинить свою мысль суду церковного разума.

В последние годы синодальной эпохи появились замечательные работы талантливого богослова архимандрита, впоследствии архиепископа *Иллариона (Троицкого)* (1886–1929), профессора Московской Академии. В своих экклезиологических построениях архимандрит Илларион, подобно митрополиту *Антонию (Храповицкому)*, принадлежал к тому направлению в богословии, которое находилось под сильным влиянием *А.С. Хомякова*. Архимандрит Илларион не устал повторять мысль о том, что единство Церкви строится не только на единстве веры, но и на единстве благодатной жизни, что Церковь подобна живому и деятельному организму. Поэтому общества, отделившиеся от Единой Церкви, он, независимо от меры их догматических отступлений, считал совершенно безблагодатными. Впадая в крайности, в ригористическую нетерпимость, архимандрит Илларион был прав в главном: превыше всего он ставил сохранение единства Церкви.

Среди крупных деятелей церковной науки начала XX века следует также назвать имена несравненного знатока и исследователя патристического наследия профессора *В.И. Попова*, замечательных канонистов *С.В. Троицкого* и *В.Н. Бенешевича*, пасторолога *В.Ф. Певницкого*, церковного историка *Н.Ф. Каптерева* (1847–1917).

Ученик протоиерея *А.В. Горского*, профессор *Каптерев* выбирал для исследования узкие темы, но ему удавалось включить их в широкую перспективу исторического процесса. Ему принадлежит фундаментальная монография *«Патриарх Никон и царь Алексей»*, посвященная одному из самых переломных моментов в истории Русской Церкви и Русского государства.

Церковно-исторические работы писал и *В.О. Ключевский* (1841–1912), крупнейший русский историк, который занимал в Московской Академии кафедру гражданской истории. Для его исследований характерен тщательный анализ источников, материалов, фактов, но в анализе документов ему удавалось избежать гиперкритизма *Е.Е. Голубинского*. *В.О. Ключевский* был мастером исторического синтеза. В своих работах, в том числе и церковно-исторических: *«Древнерусские жития святых как исторический источник»*. *«Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства»* – он обнаруживал незаурядный литературный дар: со страниц его книг и статей встают мастерски написанные живые картины минувших эпох.

В духовной литературе рубежа столетий совершенно особое место занимают книги *Е. Поселянина*, посвященные житиям неканонизованных праведников и подвижников: *«Жизнеописание подвижников благочестия XVIII-XIX веков»*. Без этих книг наше представление о синодальной эпохе было бы ущербным и невосполнимым. Труды *Е. Поселянина* убеждают в том, что и в этот кризисный период своей истории, когда потускнел образ Святой Руси, Русская Церковь, возрадившая сонм святых подвижников и праведников, оставалась Святой Церковью.

§ 3. Религиозно-нравственное состояние общества и церковная жизнь на рубеже веков

В начале XX века Россия была втянута в водоворот бурных исторических событий. Политические потрясения оказывали влияние на религиозно-нравственное состояние народа. В народе умножились случаи отпадения в секты, особенно опасным был стремительный рост баптистской общины. В среде городской бедности вполне обычным явлением стало отчуждение от Церкви.

Интеллигенция в эти переломные годы русской истории переживала неоднозначные духовные процессы. С одной стороны, большая часть ее, отличавшаяся политической активностью, разделяла антирелигиозные настроения, так что противопоставление духовенства «обществу» стало одной из главных тем церковной и светской печати; с другой, уже в конце XIX столетия в обществе снова, как и в Александровскую эпоху, пробуждалась потребность в духовной жизни. И хотя в интеллигентском «богоискательстве» много было легкомысленного и суетного, православное духовенство с пастырской заботой отнеслось к мировоззренческим исканиям возвращавшейся в Церковь интеллигенции.

С 1901 по 1903 годы в Петербурге проводились религиозно-философские собрания, на которых интеллигенция, разочарованная в позитивизме и материализме, вела диалог с православными пастырями и профессорами богословия. Председательствовал на собраниях епископ *Сергий (Страгородский)*, ректор Петербургской Академии. Во вступительном слове при открытии собраний он говорил: «Самое искреннее мое желание быть здесь не по рясе, а на самом деле служителем Церкви, верным выразителем ее исповедания. Я бы счел себя поступившим против совести, если бы хотя немного уклонился от этого из-за какого-нибудь угодничества или из ложно рассчитанного стремления к миру... Настоящего, серьезного, действительно прочного единства мы достигнем только в том случае, если выскажемся друг перед другом, чтобы каждый видел, с кем он имеет дело, что он может принять и чего не может».

О влиянии председателя на атмосферу, которая установилась на собраниях, говорят слова, прочитанные на заключительном заседании от имени членов-учредителей: «Дух пастыря почил на пастве, и определил счастливый и совершенно неожиданный успех собраний. На них собирались с сомнением и не знали: возможно ли и не нужно ли будет собираться после 2–3 встреч духовенства и общества. Ничего не ждалось, кроме недоумений, раздражения, непонимания... Но добрый дух пастыря все сотворил... Епископ духом своим показал, как надо вести себя: своего не искать, а чужое беречь... Тщеславие и самолюбие умерли, а забила живая струя духовных интересов».

Среди участников собраний были *В.А. Тернавцев*, *Д.С. Мережковский*, князь *С.М. Волконский*. Академическое богословие, кроме епископа Сергея, представляли профессор протоиерей *С.А. Соллертинский*, профессор *П.И. Лепорский*, профессор *А.И. Бриллиантов*.

Настроения светских участников религиозно-философских собраний хорошо характеризуют слова *Д.С. Мережковского*: «Для нас христианство в высшей степени неожиданно, празднично. Вот мы именно эти непризванные, не приглашенные на пир, – прохожие с большой дороги... а мертвая академическая догматика – это старая, верная прислуга Хозяина, которая не пускает нас. Мы пришли радоваться празднику, а богословы слишком привыкли к христианству. Оно для них серо как будни». В этом высказывании сильно прозвучал новый, эстетический уклон религиозной мысли, который шел на смену моралистической традиции. Интеллигенция возвращалась в Церковь без должного смирения, не сколько для того, чтобы спастись в ней и учиться у нее, сколько, чтобы учить Церковь, чтобы попытаться реформировать ее на свой вкус.

С обеих сторон на собраниях высказана была мысль о неотложной необходимости церковного Собора. В 1903 году собрания были закрыты по настоянию *К.П. Победоносцева*, который находил их опасными. Он боялся, что влияние нецерковных участников собраний возобладает над миссионерским направлением, которое стремился придать собраниям их председатель.

В 1907 году в Москве было учреждено религиозно-философское общество имени *В. Соловьева*, в которое вошли *С.Н. Булгаков* и *П.А. Флоренский*, принявшие впоследствии священный сан, а также *Н.А. Бердяев*, *В.Ф. Эрн*, *В. Свенцицкий*. Члены общества в разной мере испытывали на себе влияние *В.С. Соловьева* (1853–1900), философа и религиозного мыслителя,

который пытался синтезировать христианство с неоплатонизмом римской теократии и искал единения христианского мира под духовной властью папы и светской властью русского царя, но, разочаровавшись в своих унитарных и экуменических надеждах, в «*Повести об антихристе*» проповедовал скорое наступление апокалиптической катастрофы. От В.С. Соловьева идет волновавшая богословскую мысль XX века софиологическая тема.

На рубеже веков начал меняться устоявшийся за два столетия синодальной эпохи нравственно-психологический и бытовой тип русского духовенства. Росла его общественная активность. Многие из священнослужителей избирались в Государственную Думу и проявляли немалую активность в ее работе. Постепенно духовенство переставало быть тем «запуганным сословием», в которое превратили его свирепые разборы XVIII века и отчуждение от Церкви дворянства и интеллигенции.

В конце XIX столетия начинали ломаться сословные границы духовного чина: чаще, чем прежде, сана священства искали выходцы из других сословий. Об этом косвенным образом можно судить по сословному происхождению архиереев первой половины XX века. Большинство из них по-прежнему уже по рождению принадлежало духовному чину. Но такие архиереи, как митрополит *Серафим (Мещеряков)*, епископ *Павлин (Крошечкин)*, вышли из крестьян. Из дворян вышли Патриарх *Алексий (Симанский)*, митрополиты *Антоний (Храповицкий)*, *Серафим Чичагов*, *Серафим (Александров)*, *Трифон* (князь *Туркестанов*), епископ *Андрей* (князь *Ухтомский*) и другие архиереи, в то время как из епископов XIX века лишь *Игнатий (Брянчанинов)* и *Ювеналий (Половцев)* принадлежали по рождению дворянству.

Как и во все века русской истории, очагами духовной жизни и в эту эпоху оставались монастыри. Аскетическое подвижничество на рубеже столетий процветало в Оптиной и Глинской пустыни, на Валааме и в Сарове, в Дивеевской и Шамординской женских обителях. Возрождение духовной жизни происходило и в Троице-Сергиевской Лавре – в ее скитах, и особенно в Гефсимании. В Гефсиманском скиту спасались старцы *Филипп*, *Исидор*, *Александр*, *Герман*.

Особенно знаменит Гефсиманский иеромонах *Варнава* (в миру *Василий Меркулов*). Он родился в 1831 году в крестьянской семье. В 20 лет пришел в Лавру и поступил в нее послушником. Послушнический искуc проходил под руководством старцев *Григория* и *Даниила*. В 1865 году он принял постриг и вскоре был рукоположен в иеромонаха. Уже тогда, несмотря на его молодость, у него искали совета и помощи богомольцы. Отец Варнава поселился в Гефсиманском скиту, и в этот скит к нему приходило много верующих за наставлением и духовной помощью. Более 30 лет продолжалось служение инока. Скончался старец Варнава 17 февраля 1906 года.

Восстановлению Патриаршества предшествовало ряд благодатных перемен в церковной жизни, которые придавали ей совершенно особый духовный тон. Одним из самых отрадных явлений было умножение числа канонизаций.

В царствование Николая II к лику святых причислено было больше подвижников, чем за предшествующие два века. Первым был прославлен *Черниговский святитель Феодосий*, почивший в 1696 году. Через 200 лет после его блаженной кончины, 9 сентября 1896 году состоялось перенесение святых мощей угодника.

4 сентября 1911 году к лику святых был причислен епископ *Иоасаф Белгородский*, мощи которого сохранились совершенно нетленными.

300 лет спустя после мученической кончины страдальца за Православие и русский народ Патриарха Московского *Гермогена*, 12 мая 1913 года, состоялось прославление его памяти. На праздничные торжества прибыл Патриарх Антиохийский Григорий V, который совершил Божественную литургию в Успенском соборе Кремля. 28 июля 1914 года к сонму святых угодников причислен был святитель *Питирим*, епископ *Тамбовский*, который преставился в 1698 году. Место упокоения святого с самой его кончины благоговейно почиталось православным народом. Память святителя *Иоанна*, митрополита *Тобольского*, чтится в Сибири издавна. Ввиду его местного почитания и множества чудес, явленных у его могилы, в 1916 году Святейший Синод установил всероссийское празднование его памяти, назначив его на день кончины святого 10 июня. 12 июня 1909 года совершились торжества прославления памяти благоверной княгини *Анны Кашинской*, вдовы замученного в Орде святого князя *Михаила Тверского*, которая издревле благоговейно чтится в Кашине и во всей Тверской земле. Собор 1649 года постановил открыть мощи благоверной княгини и причислить ее к лику святых. Но в 1677 году в связи со старообрядческим расколом, использовавшим имя святой Анны в своих целях, Московский

Собор отменил ее почитание. В 1909 году было восстановлено почитание святой Анны Кашинской. Торжества перенесения ее мощей привели в Кашин десятки тысяч богомольцев.

Великим торжеством Православной Церкви и благочестивого русского народа стало прославление преподобного *Серафима Саровского*. Еще при его земной жизни тысячи верующих, получавших от него духовную помощь, почитали его за святого. Чудеса на его могиле совершались непрестанно. В 1903 году Святейший Синод постановил причислить преподобного Серафима к лику святых. 1 августа, в день рождения Чудотворца, в Сарове состоялось открытие его мощей и перенесение их в уготованную гробницу. На эти торжества в глухую лесную обитель съезжались и сходились люди всех состояний и званий, от самых высокопоставленных в России до бездомных странников и нищих. Все дороги, ведущие в пустынь, на многие версты были заполнены сплошными толпами богомольцев. Много исцелений совершилось в день прославления в Сарове по молитвам к новоявленному чудотворцу и светильнику Русской земли.

В области церковного искусства знаменательным событием являлось так называемое «открытие иконы». В 1905 году в связи с разрешением старообрядцам строить новые храмы усилился интерес к древней иконописи, традиции которой старообрядцы хранили особенно бережно. Коллекционеры-старообрядцы *Рябушинский*, *Мамонтов*, *Морозов* – свозили в Москву не только незаписанные «строгановские иконы», но и потемневшие и записанные иконы более древнего происхождения. Реставраторы очищали их от копоти, потемневшей олифы, и наконец, научились освобождать образы от позднейших записей. Расчищенные новгородские иконы XV века поразили ценителей иконописи своим высоким искусством. Подлинным открытием явилась расчистка *Рублевской «Троицы»* из иконостаса Троицкого собора Сергиевой Лавры. От позднейших записей освобождены были лики Богомладенца и Богоматери на чудотворной Владимирской иконе.

В 1913 году в Москве открылась большая выставка древнерусского искусства, на которой показаны были и расчищенные древние иконы. У посетителей выставки словно пелена упала с глаз. Они увидели творения высокого искусства, которые приоткрывали завесу над духовной реальностью горнего мира.

«Открытие» древней иконы оказало влияние на работу художников-иконописцев. Самыми знаменитыми среди них были *В.М. Васнецов* и *М.В. Нестеров*. Они высоко ценили древнюю икону и в своем творчестве вдохновлялись ею, хотя их собственный живописный язык был совершенно иным. Более смелые попытки усвоить изобразительные приемы древней иконописи предпринимал *Н.К. Рерих*.

Для храмостроительства начала XX века характерны поиски новых архитектурных форм. Лучшие зодчие с несравненно большим искусством, чем прежде, в 60–80-е годы, воспроизводили древние типы русских храмов. В 1910–1913 годы в московских Сокольниках по проекту архитектора *П. Толстых* была воздвигнута церковь *Воскресения Христова*, одна из наиболее удачных свободных стилизаций под древнерусскую шатровую архитектуру. В ее основу положен древний тип четырехстолпного и трехапсидного храма. Большим мастерством в воспроизведении архитектурных форм древнерусского храмового зодчества отличался *А. Щусев*, построивший ансамбль Покрово-Марфинской обители в Москве, храм Преподобного Сергия на Куликовом поле, Троицкую церковь в Почаевской Лавре, мозаики для которой выполнил *Н.К. Рерих*.

На рубеже столетий постоянно рос интерес к древним церковным распевам. Особенно удачны опыты гармонизации древнего пения, предпринятые *А.Д. Кастальским* (1856–1926). Выдающимися церковными композиторами XX века были *П.Г. Чесноков*, *Калинников*, *Гречанинов*. Древнее осмогласное пение вдохновило великого композитора *С. Рахманинова* на написание его знаменитой «*Всенощной*».

§ 4. Русская Православная Церковь на пути к Поместному Собору

На протяжении двух веков синодальной эпохи церковное сознание православной иерархии, духовенства и паствы не мирилось с навязанной Церкви государственной опекой, с противоканонической формой высшей церковной власти, лишенной первосвященнического возглавления. В начале XX века громче стал раздаваться голос тех, кто выступал за возрождение соборности и восстановления Патриаршества. Мысль о созыве Поместного Собора разделяли виднейшие иерархи, лучшие пастыри, ученые богословы и церковно-общественные деятели из мирян.

Во главе российского епископата в эти годы стоял первоприсутствующий в Синоде митрополит *Петербургский Антоний (Вадковский)*. Он родился в 1846 году в семье священника Тамбовской епархии. Образование получил в Казанской Академии, завершив его защитой магистерской диссертации. Овдовев и потеряв детей, он в 1883 г. принял постриг. В 1887 году его назначили ректором Петербургской Академии с возведением в сан епископа Выборгского. С 1898 году после смерти митрополита *Петербургского Палладия (Раеева)*, Пресвященный Антоний занимал столичную кафедру.

Это был человек редкой доброты, мягкости и доступности, настоящий бессеребренник. Он посещал приюты, больницы, тюрьмы, раздавая нуждавшимся все свое архиерейское содержание. После кончины митрополита в 1912 году оказалось, что он, получавший самое высокое жалование среди русских архипастырей, не оставил никаких средств, так что погребать его пришлось за счет Александро-Невской Лавры. Ученый богослов со степенью доктора, митрополит Антоний был покровителем Духовных школ, богословской науки и церковной печати. Он болезненно переживал непомерное бюрократическое давление на Церковь со стороны обер-прокурора и светского правительства. В 1905 году Пресвященный Антоний возглавил церковное движение, направленное на возрождение соборности.

Правительственные сферы вынуждены были обратить внимание на нужды Церкви в связи с законодательством о свободе вероисповедания, подготовка которого началась в канун революции и завершилась апрельским манифестом 1905 года «*Об укреплении начал веротерпимости*». При подготовке манифеста выяснилось, что с его изданием Православная Церковь, находившаяся под жестким правительственным контролем, оказалась в худшем положении, чем привыкшие к большей независимости старообрядческие, инославные и даже иноверные общины.

Епископ *Сергий (Страгородский)*, выступая на религиозно-философских собраниях, прямо заявил, что объявить полную свободу совести «значило бы всем развязать руки, а деятелей Церкви оставить связанными». 17 февраля 1905 года на молебне в память обосновании Петербургской Академии ее ректор Епископ Сергий выступил с речью по поводу предстоявшего манифеста: «После столетий мирного пребывания под защитой закона, за крепкой стеной государственной охраны, наша Церковь выходит теперь беззащитная, не прикрытая никем, прямо на поле брани под удары врагов... В дальнейшем потребуют от нас уже не красных фраз и не заученных силлогизмов, не пестрого народа показной учености, от нас потребуют духа и жизни, потребуют веры... потребуют, чтобы мы писали не чернилами, да еще заимствованными, быть может, из чужих чернилниц, а кровью из нашей собственной груди».

В Особое совещание был приглашен первенствующий член Синода митрополит Антоний. Он заявил: «Если не изменить правового положения господствующей Церкви, она одна будет оставлена стесненной опекой государства». Эта опека связывает самостоятельность духовенства и «делает голос Церкви совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни». Митрополит подал меморандум, в котором потребовал «устранить или хотя бы несколько ослабить ту постоянную опеку и тот слишком бдительный контроль светской власти над жизнью церковной, который лишает Церковь самостоятельности и инициативы».

С.Ю. Витте в марте 1905 года подал составленную неизвестным автором пространную записку «*О современном положении Православной Церкви*», в которой резкой критике подвергались бюрократизация синодального правления и обер-прокурорский произвол.

В «Записке» выдвинута была мысль о созыве Собора и восстановлении Патриаршества. Болезненно задетый этим документом, обер-прокурор К.П. Победоносцев выступил с «Соображениями по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной

Церкви», в которых категорически отвергал целесообразность восстановления Патриаршества, утверждая, что Патриаршество противоречит «соборному началу в Церкви», а обер-прокурорский надзор является надежным гарантом коллегиальности и соборности. По ходатайству Победоносцева вопрос о проведении церковных реформ был изъят из ведения Особого совещания и переведен в Синод.

После трех заседаний Синода 22 марта 1905 года императору Николаю II был подан доклад с предложением «пересмотреть нынешнее государственное положение Церкви в России», «возглавить Синод Патриархом», и «созвать в Москве для обсуждения церковных преобразований Поместный Собор». 31 марта государь наложил на докладе резолюцию, в которой признавалась необходимость созыва Собора, но, по настоянию Победоносцева, царь объявил неудобным созыв Собора «в настоящее тревожное время». Николай II дал разрешение на открытие Предсоборного совещания.

Указом Синода от 27 июля 1905 года епархиальным архиереям было поручено представить свои соображения о желательных церковных преобразованиях. Отзывы архиереев поступили к концу года и сразу же были напечатаны. В них дана разумная и смелая оценка существовавшего положения. Резче всех о неканоничности синодального строя отозвался архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий). Решительное большинство архиереев высказалось за созыв Поместного Собора. Разногласия вызвал вопрос о составе Собора: одни Преосвященные настаивали на исключительно епископском его составе, другие предлагали призвать на Собор представителей клириков и мирян.

В обсуждении ожидавшихся церковных преобразований приняло участие и белое духовенство. На имя митрополита Антония была подана записка от лица петербургских священников, так называемой «группы 32-х», составленная в духе расплывчатого церковного либерализма, с развязной критикой прошлого и настоящего положения Русской Церкви, с демагогическим лозунгом всестороннего обновления, с призывом к духовенству сосредоточить внимание на проблемах земной жизни, с требованием ввести в Церковь выборное начало на всех уровнях. «Группа 32-х» высказалась против единоличной власти Патриарха. Патриарх, считали они, не должен быть чем-то большим, чем председателем Поместного Собора. Архиереи в своих «Отзывах» категорически отвергли домогательства церковных либералов.

17 декабря 1905 года Николай II дал аудиенцию трем высшим иерархам: митрополитам Петербургскому – Антонию, Московскому – Владимиру (Богоявленскому), Киевскому – Флавиану (Городецкому), и обсудил с ними вопрос о созыве Собора. Через 10 дней состоялась вторая встреча. Царь заверил митрополитов о том, что он считает неотложно необходимым проведение преобразований в структуре Церкви. 16 января 1906 года государь утвердил состав «Предсоборного присутствия» во главе с митрополитом Антонием. В него было включено 10 архиереев, 7 священников, 21 профессор богословия.

Предсоборное Присутствие заседало в Александро-Невской Лавре с марта по декабрь 1906 года. Участники заседаний единодушно высказались за восстановление Патриаршества. В Присутствии прозвучали решительные требования освободить Церковь от мелочной обер-прокурорской опеки. Большинство выступавших поддержало предложение о многократном увеличении числа епархий. Обсуждались также вопросы о благоустройстве приходской жизни, о состоянии Духовных школ. В основу работы Присутствия легли «Отзывы» архиереев. Главной темой совещаний была подготовка Поместного Собора. Но когда работа предсоборного присутствия завершилась и материалы его были предложены государю, он наложил резолюцию: «Нахожу созыв Собора неблагоприятным».

Через два дня после издания Октябрьского манифеста о гражданских свободах и созыве законодательной палаты – Государственной Думы К.П. Победоносцев, не одобливший этого шага, вышел в отставку с поста обер-прокурора. Его преемником стал князь Д.А. Оболенский, благожелательно относившийся к мысли о Соборе, но через полгода Оболенского сменил князь А.А. Ширинский-Шихматов, продержавшийся в обер-прокурорском кресле всего 2 месяца. С июля 1906 по 1909 годы обер-прокурором был П.И. Извольский, чиновник с либеральными воззрениями, относившийся к православному духовенству неблагоприятно, но оказавшись на закате жизни в эмиграции, он сам принял священство и скончался в 1928 году в Брюсселе приходским настоятелем. С 1909 по 1911 годы обер-прокурором Синода был С.М. Лукьянов, который пытался поддерживать хорошие отношения с Думой, откуда раздавалась крикливая и неосновательная критика в адрес Синода.

В 1911 году государь назначил обер-прокурором многоопытного синодального чиновника *В.К. Саблера* (1847–1929), который еще с 1881 года служил в канцелярии обер-прокурора. Многие годы он был ближайшим помощником К.П. Победоносцева, с изрядным административным талантом проводил его церковно-политический курс. С архиереями он умел ладить, и, несмотря на свое немецкое положение, в церковных кругах считался строго православным человеком. В 1905 году у него вышло разногласие с Победоносцевым по вопросу о созыве Собора. В.К. Саблер выступил тогда в поддержку иерархии, стремившейся к возрождению соборности. Поэтому назначение В.К. Саблера обер-прокурором в церковных кругах принято было с удовлетворением.

По инициативе нового обер-прокурора возобновилась подготовка Собора. Для этой цели 28 февраля 1912 года указом императора было созвано Предсоборное совещание под председательством архиепископа *Финляндского Сергия (Страгородского)*. Видными деятелями Совещания были архиепископы *Волынский – Антоний (Храповицкий)* и *Холмский – Евлогий (Георгиевский)*. На Совещании пересматривались материалы Присутствия 1906 года. Из них тщательно удалялись идеи, носившие оттенок церковного либерализма. Работы Совещания были прерваны начавшейся в июле 1914 года мировой войной.

Первые месяцы войны сопровождалась патриотическим подъемом, когда, казалось, возродилось всенародное единение, спасавшее Отечество в пору грозных испытаний. Синод благословил русское воинство на брань с врагом. Во главе военного духовенства стоял протопресвитер армии и флота *Г. Шавельский*. Сотни священников служили в действующей армии, совершали молебны и панихиды на полях сражений, духовно окормляли раненых и напутствовали умиравших в военных лазаретах. Тысячи монахинь и послушниц, рискуя жизнью, служили в лазаретах сестрами милосердия.

Затянувшаяся война оказалась неимоверно тяжелой. Народные силы были перенапряжены. Углубились кризисные явления: в обществе росло взаимное несогласие и вражда. Со стороны либеральных кругов, и не только в печати, но и в Думе, раздались обвинения высочайшей власти в измене, в тайном сговоре с Германией.

Излюбленным поводом для выпадов против царской семьи и придворных кругов служила одиозная личность *Григория Распутина*, малограмотного авантюриста из сибирских крестьян, хлыста и знахаря, который в 1910 году пришел в Петербург и вскоре получил доступ в аристократические круги: экзальтированные светские дамы принимали его за целителя и пророка. Его ввели во дворец, познакомили с членами императорского дома. Влияние Распутина на императрицу Александру объяснялось главным образом неизлечимой болезнью наследника. Царица верила, что Распутин в силах помочь Алексею. Распутин стал орудием беспринципных и корыстных интриганов. Через него им удавалось оказывать влияние на назначение министров и генералов. Влияние Распутина ощущалось и в церковно-административной сфере: в канцелярии обер-прокурора, в самом Синоде.

Подавляющее большинство епископов со скорбными чувствами смотрели на проделки Распутина. Наиболее решительные из них пытались противодействовать ему. Саратовский епископ Гермоген (Долганов), который по своей доверчивости некогда приблизил к себе этого проходимца, обманувшись его мнимыми духовными дарованиями, яснее разглядев нечистый источник этих дарований, потребовал от него прекратить скандальные похождения и удалиться из дворца. Когда же тот отверг требование архипастыря, Преосвященный анафематствовал его. Этот шаг архиерея вызвал неудовольствие при дворе. Епископ Гермоген был уволен из Синода.

Самую серьезную попытку оказать противодействие Распутину и убедить царя удалить от себя личность, которая компрометировала его в общественном мнении, предпринял митрополит Петербургский Владимир, преемник митрополита Антония. Митрополит *Владимир* (в миру *Василий Богоявленский*) родился в 1848 году в семье сельского священника Тамбовской епархии. После окончания Киевской Академии преподавал в родной Тамбовской Семинарии, потом священствовал на приходе: служил настоятелем Покровского собора в городе Козлове, привлекая прихожан глубиной и назидательностью проповедей, дышавших твердой верой, искренностью, задушевностью, пастырской любовью. После смерти жены и ребенка, он в 1886 году принял постриг и вскоре был назначен архимандритом Новгородского Антониева монастыря.

В 1888 году состоялась его хиротония в епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. Богослужения в храмах епархии он совершал всегда с особым молитвенным

благоговением. В 1891 году епископ Владимир был назначен на Саратовскую кафедру, где он с великим воодушевлением занимался религиозно-просветительской и благотворительной деятельностью. Во время холерной эпидемии святитель снискал всенародную любовь самоотвержением и бесстрашием, с которыми он кормил больных смертельно опасным заразным недугом, утешал и успокаивал перепуганных и растерянных жителей. В 1892 году Преосвященный Владимир был назначен экзархом Грузии и членом Синода. В Грузии ему удалось построить больше 100 храмов, открыть более 300 приходских школ.

С 1898 по 1912 годы он управлял Московской митрополией. В эти годы он решительно подавал голос за прославление угодников Божих: преподобного Серафима и благоверной княгини Анны Кашинской, ходатайствовал о канонизации священномученика Патриарха Гермогена. Во время его святительства в Москве был построен Епархиальный дом. В этом доме читались лекции, проводились беседы. В 1911 году под председательством митрополита Владимира был проведен Российский противоалкогольный съезд. Святитель был одним из самых деятельных иерархов, боровшихся с распространением пьянства в народе.

В Петербурге, переведенный после кончины митрополита Антония и назначенный первенствующим членом Синода, митрополит Владимир столкнулся с интригами распутинской клики. И он счел долгом внушить государю решимость удалить от себя Распутина. Попытка эта оказалась тщетной. После его беседы с царем последовало перемещение митрополита на Киевскую кафедру.

В январе 1918 году, вскоре после избрания Патриарха, митрополит Владимир, которого называли Всероссийским архипастырем, потому что он занимал последовательно три главных кафедры: Московскую, Петербургскую и Киевскую, был злодейски убит в Киеве бандитами-анархистами. Это был иерарх чистой и святой жизни.

В 1915 году на Петербургскую кафедру был назначен переведенный из Тифлиса Питирим (Окнов), которому благоволил Распутин. Попытка противодействовать Распутину стоила обер-прокурорского кресла А.Д. Самарину, известному своей широкой церковно-общественной деятельностью в славянофильском духе. А.Д. Самарин, сменивший В.К. Саблера, всего 3 месяца пробыл обер-прокурором. Его преемники А.П. Волжин (1915–1916) и особенно последний обер-прокурор царского правительства Н.П. Раев старались не ссориться с распутинской кликой.

2 марта 1917 года император Николай II отрекся от престола. Власть перешла к Временному правительству, образованному Государственной Думой.

9 марта Синод обратился к всероссийской пастве со словами: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути».

По настоянию обер-прокурора В.П. Львова, назначенного Временным правительством, в первые дни после Февральской революции были уволены Петроградский митрополит Питирим, Московский митрополит Макарий (Невский) и архиепископ Тобольский Варнава (Накропин). Начались массовые увольнения архиереев то под предлогом их, чаще всего надуманных, связей с Распутиным, то по обвинению в поддержке старого режима. Провозгласив всевозможные политические и гражданские свободы, правительство ужесточило давление на Церковь. 20 марта вышел закон об отмене ограничений в правах, связанных с религиозной и национальной принадлежностью. Тем самым Православная Церковь теряла свой привилегированный статус. Разрабатывался декрет о факультативном, вместо обязательного, преподавании Закона Божия. Многовековое единение Церкви и государства рушилось. Но Временное правительство пыталось сохранить за собой право контроля над внутренней жизнью Церкви. В глазах православных зависимость Церкви от Временного правительства, лишенного всякой сакральности, приобретала противоестественный характер.

Между тем, огульно обвиняя епископат в реакционности и опираясь на поддержку либеральных общественных кругов, а также обновленчески настроенной группы петроградского духовенства, обер-прокурор уже в апреле 1917 года начал настоящую войну с иерархией. Без согласия Синода он распорядился передать «Церковный вестник» из ведения Синода Петербургской Духовной Академии, а редактором журнала назначил известного своим либерализмом профессора Б. Титлинова. С этих пор «Вестник» стал рупором обновленческого движения; в нем печатались статьи с клеветой на прошлое Церкви, с грубыми нападениями на ее иерархический строй, с развязными обвинениями архиереев в монархизме.

В ответ на протест членов Синода против незаконной акции Львов распустил Синод, уволив митрополита Владимира и архиепископов Новгородского Арсения (Стадницкого), Литовского Тихона (Белавина) и Гродненского Михаила (Ермакова). В Синод были введены экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), а также пресвитеры и миряне. Из прежнего состава в Синоде остался архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), который и возглавил его.

29 апреля Синод обратился с Посланием к российской пастве, в котором призывал провести «выборное начало на всех уровнях церковного управления», в том числе и при замещении архиерейских кафедр. Во многих епархиях выборы проходили в нецерковной обстановке. Обновленческие настроения захватили часть мирян и клириков, особенно низших – псаломщиков, пономарей. В церковной печати раздавались призывы ввести белый епископат и даже упразднить монашество. При таком помрачении церковного сознания многие из достойных иерархов оказались забаллотированными. Под предлогом самых вздорных обвинений в Тверской епархии голосами псаломщиков был уволен с кафедры архиепископ Серафим (Чичагов). Им недовольны были за строгие требования, которые он предъявлял к кандидатам священства.

Но среди иерархов, избранных в это беспокойное время, были и архиереи выдающихся церковно-административных способностей, преданные Церкви, любимые в православном народе. На Петроградскую кафедру голосами питерской бедноты был избран архиепископ *Вениамин (Казанский)*, на Московскую – архиепископ *Тихон (Белавин)*. Архиепископов Вениамина, Тихона и экзарха Грузии Платона возвели в сан митрополита.

29 апреля 1917 года Святейший Синод принял решение о подготовке к Поместному Собору. В июне открылись заседания Предсоборного совета, в который вошли видные иерархи, профессора Академий, представители монашества, белого духовенства и церковно-общественные деятели из мирян.

5 июля по докладу Предсоборного совета Синод принял постановление открыть Собор в Москве в день Успения Пресвятой Богородицы.

Синодальная эпоха в истории Русской Православной Церкви доживала последние дни. Ее конец совпал с устранением самодержавия. В прошлое уходила и просуществовавшая более полутора тысячелетий в православном мире симфония Церкви и государства. Синодальная система церковного управления, искажившая внутреннюю духовную суть симфонии, явилась переходом к совершенно новым условиям бытия Церкви в мире.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ

Год Численность населения В том числе православных

1724	ок. 14000000	—
1762	ок. 19000000	—
1812	ок. 41000000	—
1858	ок. 74000000	ок. 53000000
1862	82172022	ок. 59000000
1897	128924289	ок. 89000000
1910	163778800	—
1912	—	99166662
1914	ок. 178400000	—

II. КОЛИЧЕСТВО ЦЕРКВЕЙ И ЧАСОВЕН

Год	Церквей	Часовен
1722	15761	—
1738	16901	—
1764	15761	—
1776	20907	—
1784	21141	—
1825	27585	—
1850	35775	—
1870	38613	13229
1890	45037	18979
1898	46000	—
1908	61959	20610

III. ЧИСЛЕННОСТЬ ДУХОВЕНСТВА

Год	Священников	Диаконов	Церковно- служителей	Всего
1722	—	—	—	61111
1738	—	—	—	124923
1764	—	—	—	67111
1784	—	—	—	84131
1825	32672	14047	54321	101040
1850	36243	14302	63416	113961
1870	37537	13755	59930	115619
1880	39208	9152	50105	98465
1890	41987	12970	43935	98892
1898	44678	14361	43619	102682
1908	48879	14779	44248	107906

IV. ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ

Год	Академий	Семинарий	Духовных училищ	Студентов академий	Семинаристов	Учеников духовных училищ	Академий	Семинарий	Духовных училищ
1738	2	17	—	—	2589	—	—	—	—
1764	2	26	—	—	ок. 6000	—	—	—	—
1807	4	46	—	—	24167	—	—	—	—
1825	3	39	128	—	—	—	—	—	—
1850	4	47	182	383	16702	24737	77	682	866
1869	4	51	189	395	14800	27900	96	739	1338
1881	4	53	183	950	14914	30582	134	963	1768
1894	4	56	186	901	18749	30869	131	1091	1827
1908	4	57	185	873	19892	30765	152	1212	2056
1912	4	57	185	935	21850	28833	165	1426	2362
1914	4	57	185	995	22734	—	—	1448	2374

V. МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО

Год	Мужских монастырей	Женских монастырей	Всего	Монахов	Послушников	Монахинь	Послушниц	Всего
1701	965*	236*	1201*	—	—	—	—	—
1724	—	—	—	—	—	—	—	25207
1738	—	—	—	—	—	—	—	14282
1764	319*	68*	387*	—	—	—	—	12392
1796	—	—	—	—	—	—	—	5861
1810	358	94	452	—	—	—	—	—
1840	435	112	547	5122	3259	2287	4583	15251
1850	464	123	587	4878	5018	2303	6230	18530
1855	415	129	544	—	—	—	—	—
1865	449	138	587	—	—	—	—	—
1894	511	263	774	7582	6696	8319	21957	44554
1908	523	408	928	9729	8739	12712	39781	72061
1912	529	456	985	10998	10203	15003	55450	91654
1914	550	475	1025	11845	9485	17283	56016	94629

* — без Южной и Западной России.

VI. ХРОНОЛОГИЯ ОТКРЫТИЯ ЕПАРХИЙ

а) епархии, открытые до Синодальной эпохи

1. Киевская (988 г.).
2. Черниговская (992 г.).
3. Новгородская (992 г., с 1770 по 1898 годы – вместе с Петербургской, с 1898 года – самостоятельная).
4. Ростовская (992 г., в 1787 году переименована в Ярославскую).
5. Волынская (992 г., кафедра во Владимире-Волынском, 1515–1616, 1639–1795 годы – в унии, с 1795 года – православная, в 1848–1860 годы – в Варшавской епархии, с 1860 года – самостоятельная кафедра в Житомире).
6. Переяславская (после 1037 года, просуществовала до 1261 года, с 1701 года – викарная кафедра Киевской епархии, в 1733–1785 годы – самостоятельная, в 1785–1799 годы – снова викарная, с 1799 года – самостоятельная, с 1803 года переименована в Полтавскую).
7. Полоцкая (1104 г., в 1596–1620, 1661–1833 годы – в унии с Римом, с 1833 года – православная).
8. Смоленская (1137 г.).
9. Рязанская (между 1198 и 1207 годами, до 1291 года – кафедра в Муроме).
10. Владимирская (1214, с 1314 по 1748 годы – в Суздальской епархии, в 1748 году восстановлена).
11. Холмская (1233, 1650–1875 годы – в унии, с 1875 года – Люблинский викариат в Холмско-Варшавской епархии, с 1905 года – самостоятельная).
12. Сарская и Подонская (1261, с 1454 года кафедра в Крутицах, в 1764 году переименована в Крутицкую, в 1788 году упразднена).
13. Тверская (1271 г.).
14. Суздальская (1347 г., в 1788 году упразднена).
15. Коломенская (1353 г., в 1799 г. упразднена).
16. Пермская (1383 г., кафедра в Усть-Выме, с 1472 года – в Вологде, 1556 года переименована в Вологодскую, с 1799 года восстановлена с кафедрой в Перми).
17. Московская (с 1325 года Москва – резиденция Киевского митрополита, с 1461 года – митрополия Московская и всея Руси, с 1589 по 1721 годы – патриаршая область, с 1721 по 1742 годы – синодальная область, с 1742 года – Московская епархия).
18. Казанская (1555 г.).
19. Вологодская (с 1472 года – кафедра Пермской епархии, с 1556 года – Вологодская).
20. Псковская (1589 г.).
21. Астраханская (1602 г.).
22. Тобольская (1620 г.).
23. Могилевская (1632 г.).
24. Вятская (1657 г.).
25. Белгородская (1667 г., в 1787 году переименована в Курскую).
26. Нижегородская (1672 г.).
27. Воронежская (1682 г.).
28. Тамбовская (1682 г., в 1699 году упразднена, в 1758 году восстановлена).
29. Холмогорская (1682 г., в 1731 году переименована в Архангельскую).
30. Великоустюжская (1682 г., в 1788 году упразднена).

б) епархии, открытые в Синодальную эпоху:

1. Иркутская (с 1707 по 1727 годы – викариатство, с 1727 года – самостоятельная).
2. Петербургская (1742 г., с 1770 по 1898 годы соединена с Новгородской, с 1898 года – самостоятельная, с 1914 года – Петроградская).
3. Костромская (1744 г.).
4. Минская (1793 по 1799 годы – викариатство Киевской епархии, с 1799 года – самостоятельная).
5. Подольская (1795 г., кафедра в Каменце-Подольском).

6. Кадыжская (1796 по 1799 годы – викариатство Иркутской епархии, с 1840 годы – Алеутское викариатство Камчатской епархии, с 1870 годы – Алеутская и Северо-Американская епархия с кафедрой в Сан-Франциско, с 1903 года – кафедра в Нью-Йорке).
7. Калужская (1799 г.).
8. Тульская (1799 г.).
9. Пензенская (1799 г.).
10. Орловская (1799 г.).
11. Слободская-Украинская (1799 г., в 1833 году переименована в Харьковскую, кафедра с 1799 года в Харькове).
12. Оренбургская (1799 г., с 1799 по 1858 годы, кафедра в Уфе, с 1858 года – в Оренбурге).
13. Екатеринославская (с 1775 года – Славянская епархия с кафедрой в Полтаве, в 1783–1798 годах – Екатеринославская, в 1798–1803 годах – Новороссийская, с 1803 года – Екатеринославская).
14. Кишиневская (1813 г.).
15. Саратовская (1828 г.).
16. Донская (1829 г., кафедра в Новочеркасске).
17. Томская (1832 г.).
18. Херсонская (1837 г., кафедра в Одессе).
19. Симбирская (1838 г.).
20. Литовская (1839 г., кафедра в Вильне).
21. Камчатская (1840 г., в 1898 году переименована в Благовещенскую).
22. Варшавская (1840 г., с 1840 по 1905 годы – Холмско-Варшавская с кафедрой Варшаве, с 1905 года – Варшавская).
23. Кавказская (1842 г., кафедра – Ставрополь, в 1886 году переименована в Ставропольскую).
24. Рижская (1850 г.).
25. Самарская (1850 г.).
26. Уфимская (с 1799 по 1858 годы в Уфе – кафедра Оренбургской епархии, с 1858 года – самостоятельная Уфимская епархия).
27. Таврическая (1859 г., кафедра в Симферополе).
28. Енисейская (1861 г., кафедра в Красноярске).
29. Якутская (1869 г.).
30. Туркестанская (1871 г., кафедра с 1871 по 1916 годы в Верном, с 1916 года – в Ташкенте).
31. Екатеринбургская (1885 г.).
32. Финляндская (1892 г., кафедра в Гельсингфорсе (Хельсинки)).
33. Владикавказская (с 1875 года во Владикавказе, викариатство Грузинского экзархата, с 1894 года – самостоятельная епархия).
34. Забайкальская (1894 г., кафедра в Чите).
35. Владивостокская (1898 г.).
36. Олонская (1898 г., кафедра в Петрозаводске).
37. Гродненская (1900 г.).

в) епархии Грузинского экзархата

1. Карталинская (епархия экзарха) (1811 г., кафедра в Тифлисе).
2. Имеретинская (1821 г., кафедра в Кутаиси).
3. Сухумская (1885 г.).
4. Бакинская (1907 г.).

VII. АРХИЕРЕИ ВАЖНЕЙШИХ ЕПАРХИЙ

а) митрополиты Новгородские (с 1721 г. первенствующие в Синоде)

1. Иов (1697–1716 гг.).
2. Феодосий (Яновский) (1721–1725 гг.) (архиепископ).
3. Феофан (Прокопович) (1725–1736 гг.) (архиепископ).
4. Амвросий (Юшкевич) (1737–1745 гг.) (архиепископ).
5. Стефан (Калиновский) (1745–1753 гг.) (архиепископ).
6. Димитрий (Сеченов) (1757–1767) (с 1757 по 1762 годы – архиепископ, с 1762 года – митрополит).
7. Гавриил (Петров) (1775–1800) (с 1775 по 1783 годы – архиепископ Новгородский и Петербургский, с 1783 по 1799 годы – митрополит Новгородский и Петербургский, с 1799 по 1800 годы – митрополит Новгородский) (с 1775 по 1898 гг. епархия Новгородская соединена с Петербургской, с короткими перерывами).

б) митрополиты Петербургские (первенствующие в Синоде с 1775 года)

1. Никодим (Сребницкий) (1742–1745) (архиепископ).
2. Феодосий (Яновский) (1745–1750) (архиепископ).
3. Сильвестр (Кулябка) (1750–1761) (архиепископ).
4. Вениамин (Пуцек-Григорович) (1761–1762) (архиепископ).
5. Гавриил (Кременецкий) (1762–1770) (архиепископ).
6. Гавриил (Петров) (1770–1799) (с 1770 г. по 1775 годы – архиепископ Петербургский, 1775–1783 годы – архиепископ Новгородский и Петербургский, с 1783 года – митрополит).
7. Амвросий (Подобедов) (1799–1818), (1799–1800 годы – архиепископ Петербургский, 1800–1801 годы – архиепископ Новгородский и Петербургский, с 1801 года – митрополит).
8. Михаил (Десницкий) (1818–1821).
9. Серафим (Глаголевский) (1821–1843).
10. Антоний (Рафальский) (1843–1848).
11. Никанор (Клементьевский) (1848–1856).
12. Григорий (Постников) (1856–1860).
13. Исидор (Никольский) (1860–1892).
14. Палладий (Раев) (1892–1898).
15. Антоний (Вадковский) (1898–1912).
16. Владимир (Богоявленский) (1912–1915) (с 1914 года – митрополит Петроградский).
17. Питирим (Окнов) (1915–1917) (Петроградский).
18. Вениамин (Казанский) (1917–1922) (Петроградский).

в) митрополиты Московские

1. Иосиф (Волчанский) (1742–1745) (архиепископ).
2. Платон (Малиновский) (1748–1754) (архиепископ).
3. Тимофей (Щербацкий) (1757–1767).
4. Амвросий (Зертис-Каменский) (1767–1771) (архиепископ).
5. Платон (Левшин) (1775–1812) (1775–1787 годы – архиепископ, с 1787 года – митрополит).
6. Августин (Виноградский) (1819–1821) (архиепископ).
7. Серафим (Глаголевский) (1819–1821).
8. Филарет (Дроздов) (1821–1867) (1821–1826 годы – архиепископ, с 1826 года – митрополит).
9. Святитель Иннокентий (Вениаминов) (1868–1879).
10. Макарий (Булгаков) (1879–1882).
11. Иоанникий (Руднев) (1882–1891).
12. Леонтий (Либединский) (1891–1893).
13. Сергей (Ляпидевский) (1893–1898).
14. Владимир (Богоявленский) (1898–1912).

15. Макарий (Невский) (1912–1917).

16. Тихон (Белавин) (1917).

г) митрополиты Киевские

1. Варлаам (Ясинский) (1690–1707).

2. Иоасаф (Кроковский) (1708–1718).

3. Варлаам (Вонатович) (1722–1730) (архиепископ).

4. Рафаил (Заборовский) (1731–1747) (1731–1743 годы – архиепископ, с 1743 года – митрополит).

5. Тимофей (Щербацкий) (1748–1757).

6. Арсений (Могилянский) (1757–1770).

7. Гавриил (Кременецкий) (1770–1783) (архиепископ).

8. Самуил (Миславский) (1783–1796).

9. Иерофей (Малицкий) (1796–1799).

10. Гавриил (Бодони-Бонулеско) (1799–1803).

11. Серапион (Александровский) (1803–1822).

12. Евгений (Болховитинов) (1822–1837).

13. Филарет (Амфитеатров) (1837–1857).

14. Исидор (Никольский) (1858–1860).

15. Арсений (Москвин) (1860–1876).

16. Филофей (Успенский) (1876–1882).

17. Платон (Городецкий) (1882–1891).

18. Иоанникий (Руднев) (1891–1900).

19. Феогност (Лебедев) (1900–1903).

20. Флавиан (Городецкий) (1903–1915).

21. Владимир (Богоявленский) (1915–1918).

VIII. ОБЕР-ПРОКУРОРЫ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА

1. И.В. Болтин (1722–1725).
2. А. Баскаков (1725–1726).
3. Р. Раевский (1726) (прокурор).
4. Н.С. Кречетников (1741) (назначен, но не вступил в должность).
5. князь Я.П. Шаховский (1741–1753).
6. А.И. Львов (1753–1758).
7. князь А.С. Козловский (1758–1763).
8. И.И. Мелиссино (1763–1768).
9. П.П. Чебышев (1768–1774).
10. С.В. Ахчурин (1774–1786).
11. А.И. Наумов (1786–1791).
12. граф А.И. Мусин-Пушкин (1791–1797).
13. князь В.А. Хованский (1797–1799).
14. Д.И. Хвостов (1799–1802).
15. А.А. Яковлев (1803).
16. князь А.И. Голицын (1803–1817) (1817–1824 – министр).
17. князь П.С. Мещерский (1817–1833).
18. С.Д. Нечаев (1833–1836).
19. граф Н.А. Протасов (1836–1855).
20. А.И. Карасевский (1855–1856).
21. граф А.П. Толстой (1856–1862).
22. А.П. Ахматов (1862–1865).
23. граф Д.А. Толстой (1865–1880).
24. К.П. Победоносцев (1880–1906).
25. князь А.Д. Оболенский (1905–1906).
26. князь А.А. Ширинский-Шихматов (1906).
27. П.П. Извольский (1906–1909).
28. С.М. Лукьянов (1909–1911).
29. В.К. Саблер (1911–1915).
30. А.Д. Самарин (1915).
31. А.И. Волжин (1915–1916).
32. Н.П. Раев (1916–1917).
33. В.Н. Львов (1917).
34. А.В. Карташев (1917).

IX. СВЯТЫЕ, ПОДВИЖНИКИ, ИЕРАРХИ И ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ СИНОДАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Святой равноапостольный Николай (Касаткин) Японский (1836–1911).
Святитель Митрофан (Сидоровский) Воронежский (1623–1703).
Святитель Димитрий (Туптало) Ростовский (1651–1709).
Святитель Иоанн (Максимович) Тобольский (1651–1715).
Святитель Иннокентий (Кульчицкий) Иркутский (1680–1731).
Святитель Иоасаф (Горленко) Белгородский (1705–1754).
Святитель Софроний (Кристалевский) Иркутский (1704–1771).
Святитель Тихон (Соколов) Задонский (1724–1783).
Святитель Мелетий (Леонтович) Харьковский (1784–1840).
Святитель Иннокентий (Вениаминов) Московский (1797–1879).
Преподобный Серафим (Мошнин) Саровский (1759–1833).
Преподобный Герман Аляскинский (1757–1837).
Святой праведный Иоанн Русский (ум. 1730).
Блаженная Ксения (Петрова) Петербургская (XVIII в.).
Святой преподобномученик Пахомий Русский, Афонский (ум. 1780).
Патриарх Тихон (Белавин) (1865–1925).
Патриарх Сергей (Страгородский) (1867–1944).
Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Стефан (Яворский) (1658–1722).
Митрополит Иов (ум. 1716).
Святитель Филофей (Лещинский) (в схиме Феодор) Иркутский (1650–1727).
Митрополит Георгий (Дашков) (ум. 1739).
Митрополит Тимофей (Щербацкий) (1698–1767).
Митрополит Димитрий (Сеченов) (1709–1767).
Святитель Павел (Конюсевич) Тобольский (1705–1770).
Митрополит Арсений (Мацеевич) (1697–1772).
Митрополит Самуил (Миславский) (1731–1796).
Митрополит Гавриил (Петров) (1730–1801).
Митрополит Платон (Левшин) (1737–1812).
Митрополит Амвросий (Подобедов) (1746–1818).
Митрополит Михаил (Десницкий) (1762–1821).
Митрополит Феофилакт (Русанов) (1764–1821).
Митрополит Евгений (Болховитинов) (1767–1837).
Митрополит Филарет (Амфитеатров), в схиме Феодосий (1779–1857).
Митрополит Григорий (Постников) (1784–1860).
Митрополит Филарет (Дроздов) (1782–1867).
Митрополит Иосиф (Семашко) (1798–1868).
Митрополит Арсений (Москвин) (1797–1876).
Митрополит Макарий (Булгаков) (1816–1882).
Митрополит Платон (Городецкий) (1803–1891).
Митрополит Исидор (Никольский) (1799–1892).
Митрополит Иоанникий (Руднев) (1826–1900).
Митрополит Антоний (Вадковский) (1846–1912).
Митрополит Владимир (Богоявленский) (1848–1918).
Митрополит Вениамин (Казанский) (1874–1922).
Митрополит Трифон (Туркестанов) (1861–1934).
Митрополит Антоний (Храповицкий) (1864–1936).
Митрополит Нестор (Анисимов) (1885–1962).
Архиепископ Феодосий (Яновский) (1650–1727).
Архиепископ Феофан (Прокопович) (1681–1736).
Архиепископ Феофилакт (Лопатинский) (ум. 1741).
Архиепископ Амвросий (Юшкевич) (1690–1745).
Архиепископ Георгий (Конисский) (1717–1795).

Архиепископ Антоний (Смирницкий) (1773–1846).
 Архиепископ Иннокентий (Борисов) (1800–1855).
 Архиепископ Филарет (Гумилевский) (1805–1866).
 Архиепископ Афанасий (Дроздов) (1800–1876).
 Архиепископ Димитрий (Муретов) (1811–1883).
 Архиепископ Никанор (Бровкович) (1824–1890).
 Архиепископ Маркелл (Поппель) (1825–1908).
 Архиепископ Иларион (Троицкий) (1886–1929).
 Епископ Питирим Нижегородский (ум. 1738).
 Епископ Иннокентий (Нерунович) (ум. 1747).
 Епископ Симон (Тодорский) (1701–1754).
 Епископ Иоасаф (Болотов) (ум. 1799).
 Епископ Иннокентий (Смирнов) (1784–1819).
 Епископ Амвросий (Орнатский) (1778–1827).
 Епископ Иоанн (Соколов) (1818–1866).
 Епископ Игнатий (Брянчанинов) Кавказский (1807–1867).
 Епископ Порфирий (Успенский) (1804–1885).
 Епископ Михаил (Лузин) (1830–1887).
 Епископ Феофан (Говоров) Затворник (1815–1894).
 Епископ Михаил (Грибановский) (1856–1896).
 Епископ Сильвестр (Малеванский) (1828–1908).
 Епископ Гермоген (Долганов) (1858–1918).
 Схиеромонах Иисус (Иов) (1635–1726).
 Иеромонах Феодор (Ушаков) (1718–1791).
 Схиархимандрит Паисий (Величковский) (1722–1794).
 Архимандрит Фотий (Спасский) (1792–1838).
 Схиеромонах Леонид (Лев) (Наголкин) Оптинский (1768–1841).
 Архимандрит Макарий (Глухарев) (1792–1848).
 Схиеромонах Парфений (Краснопевцев) (1790–1855).
 Схиеромонах Макарий (Иванов) Оптинский (1788–1860).
 Архимандрит Моисей (Путилов) Оптинский (1782–1862).
 Архимандрит Антонин (Капустин) (1818–1894).
 Иеромонах Варнава (Меркулов) (1831–1906).
 Георгий (Машурин) Задонский Затворник (монах Стратоник).
 Старец Иларион Троекуровский (1774–1853).
 Старец схимонах Силуан (Антонов) Афонский (1866–1938).
 Протопресвитер В.Б. Баженов (1800–1883).
 Протопресвитер И.Л. Янышев (1826–1910).
 Протоиерей П.И. Турчанинов (1779–1856).
 Протоиерей А.В. Горский (1812–1875).
 Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский (1829–1908).
 Священник А.В. Гумилевский (1830–1869).
 Священник П.А. Флоренский (1882–1943).
Д.С. Бортнянский (1751–1825).
А.Н. Голицын, князь (1773–1844).
Н.А. Протасов, граф (1798–1855).
И.В. Киреевский (1806–1856).
А.С. Хомяков (1804–1860).
А.Ф. Львов (1798–1870).
Д.А. Толстой, граф (1823–1889).
К.Н. Леонтьев (монах Климент) (1831–1891).
В.В. Болотов (1853–1900).
В.С. Соловьев (1853–1900).
И.Е. Троицкий (1832–1902).
К.П. Победоносцев (1827–1907).
А.П. Лебедев (1845–1908).

П.В. Знаменский (1836–1910).
Е.Е. Голубинский (1834–1912).
Н.Ф. Каптеров (1847–1917).
А.Л. Катанский (1836–1919).
В.И. Несмелов (1869–1920).
А.Д. Кастальский (1856–1926).
В.К. Саблер (1847–1929).
А.Д. Самарин (1868–1932).
М.М. Тареев (1866–1934).
Н.Н. Глубоковский (1863–1937).
А.В. Карташев (1875–1960).
Игуменья Екатерина (графиня Ефимьевская) (ум. 1925).
Игуменья Евгения (княгиня Мещерская) (ум. 1837).

Х. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 1700 – кончина Патриарха Адриана и назначение Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополита Рязанского Стефана (Яворского).
- 1701 – восстановление Монастырского приказа.
- 1702 – издание указа Петра I о веротерпимости.
- 1720 – составление «Духовного регламента».
- 1721 – учреждение Святейшего Синода.
- 1722 – издание «Прибавление к Духовному регламенту».
- 1723 – признание Святейшего Синода Восточными Патриархами.
- 1724 – перенесение мощей святого князя Александра Невского в Петербург.
- 1751 – издание «Елизаветинской Библии».
- 1757 – прославление святителя Димитрия Ростовского.
- 1763 – суд над митрополитом Ростовским Арсением (Мацеевичем).
- 1764 – секуляризация церковных земель (Издание Указа о церковных владениях).
- 1786 – секуляризация церковных земель в Малороссии.
- 1788 – секуляризация церковных земель в Слободской Украине.
- 1793 – учреждение Алеутской Духовной миссии.
- 1797 – преобразование Петербургской и Казанской Семинарий в Академии.
- 1798 – прославление преподобного Феодосия Тотемского.
- 1804 – прославление святителя Иннокентия Иркутского.
- 1808 – начало проведения реформы духовного образования.
- 1809 – преобразование Петербургской Духовной Академии.
- 1811 – учреждение Грузинского экзархата.
- 1813 – открытие Библейского общества в России.
- 1814 – преобразование Московский Духовной Академии и перевод ее в Троице-Сергиеву Лавру.
- 1817 – учреждение «двойного» министерства духовных дел и народного просвещения.
- 1819 – преобразование Киевской Духовной Академии.
- 1826 – закрытие Библейского общества.
- 1826 – учреждение Духовной миссии на Алтае.
- 1831 – возвращение Почаевской Лавры Православной Церкви.
- 1832 – прославление святителя Митрофана Воронежского.
- 1839 – собор в Полоцке, Воссоединение униатов с Православной Церковью.
- 1840 – издание новых Правил Духовно-учебных школ.
- 1842 – преобразование (вторичное открытие) Казанской Духовной Академии
- 1842 – введение монастырских штатов в западных епархиях.
- 1848 – учреждение Духовной миссии в Иерусалиме.
- 1857 – возобновление работы над переводом Библии на русский язык.
- 1861 – прославление святителя Тихона Задонского.
- 1869 – учреждение Духовной миссии в Японии.
- 1869 – проведение реформы духовного образования.
- 1875 – воссоединение униатов Холмщины с Православной Церковью.
- 1877 – издание Библии на русском языке.
- 1884 – издание Правил о церковно-приходских школах.
- 1884 – издание новых Уставов Духовных школ.
- 1896 – прославление святителя Феодосия Черниговского.
- 1901 по 1903 – религиозно-философские собрания.
- 1903 – прославление преподобного Серафима Саровского.
- 1905 – издание Закона о свободе вероисповеданий.
- 1906 – Предсоборное присутствие.
- 1908 – ревизия Духовных Академий.
- 1909 – перенесение мощей святой благоверной княгини Анны Кашинской.
- 1910 – издание нового Устава Духовных Академий.
- 1911 – прославление святителя Иоасафа Белгородского.

1912 по 1914 – Предсоборное собрание.
1913 – прославление священномученика Патриарха Гермогена.
1914 – прославление святителя Питирима Тамбовского.
1916 – прославление святителя Иоанна Тобольского.
1917 – Предсоборный совет.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Знаменский П.В. Руководство по Русской церковной истории. – Казань, 1912.
- Добротворский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. Т.4. Синодальный период 1700–1890. – М., 1893.
- Филарет (Гумилевский), архиепископ. История Русской Церкви. В 5 тт. – М., 1896.
- Малицкий В.А. Руководство по истории Русской Церкви. Изд. 3. – Тула, 1889.
- Рункевич С.Т. История Русской Церкви в синодальный период. Т.1. – СПб., 1900.
- Жизнеописания подвижников благочестия XVIII-XIX вв. Январь-декабрь. – СПб., 18–19.
- Поселянин Е. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке. – СПб., 1905.
- Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. – СПб., 1910.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. – Париж, 1937.
- Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. – СПб., 1896.
- Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. – Казань, 1881.
- История Российской иерархии. Т. 1–6. – М., 1807–1815.
- Филарет (Дроздов) митрополит. Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. Тт. 1–4 и доп. том. – М., 1885–1888.
- Порфирий Успенский, епископ. Книга бытия моего. Тт. 1–8. – СПб., 1894–1902.
- Савва (Тихомиров) архиепископ. Хроника моей жизни в 9 томах. – Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1897–1911.
- Никанор (Бровкович) архиепископ. Биографические материалы. Т.1. – СПб., 1900.
- Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Тт. 1–3 и доп. том. – СПб., 1906.